

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ESIL UNIVERSITY

2025 жылдың 26 қыркүйек күні

**ҚР Ұлттық ғылым академиясының академигі, экономика
ғылымдарының докторы, профессор Г.С. Сейтқасымовтың 85 жылдығына арналған
«СЕЙТҚАСИМОВ ОҚУЛАРЫ – 2025»**

**«ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ
ТҰРАҚТЫ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУЫ»
тақырыбы бойынша Халықаралық ғылыми- практикалық
конференциясының материалдары**

**Материалы Международной научно-практической конференции
«СЕЙТКАСИМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025»
«УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»,
посвященной 85 летию академика НАН РК,
доктора экономических наук, профессора Сейткасимова Г.С.
26 сентября 2025 года**

**Materials of the International Scientific-Practical Conference
SEITKASSIMOV READINGS – 2025
«SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF
KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION»,
dedicated to the 85th Anniversary of academician of the National
academy of Sciences of the RK, doctor of economics,
professor Seitkassymov G.
26th of September, 2025**

1 том / Volume 1

Астана 2025

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

2025 жылдың 26 қыркүйек күні

ҚР Ұлттық ғылым академиясының академигі, экономика
ғылымдарының докторы, профессор Ғ.С. Сейтқасымовтың 85 жылдығына
арналған «СЕЙТҚАСИМОВ ОҚУЛАРЫ – 2025»

**«ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ
ТҮРАҚТЫ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУЫ»** тақырыбы
бойынша *Халықаралық ғылыми-практикалық
конференциясының материалдары*

Материалы Международной научно-практической конференции

«СЕЙТКАСИМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025»

**«УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»,**
посвященной 85 летию академика НАН РК, доктора экономических наук,
профессора Сейткасимова Г.С.

26 сентября 2025 года

Materials of the International Scientific-Practical Conference

SEITKASSIMOV READINGS – 2025

**«SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF
KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION»,**
dedicated to the to the 85th Anniversary of academician of the National
academy of Sciences of the RK, doctor of economics,

professor Seitkassymov G.

26th of September, 2025

1 том / Volume 1

Астана 2025

УДК 33:004
ББК 65:32:973
Ц42

Редакционная коллегия:

Таубаев А.А. – ректор учреждения «Esil University» доктор экономических наук, профессор
Мақыш С.Б. – первый проректор – проректор по учебной работе, доктор экономических наук, профессор
Турекулова Д.М. – проректор по научной работе и интернационализации, доктор экономических наук, профессор
Алдабергенов Е.К. – главный специалист Отдела организации НИР

«Сейткасымов оқулары – 2025»: Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция.

«Сейткасымовские чтения – 2025»: Международная научно-практическая конференция. – Астана: «Esil University» БПО, 2025. – 259б. // Астана: ИПЦ «Esil University», 2025. – 259с.

ISBN 978-601-7625- 96-2

ҚР ҰҒА Академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор Сейткасымов Ғабдығалар Сағитұлының 85 жылдығына арналған «Сейткасымов оқулары - 2025» халықаралық ғылыми-практикалық конференциясының материалдар жинағына Қазақстан мен әлемнің әлеуметтік-экономикалық дамуының өзекті мәселелеріне арналған ғылыми баяндамалар енгізілді. Ерекше назар экономика мен қаржы секторының цифрлық трансформациясына, ақша-несие және салық саясатына, банк қызметін құқықтық реттеуге, тұрақты даму мен инновациялық экономикаға, сондай-ақ мемлекеттік сектордағы стратегиялық және бюджеттік жоспарлау мәселелеріне аударылды.

Жинақ материалдарын ғылыми қызметкерлер, оқытушылар және барлық деңгейдегі білім алушылар ғылыми-зерттеу жұмысында пайдалана алады.

В сборник материалов Международной научно-практической конференции «Seitkasymov Readings – 2025», посвящённой 85-летию академика НАН РК, доктора экономических наук, профессора Габдыгапара Сагитовича Сейткасымова, вошли научные доклады по актуальным вопросам социально-экономического развития Казахстана и мира в условиях новых вызовов и кризисных потрясений. Особое внимание уделено цифровой трансформации экономики и финансового сектора, денежно-кредитной и налоговой политике, правовому регулированию банковской деятельности, устойчивому развитию и инновационной экономике, а также вопросам стратегического и бюджетного планирования в государственном секторе.

Материалы сборника могут быть использованы в научно-исследовательской работе научными работниками, преподавателями и обучающимися всех уровней.

The proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Seitkasymov Readings – 2025,” dedicated to the 85th anniversary of Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, Professor Gabdygapar Sagitovich Seitkasymov, include research papers on pressing issues of the socio-economic development of Kazakhstan and the world amid new challenges and crisis shocks. Particular attention is paid to the digital transformation of the economy and the financial sector, monetary and tax policy, the legal regulation of banking activities, sustainable development and the innovation economy, as well as matters of strategic and budgetary planning in the public sector.

The materials in the proceedings may be used in research activities by researchers, faculty, and learners at all levels.

Конференция материалдары автордың түпнұсқасы негізінде басылып шығарылған

Материалы конференции отпечатаны с авторских оригиналов

The conference materials have been printed from the authors’ originals.

ISBN 978-601-7625- 96-2

**УДК 33:004
ББК 65:32:973**

© «Esil University» мекемесі, 2025
© «Esil University» БПО, 2025

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Депутата мажилиса Парламента Республики Казахстан,
д.э.н., профессора
Б.Т. Бейсенгалиева

Уважаемые коллеги, дорогие гости, друзья!

Рад приветствовать вас на юбилейной международной научно-практической конференции "Сейткасимовские чтения – 2025", которая с 2020 года стала важной ежегодной научной традицией и местом встречи единомышленников, объединённых общей целью – научным поиском, диалогом, развитием экономической науки и практики. Данная конференция посвящена 85-летию со дня рождения доктора экономических наук, профессора, академика Национальной академии наук Республики Казахстан - Габдыгапара Сагитовича Сейткасимова.

В своем Послании народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» Глава государства Касым Жомарт Токаев определил стратегические ориентиры. Эти направления — своего рода дорожная карта для всех нас учёных, педагогов, предпринимателей, которая определяет каким будет наше государство завтра.

Тема конференции "Устойчивое социально-экономическое развитие Казахстана в условиях цифровизации" созвучна с основной миссией, озвученной нашим Президентом в Послании— «обеспечение стабильного социально-экономического развития и безопасности Казахстана в это турбулентное полное опасностей время». Вместе с тем, через всё Послание красной нитью проходит основная идея — активное внедрение искусственного интеллекта во все сферы общества, а также цифровизация общественных процессов.

Цифровая трансформация охватывает все сферы жизни, и перед экономикой страны встают новые вызовы, требующие ответов на основе научного анализа и практической реализации. И сегодня научная конференция служит важной площадкой для обмена мнениями и опытом, где диалоги и дискуссии способствуют поиску эффективных путей устойчивого развития. Такие взаимодействия позволяют находить баланс между инновациями, социальным прогрессом и финансовой стабильностью, создавая основу для гармоничного и перспективного будущего.

Таким образом, Послание Президента задаёт нам стратегические ориентиры и ставит перед страной масштабные задачи — модернизация экономики, развитие науки, повышение качества образования, формирование справедливой социальной политики. И именно мы должны внести достойный вклад в будущее Казахстана и нести ответственность за реализацию поставленных задач.

Всем участникам конференции, я желаю плодотворной работы, интересных дискуссий, новых идей и профессионального вдохновения.

ПЛЕНАРЛЫҚ МӘЖІЛІС / ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

PLENARY SESSION

Prof. Dr. Eng. Stanisław Łuniewski

Professor at ENU, Professor at ESIL

Eastern European Academy of Applied Sciences
in Białystok

General Director of PU-A ASTWA

Sp. z o.o., Białystok, Poland

Dr. Eng. Artur Łuniewski, Associate

Professor at ENU

Director of Marketing and Services

PU-A ASTWA Sp. z o. o., Białystok, Poland

ASPECTS OF INNOVATION AND THEIR FINANCING FROM EUROPEAN UNION FUNDS IN POLAND

Abstract. *Innovations and the innovation process, which form the basis of a knowledge-based economy, are founded on intangible resources and digital systems. The benefits come primarily from process innovation, i.e., the use of new or improved technologies in products, services, or processes that bring advantages to the economy and/or the environment. Implementation is the key factor determining the value of innovation and, within the process model:*

Ideas → R&D → Transfer → Implementation → Commercialization → Diffusion it plays the most crucial role.

The European Union already recognized the importance of innovation in 1951. Today, it treats innovation as a priority, creating successive funds for research, development, and implementation. Particularly important in this field are: Innovative Economy 2007–2013, Smart Growth 2014–2020, and the currently operating European Funds for a Modern Economy 2021–2027. A total of €7.9 billion has been allocated to support the following priorities: support for entrepreneurs, innovation-friendly environments, greening of enterprises, and technical assistance.

Keywords: *innovation, supply-side innovation, demand-side innovation, European Funds for a Modern Economy, modular support, R&D module, R&D infrastructure module, complementary modules*

The term innovation originates from the Latin noun *innovatio*, derived from the verb *innovare*, meaning “renewal” or “the introduction of something new.” In contemporary discourse, innovations, which are primarily associated with the knowledge-based economy, are founded upon intangible resources and digital systems.

All types of enterprises can be beneficiaries of EU funds: start-ups, micro-enterprises, small and medium-sized companies, as well as large enterprises whose annual balance sheet

total exceeds €43 million and employ more than 250 people. Access to these funds is also granted to individual citizens, as well as local, regional, and national public authorities. Non-governmental and civil society organizations of a non-profit nature may likewise qualify, provided that the scope of their projects is consistent with European Union policy.

Poland will be the largest beneficiary of the EU Multiannual Financial Framework for 2028–2034. According to European Commission allocations, our country has been granted €123 billion from the EU budget [<https://www.gov.pl>]. Innovation has been identified as one of the key priorities of this framework, alongside cohesion policy, the Common Agricultural Policy, investments, security, and defense.

1. Innovation as a Process

Tidd and Bessant [2011] argue that the essence of the innovation process lies in the capacity to recognize opportunities and identify ways to capitalize on them. Jasiński [2014] refers to Drucker's [1986] assertion that "modern management is about the search for and exploitation of opportunities" [cited in Jasiński 2014, p. 21]. Brzeziński [2009] advocates for a shift from structural to process-oriented thinking. The precursor of the concept, Schumpeter [1934], highlighted the role of entrepreneurs, treating innovation as a determinant of structural change within the economy and as a driver of competitive advantage. His supply-side definition identifies three successive stages of the innovation process: invention (idea), innovation (implementation), and imitation/diffusion (dissemination). In Drucker's demand-side definition, the subsequent stages reflect market processes, suggesting that entrepreneurs who observe and adapt to these processes are more likely to achieve competitive advantage.

In the European Commission's Green Paper on Innovation [Commission 1995], the innovation process encompasses the design, development, and implementation of new services, products, systems, or processes that generate added value for both consumers and producers. The document stresses the non-linear nature of innovation, its reliance on continuous feedback and iteration, and its integration of multiple activities: idea generation, evaluation, development, testing, commercialization, and dissemination.

Penc [2008] offers a relatively concise definition, describing innovation as the introduction of new or significantly improved products, processes, methods, or organizational structures that lead to the creation of new value or the enhancement of existing value. The innovation process, according to Penc [2008], consists of idea generation and selection, research and development, implementation, diffusion, and evaluation.

Innovation is essentially change, and the innovation process unfolds across several stages of activity undertaken by its dynamically engaged participants, who together generate a comprehensive, multifaceted, systemic model. According to Jasiński [2018, p. 24], "the process model of innovation constitutes a set of processes, which, from the perspective of the enterprise, may include the following, conventionally named processes:

Ideas → R&D → Transfer → Implementation → Commercialization → Diffusion"

Jasiński [2018] approaches this model with flexibility and compromise, identifying the following reservations:

- it eliminates strict sequentiality in favor of processes;
- the order of elements in the model may vary;
- some processes may occur in parallel;
- innovation does not necessarily need to be based on an invention resulting from research and development work;
- ancillary activities may occur during transfer and diffusion;
- not all processes identified in the model need to take place;

- “the only process that must occur is implementation, because it determines whether an (technical) innovation will emerge or not” [Jasiński 2018, p. 25].

A key criterion of the innovation process is novelty. In the literature, there is ongoing debate about whether innovation refers exclusively to the first application of a change, or whether modifications of existing patterns may also qualify as innovation. This has given rise to various classifications: innovation versus imitation (diffusion, replication, imitation); pioneering innovations (creative, original, initiating) versus imitative innovations (replicating, adaptive, mimetic); and radical innovations (revolutionary, breakthrough) versus recombinatory or modificatory ones [cf. Kamiński (ed.) 2018]. The terminological scope and practical implications of such systematizations remain the subject of significant academic debate. The process of identifying a uniform model of the innovation process is still ongoing.

2. General Characteristics of the European Funds for a Modern Economy 2021–2027

The European Union provides extensive support for economic innovativeness. As early as 1951, in the Treaty establishing the European Coal and Steel Community, the foundations of an innovation policy were laid, which in subsequent decades gained increasing importance and is now treated as a priority.

The European Funds for a Modern Economy 2021–2027 (FENG) program continues two earlier initiatives - Innovative Economy 2007–2013 and Smart Growth 2014–2020. Its main objectives include fostering cooperation between science and business, collaboration with the National Revenue Administration, and supporting firms at every stage of development as well as throughout the processes of research, development, and digitalization. These goals exemplify four strategic priorities: technical assistance, support for entrepreneurs, innovation-friendly environments, and the greening of enterprises. The program targets entities planning to initiate innovative activities, those seeking to enhance their innovative and competitive potential, as well as recognized innovation leaders. Strengthening the developmental capacity of firms is conditioned by improving labor productivity and ensuring the conditions for sustainable economic growth. This is to be achieved through employee skills development, securing a qualified workforce, and adapting business models towards innovation-based strategies. In the official annex to the program, the following necessary actions are identified as priorities for targeted funding:

- enhancing the innovativeness of enterprises, in particular by improving the commercialization of research results;
- increasing business expenditure on research and development activities;
- expanding the share of enterprises that are actively innovative and generate revenues from advanced products and services;
- strengthening effective collaboration between businesses and scientific institutions;
- raising the level of competencies, particularly in areas where deficits have been identified” [<https://nowoczesnagospodarka.gov.pl>].

The forms of support offered under FENG are consistent with those provided for in the regulation [Regulation 2021/1060]. They include:

1. Non-repayable support (grants);
2. Repayable support or support combining repayable financing with grants (constituting approximately 30% of the program’s total allocation), including:
 - equity instruments;
 - hybrid instruments (partially utilizing repayable financing from private sources in the form of bank loans or equity investments, alongside non-repayable financing in the form of ERDF-funded grants);
 - conditional grants (partially repayable financing).

According to data from the Ministry of Funds and Regional Policy, the allocation for the European Funds for a Modern Economy Program for 2021–2027 amounts to €7.9 billion, distributed as follows:

- Priority 1: Support for Entrepreneurs – €4.3 billion;
- Priority 2: Innovation-friendly Environment – €2.7 billion;
- Priority 3: Greening Enterprises – €800 million;
- Priority 4: Technical Assistance – €159 million.

Entrepreneurs may benefit from modular support tailored to their specific needs, treating R&D Work or R&D Infrastructure as a mandatory module, while they may additionally select from the following: Implementation, Digitalization, Greening of Enterprises, Internationalization, or Skills.

The identification of the intended use of financial assistance and its beneficiaries under the R&D Activities and R&D Infrastructure modules is presented in Table 1.

Table 1. Support and Beneficiaries of Mandatory Modules

Module	Supported activities	Beneficiaries
R&D Activities	• industrial research and experimental development • individual entrepreneur projects and consortium projects	• small and medium-sized enterprises • large enterprises • research units, as partners in a consortium with an entrepreneur
R&D Infrastructure	• establishment and development of R&D centers serving the implementation of a research agenda • individual entrepreneur projects and consortium projects	• small and medium-sized enterprises • large enterprises • research units, as partners in a consortium with an entrepreneur

Source: [own elaboration based on: MFRP presentation].

The primary advantage of modular projects is that a single application covers comprehensive funding needs. Moreover, modular applications provide financing for core personnel costs and non-repayable grants for implementation promotion and digitalization. To accelerate project evaluation and minimize the risk of duplicating the same topic across different institutions, two committees were established to evaluate Priority 1.

The Ministry of Funds and Regional Policy has also designated complementary modules for funding under the European Funds for a Modern Economy 2021–2027:

- Implementation of innovation,
- Digitalization,
- Greening,
- Internationalization,
- Skills.

Funds for financing the key module of the innovation process—implementation of innovation—may be granted to small and medium-sized enterprises, small mid-caps, and large enterprises cooperating with SMEs and large companies.

The scope of financial activities under individual modules is presented in Table 2.

Table 2.

Module	Activities
Implementation of Innovation	• implemented independently within the mandatory module • previously developed/purchased by the enterprise
Digitalization	• data analytics and production optimization • robotization of the production line • software reducing prototyping and new product introduction costs • Internet of Things • digital twin • systems enhancing cybersecurity • use of big data and advanced analytics in the production process
Greening of Enterprises	• substitution or reduction of harmful substances in materials and products • reuse of waste • eco-design • replacement of primary materials with secondary and by-products
Skills	• smart specializations • transformation of industry towards Industry 4.0 • technology transfer • innovation management • eco-design • operation of research infrastructure
Internationalization	• commercialization of R&D results abroad • participation in international supply chains • promotion of products or services in foreign markets • obtaining or maintaining intellectual property rights protection outside Poland

Source: [own elaboration based on: MFRP presentation].

The scope of activities within the innovation process, as specified in Table 2, is very broad. Within the individual modules, numerous initiatives may be financed to support the development of enterprises, the economy, and the promotion of Polish innovative achievements abroad. In addition to securing financial resources, companies must also possess the necessary potential, which—according to the Oslo Manual 2018 [GUS 202]—is classified as follows:

- the scope of managerial capabilities, including the management of innovation activities;
- workforce competences and the ability to manage human capital;
- predispositions for creating and applying technological tools and data resources;
- resources monitored by the enterprise.

A comprehensive approach to the innovation process, combined with the ability to obtain funding for its implementation, should provide enterprises with a competitive advantage and ensure their success.

List of used literature

1. Jasiński A. (2014), *Innowacyjność w gospodarce Polski. Modele, bariery, instrumenty wsparcia* [Innovation in the Polish Economy. Models, Barriers, Support Instruments], WWZ, Warsaw.
2. Tidd J. Bessant J. (2011), *Zarządzanie innowacjami* [Managing Innovation], Oficyna Wolters Kluwer, Warsaw.
3. Drucker P. (1986), *Skuteczne zarządzanie* [Effective Management], PWN, Warsaw.
4. Brzeziński M. (2009), *Organizacja kreatywna* [The Creative Organization], PWN, Warsaw.
5. Jasiński A. (2013), *Model procesowy innowacji: Ramy teoretyczne* [The Process Model of Innovation: Theoretical Frameworks], „Prace naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu” [„Scientific Papers of the Wrocław University of Economics”] No. 300, pp. 67-77.
6. European Commission (1995), *Green Paper on Innovation*, Brussels.
7. Schumpeter J. (1934), *The Theory of Economic Development*, Harvard University Press, Boston.
8. Penc J. (2008) *Encyklopedia zarządzania* [Encyclopedia of Management], WSSM, Warszawa.
9. Kamiński R. (ed.), (2018), *Innowacje gospodarcze. Wybrane aspekty ekonomiczne i prawne* [Economic Innovations. Selected Economic and Legal Aspects], WNUAM, Poznań.
10. GUS [Statistics Poland] (2020), *Podręcznik Oslo 2018. Zalecenia dotyczące pozyskiwania, prezentowania i wykorzystywania danych z zakresu innowacji* [Oslo Manual 2018, Guidelines for Collecting, Reporting and Using Innovation Data], Warsaw-Szczecin.
11. <https://nowoczesnagospodarka.gov.pl> [accessed: 18.08.2025]
12. MFRP presentation <https://www.gov.pl> [accessed: 18.08.2025]
13. Regulation (EU) 2021/1060 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund Plus, the Cohesion Fund, the Just Transition Fund and the European Maritime, Fisheries and Aquaculture Fund, as well as financial rules for those funds and for the Asylum, Migration and Integration Fund, the Internal Security Fund and the Instrument for Financial Support for Border Management and Visa Policy, OJ L 231, 2021, p. 159, legally binding act.

УДК 336.71

Жамаубаев Е.К.
Первый заместитель
Председателя Национального банка
Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

***Аннотация.** В статье анализируется Послание Президента РК от 8 сентября 2025 года, в котором были обозначены ключевые приоритеты экономической политики на ближайшие годы. Основное внимание уделяется необходимости снижения инфляции, обеспечению ценовой стабильности, укреплению денежно-кредитной политики и координации действий Национального Банка с Правительством. Описываются текущие инфляционные процессы в стране, их внутренние и внешние факторы, а также меры по стабилизации – включая базовую ставку, режим инфляционного таргетирования и новые инструменты регулирования.*

Важное место занимает Комплекс мер по снижению инфляции на 2025–2026 годы, направленный на устранение структурных ограничений и сдерживание роста цен. Кроме того, рассматриваются вопросы финансирования экономики, вовлечения банковской ликвидности в реальный сектор и активизация инвестиционной роли Национального фонда. Особое внимание уделяется цифровой трансформации финансовой системы, внедрению цифрового тенге, формированию рынка цифровых активов и обеспечению кибербезопасности.

В завершение затрагиваются реформы в пенсионной системе и развитие частного управления пенсионными активами. В статье подчеркивается, что реализация обозначенных инициатив будет способствовать устойчивому экономическому росту, повышению инвестиционной привлекательности и улучшению благосостояния населения.

***Ключевые слова:** денежно-кредитная политика, Национальный банк, инфляция, ценовая стабильность, таргетирование, стратегия, комплекс мер*

Введение

В ежегодном Послании народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года» (далее – Послание народу Казахстана) Глава государства отметил необходимость снижения инфляции, развития источников инвестиций и цифровой трансформации.

Президент охарактеризовал высокую инфляцию как угрозу для роста экономики и благосостояния населения. Высокая инфляция остается одной из ключевых макроэкономических проблем во многих странах. Она подрывает покупательную способность доходов и снижает привлекательность долгосрочных сбережений в национальной валюте [1]. В условиях высокой инфляции бизнесу трудно планировать инвестиции, так как возрастает неопределённость и увеличивается стоимость

фондирования. Компании сталкиваются с рисками при реализации долгосрочных проектов, а население откладывает крупные покупки и теряет стимул к сбережениям из-за страха обесценения средств. Высокая инфляция усиливает экономическую нестабильность, ограничивает возможности развития бизнеса и сдерживает расширение производственных мощностей, что в долгосрочной перспективе приводит к сокращению инвестиций, снижению темпов экономического роста и ухудшению уровня благосостояния граждан.

Это подтверждает важность стабилизации инфляции для всего общества. В первую очередь эта задача касается Национального Банка Республики Казахстан (далее – Национальный Банк), так как именно в его законодательный мандат прописано обеспечение ценовой стабильности [2].

Таким образом, Послание Главы государства обозначило важность ценовой стабильности. В этом контексте, в первую очередь, будет подробнее рассмотрена денежно-кредитная политика.

Режим денежно-кредитной политики в Казахстане и его перспективы

Национальный Банк обеспечивает ценовую стабильность через достижение и стабилизацию инфляции вблизи среднесрочного таргета в 5%. Это полностью определяет направленность его денежно-кредитной политики (далее – ДКП).

Ключевым инструментом ДКП является базовая ставка, которая влияет на стоимость заимствования для банков, что, в свою очередь, приводит к изменению по кредитам и депозитам и формированию предпочтений предприятий и населения в пользу потребления либо сбережения.

С августа 2015 года Национальный Банк придерживается режима инфляционного таргетирования (далее – ИТ). Данный режим предполагает принятие решений на основе прогнозов инфляции, оценки баланса рисков и состояния экономики. Он дает возможность обеспечить стабильные макроэкономические условия для устойчивого развития страны и быстро и системно реагировать на возникающие шоки [3].

Неотъемлемым элементом ИТ является свободноплавающий обменный курс тенге, формируемый под воздействием спроса и предложения. Преимуществом режима плавающего обменного курса является предотвращение дисбалансов в экономике, обеспечивая соответствие тенге его внешним и внутренним факторам.

Подготовительные работы к переходу на ИТ проводились на протяжении нескольких лет. Поэтапно создавалась необходимая законодательная база, выстраивалась организационная система и совершенствовались инструменты денежно-кредитной политики. Одновременно усиливался аналитический потенциал, а также улучшалась информационная открытость и предсказуемость мер.

В рамках Стратегии ДКП до 2030 года Национальный Банк сосредоточен на укреплении основ режима ИТ с целью повышения контроля над инфляцией в стране [4]. Это предполагает необходимость преодолеть барьеры, сдерживающие эффективность денежно-кредитной политики (недостаточная фискальная дисциплина, низкая диверсификация экономики, импортозависимость, степень развития финансового рынка, государственное кредитование, нерыночное формирование цен на регулируемые услуги).

Для совершенствования проводимой политики в Стратегии ДКП до 2030 года предусмотрен ряд ключевых инициатив, которые разделены по 3 основным направлениям: укрепление монетарных основ, развитие финансового рынка, усиление макроэкономической политики (таблица 1).

Таблица 1. Ключевые направления Стратегии ДКП до 2030 года

Направление	Меры	Предполагаемый результат
Укрепление монетарных основ	Заякорение инфляционных ожиданий, выход Национального Банка из программ кредитования экономики, улучшение коммуникаций, а также укрепление основ плавающего обменного курса.	Повышение эффективности проводимой ДКП, стабилизация уровня ожидаемой инфляции, а также усиление приверженности режиму плавающего обменного курса, поддерживая достаточный уровень международных резервов.
Развитие финансового рынка	Повышение эффективности финансового рынка, устойчивое снижение долларизации и развитие рынка государственных ценных бумаг.	Повышение доверия к национальной валюте, большая устойчивость финансовой системы страны.
Усиление макроэкономической политики	Реализация системных мер, направленных на диверсификацию экспорта и снижение импортозависимости, повышение фискальной дисциплины и контрцикличности расходов с переходом на рыночные меры господдержки, более рыночное тарифообразование.	Снижение зависимости экономики от внешних факторов, повышение фискальной и макроэкономической устойчивости.
Примечание- <i>Источник: Национальный Банк РК</i>		

Успешная реализация вышеуказанных мер и достижение основных задач позволит выстроить все необходимые элементы инфляционного таргетирования, что, в свою очередь, усилит контроль над инфляционными процессами. Это сформирует предсказуемую среду для долгосрочных инвестиций в казахстанскую экономику, повлечет ее развитие и будет способствовать повышению благосостояния населения.

Далее рассмотрены текущие инфляционные процессы, их факторы и соответствующие денежно-кредитные условия для стабилизации инфляции.

Текущая инфляция в Казахстане и меры по ее стабилизации

На текущий момент в Казахстане наблюдается ускорение инфляционных процессов. По данным Национального Банка, в августе 2025 года инфляция составила 12,2% (см. график 1), формируясь ближе к верхней границы обновленного прогноза (11,0–12,5%). Основной вклад внесли продовольственные товары и платные услуги.

Внутренними факторами инфляционного давления выступают высокий потребительский спрос, поддерживаемый активным кредитованием и фискальным стимулированием, реформы в сфере жилищно-коммунальных услуг и горюче-смазочных материалов (далее – ГСМ), а также повышенные инфляционные ожидания. При этом экономический рост формируется выше средних значений за последние 10 лет, спрос опережает предложение, что усиливает давление на цены.

Во внешнем секторе сохраняется рост мировых цен на продовольствие [5], высокая инфляция в России и неопределенность, связанная с торговыми ограничениями и геополитической напряженностью [6].

В этих условиях Национальный Банк проводит денежно-кредитную политику, поддерживая умеренно жесткие монетарные условия (базовая ставка на уровне 16,5%) для стабилизации инфляционных ожиданий, предотвращения закрепления тренда на ускорение роста цен и возврата инфляции к устойчивой траектории снижения в направлении среднесрочной цели в 5%.

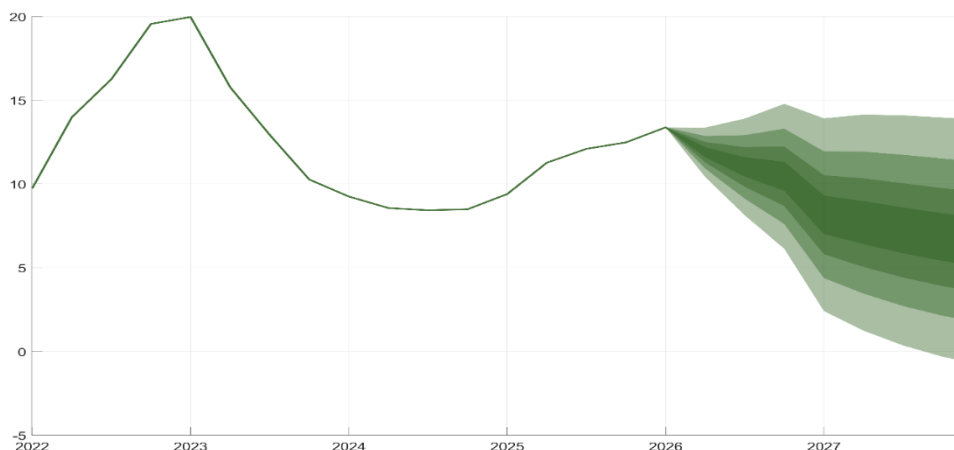

Рисунок 1 - Динамика инфляции

Источник: БНС АСПР РК, Национальный Банк РК

Национальный Банк продолжает проводить активную коммуникационную политику, следуя принципам последовательности, прозрачности и подотчетности обществу. Изменения в экономической ситуации и действия Национального Банка в ответ на эти изменения своевременно освещаются.

Также Национальным Банком реализуются дополнительные меры, направленные на повышение эффективности денежно-кредитной политики и снижение инфляционного давления. С сентября 2025 года введены новые условия по минимальным резервным требованиям, эффект от которых уже наблюдается в сегментах денежного рынка. Внедрен контрциклический буфер капитала по кредитам физлиц с целью сдерживания чрезмерного роста потребительского кредитования.

Согласно последним прогнозам Национального Банка [7], в 2026 году инфляция снизится до 9,5–11,5%, а в 2027 году достигнет уровня 5,5–7,5%. Такой результат станет возможным благодаря совокупности факторов: умеренно жесткой денежно-кредитной политике, дополнительным инициативам Национального Банка, реализации налогово-бюджетной реформы, укрепляющей сбалансированность бюджета.

При этом ожидается, что устойчивая часть инфляции, исключая регулируемые цены, ГСМ и иные волатильные факторы, приблизится к целевому уровню 5% к концу прогнозного горизонта.

Дальнейшие решения по денежно-кредитной политике будут зависеть от того, насколько фактическая инфляция будет следовать траектории устойчивого снижения к таргету в соответствии с прогнозами.

Также для эффективной борьбы с инфляцией особое значение будет иметь координация Национального Банка и Правительства. В этой связи в рамках совместных инициатив актуализируется Комплекс мер по снижению инфляции на 2025–2026 годы (далее – Комплекс мер). Данный Комплекс мер направлен на устранение структурных ограничений предложения и снижение издержек. Комплекс включает более 80 мероприятий и структурирован по следующим направлениям: расширение производства и насыщение рынка (включая увеличение выпуска базовых продовольственных

товаров); логистика и хранение (расширение мощностей хранения, повышение надежности поставок и снижение логистических издержек); розничная торговля и прозрачность ценообразования (развитие цифровой прослеживаемости «от производителя до полки», использование рыночных соглашений и оперативного мониторинга для предупреждения ценовых всплесков); контроль торговых надбавок; антимонопольное и внешнеторговое регулирование; тарифная политика; меры денежно-кредитной политики [8].

Реализация Комплекса мер ускорит процесс дезинфляции и повысит макроэкономическую сбалансированность.

Правительство в целом усиливает структурные меры, развивая АПК для снижения импортозависимости, повышая производительность и углубляя степень переработки продукции.

Ключевым фактором дезинфляции в 2026-2027 годы будет фискальная консолидация за счет налогово-бюджетной реформы и строгое соблюдение бюджетных правил. Для усиления работы утвержден План мероприятий по обеспечению устойчивости государственных финансов и повышению сбалансированности макроэкономической политики на 2025-2027 годы [9].

В Послании народу Казахстана Глава государства также затронул вопросы финансирования экономики, диверсификации источников инвестиций и цифровой трансформации.

В этом контексте значимую роль играет Национальный фонд.

Национальный фонд и инвестиционное партнерство

Использование средств Национального фонда будет носить строго избирательный характер. Президент поручил переосмыслить его роль и задействовать как инструмент запуска новых точек роста. В реализацию этого поручения будет утверждена программа инвестирования средств Национального фонда в высокотехнологичные сектора экономики для финансирования небольших проектов с высокой рыночной перспективой объемом до одного миллиарда долларов США с привлечением международных управляющих и инвесторов, обладающих соответствующей экспертизой. В части фискальной политики с 2026 года планируется значительное сокращение объемов трансфертов в республиканский бюджет, что уменьшит фискальный импульс и усилит координацию денежно-кредитной и фискальной политики.

Таким образом, Национальный фонд, выполняя основную роль (сберегательная и стабилизационная функции, обеспечивая накопление средств от добычи природных ресурсов для будущих поколений и снижение зависимости бюджета от цен на сырьевые товары, а также поддержку экономики в периоды спадов через целевые трансферты), будет более эффективно использован, одновременно точно и избирательно финансируя жизненно необходимые крупные и высокотехнологичные проекты.

В этих условиях роль частного сектора остается наиболее критичным. Резерв для развития экономики имеется в самой банковской системе.

Вовлечение банковской ликвидности в кредитование реального сектора экономики

Президент поручил активнее направлять свободную ликвидность банков второго уровня в финансирование экономики. В ответ Национальным банком, Правительством и Агентством по регулированию и развитию финансового рынка будет реализован комплекс мер, ряд которых уже нашли отражение.

Так, например, с точки зрения фискального регулирования введено налогообложение доходов от размещения средств в нотах Национального Банка [10], установлены лимиты и поэтапно исключаются налоговые льготы по государственным

ценным бумагам. Дополнительно введены дифференцированные ставки корпоративного подоходного налога (20% для корпоративного кредитования и 25% для потребительских кредитов и прочих доходов), а также предусмотрен единовременный налог на доходы по отдельным операциям в 2025 году [11]. Эти меры создают налоговые стимулы кредитовать проекты реального сектора вместо вложений в низкорисковые активы и потребительского кредитования.

В денежно-кредитной сфере используется механизм минимальных резервных требований [12], направленный на связывание избыточной ликвидности и стимулирование корпоративного кредитования. Для нейтрализации инфляционного эффекта и обеспечения предложения валюты на внутреннем рынке применяется механизм «зеркалирования» валютных потоков от продажи золота отечественными компаниями.

В блоке макро- и микропруденциальной политики с апреля 2026 года внедряется секторальный контрциклический буфер по потребительским кредитам [13]. Дополнительно усилен мандат Национального Банка в области макропруденциальной политики [14]. Совместно с Агентством по регулированию финансового рынка разрабатываются меры микропруденциального регулирования.

Источником долгосрочных инвестиций частично выступает Единый накопительный пенсионный фонд. Инвестиции фонда избирательно и ответственно направляются в облигации банков и проекты квазигосударственного сектора для развития экономики. Расширены инструменты синдицированного и софинансированного кредитования.

Однако современная экономика требует не только капитала, но и новых правил игры, где цифровизация и безопасность выходят на первый план.

Цифровая трансформация и финансовая безопасность

В дополнение к этому Президент поручил ускорить принятие нового Закона о банках, способствующим развитию конкуренции, внедрению финтех решений.

В Послании Президента особое внимание уделено развитию экосистемы цифровых активов и масштабированию использования цифрового тенге, а также усилению защиты граждан от угроз цифровизации. Эти два направления тесно взаимосвязаны: формирование новых инструментов и каналов платежей требует одновременного укрепления механизмов безопасности.

В практической плоскости это предполагает несколько ключевых шагов:

-Во-первых, масштабирование использования цифрового тенге в республиканском и местных бюджетах, а также в бюджетах государственных холдингов. Для этого будет разработан План мероприятий по переводу бюджетных средств и средств квазигоссектора на цифровой тенге с доработкой информационных систем государственных органов и субъектов квазигоссектора для обеспечения прозрачности расходов;

-Во-вторых, внесение изменений в отраслевое законодательство, включая регулирование использования программируемых цифровых тенге, ограничений на их применение, механизмов прослеживаемости и мониторинга.

Следующим направлением станет формирование законодательной базы для выстраивания полноценного рынка цифровых финансовых активов, расширение легального оборота криптовалют на базе лицензируемых провайдеров, а также запуск национальной инфраструктуры выпуска и обращения цифровых активов, включая операторов обмена и платформы токенизации. Важным элементом станет создание Государственного фонда цифровых активов для накопления стратегического крипторезерва, в том числе за счет конфискованных криптоактивов.

Параллельно будет развиваться проект по внедрению крипто-фиатных каналов и

возможности оплаты товаров и услуг с использованием стейблкоинов, а также другие пилотные проекты в сфере цифровых платежей на территории Alatau City.

Одновременно Президент обозначил проблему роста онлайн-мошенничества как одного из побочных эффектов цифровизации. Национальный Банк создал Антифрод-центр, который в дальнейшем станет базой для запуска технологической платформы прогнозирования мошеннических операций с использованием искусственного интеллекта и поведенческой аналитики. Эти решения позволят существенно повысить эффективность защиты финансового сектора и граждан.

Экосистема цифровых активов в Казахстане строится как целостный процесс: новые инструменты и каналы платежей сопровождаются институциональными гарантиями доверия и безопасности.

Таким образом, Национальный Банк будет вносить значимый вклад в развитие цифровых технологий.

Пенсионная система

Одной из важных задач является развитие пенсионной системы и совершенствование управления ее активами.

Проблема низких накоплений, особенно у самозанятых, обозначена Президентом. В развитие поручения Национальный Банк предлагает расширить механизмы частного управления пенсионными активами в рамках Социального кодекса: повышение лимита передачи, расширение государственной гарантии, а также предоставление управляющим доступа к данным. Эти шаги следуют из президентского указания обеспечить долгосрочную финансовую устойчивость пенсионной системы.

Выводы

В своем послании Президент затронул важные и актуальные вопросы и задачи, включая борьбу с инфляцией, обозначив новые перспективы развития экономики и ее цифровую трансформацию. Для этого Национальный Банк предлагает вести комплексную работу по разным направлениям деятельности.

Успешное решение поставленных задач и реализация обозначенных Президентом инициатив позволит создать предсказуемую экономическую среду, привлечь инвестиции, развить новые высокотехнологичные отрасли и повысить уровень защиты граждан. В результате это обеспечит устойчивый рост экономики и улучшение благосостояния граждан.

Список литературы:

1. C. Oner, «Inflation: Prices on the Rise», IMF, Finance & Development Magazine, 2019.
2. Закон Республики Казахстан «О Национальном Банке Республики Казахстан» от 30 марта 1995 года № 2155.
3. F. Mishkin, M. Kiley, «The Evolution of Inflation Targeting from the 1990s to the 2020s: Developments and Challenges», 2025.
4. «Стратегия денежно-кредитной политики до 2030 года», утверждена постановлением Правления Национального Банка Республики Казахстан от «5» марта 2021 года №26.
5. Индекс продовольственных цен ФАО:
<https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/>
6. «World Economic Outlook Update», IMF, July 2025.
7. «Доклад о денежно-кредитной политике Август 2025»,
<https://www.nationalbank.kz/ru/news/obzor-inflyacii/rubrics/2332>

8. «Комплекс мер по контролю и снижению уровня инфляции на 2025-2026 годы», одобрен на заседании Правительства РК, а также Советом Безопасности РК от 15 июля 2025 года.

9. Постановление Правительства Республики Казахстан от 09.09.2025г. «Об утверждении Плана мероприятий по обеспечению устойчивости государственных финансов и повышению сбалансированности макроэкономической политики Республики Казахстан на 2025-2027 годы»

10. Закон РК от 12.12.2023г. №45-VIII «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) и Закон Республики Казахстан «О введении в действие Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс)»

11. Налоговый Кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК

12. Постановление Правления Национального Банка от 25.07.2025г. № 44 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Правления Национального Банка по вопросам минимальных резервных требований»

13. Постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан от 25.09.2025г. № 52 «Об установлении макропруденциальных нормативов и лимитов, их нормативных значений и методики расчетов»

14. Постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан №52 от 25.08.2025г. «Об установлении макропруденциальных нормативов и лимитов, их нормативных значений и методики расчетов».

УДК 336.02

Зейнельгабдин А.Б., д.э.н., профессор,
Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан, г.Астана
Мусатаева А.А., доктор философии (PhD),
ассоциированный профессор,
Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан, г.Астана

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ С ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые проблемы взаимодействия денежно-кредитной и фискальной политики Республики Казахстан в современных экономических условиях. Особое внимание уделяется вопросам согласованности целей и инструментов обеих политик, а также их влиянию на макроэкономическую стабильность. Анализируются потенциальные противоречия между мерами монетарного и бюджетного регулирования, особенно в условиях кризисов и повышенной волатильности. Авторами предлагаются возможные подходы к усилению взаимодействия двух направлений государственной политики. Сделан вывод о необходимости исследования отдельных вопросов использования денежно-кредитных и фискальных инструментов для поддержания реального сектора экономики.*

***Ключевые слова:** экономика, денежно-кредитная политика, фискальная политика, финансы, бюджет, налог, инвестиции*

Вопросы взаимодействия денежно-кредитной политики в фискальной до 40 года XX века в теоретическом и практическом аспекте не рассматривался.

Теоретические положения этого вопроса изучены в работах Дж.Хикса и Э.Хансена, а в 60 годы появилось модель Манделла-Флеминга – анализ открытости страны международному движению капитала при разных режимах валютного курса, где рассмотрены вопросы взаимодействия денежно-кредитной и фискальной политик.

В Российской Федерации в этой проблеме посвящены труды Родионовой, Шаповаловой и др.

В нашей стране теоретические и практические аспекты взаимодействия денежно-кредитной политики с фискальной рассмотрены в трудах Сейткасымова Г. и др.

Исследование этих вопросов в современных условиях для регулирования экономики имеет важное значение.

Сегодня инструменты денежно-кредитной политики активно используются и имеют эффект в краткосрочном периоде. При этом уделяется слабо внимание вопросу влияния кредитных инструментов на развитие экономики в среднесрочном и долгосрочном периодах.

В свою очередь, налогово-бюджетные инструменты имеют эффект в среднесрочных и долгосрочных периодах. Поэтому эти особенности должны учитываться в исследованиях. Так как главной целью согласования денежно-кредитной и фискальной политик является достижение стабильного экономического роста экономики. Президент в своем Послании народу Казахстана от 8 сентября 2025 года

«Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» указал «Для успешного запуска нового инвестиционного цикла в финансирование реального сектора нужно активнее вовлекать банки второго уровня» [1].

В нашей стране в Законе Республики Казахстан от 30 марта 1995 года № 2155 «О Национальном Банке Республики Казахстан» указано, что «основной целью Национального Банка Казахстана является, обеспечение стабильности цен в Республике Казахстан». Для реализации данной цели Национальный банк выполняет следующие задачи:

- разработка и проведение денежно-кредитной политики;
- обеспечение функционирования платежных систем;
- осуществление валютного регулирования и валютного контроля;
- содействие обеспечению стабильности финансовой системы [2].

В свою очередь, в Законе «О Национальном Банке Республики Казахстан» 1993 года, одним из основных задач Национального банка является участие в разработке и проведении государственной политики в области денежного обращения и кредита, организации банковских расчетов и валютных отношений, способствующих достижению целей экономического развития Республики Казахстан и ее интеграцию в мировую экономику [3].

Сравнение этих положений показывают, что в действующем Законе «О Национальном Банке Республики Казахстан» ни в целях, ни в задачах Национального банка не указано его влияние на экономическое развитие страны. Это в определенной степени повлияло на разработку и реализации денежно-кредитной политики в республике и ее взаимодействие с фискальной политикой.

В докладе денежно-кредитной политики Национального банка Республики Казахстан указано, что целью денежно-кредитной политики является поддержание годовой инфляции вблизи 5% в среднесрочном периоде [4].

В данном документе основное внимание уделяется базовой ставке как главного инструмента денежно-кредитной политики.

С учетом этого рассмотрены перспективы развития экономики с учетом внешних и внутренних факторов. На основе чего обоснован прогноз инфляции на 2025-2027 годы. При этом инфляция по базовому сценарию в 2025 году составит на уровне 11-12,5 %, рост ВВП – 5,5-6,5%, а в 2026 году уровень инфляции 9,5-11,5 %, рост ВВП – 4-5%. Прогноз текущего счета в 2025 году будет отрицательный и к ВВП составит – 3,9%, а в 2026 году 4,3 % [4].

В рамках фискальной политики рассмотрены рост дефицита, рост налоговых поступлений, который обеспечивается за счет налоговых поступлений в местный бюджет. Не рассмотрены вопросы эффективного использования бюджетных средств и их влияние на инфляцию в республике.

В докладе рассмотрены вопросы выпуска ГЦБМФ, не прогнозированы выпуск НОТы Национального банка Республики Казахстан и их влияние на развитие фондового рынка в республике.

С учетом этих вопросов нами будут проанализированы отдельные проблемы взаимодействия денежно-кредитных и налогово-бюджетных инструментов на развитие экономики в стране.

Для системного исследования этих вопросов целесообразно в теоретическом плане рассмотреть экономическую сущность таких экономических категорий, как «деньги», «финансы», «кредит», «налог», и «бюджет». При этом мы исходим из того, что деньги были и остаются основой финансов и кредита. В свою очередь, налог и бюджет являются элементами финансов. Любое государство используя вышеуказанные экономические

категории создают свою «денежную систему», «финансовую систему», в частности, налоговую и бюджетную систему, а также кредитную и банковскую систему. Такой подход позволяет раскрыть из взаимодействия и их отличия в условиях рынка и выработать конкретные механизмы функционирования этих систем, а также инструментов их влияния на социально-экономическое развитие страны.

В Казахстане не использование такого подхода приводит к недостаточно эффективному использованию экономических инструментов в регулировании экономики. Об этом свидетельствуют отдельные факты:

В первую очередь, рост инфляции в республике. Практика еще раз подтверждает, что за счет базовой ставки сдерживать инфляцию невозможно. Повышение базовой ставки увеличивает процентную ставку по кредиту. В результате кредиты бизнеса к ВВП составляет в настоящее время 10%, а в 2007 году – 35%, 2009 году – 37%, 2012-2014 гг. около 20% [4]. Таким образом, текущий низкий уровень кредитов к ВВП свидетельствуют о недостатках инвестиций и длинных денег в экономике. В отраслевом разрезе основное снижение корпоративного кредитования относительно наблюдалась в строительстве, торговле и других отраслях. В таких отраслях, как транспорт, связь, сельское хозяйство не наблюдается рост кредитования.

Для республики, на наш взгляд, важное значение имеет комплексное определение кредитных ресурсов, направляемых на поддержку реального сектора экономики, так как на поддержку его используются кредиты, выделяемые субъектами квазигосударственного сектора, бюджетом, а также микрофинансовых и ипотечных организаций. Такой подход более обоснованно определит денежную массу.

В республике в настоящее время наблюдается замедление темпов роста общей денежной массы. По оценке Национального банка Республики Казахстан в июле 2025 года темпы роста общей денежной массы и тенговой составляющей незначительно замедлились в годовом выражении до 16,6% и 16,3% соответственно [4].

В свою очередь, следует заметить на рост денежного предложения влияют увеличение внешних активов вследствие привлечения внешних займов банков второго уровня и внешних займов Правительством Республики Казахстан для финансирования дефицита бюджета. При этом наблюдается снижение объема выпуска ГЦБ МФ РК для финансирования дефицита бюджета. Следовательно, вопросы долговой политики целесообразно пересмотреть с учетом внутренних факторов, снижения дефицита бюджет, которое должно осуществляться за счет увеличения налоговых и неналоговых поступлений в республиканский и местные бюджеты. Сегодня рост налоговых поступлений в основном происходит за счет местных бюджетов. Поэтому увеличение налоговых поступлений в республиканский бюджет остается одной из проблем в республике.

Для решения данного вопроса и эффективной поддержки реального сектора и бизнеса разработан новый Налоговый кодекс, который предусматривает совершенствование отдельных элементов налоговой системы в республике. Основными элементами этой системы являются: количество налогов, механизм налогообложения, ставки по этим налогам, льготы и преференции по налогам, а также налоговое администрирование. В республике количество налогов и налоговых платежей не подвергался значительным изменениям.

Основные крупные налоги, в частности, корпоративный подоходный налог, налог на добавленную стоимость, налоги на собственность будут функционировать в республике. При этом механизме налогообложения этих налогов ставки по ним изменены, в частности по КППН изменены ставки, а механизм авансовых платежей остался. Этот механизм не обеспечивает равномерное поступление средств в республиканский бюджет в течение финансового года. Львиная доля поступлений

приходится на ноябрь-декабрь финансового года, что создает определенные проблемы по эффективному использованию бюджетных средств и по достижению конечных результатов.

Ставки НДС с января 2026 года будет 16% вместо 12%. Это в определенной степени влияет на рост инфляционного ожидания, который остается повышенным в настоящее время. По оценке Национального банка инфляционные ожидания населения на горизонте 1 года выросли до 14,2%. Поэтому при прогнозе этого показателя на 2026 и 2027 годы целесообразно учитывать рост ставки НДС в республике.

В новом Налоговом кодексе на основе анализа были сокращены налоговые льготы и преференции, а также рекомендована оценка эффективности налоговых льгот и преференции.

В Послании Главы государства К.-Ж.Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» большое внимание уделено вопросам инвестиций, при этом указано, что нужно «поддерживать как государственные инвестиции, так и масштабные частные инициативы», «..Надо внимательно рассмотреть принципы предоставления налоговых преференций инвесторам» [1].

В связи с этим всесторонне проанализировать стимулирующие факторы привлечения инвестиций частных бизнесменов в стране.

Национальный банк Республики Казахстан при повышении базовой ставки одновременно увеличивается проценты по депозитам в национальной валюте в банках второго уровня. Следовательно, для представителей бизнеса размещение временно свободных финансовых ресурсов на депозиты на сегодняшний день остается выгодным по сравнению с вложением инвестиций на реализацию конкретных проектов. При этом увеличиваются кредитные ресурсы банков второго уровня. По оценке Национального банка страны депозиты депозитных организации увеличились по сравнению с началом 2025 года на 16,1%. Рост общих депозитов формировался в основном за счет вкладов в национальную политику [4].

К инструментам денежно-кредитной политики кроме изменения базовой ставки относятся изменение норм обязательных резервов, операций на открытом рынке с ценными бумагами и иностранной валютой, а также предоставление займов для банков второго уровня. В республике Казахстан в основном используется изменение базовой ставки и операции на открытом рынке с ценными бумагами и иностранной валютой, а также продажа юридическим и физическим лицам золото.

В результате чего банкам второго уровня выгодно направлять свои резервы на валютный и фондовый рынок. Это в определенной степени привело к снижению денежного предложения, сокращению внутренних инвестиций в республике. В свою очередь, на фондовом рынке обращаются государственные ценные бумаги Национального банка Республики Казахстан и Министерства финансов Республики Казахстан. Эти ценные бумаги покупают в основном накопительный пенсионный фонд, банки второго уровня, государственные внебюджетные фонды. Следовательно, при помощи этого инструмента мы поддерживаем финансовые институты, а не реальный сектор экономики. В свою очередь, привлеченные на внутреннем рынке средства в основном направляются на текущие расходы, а не на финансирование конкретных инвестиционных проектов по секторам экономики и регионам. На 1 августа для финансирования дефицита республиканского бюджета привлечены средства во внутреннем рынке в сумме 3824,2 млрд.тенге или 55,2% запланированного объема (6926,9 млрд.тенге) [5].

В свою очередь, увеличивается расходы на обслуживание займов, которые составили 2182 млрд.тенге в 2024 году с ростом на 20,7% по сравнению с 2023 годом и

составляют 9,2 % расходов против 8,1% в 2023 году. В целом, на погашение и обслуживание правительственного долга было направлено 5326,6 млрд.тенге и составляют 23,8% расходов (в 2023 году – 19%). Соотношение этих расходов к доходам республиканского бюджета без учета поступлений из Национального фонда составило 41,6% (в 2023 году – 28,3%) [5].

Следовательно, в республике снижение уровня дефицита и сокращение расходов республиканского бюджета на обслуживание и погашение основного долга становится одним из актуальных проблем в управлении государственными средствами в целом, и управлении долгом страны в частности.

В республике наблюдается рост правительственного долга. В абсолютном выражении он в 2024 году по сравнению с 2015 годом увеличился в 3,5 раза и составил 30,1 трлн.тенге. В свою очередь, растет долг квазигосударственного сектора, который на 1.01.2025 года сложился на уровне 23652,3 млрд.тенге и по сравнению с 2024 годом вырос на 17% [5]. Возникает закономерный вопрос: учитываются ли средства квазигосударственного сектора, направляемые на развитие внутреннего рынка и их влияние на инфляцию в республике? Изучение этого вопроса имеет важное значение для управления инфляционными процессами в республике.

Следует заметить, что объем внешнего долга РК на 1 апреля 2025 года составил 170,5 млрд.долларов США и по сравнению с началом года увеличился на 5,7 млрд.долларов. При этом наблюдается рост внешнего долга банков второго уровня, в основном за счет краткосрочных займов. На наш взгляд, это тоже в определенной степени влияет на уровень инфляции в стране.

Одним из главных факторов, влияющих на уровень инфляции и на рост экономики является эффективное управление бюджетными средствами. Сегодня более 80% расходов государственного бюджета направляются на текущие расходы, на развитие менее 10% расходов. Средства на развитие направляются в основном со 2-го полугодия. Например, на 1 августа 2025 года из 1300 млрд.целевых трансфертов развития регионов направлены 430 млрд.тенге или 31,8% средств [6]. Перечисление их в сентябре и октябре приводит к неэффективному использованию средств и влияет на достижение конечных результатов. В результате чего увеличивается кредиторская и дебиторская задолженность, а также остаток бюджетных средств. В республике на первое полугодие кредиторская задолженность государственного бюджета составила 692,7 млрд.тенге и увеличилось по сравнению с 2024 годов на 13%, а дебиторская задолженность 2067,8 млрд.тенге и увеличилась на 12% [7]. На 1 августа 2025 года остаток неиспользованных средств местных бюджетов составил 1638,0 млрд.тенге и по сравнению с началом 2025 года увеличился на 14% [6]. Все это снижает мультипликативный эффект. По оценке Нацбанка РК эффект одного тенге составляет 0,2 тенге, а в других государствах – 0,5-2 или 2 и 3 раза больше. Следовательно, значительные средства бюджета не способствуют увеличению налоговых поступлений и развитию экономики на долгосрочном уровне, в первую очередь, реального сектора экономики и влияет на инфляционный процесс в республике.

Таким образом, в республике банки второго уровня незначительные средства направляют на кредитование экономики, а доля средств государственного бюджета направленных на развитие уменьшается и снижается мультипликационный эффект расходов бюджета.

Поэтому Президент К-Ж.Токаев указал, «Правительству совместно с Нацбанком РК необходимо разработать программу инвестирования высокотехнологичные сферы экономики, найти действенные инструменты вовлечения в экономический оборот свободные ликвидности банков» [1].

Для решения этих вопросов, на наш взгляд, имеет важное значение исследование отдельных вопросов использования денежно-кредитных и фискальных инструментов для поддержания реального сектора экономики.

Список литературы:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию», 8 сентября 2025 года // <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145>
2. «О Национальном Банке Республики Казахстан» Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 года № 2155 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002155>
3. Закон Республики Казахстан от 13 декабря 1993 г. № 2591-ХІІ «О денежной системе Республики Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1002649
4. Доклад о денежно-кредитной политике, август 2025 года // <https://nationalbank.kz/ru/page/obzor-inflyacii-dkp>
5. Отчет (Заключение) Высшей аудиторской палаты к Отчету Правительства Республики Казахстан об исполнении республиканского бюджета за 2024 год // <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/876183?lang=ru>
6. Отчет об исполнении республиканского бюджета на 1 августа 2025 года // <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/885547?lang=ru>
7. Статистический бюллетень на 1 августа 2025 года // <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/885547?lang=ru>

Байгенжина А.К.
Заместитель председателя
Комитета казначейства
Министерства финансов РК
г. Астана

ФИНАНСОВО-БАНКОВСКИЙ СЕКТОР КАЗАХСТАНА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. Доклад посвящён нововведениям Бюджетного кодекса Республики Казахстан 2025 года, направленным на совершенствование управления бюджетной ликвидностью. Рассматриваются новые инструменты Государственного казначейства, включая размещение временно свободных средств в депозиты банков второго уровня и Национального оператора почты. Особое внимание уделяется соответствию этих мер мировому опыту, включая практики Австрии, России и других стран. В докладе анализируются изменения, касающиеся квазигосударственного сектора, где вводится обязательное согласование инвестиционной деятельности с Казначейством. Подчёркивается значимость прогнозирования денежных потоков и создания буфера ликвидности для финансовой стабильности. Нововведения позволяют повысить доходность бюджета и минимизировать риски, при условии внедрения современных аналитических инструментов. Доклад предлагает рекомендации по дальнейшему развитию финансовых механизмов Казахстана.

Ключевые слова. Бюджетный кодекс, управление ликвидностью, государственное казначейство, депозиты БВУ, субъекты квазигосударственного сектора, финансовые инструменты, мировой опыт.

В рамках своего выступления я хотела бы сосредоточить внимание на некоторых нововведениях принятого в этом году нового Бюджетного кодекса Республики Казахстан, которые предоставляют Государственному Казначейству новые инструменты и возможности по управлению бюджетной ликвидностью.

На сегодняшний день финансовый сектор Казахстана сталкивается с рядом вызовов, связанных с волатильностью мировых цен на сырьевые товары, колебаниями валютных курсов и необходимостью повышения эффективности управления государственными финансами. В условиях высокой зависимости экономики Казахстана от экспорта нефти и газа, управление бюджетной ликвидностью становится ключевым инструментом для обеспечения финансовой стабильности и устойчивости бюджета. Новые положения Бюджетного кодекса, принятые в 2025 году, направлены на модернизацию механизмов управления средствами Единого казначейского счёта (ЕКС), что открывает новые возможности для оптимизации бюджетных ресурсов и повышения доходности временно свободных средств.

Цель данного доклада — рассмотреть ключевые изменения в Бюджетном кодексе, проанализировать их соответствие мировому опыту и оценить потенциал для укрепления финансовой системы Казахстана.

Первыми шагами по направлению к расширению управления бюджетной ликвидностью было определение Концепцией управления государственными финансами Республики Казахстан до 2030 года, утверждённой указом Президента

Республики Казахстан от 10 сентября 2022 года № 1005, что органы казначейства должны развивать инструменты по управлению остатками средств на ЕКС и ликвидностью, в том числе, путём развития прогнозирования движения денежных средств, расширения инструментов привлечения денежных средств для финансирования дефицита бюджета и размещения временно свободных средств в различные финансовые инструменты.

Прогнозирование движения денежных средств — это процесс, позволяющий Казначейству предсказывать поступления и расходы бюджета с высокой точностью. Это особенно важно в условиях сезонных колебаний налоговых поступлений или непредвиденных расходов. Например, в периоды налоговых сборов (конец квартала) на ЕКС могут накапливаться значительные остатки, которые необходимо эффективно размещать для получения дохода. С другой стороны, в периоды высокого расходования (например, на социальные выплаты) требуется оперативное привлечение средств для покрытия дефицита.

В соответствии с положениями вышеуказанной Концепции Министерством финансов были инициированы внесение дополнений в статью 113 нового Бюджетного кодекса, согласно которым у Государственного казначейства появилась возможность размещения временно свободных денег не только в депозиты Национального банка РК, но и в депозиты банков второго уровня (БВУ) и Национального оператора почты.

Размещение средств в БВУ и Национальном операторе почты — это шаг к диверсификации финансовых инструментов. Если ранее Казначейство могло размещать средства только в депозитах НБ РК, что ограничивало доходность из-за консервативных ставок, то теперь перед нами открываются возможности для получения более высокой доходности при размещении в коммерческих банках. Однако, конечно, такие операции связаны с кредитными рисками, что требует тщательной оценки финансовой устойчивости банков.

На самом деле, размещение казначейством бюджетных средств в депозиты БВУ не является каким-то уникальным прецедентом в общемировой практике. Данный финансовый инструмент, наряду с другими инвестиционными инструментами, довольно успешно применяется казначействами других стран, в том числе нашими ближайшими соседями: Кыргызстаном, Узбекистаном, Россией, Грузией и т.д. Это позволяет им не только сохранять и преумножать бюджетные ресурсы, но и поддерживать финансовую стабильность государства.

Как показывает мировой опыт, правительства других стран активно управляют средствами единых казначейских счетов и размещают их в различные финансовые инструменты.

К примеру, Казначейство Австрии на ежедневной основе осуществляет инвестиционную деятельность свободных средств, находящихся в распоряжении правительства (размещение в обеспеченные инструменты сроком до 1 года и необеспеченные инструменты с максимальным сроком до 1 месяца, а также овернайт до 1–2 недель, размещение у юридических лиц Австрийской Республики или в организациях австрийских провинций на основании внутреннего рейтинга и лимита размещения средств).

В России Межрегиональное управление Федерального казначейства в сфере управления ликвидностью применяет такие инвестиционные инструменты, как бюджетные кредиты, сделки репо под залог ценных бумаг, депозиты от 5 до 245 дней в иностранной валюте, размещение средств на банковские депозиты с правом досрочного отзыва, краткосрочные заимствования с размещением средств в финансовые инструменты. Например, в 2022 году российское Казначейство заработало около 50 млрд

рублей за счёт размещения временно свободных средств на депозитах с доходностью 7–9% годовых, что составило около 0,5% от общего объёма федерального бюджета.

В Великобритании Казначейство активно использует механизм Debt Management Office (DMO) для управления ликвидностью. DMO размещает временно свободные средства в краткосрочные государственные облигации (gilts) и использует операции репо для покрытия краткосрочных дефицитов. Такой подход позволил в 2023 году сократить затраты на обслуживание долга на 2 млрд фунтов стерлингов.

В целом, для устранения дефицита ликвидности иностранными казначействами применяются такие инструменты, как отзыв банковских депозитов без штрафных санкций (Грузия), заимствование посредством репо (Венгрия), внутригосударственные заимствования и краткосрочные заимствования у получателей бюджетных средств (Молдова, Северная Македония), размещение временно свободных средств в банках (Россия), формирование буфера ликвидности (Румыния), эмиссия облигаций и совершение других рыночных операций (Турция).

Буфер ликвидности, упомянутый в случае Румынии, представляет собой резерв средств, который Казначейство держит для покрытия непредвиденных расходов или дефицита. Например, в Румынии такой буфер в 2022 году составлял около 2% ВВП, что позволило оперативно финансировать чрезвычайные расходы во время энергетического кризиса. Казахстан может перенять этот опыт, создав аналогичный резерв для повышения устойчивости бюджета.

Также из мирового опыта мы можем сделать вывод, что во многих странах ближнего и дальнего зарубежья именно органы казначейства являются ответственными за управление ликвидностью и размещение бюджетных средств в различных финансовых инструментах. Таким образом, с принятием новых бюджетных норм мы лишь перенимаем и адаптируем передовой мировой опыт, который уже давно и широко используется во многих странах.

Также хотела бы упомянуть, что Бюджетным кодексом были внесены довольно интересные нововведения, касающиеся субъектов квазигосударственного сектора (СКС). До сегодняшнего дня они также вели свою инвестиционную деятельность, в том числе по отношению к ранее полученным бюджетным средствам. В частности, теперь в соответствии с пунктом 10 статьи 113 Бюджетного кодекса им, в случае размещения ими временно свободных бюджетных средств в депозитах БВУ или других финансовых инструментах, будет необходимо предварительное согласование государственного казначейства. Данная мера позволит активнее привлекать свободную ликвидность СКС для получения дополнительных источников дохода для республиканского бюджета.

Квазигосударственный сектор в Казахстане включает такие крупные организации, как АО «Самрук-Казына», АО «Байтерек» и другие национальные компании, которые управляют значительными бюджетными средствами. Без согласования с Казначейством эти организации могли размещать средства в низкодоходные инструменты или использовать их неэффективно. Новая норма позволяет централизовать управление ликвидностью, минимизировать риски и направить доходы от инвестиций в республиканский бюджет.

Примером может служить опыт АО «Самрук-Казына», которое ранее размещало временно свободные средства в депозитах БВУ без строгого контроля. Введение согласования с Казначейством позволит оптимизировать такие операции, выбирая банки с рейтингом ВВВ от международных агентств). Это также снизит риски невозврата размещенных средств и повысит доходность.

На сегодняшний день Комитетом казначейства совместно с Министерством финансов РК была проведена большая подготовительная работа по разработке и принятию подзаконных нормативно-правовых актов, направленных на реализацию

вышеуказанных норм нового Бюджетного кодекса. В частности, 8 августа текущего года было принято Постановление Правительства РК №603 «Об утверждении Правил размещения временно свободных бюджетных денег с единого казначейского счета». Данные правила определяют порядок организации и осуществления размещения государственным казначейством временно свободных бюджетных денег с единого казначейского счета в депозиты БВУ и Национального оператора почты. Также были внесены соответствующие дополнения в Правила исполнения бюджета и его кассового обслуживания на 2025 финансовый год, утверждённых Приказом Министра финансов Республики Казахстан от 30 мая 2025 года № 272.

Эти нормативные акты устанавливают чёткие критерии для выбора банков, в которые будут размещаться средства, включая их финансовую устойчивость, рейтинг и ликвидность. Например, Правила предусматривают, что Казначейство должно отдавать предпочтение банкам с рейтингом не ниже определённого уровня, что минимизирует риски потерь.

Принятие новых норм Бюджетного кодекса и их реализация через подзаконные акты открывают перед Казахстаном возможности для более эффективного управления бюджетной ликвидностью. Введение инструментов размещения средств в БВУ и Национальном операторе почты, а также контроль над инвестиционной деятельностью квазигосударственного сектора позволяют не только увеличить доходность бюджета, но и повысить его устойчивость к экономическим шокам.

Однако эти нововведения сопряжены с рисками, такими как кредитные риски при размещении средств в коммерческих банках или недостаточная квалификация специалистов Казначейства для управления сложными финансовыми инструментами. Для минимизации этих рисков рекомендуется развивать аналитические инструменты прогнозирования, обучать сотрудников Казначейства передовым методам управления ликвидностью и внедрять международные стандарты оценки рисков.

В перспективе Казахстан может расширить арсенал финансовых инструментов, включив, например, операции репо, как это делают Турция и Венгрия. Это позволит не только диверсифицировать источники дохода, но и укрепить позиции страны на международных финансовых рынках. Таким образом, новые нормы Бюджетного кодекса — это большой шаг к модернизации финансовой системы Казахстана, основанный на лучшем мировом опыте.

UDC 378

HE Xiaofang,

Professor of Graduate School of Higher Education,
Dalian university of Technology, Dalian, China
xfhe@dlut.edu.cn

THE FOUNDATION AND PROSPECTS OF HIGHER EDUCATION COOPERATION BETWEEN CHINA AND KAZAKHSTAN

Abstract: Under the framework of the Belt and Road Initiative (BRI), China and Kazakhstan, supported by systematic policies and the construction of multilateral mechanisms, have progressively established a multi-tiered educational cooperation framework. Specific collaborative forms include inter-university exchanges, joint vocational education projects, industry-university-research collaboration, as well as language, cultural, and educational exchanges. Although the current cooperation still faces numerous practical challenges, collaboration in the higher education sector between China and Kazakhstan demonstrates vast potential for development. Such cooperation not only vigorously promotes the advancement of education in both countries but also supplies a steady stream of high-quality talent for the regional integration process, holding profound strategic significance.

Key Words: Higher Education, Cooperation, BRI, Policy, Industry-University-Research, Inter-university, Agreement, Confucius Institute

Under the framework of the jointly built BRI, educational cooperation between China and Kazakhstan has become a significant force driving regional integration and development. In recent years, through various forms such as academic exchanges, cooperative education, and scientific research collaboration, universities in both countries have gradually deepened mutually beneficial cooperation in the field of education. This cooperation has not only promoted academic development and cultural understanding between the two nations but has also cultivated numerous international talents for regional integration. Exploring its foundation and future prospects is of great practical significance for advancing the construction of an educational community within the Belt and Road framework.

I. Foundation for Cooperation: Development from Policy to Practice
China-Kazakhstan higher education cooperation has formed a multi-level, broad-spectrum collaborative framework, built on a foundation of policy support, mechanism construction, and talent cultivation. At the policy level, China and Kazakhstan signed an agreement on Mutual Recognition of Academic Degrees and Diplomas, providing institutional guarantees for educational cooperation. In 2019, the relationship was elevated to a "Permanent Comprehensive Strategic Partnership," with educational cooperation becoming a vital component. These policy agreements have created a favorable environment for higher education collaboration between the two countries. China and Kazakhstan have established multiple high-level educational cooperation mechanism. These include the "China-Central Asia Education Ministers Meeting," the "China-Central Asia Industry-University-Research-Application Cooperation Conference," as well as the "Silk Road University Alliance" and the "China-Central Asian University Alliance." These not only facilitate bilateral cooperation but also form a more open and inclusive cooperative model. Student exchanges have become one of the most notable achievements. At the first

China-Central Asia Education Ministers Meeting in May 2025, Kazakh Minister of Science and Higher Education shared impressive data: over 10,000 Kazakh students are pursuing advanced studies in China, in the first half of 2025, more than 2,000 Chinese students went to study in Kazakhstan, with exchanges at the master's and doctoral levels also advancing.

II. Areas and Models of Cooperation
China-Kazakhstan higher education cooperation is characterized by both diversity and innovation, mainly reflected in four areas.

2.1 Inter-University Cooperation

Cooperation between Chinese and Kazakh universities has evolved from simple exchange agreements to deep collaborative education. In recent years, several Chinese universities have established substantive partnerships with Kazakh institutions. Northwestern Polytechnical University collaborated with Al-Farabi Kazakh National University to establish the "Kazakhstan Branch Campus," the first branch campus of a Chinese Research university in Kazakhstan. Similarly, Nankai University and Eurasian National University launched a master's degree education program. The cooperation between Heilongjiang University and Maqsut Narikbayev University exemplifies another model. Leveraging Heilongjiang University's strength in Russian language teaching and international Chinese education, the two institutions aim to develop a "language+" cooperation model, break down disciplinary barriers.

2.2 Joint Vocational Education and Training

Vocational education cooperation has become a new highlight. Designated as the "Year of the Workers" in Kazakhstan in 2025. In this context, China's "Luban Workshop" project stands as a successful example of vocational collaboration, aimed at providing practice-oriented training. As of August 2025, three Luban Workshops have been established in Kazakhstan, covering fields like digital technology, green energy, and logistics management.

2.3 Industry-University-Research Collaborative Innovation

Cooperation has moved beyond traditional academic exchanges towards synergistic innovation. At the 2025 China-Central Asia Industry-University-Research-Application Cooperation Conference in 2025, Chinese and foreign universities signed 11 agreements covering healthcare, modern agriculture, clean energy, and teacher training. Among these, Xinjiang Medical University and Yelaman Hospital in Almaty, Kazakhstan, signed the "Agreement on the Belt and Road Collaborative Innovation Center for Precision Oncology Diagnosis and Treatment". Based at the Affiliated hospital, the center strengthens scientific research, technological innovation, and high-quality international medical talent.

2.4 Language, Cultural Education, and Innovative Platforms

Confucius Institutes play an active role. For example, the Ablai Khan Confucius Institute, partnered with Southwest University, provides high-level language teaching, cultural programs, and international academic competitions. Chinese and Kazakh universities are also co-developing digital education platforms, such as the "Digital Law Platform" planned by Heilongjiang University and Maksut Narikbaev University. These innovative platforms combine AI technology with specialized fields, representing the future direction of educational cooperation.

III. Several Challenges Despite significant achievements, China-Kazakhstan higher education cooperation still faces several challenges: **Language and Cultural Barriers:** Although Chinese and Central Asian language education has developed in both countries, language barriers remain a major obstacle to deepening cooperation. Cultural differences can also lead to divergences in educational philosophies, requiring time for mutual adaptation.

Differences in Quality Assurance and Accreditation: Variances in educational quality standards and accreditation systems between China and Kazakhstan present technical difficulties for degree recognition, credit transfer, and implementation of joint degree programs.

Sustainability of Cooperation: While there are many projects, cooperation in humanities and social sciences is more common, whereas collaboration in sciences and engineering needs strengthening. Some initiatives remain at the agreement stage with limited substantive progress. Ensuring sustainability remain challenges.

IV. Future Prospects and Path Selection

A Chinese saying, "harmony in diversity," which emphasizes seeking harmony amidst differences and achieving coexistence through diversity, reflects the core wisdom of Chinese civilization. Guided by this principle, China-Kazakhstan higher education cooperation should uphold mutual learning and shared prosperity, building a resilient and inclusive educational community. Specific measures include:

Deepening Cooperation in Education and Research: China and Kazakhstan can enhance collaboration in online education and AI teaching. Future efforts could include co-developing virtual labs, and distance teaching to overcome geographical limits and expand access to educational resources.

Dalian University of Technology's higher education research institute, with its 45-year history. We hope to establish a good cooperative relationship with colleges and universities related to higher education in Kazakhstan.

Expanding Industry-University-Research-Application Integration: Collaboration can deepen further in areas such as energy conservation, new energy, agriculture, forestry, and water resource protection. University-enterprise alliance could attract businesses to promote the application and commercialization of research results.

Mutual Learning in Language and Culture: Cultural festivals, academic forums, and youth summer camps can enhance mutual understanding and friendship among young students, laying a social foundation for medium- to long-term educational cooperation.

V. Towards a Closer China-Kazakhstan Higher Education Community

Under the Belt and Road Initiative, China-Kazakhstan higher education cooperation has achieved significant progress, forming a multi-level, broad-spectrum collaborative landscape. The educational collaboration will become more pragmatic and efficient, laying a solid foundation for the goal of a regional educational community. The deepening of China-Kazakhstan higher education cooperation will contribute significantly to building a more interconnected and inclusive world.

УДК 339.97

Го Шухун, доктор экономики, профессор,
Даляньский политехнический университет, г. Далянь
Турбан Г.В., кандидат экономических наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ИННОВАЦИИ, ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Показан объем и темпы роста передовых технологий к 2030 г. Выделены виды передовых технологий. Наиболее высокие темпы роста характерны и для таких высоких технологий как интернет вещей, искусственный интеллект, электромобили, 5G и солнечные фотоэлектрические системы. Представлена динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ) по странам мира. Показаны направления трансформации в национальных политиках привлечения иностранных инвестиций. Дана информация о поступлении ПИИ в экономику Беларуси. Выделены приоритетные инновационные сферы для инвестирования в Республике Беларусь.

Ключевые слова: инновации, мировая экономика, передовые технологии, прямые иностранные инвестиции

Высокие темпы развития совокупного рынка передовых технологий – одна из основных особенностей развития современной мировой экономики. «В 2020 г. данный рынок оценивался в 1 525 млрд долл. США, в 2030 г. – прогнозируются на уровне 9 469 млрд долл. США. То есть всего за десять лет ожидается рост в 6,2 раза, что эквивалентно среднегодовым темпам прироста в 20%» [1].

В «Докладе о технологиях и инновациях» ЮНКТАД рассматривается 17 таких технологий: интернет вещей (ИВ), концентрированная солнечная энергия, блокчейн, нанотехнологии, большие данные, пятое поколение мобильной связи (5G), биотопливо, электрические транспортные средства, геномное редактирование, робототехника, технология дронов, 3D-печать, ветроэнергетика, биогаз и биомасса, экологически чистый водород, фотоэлектрические системы, искусственный интеллект (ИИ) [1].

Около половины от общей стоимости передовых технологий приходится на интернет вещей. «В 2020 г. рынок ИВ оценивался в 740 млрд долл. США, что эквивалентно 48,5%. По прогнозам экспертов ЮНКТАД к 2030 г. он достигнет 4 422 млрд долл. США. На интернет вещей фактически приходится почти половина всех передовых технологий» [2]. В его основе лежит технология, позволяющая связывать воедино различные системы, процессы, устройства. Данная уникальная технология обеспечивает синергетический эффект, что делает ее весьма востребованной в современной практике.

Наряду с интернет вещей с ежегодными темпами прироста к 2030 г. в 46,4%, ожидается наибольший вклад в развитие рынка таких высоких технологий как искусственный интеллект, электромобили, 5G и солнечные фотоэлектрические системы. Темпы ежегодного прироста по данным технологиям соответственно составят 19,1%, 8,3%, 7,7% и 5,8%. К 2030 г., возрастет и доля таких передовых технологий как робототехника, геномная инженерия, биотопливо, нанотехнологии.

«В абсолютном выражении к 2030 г. вырастут все виды передовых технологий в сравнении с 2020 г. Наибольшие темпы роста ожидаются у мобильной связи 5G – в 103,5 раза, экологически чистого водорода – в 89 раз и у блокчейн – в 88 раз» [2].

В географическом разрезе Китай, наряду с США, является ведущим государством по поставке передовых технологий. Если рассматривать их предоставление по компаниям, то здесь следует выделить поставщиков из США, Китая и стран Западной Европы.

Развитие и применение передовых технологий непосредственно связано с притоком прямых иностранных инвестиций (ПИИ), наличием внутренних инвестиционных ресурсов и реализацией новых проектов.

По данным ЮНКТАД в 2024 г. наблюдалось сокращение притока ПИИ и усиление дисбалансов. Основными сдерживающими факторами долгосрочного инвестирования в инфраструктуру являлись высокая стоимость заимствований и волатильность обменного курса. Существенным фактором является и перестройка транснациональными компаниями цепочек поставок в направлении Юго-Восточной Азии, Восточной Европы и Центральной Америки. Данный сдвиг начался во время пандемии и в настоящее время набирает обороты.

Приток ПИИ в экономику развитых стран сократился на 22% в 2024 г. по сравнению с 2023 г., в наибольшей степени – в страны Европы – на 58%. В страновом разрезе резкое сокращение произошло в Германии (-89%), Испании (-39%), Италии (-24%) и Франции (-20%). В то же время в США ПИИ выросли на 20% вследствие реализации ряда мегапроектов в области полупроводников [3].

Приток ПИИ в экономику развивающихся стран весьма разнообразен. Главным регионом-получателем ПИИ оставалась Азия, несмотря на общий спад инвестирования на 3%, в том числе падение их потоков в экономику Китая (-29%). Рекордный рост отмечился в страны АСЕАН – на 10%, достигнув 225 млрд долл. США. В 2024 г., как и в 2023г. наблюдался значительный рост инвестиций в новые проекты, реализуемые в Индии при незначительном снижении общего притока инвестиций. Рекордный рост ПИИ в 75% наблюдался в Африке, что обусловлено реализацией инфраструктурных проектов в Египте. Африканский континент характеризуется улучшением условий вложения капиталов за счет реализации инвестиционных реформ. Положительная динамика притока ПИИ и на Ближнем Востоке, особенно в странах Персидского залива, где реализуется политика диверсификации производства и развития ненефтяных секторов. В странах данного региона развивается производство строительных материалов (строительных конструкций, цемента), электрического оборудования, машиностроение (в частности, судостроение), легкая промышленность (производство одежды), пищевая промышленность. В страны Латинской Америки и Карибского бассейна приток прямых иностранных инвестиций сократился на 12%. При этом осуществлялось инвестирование в новые проекты с нуля в производственных секторах в Аргентине, Бразилии и Мексике.

В страновом разрезе – США являются как основным инвестором, так и местом назначения ПИИ. В 2024 г. в экономику страны поступило 279 млрд долл. США [3]. (рисунок 1). Значительный объем инвестиций направляется и в азиатские страны.

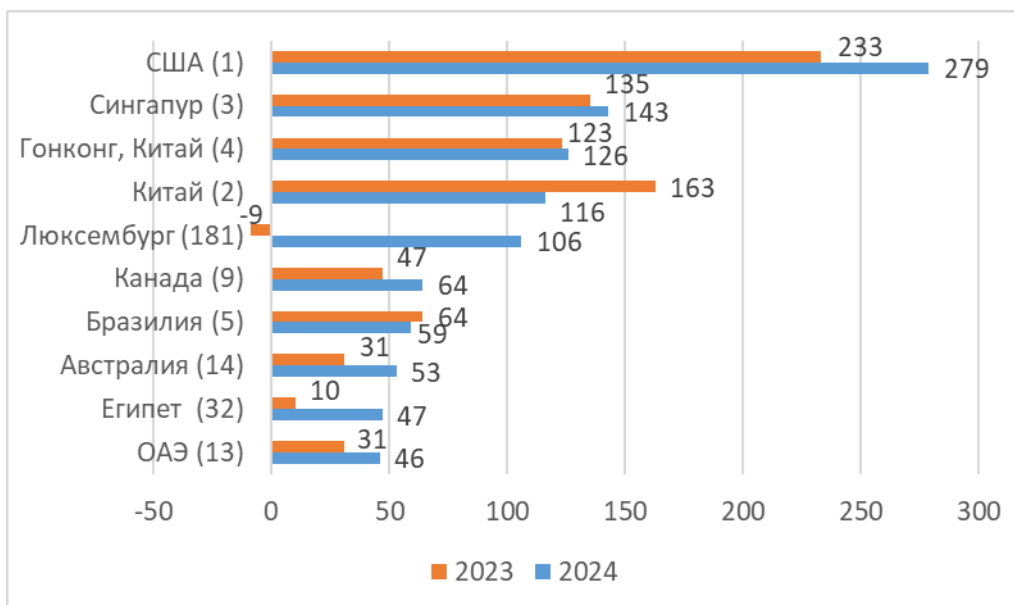

Рисунок 1 – Приток прямых иностранных инвестиций:
10 крупнейших стран назначения, млрд долл. США

Сделки все чаще заключаются на региональных рынках в условиях ужесточения регулирования и геополитической напряженности.

Программа ООН по торговле и развитию выделяет шесть приоритетных направлений инвестирования: деятельность по реформированию международной финансовой системы, управлению глобальными рисками, сокращению инвестиционного разрыва в цифровой экономике, развитию местных навыков и инновационного потенциала, приведению национальных инвестиционных стратегий в соответствие с целями устойчивого развития, улучшению глобального управления инвестициями. И если в сектора, связанные с развитием передовых технологий, наблюдается приток инвестиций, то в сферы, обеспечивающие реализацию целей устойчивого развития, сокращаются. Приток инвестиций в возобновляемые источники энергии сократился на 31%, в водоснабжение и санитарии – на 30%, а в агропродовольственные системы – на 19%. Рост наблюдался только в секторе здравоохранения.

Существенные трансформации происходят в национальных инвестиционных политиках. Правительства многих стран все шире стали использовать налоговые льготы, гранты и субсидии для привлечения капитала и направления его в те сектора, куда они хотят. Так, Латинская Америка запустила целенаправленные стратегии привлечения инвестиций в развивающиеся сектора, такие как "зеленый водород". Современная международная практика свидетельствует о возрастании конкуренции в борьбе стран за инвестиции на фоне сужения рынков капитала. В тоже время усилился мониторинг иностранных инвестиций в чувствительные отрасли, такие как высокие технологии и важнейшие полезные ископаемые. За последние десять лет (с 2015 г. по 2025 г.) удвоилось число стран, где действуют режимы проверки ПИИ в целях национальной безопасности. Европейская комиссия рекомендовала странам-членам ЕС контролировать внешние инвестиции в критически важные технологии. Примером тому и инвестиционная политика America First, принятая в феврале 2025 г., которая значительно расширила сферу проверки как внутренних, так и внешних инвестиций.

Значительное внимание развитию инноваций и привлечению инвестиций придается и в Республике Беларусь. На начало 2025 г. в республике «23 юридических лица-субъекта инновационной инфраструктуры, из них 16 – научно-технологические

парки и 5 центров трансфера технологий, Белорусский инновационный фонд и Национальный центр интеллектуальной собственности» [4]. Наибольшая концентрация субъектов инновационной инфраструктуры наблюдается в городе Минск и Витебской области. По результатам последней версии рейтинга «Глобальный инновационный индекс-2024» Республика Беларусь занимает 85-е место из 133 стран мира.

Для субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность в технопарках, предусмотрена система льгот: снижение налога на прибыль до 10% (при 20% в республике), полное освобождение от уплаты налогов на недвижимость и землю, существенное понижение коэффициентов арендных ставок, а для резидентов научно-технологических парков областных городов Брест, Витебск, Гомель, Могилев, а также города районного значения Горки – полное освобождение от уплаты налогов и сборов в местные бюджеты.

В Беларуси успешно реализуется проект развития особой экономической зоны – Индустриальный парк «Великий камень», который предполагает создание принципиально новых производств, высокотехнологичных продуктов. В индустриальном парке предусмотрена существенная система льгот для инновационных видов деятельности, что привлекательно для осуществления прямого инвестирования.

Информация Национального банка Республики Беларусь о притоке ПИИ в экономику страны представлена на рисунке 2.

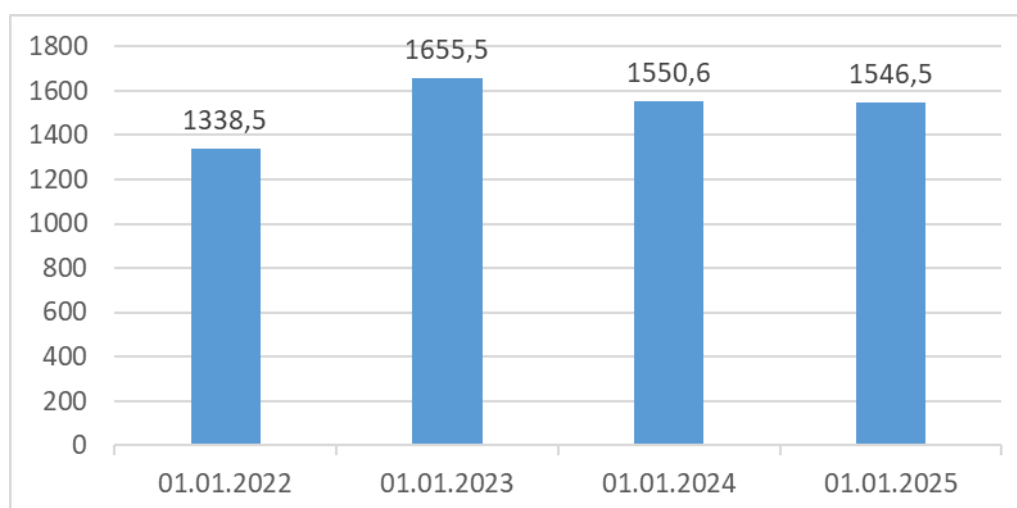

Рисунок 1 – Приток прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь, млн долл. США

В Беларуси «Национальное агентство инвестиций и приватизации» является «одним окном» для инвесторов, основным институтом поддержки. В республике заключено и реализуется более 100 соглашений о научно-техническом сотрудничестве с зарубежными странами и международными организациями. Сформирован перечень из 872 объектов в рамках Комплексного прогноза научно-технического прогресса на 2026-2030 годы, которые предполагают развитие различных перспективных технологий, товаров и услуг и могут стать драйверами экономического роста. Приоритетными инновационными сферами для инвестирования в Республике Беларусь являются:

1. Искусственный интеллект (ИИ): разработка и внедрение решений на основе ИИ в различных отраслях, включая промышленность и услуги.

2. Микроэлектроника и приборостроение: технологии, связанные с производством микроэлектронных компонентов и приборов, которые могут использоваться в высокотехнологичных устройствах.

3. Биотехнологии: инновации в области биотехнологий, включая медицинские и фармацевтические разработки.

4. Робототехника: создание и применение роботизированных систем для автоматизации производственных процессов.

5. Аддитивные технологии: использование 3D-печати и других аддитивных методов для производства сложных деталей и изделий.

6. Новые материалы: разработка и внедрение новых материалов с уникальными свойствами для использования в различных отраслях.

7. Беспилотные системы: технологии, связанные с использованием дронов и других беспилотных летательных аппаратов для различных целей, включая сельское хозяйство и логистику.

Для повышения конкурентоспособности и устойчивого развития инновационной системы Беларуси необходимо реализовать комплекс мер, охватывающих нормативно-правовое регулирование, финансирование, инфраструктуру и международное сотрудничество.

В цифровом мире передовые технологии значительно быстрее из области научных разработок переходят в реальный практический мир, в том числе, с учетом целенаправленной политики прямого инвестирования.

Список литературы

1. Technology and Innovation Report 2023 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: 2023<https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2023> – Дата доступа: 30.08.2025.

2. Го Шухун, Турбан Г.В. Технологические инновации в современной мировой экономике в аспекте обеспечения экономической безопасности// Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сборник научных статей: в двух томах. Т. 2. / ред.кол.: Д.В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2023. – С. 22-27

3. World Investment Report 2025 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf – Дата доступа: 02.09.2025.

4. Инновационная инфраструктура [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://www.belisa.org.by/ru/nis/innovac_infrastr/ – Дата доступа: 03.09.2025.

УДК: 338.4:330.113.1

Дооранов А.П. к.э.н., доцент
Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Бишкек

Кан Фэй Ph докторант
Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Бишкек

Сансызбай Э. Ph докторант
Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Бишкек

РОЛЬ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТАХ РЕГИОНА

Аннотация: В статье исследуется участие Кыргызской Республики в реализации инфраструктурных проектов программы Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) в 2018–2025 гг. на фоне ускоряющейся цифровизации. Раскрыта эволюция роли Кыргызстана – от периферийного реципиента помощи до активного интегратора и посредника, иницилирующего региональные проекты. Приводится анализ одного из ключевых направлений сотрудничества в транспортной сфере, с опорой на данные отчетности ЦАРЭС, Азиатского банка развития и других международных институтов. Показано, что за указанный период в Кыргызстане реализовано десятки проектов на сумму свыше \$3 млрд, что укрепило связанность Центральной Азии и стимулировало рост торговли и обмена энергией. Одновременно отмечены риски, сопровождающие региональную кооперацию: геоэкономическое соперничество крупных держав, институциональные ограничения, пересечение интеграционных инициатив, экологические и технологические вызовы, проблемы безопасности. Сделан вывод, что вклад Кыргызстана в платформу ЦАРЭС носит позитивный характер – страна не только получила экономические выгоды (инвестиции, улучшение инфраструктуры, доступ к рынкам и технологиям), но и укрепила межгосударственное доверие через совместные проекты. В заключение даны рекомендации по дальнейшему развитию регионального сотрудничества: фокус на инклюзивные многосторонние проекты, усиление механизмов координации, совместное управление рисками и поиск синергии между разными интеграционными форматами.

Ключевые слова: ЦАРЭС, Кыргызстан, инфраструктура, транспортные коридоры, цифровизация, региональная интеграция, риски.

Введение

Центрально-Азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС) объединяет 11 стран Центральной Азии и сопредельных государств при поддержке многосторонних институтов (во главе с Азиатским банком развития) для реализации совместных проектов в транспорте, энергетике, торговле и смежных сферах [1]. Программа ЦАРЭС была запущена в 1997 году, и с тех пор Кыргызская Республика стала одним из её активных участников. За четверть века вовлеченности в ЦАРЭС Кыргызстан закрепил репутацию регионального посредника, стремящегося через многостороннее

сотрудничество ускорить экономическое развитие и укрепить межгосударственные связи. По состоянию на конец 2024 года в Кыргызстане реализовано 57 проектов в рамках ЦАРЭС с совокупными инвестициями свыше \$3,1 млрд, что составляет значительную долю общего портфеля программы; основная часть проектов приходится на транспорт (47% инвестиций) и энергетику (40%) [3]. Более половины всей помощи Азиатского банка развития (АБР), направляемой Кыргызстану, поступает именно через проекты ЦАРЭС, подчёркивая значимость этой платформы для страны [3].

Цель исследования - проанализировать участие Кыргызской Республики в инициативе ЦАРЭС в 2018–2025 годах по одному из ключевых направлений - транспортная инфраструктура. В статье поставлена задача выявить достигнутые результаты и определить, какую роль сыграл Кыргызстан в углублении региональной интеграции в транспортной сфере, а также оценить возникающие при этом риски и ограничения.

Литературный обзор

Теоретической основой исследования выступает концепция региональной интеграции малых государств. В классических теориях интеграции признаётся, что даже относительно небольшие страны могут выигрывать от участия в многосторонних объединениях, используя их как инструмент укрепления национального развития и геополитических позиций [16]. Для Центральной Азии актуальны идеи «регионального посредничества»: малые государства могут выполнять роль связующего звена, облегчая координацию между более крупными участниками и способствуя разрешению общих проблем. Как отмечает И. Сафранчук, региональные форматы вроде ЦАРЭС позволяют балансировать между конкурирующими центрами силы и продвигать прагматичное сотрудничество, если между странами достигается достаточный уровень доверия [15]. В то же время исследования по региональной интеграции в ЦА (например, работы К. Искандарова и соавторов) показывают, что устойчивость интеграционных проектов зависит от сочетания взаимной выгоды и институциональной синергии, особенно в условиях пересечения нескольких инициатив развития [19].

Для анализа роли Кыргызстана в ЦАРЭС важны также положения концепции «многоуровневого регионализма», которая учитывает одновременное участие государств в нескольких интеграционных проектах (Евразийский экономический союз, ШОС, инициатива «Один пояс, один путь» и др.) [15]. Согласно этой концепции, успешное посредничество малой страны выражается в способности лавировать между различными форматами, извлекая максимальные выгоды из каждого и минимизируя конфликт интересов между ними. Таким образом, теоретическая рамка включает идеи о преимуществе многосторонней кооперации для малых государств и о значении институциональной гибкости и нейтральности платформы ЦАРЭС, способной дополнять другие интеграционные процессы [16]. Эти теоретические положения лягут в основу последующего обсуждения результатов участия Кыргызстана в ЦАРЭС.

Методы

Исследование основано на смешанной методологии, сочетающей качественный и количественный анализ. В качестве исходных данных использованы официальные отчёты и статистические бюллетени программы ЦАРЭС, материалы Азиатского банка развития, Всемирного банка, CAREC Institute, а также рецензируемые научные публикации по теме. Проведен контент-анализ стратегических документов ЦАРЭС (в том числе стратегии CAREC 2030, отраслевых стратегий по цифровизации и климату) и проектных отчётов, а также мониторинг новостных сводок о ходе ключевых инициатив. Для оценки роли Кыргызстана применён метод кейс-стади: подробно рассмотрены крупные инфраструктурные проекты и реформы, реализованные в Кыргызстане в рамках ЦАРЭС, с последующей экстраполяцией их эффектов на региональный контекст.

Аналитический подход базируется на упомянутой концепции регионального посредничества. В частности, оценивалось, как через участие в многосторонних проектах Кыргызстан способствует координации между странами, укреплению трансграничных связей и совместному решению общих проблем. Кроме того, использован сравнительный анализ динамики межгосударственного сотрудничества до и после активизации платформы ЦАРЭС (с акцентом на изменения внешнеполитических условий после 2016 г.). Комплексное сочетание методов (контент-анализ документов, кейсовый подход, сравнительный и сценарный анализ) позволило связать эмпирические данные о проектах с теоретическими дискуссиями об интеграции в Центральной Азии [13, 15], а также дать взвешенную оценку достигнутого прогресса и предстоящих вызовов.

Методологические ограничения исследования связаны с трудностями количественной оценки эффективности интеграции. Многие эффекты носят качественный характер (например, рост доверия между странами), поэтому сложно измерить их стандартными показателями. Кроме того, влияние внешних шоков (пандемия COVID-19, геополитические кризисы) затрудняет отделение собственно воздействия программы ЦАРЭС от общих макроэкономических тенденций. Тем не менее, использование разнообразных источников и фокус на конкретных кейсах обеспечивает надёжность выводов. Ниже представлены результаты исследования, структурированные по тематическим направлениям сотрудничества.

Результаты

Транспортный сектор является приоритетным направлением программы ЦАРЭС в Кыргызстане: согласно данным портфеля, в данной сфере реализуется наибольшее число проектов – 27 из 57 (около 47% всех инвестиций ЦАРЭС в стране) [3]. В последние годы Кыргызстан утвердился как транзитный «мост» между ключевыми экономиками региона, что отражено в масштабных дорожных проектах, осуществляемых при поддержке ЦАРЭС в 2018-2025 гг. Ключевой пример - строительство альтернативного автомобильного коридора Север-Юг, призванного соединить северные и южные области Кыргызстана и интегрировать основные магистрали ЦАРЭС (коридоры №1 и №3). Этот проект, начатый в 2014 г. и получивший дополнительное финансирование после 2018 г., предусматривает прокладку и реконструкцию порядка 400 км дорог через сложный горный рельеф страны. Ожидается, что новый маршрут сократит время транзитных перевозок минимум на 12 часов и обеспечит прямое сообщение между Казахстаном и Таджикистаном через территорию Кыргызстана, минуя длительный объезд через Узбекистан [22]. Финансирование строительства в основном обеспечено льготным кредитом Экспортно-импортного банка Китая (\$850 млн) в рамках инициативы «Один пояс, один путь», что подчёркивает взаимодополняемость ЦАРЭС и китайских инвестиций. Многосторонний характер проекта (участие АБР, Исламского банка развития и др.) свидетельствует о признании того, что улучшение транспортной инфраструктуры Кыргызстана выгодно всему региону.

Помимо нового коридора Север–Юг, продолжается модернизация существующих магистралей, входящих в сеть ЦАРЭС. Так, реконструкция шоссе Бишкек–Торугарт на границе с Китаем значительно улучшила условия для торговли и туризма. Эта дорога является частью евроазиатского коридора CAREC-1, связывающего Кыргызстан с западными районами Китая и далее с другими странами Центральной Азии. Укрепление дорожной сети уже привело к росту потоков пассажиров и грузов: круглогодичная доступность трасс обеспечивает удалённым регионам выход к рынкам и услугам, снижает транспортные издержки и стимулирует экономическую активность [27]. Таким образом, через развитие магистралей Север–Юг и Восток–Запад (Бишкек–Торугарт) Кыргызстан из чистого получателя помощи превращается в активного контрибьютора

региональной связанности, предоставляя свои дороги в качестве общего блага для соседних стран.

Таблица 1 – Портфель проектных инвестиций ЦАРЭС в Кыргызстане по секторам

Сектор	Кол-во проектов	Доля портфеля, %	Основные эффекты
Транспорт	27	47%	Сокращение времени в пути; снижение логистических издержек
Энергетика	23	40%	Рост выработки ГЭС; экспорт электроэнергии; надежность сетей
Торговля/КПП	5	9%	«Единое окно» для экспорта/импорта; модернизация погранпереходов; рост товаропотока
Цифровизация и прочие	2	4%	E-government; киберустойчивость; подготовка кадров

**Составлено автором*

Как видно из табл. 1, транспорт и энергетика доминируют в портфеле ЦАРЭС в Кыргызстане, однако проекты в сфере торговли (включая модернизацию контрольно-пропускных пунктов, КПП) и цифрового развития также начали получать поддержку, отражая расширение повестки сотрудничества.

Наряду с реализованными дорожными проектами, прорывом последних лет стало возобновление давней инициативы по строительству трансконтинентальной железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан (ККУ), обсуждаемой с начала 2000-х годов. В июне 2024 года Китай, Кыргызстан и Узбекистан подписали трёхстороннее межправительственное соглашение о строительстве железной дороги ККУ протяжённостью 523 км [28]. Данный проект позиционируется как стратегическая магистраль: после ввода в эксплуатацию (предварительно намеченного на конец десятилетия) новая железная дорога сможет перевозить до 15 млн тонн грузов в год, напрямую связывая западный Китай с Узбекистаном через территорию Кыргызстана [28]. Маршрут ККУ создаст кратчайший путь из Восточной Азии в Западную Азию и Европу, альтернативный существующим транспортным коридорам через Казахстан. Для Кыргызстана реализация железнодорожного коридора означает глубокую интеграцию в евразийские цепочки поставок и превращение страны в ключевое транзитное звено, получающее доходы от перевозок и логистических услуг. Проект имеет и важное геополитическое измерение: он демонстрирует способность стран Центральной Азии совместно с крупной державой (КНР) реализовывать инфраструктурные мегапроекты, учитывающие интересы всех сторон. Китайская сторона подчёркивает, что ККУ призвана стать примером «win-win» сотрудничества и согласования инициативы BRI с приоритетами соседних государств (как отмечает исследователь С. Kwan) [28]. Благодаря продвижению проекта ККУ за Кыргызстаном укрепляется имидж своеобразного «мостика» между Востоком и Западом, площадки, где встречаются интересы великих держав (Китай, а опосредованно - и России через ЕАЭС) и потребности малых стран региона.

Таблица 2 - Ключевые транспортные коридоры Кыргызстана (проекты ЦАРЭС) и их параметры

Коридор/проект	Длина/масштаб	Этапы реализации	Ожидаемый эффект
Альтернативный Север–Юг (автодорога)	~400 км (реконструкция и новое строительство)	2014–2026 (по фазам)	Сокращение времени доставки на ≥ 12 часов; прямой транзит КАЗ–ТАД через КР
Бишкек–Торугарт (часть CAREC-1)	магистральная трасса до границы КНР	2016–2024	Увеличение пропускной способности; рост туризма и торговли
Железная дорога Китай–КР–Уз (ККУ)	523 км (новое строительство)	Соглашение 2024; начало работ 2024–2025	~15 млн т/год пропускная способность; кратчайший выход КНР в Узбекистан и далее в Западную Азию/Европу

Примечание: составлено автором по материалам Министерства транспорта КР и открытых источников [22, 28].

Таблица 2 обобщает сведения о наиболее значимых транзитных коридорах, которые развиваются в Кыргызстане при поддержке ЦАРЭС. Приведенные показатели демонстрируют масштаб и ожидаемую отдачу проектов: например, запуск альтернативной автодороги Север–Юг обеспечит многократное ускорение сообщения между югом и севером страны (экономия свыше 12 часов в пути), а проектируемая железная дорога ККУ рассчитана на крупный грузопоток (до 15 млн тонн ежегодно), существенно меняя логистическую карту региона.

Важно проанализировать эффективность реализуемых транспортных проектов с точки зрения их экономического влияния. Автором произведены ориентировочные расчёты ряда метрик, характеризующих выгоды от развития транзитных коридоров Кыргызстана:

Таблица 3 – Эффективность развития автодорожного коридора Север–Юг
*Составлено автором

Показатель	Оценочное значение	Комментарий
Эластичность транзита	~1,1	1% сокращения времени в пути увеличивает объем транзита примерно на 1,1% (высокая чувствительность трафика к улучшению дорог)
Снижение издержек	15–20%	Сокращение себестоимости перевозки грузов на маршруте (за счет экономии топлива и времени) после модернизации коридора
Рост товарооборота	+30% к 2025 г.	Оценочный прирост объема перевозимых товаров через КР по данному направлению благодаря введению нового маршрута
Загрузка инфраструктуры	с ~50% до ~80%	Повышение степени использования пропускной способности дорожной сети (увеличение трафика приближает использование дороги к проектной мощности)

Примечание: показатели рассчитаны автором на основе прогнозов проекта и статистики транспортных потоков; приведены приближенные оценки ожидаемого эффекта.

Как показывают данные табл. 3, улучшение дорожной инфраструктуры на направлении Север–Юг должно привести к существенным позитивным эффектам. Высокая эластичность транзита (около 1,1) означает, что транспортные потоки остро реагируют на сокращение времени в пути – более быстрый маршрут привлечёт дополнительный транзит через Кыргызстан. За счёт нового коридора прогнозируется снижение логистических издержек для перевозчиков на 15–20%, что повысит конкурентоспособность транзитного маршрута. Это, в свою очередь, может обеспечить рост товаропотока через Кыргызстан примерно на треть к 2025 году (по сравнению с ситуацией без альтернативной дороги). Ожидается также более полная загрузка дорожной сети: если ранее горные магистрали на юг были частично недогружены из-за сложности пути, то с появлением современной трассы использование её пропускной способности приблизится к 80%. Всё это подтверждает, что развитие коридора Север–Юг способно трансформировать Кыргызстан из тупиковой ветви маршрутов в важное звено транзита на оси Север–Юг между Казахстаном и Таджикистаном.

Для железнодорожного проекта ККУ также можно спрогнозировать показатели эффективности, учитывая его стратегический характер.

Таблица 4 – Ожидаемые показатели эффективности проекта железной дороги ККУ *Составлено автором

Показатель	Прогнозное значение	Комментарий
Эластичность транзита	>1,3	Существенное сокращение расстояния (~900 км) даст непропорционально большой прирост транзитного грузопотока (эластичность >1)
Снижение издержек	~20%	Ожидаемое удешевление стоимости доставки контейнера Китай–Узбекистан по сравнению с обходным маршрутом через другие страны
Прирост транзитного объема	+15 млн тонн в год (к 2030 г.)	Новая дорога создаст дополнительную пропускную способность – до 15 млн тонн ежегодно, фактически это новые транзитные грузы в системе
Загрузка сети (прогноз)	~50% (в первые годы) с ростом до 100%	Предполагаемая поэтапная загрузка пропускной способности: ~50% сразу после запуска и выход на полную проектную мощность к концу десятилетия

Примечание: таблица составлена автором на основе параметров проекта и аналогий с действующими маршрутами.

Приведенные в табл. 4 прогнозы подчеркивают значимость ККУ, так железная дорога радикально повысит транзитную привлекательность региона, сократив время и стоимость перевозок между Китаем и Центральной Азией более чем на 20%. Мы ожидаем, что эластичность транзита для этого проекта превысит 1 (то есть относительное увеличение грузопотока будет больше, чем относительное сокращение пути), поскольку новый маршрут откроет качественно иной уровень связи. При полной реализации заявленной мощности (15 млн тонн в год) ККУ может перераспределить часть азиатско-европейского грузопотока на себя, повысив транзитный статус Кыргызстана. Хотя первоначально использование мощности дороги может быть не максимальным (~50% в первые годы эксплуатации), по мере налаживания логистики и

роста доверия к новому коридору ожидается выход на проектные показатели загрузки. В целом, развитие транспортной инфраструктуры по линии ЦАРЭС существенно укрепило позиции Кыргызстана в региональной логистике: страна стала активным участником формирования трансконтинентальных коридоров, извлекая экономические выгоды из своего выгодного географического положения.

Обсуждение

Несмотря на достигнутый прогресс, региональное сотрудничество в реализации инфраструктурных проектов рамках ЦАРЭС сталкивается с рядом внешних рисков и угроз. На основе новейших исследований 2020–2024 гг. и сценарного анализа можно выделить следующие ключевые вызовы.

Геополитическая нестабильность и глобальные цепочки поставок. Современные политические кризисы (война в Украине, обострение ситуации в акватории Красного моря и др.) нарушают глобальные логистические цепочки, вызывая резкий рост фрахтовых ставок и переброску грузопотоков на альтернативные маршруты. В этих условиях традиционные центры транзита становятся уязвимыми: например, перенаправление судоходства создаёт окно возможностей для «среднего коридора» (CAREC), однако при этом фрагментация торговли и политика дружественного шоринга («friendshoring») приводят к раздроблению рынков, увеличению стоимости и продолжительности перевозок.

Климатические экстремумы. Кыргызстан лежит в зоне высокой сейсмической и метеорологической активности, что угрожает транспортной инфраструктуре. Экстремальные осадки, паводки и оползни могут повредить дороги и прервать сообщения. Внезапные наводнения в горных реках и весенние селевые потоки уже вызывали размывы и разрушения автотрасс (особенно в районах интенсивных проектов). Несмотря на сравнительно низкую уязвимость (с точки зрения прогноза потерь — порядка 0,01% ВВП), нарастающие аномалии погоды увеличивают риски простоев и затрат на восстановление.

Региональная безопасность и пограничные конфликты. Острота внешней обстановки в Центральной Азии напрямую влияет на транзит. Эскалация кыргызско-таджикских пограничных столкновений (апрель 2021 и сентябрь 2022 гг.) привела к десяткам жертв и эвакуации десятков тысяч людей. Такие события демонстрируют, что военные конфликты на границах могут затруднить функционирование транспортных коридоров (закрытие КПП, утрата доверия). В целом, зависимость от транзита через другие страны (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан) означает, что любые резкие изменения внешней политики партнёров способны понизить пропускную способность коридоров или повысить тарифы.

Слабая институциональная способность и коррупция. Реализация больших инфраструктурных проектов требует надёжных институтов и прозрачных процедур. Однако в Кыргызстане сохраняются проблемы эффективности государственного управления и коррупции. Отсутствие квалифицированного персонала и опыта конкурсных процедур усложняет реализацию проектов: как отмечает ЕБРР, «слабая способность органов власти реализовывать инфраструктурные проекты является серьёзным препятствием, требующим дополнительных усилий и времени». Это может приводить к задержкам, удорожанию контрактов и рискам некачественного исполнения.

Недостаточное финансирование и обслуживание инфраструктуры. В стране исторически мало инвестировали в текущий ремонт и обновление дорог. ЕБРР констатирует «низкий уровень государственных расходов на преобладающе устаревшую инфраструктуру» и подчёркивает необходимость дополнительных вложений для модернизации региональных и местных дорог. Нехватка средств на содержание трасс уже привела к тому, что значительная часть национальной сети изношена и нуждается в

ремонте. Без надлежащего последующего финансирования многие восстановленные по линиям ЦАРЭС дороги быстро теряют заявленные параметры, снижая экономический эффект проектов.

Зависимость от внешних кредитов и долговая нагрузка. Крупные транспортные инициативы часто финансируются иностранными кредитами. В частности, Китайский экспортно-импортный банк предоставил Кыргызстану льготный заём \$850 млн. на альтернативную трассу «Север–Юг», а проекты других коридоров также обслуживают внешние долги. Нарастающая долговая нагрузка повышает фискальные риски: по данным на 2021 год, кредитная зависимость Кыргызстана от Китая составляла порядка 30% ВВП. Это означает, что при неблагоприятном сценарии (например, резком снижении транзита и доходов) возрастает опасность дефолта по выплатам, что может привести к замораживанию или пересмотру проектов.

Координация нескольких интеграционных инициатив. Кыргызстан участвует одновременно в разных интеграционных форматах (ЦАРЭС, Евразийский союз, ШОС, китайская инициатива «Один пояс, один путь» и др.). Это требует тонкого баланса интересов. В ряде случаев отсутствие согласованности стандартов и приоритетов может замедлять подготовку проектов. Например, уже привлечённое китайское финансирование на автодорогу «Север–Юг» пришлось дополнительно интегрировать в механизмы ЦАРЭС, что потребовало дополнительных согласований. Внутренние разночтения в планировании приводят к дублированию экспертиз и риску перекрытия бюджетных расходов. Хотя мультиформатность даёт Кыргызстану гибкость выбора партнёров, она же создаёт риски конфликта интересов при распределении ресурсов (например, на фоне Евразийского экономического союза).

Заключение

Опыт Кыргызской Республики в реализации инфраструктурных проектов в рамках ЦАРЭС в 2018–2025 гг. демонстрирует, что даже сравнительно небольшая страна при грамотной стратегии и поддержке партнеров способна внести значимый вклад в региональную интеграцию. Кыргызстан использовал многостороннюю платформу ЦАРЭС для модернизации собственной инфраструктуры – от дорог и линий электропередачи до цифровых сервисов – и параллельно превратил эти проекты в катализаторы сотрудничества со странами Центральной Азии. В сферах транспорта, энергетики, торговли, экологии и цифровизации Кыргызстан выступил инициатором или активным участником ключевых региональных инициатив (строительство альтернативного коридора Север–Юг; возобновление проекта железной дороги ККУ; модернизация ГЭС и ЛЭП с расчетом на экспорт; упрощение погранпереходов и создание логистических хабов; пилотный Алматинско-Бишкекский экономический коридор; продвижение цифровой интеграции и т.д.). Тем самым республика укрепила свою роль регионального посредника и связующего звена. На политико-дипломатическом уровне Бишкек последовательно продвигает идеологию коллективного решения общих проблем – будь то водodelение, изменение климата или безопасность – предлагая площадки для диалога и поддерживая инклюзивные форматы. Это особенно ценно на фоне исторических разногласий в Центральной Азии: доверие между соседями нельзя навязать извне, его можно выстроить лишь через совместные успехи, и Кыргызстан показал готовность быть строителем таких «мостов доверия».

Научная новизна данного исследования состоит в комплексной оценке роли одной страны (Кыргызстана) в многосторонней программе развития с акцентом на политико-экономические аспекты интеграции. Показано, что эффективность участия в ЦАРЭС измеряется не только статистикой освоенных средств, но и качественными эффектами – усилением межгосударственной взаимозависимости, институциональным обучением, формированием новых норм взаимодействия. За изучаемый период

Кыргызстан прошёл путь от относительного изоляционизма (в 2000-х гг., когда региональная кооперация пробуксовывала) к проактивному регионализму, встроенному сразу в несколько параллельных форматов (ЦАРЭС, ЕАЭС, ШОС и др.). Его пример подтверждает тезис теории интеграции о том, что малые государства могут успешно использовать интеграционные объединения для ускорения своего развития и укрепления геополитических позиций [16]. При этом кейс Кыргызстана уникален тем, что страна балансирует между разными центрами силы и выполняет роль своеобразного «перекрёстка» Евразии.

Практическая значимость полученных результатов заключается в выявлении факторов, способствующих и препятствующих региональной кооперации на примере Центральной Азии. Для политиков и экспертов региона из выводов статьи можно сформулировать несколько рекомендаций. Во-первых, продолжать делать ставку на инклюзивные многосторонние проекты, создающие общие блага (транспорт, энергетика, экология): совместные инфраструктурные успехи цементируют регион, делая конфликты менее вероятными и экономически невыгодными. Во-вторых, усиливать институциональные механизмы координации – возможно, рассмотреть вопрос о повышении статуса программы ЦАРЭС или заключении рамочных соглашений по ключевым направлениям, чтобы минимизировать риски несогласованности действий (например, соглашения о взаимном признании нормативных требований, о синхронизации этапов проектов и т.д.). В-третьих, развивать региональный диалог по угрозам: внедрить в повестку ежегодных встреч ЦАРЭС специальные сессии по управлению рисками внешнего воздействия, кибербезопасности, изменению климата – это позволит вырабатывать общие подходы и превентивные меры на уровне всего региона. В-четвёртых, по возможности сопрягать различные интеграционные форматы: как показывает опыт АБЭК, инициатива ЦАРЭС может успешно дополнять двусторонние проекты и программы ЕАЭС, если искать синергии. Кыргызстан, обладая членством и в ЦАРЭС, и в ЕАЭС, мог бы выступить модератором такого сопряжения, продвигая идеи совместных проектов, выгодных всем сторонам.

Конечно, перед Кыргызстаном и всем регионом ещё стоят значительные вызовы – от необходимости диверсификации экономик и повышения благосостояния населения до адаптации к глобальным изменениям климата и рынков. Однако, как показано в анализе, коллективные действия в рамках ЦАРЭС уже приносят конкретные результаты: улучшенная инфраструктура сократила время и стоимость перевозок, выросла взаимная торговля, налажен обмен электроэнергией, запускаются совместные цифровые решения. Всё это создаёт материальную основу для более тесной интеграции Центральной Азии – о которой много говорили на протяжении трёх десятилетий, но лишь недавно начали воплощать в реальность. Вклад Кыргызской Республики в проекты ЦАРЭС сыграл в этом процессе не последнюю роль.

Таким образом, гипотеза о позитивной роли Кыргызстана как посредника и бенефициара региональной интеграции на базе ЦАРЭС подтверждается. Кыргызстан не только получил ощутимые выгоды (инвестиции, доступ к рынкам, технологическое развитие), но и придал интеграции дополнительный импульс через собственные инициативы. В научном плане это свидетельствует о том, что модели регионального сотрудничества, подобные ЦАРЭС, могут быть успешными даже в сложных геополитических условиях – при условии совпадения прагматичных интересов и наличия доверия между участниками [15]. В практическом плане пример Кыргызстана может послужить вдохновляющим кейсом для других развивающихся стран: активная позиция и готовность брать на себя ответственность способны превратить даже государство с ограниченными ресурсами в заметного игрока регионального уровня. Дальнейший успех интеграции в Центральной Азии будет зависеть от того, удастся ли

преодолеть обозначенные риски и сохранить политическую волю к сотрудничеству. В этом контексте поддержка многосторонних институтов (АБР, Всемирного банка, CAREC Institute и др.) остаётся важным фактором – их экспертиза и финансовая помощь служат своего рода «смазкой» в сложном механизме регионального взаимодействия. Но решающее слово остаётся за самими странами региона. Опыт последних лет внушает осторожный оптимизм: Центральная Азия вступает в новую фазу, когда региональная солидарность постепенно начинает превалировать над раздорами, и вклад Кыргызской Республики в проекты ЦАРЭС во многом содействовал этому повороту к сотрудничеству.

Список литературы

1. Asian Development Bank. CAREC 2030: Connecting the Region for Shared and Sustainable Development. Manila: ADB, 2017.
2. Asian Development Bank. CAREC Digital Strategy 2030. Manila: ADB, 2022. URL: <https://www.carecprogram.org> (дата обращения: 08.09.2025).
3. Asian Development Bank. Kyrgyz Republic and ADB: Fact Sheet. Manila: ADB, 2024. URL: <https://www.adb.org> (дата обращения: 08.09.2025).
4. CAREC Program. Transport and Trade Facilitation Strategy 2030. Urumqi: CAREC Secretariat, 2021.
5. CAREC Program. Almaty–Bishkek Economic Corridor: Framework and Priority Projects. Urumqi: CAREC Secretariat, 2020.
6. CAREC Institute. Digital CAREC: Assessment of Digital Divide and Policy Options. Urumqi: CAREC Institute, 2022.
7. CAREC Program. Climate Change Action Plan 2025–2027. Urumqi: CAREC Secretariat, 2024.
8. World Bank. Central Asia Water and Energy Program (CAWEP): Annual Report 2023. Washington, DC: WB, 2024.
9. World Bank. Kyrgyz Republic – Country Climate and Development Report. Washington, DC: WB, 2021.
10. EBRD. CASA-1000 Project Overview. London: EBRD, 2023.
11. Government of the Kyrgyz Republic. Digital Kyrgyzstan 2019–2023: Program Document. Bishkek: Government of KR, 2019.
12. National Bank of the Kyrgyz Republic. Regulatory Sandbox Guidelines. Bishkek: NBKR, 2021.
13. Pomfret R. The Central Asian Economies in the Twenty-First Century. Princeton: Princeton Univ. Press, 2019.
14. Aminjonov F. et al. China's Belt and Road in Central Asia: Game Changer or Economic Diversion? *Central Asia Regional Review*, 2019, 5(2), 45–63.
15. Safranchuk I. Central Asia: Between the Eurasian Economic Union and China's BRI. *Problems of Post-Communism*, 2018, 65(3), 159–172.
16. Börzel T., Risse T. (eds.). Effective Governance under Anarchy: Institutions, Legitimacy, and Social Trust in Areas of Limited Statehood. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021.
17. Chellaney B. China's Debt-Trap Diplomacy. *Project Syndicate*, 2017. URL: <https://www.project-syndicate.org> (дата обращения: 08.09.2025).
18. Brautigam D. A Critical Look at Chinese “Debt-Trap Diplomacy”. Johns Hopkins SAIS Working Paper, 2020.
19. Iskandarov K., Mamaradzhbov B. Integration in Central Asia: Trends and Scenarios. *Journal of Eurasian Studies*, 2020, 11(1), 1–15.

20. Putz C. Uzbekistan–Kyrgyzstan Relations: Reopening the Border. *The Diplomat*, 2023. URL: <https://thediplomat.com> (дата обращения: 08.09.2025).
21. Satkaliyev A. Kambarata-1 HPP: Regional Energy Cooperation. Ministry of Energy of Kazakhstan, Press Release, 2024.
22. Ministry of Transport and Communications (Kyrgyz Republic). North–South Alternative Road Project Updates. Bishkek: MOTC KR, 2018–2024.
23. CAREC Program. Regional Improvement of Border Services (RIBS): Kyrgyz Republic Component. Urumqi: CAREC Secretariat, 2021.
24. UN ESCAP. Asia-Pacific Trade Facilitation Report 2024. Bangkok: UN ESCAP, 2024.
25. ITU. Global Cybersecurity Index 2021. Geneva: ITU, 2021.
26. GFDRR (World Bank). Central Asia Risk Landscape. Washington, DC: World Bank/GFDRR, 2023.
27. OECD. Sustainable Connectivity in Central Asia. Paris: OECD, 2022.
28. Kwan C. The China–Kyrgyzstan–Uzbekistan Railway: Prospects and Challenges. *Silk Road Studies*, 2024.
29. CAREC Program. Free Economic Zones Diagnostic: Kyrgyz Republic. Urumqi: CAREC Secretariat, 2018.
30. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Foreign Trade of the Kyrgyz Republic 2016–2024. Bishkek: NSC KR, 2025.

**ТҮРАҚТЫ ДАМУ ЖӘНЕ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКА:
ЕУРОПАЛЫҚ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ТӘЖІРИБЕ**

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА:
ЕВРОПЕЙСКАЯ И КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАКТИКА**

**SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND THE INNOVATION ECONOMY:
EUROPEAN AND KAZAKHSTANI PRACTICE**

340.13

336.2

Dr Damian Proniewski,
Eastern European University
of Applied Sciences in Bialystok
Prof. dr hab. Marek Proniewski,
University of Bialystok

**EUROPEAN UNION TAX POLICY IN THE DEVELOPMENT
OF RENEWABLE ENERGY SOURCES**

Abstract. *The articles identifies instruments to support the development of renewable energy sources in the European Union, resulting from the Directives on the promotion of renewable energy (the main objective of the analysis). Two EU systems of support for energy from renewable sources are distinguished: (1) a price modeling system (price system) and (2) a system of shaping the generated energy by the order of magnitude (quota system). The European Union countries, including Poland, implement a diverse range of tax policy instruments to support the development of renewable energy sources. Direct taxes measures include personal and corporate income tax reliefs and exemptions, property tax exemption, accelerated depreciation, research and development relief and IP Box relief. In the framework of indirect taxes, they involve an exemption from excise tax on energy from renewable sources, preferential VAT rates and an exemption from energy tax. These measures contribute to the achievement of the EU's climate and energy policy aims and sustainable development.*

Keywords: Directive (EU) 2018/2001, Directive (EU) 2023/2413, EU climate and energy policy, renewable energy sources, RES support schemes, RES legal instruments

The main objective of the elaboration is to identify instruments of support for the development of renewable energy sources, with particular emphasis on tax policy measures provided in the European Union Directives.

1. The main European Union Directives promoting renewable energy sources (RES).

The European Union's environmental protection efforts focus on achieving the aim of increasing the share of renewable energy sources in the energy balance of Member States. The contemporary European Union's climate and energy policy for promoting the use of energy from renewable sources has been shaped by regulations arising from directives, including: Directive 2001/77/EC, Directive 2009/28/EC, Directive (EU) 2018/2001 and Directive (EU) 2023/2413 regarding the promotion of renewable energy.

Directive (EU) 2018/2001 expands the definition of renewable energy. It includes *"energy from renewable non-fossil sources, namely wind, solar (solar thermal and solar photovoltaic) and geothermal energy, osmotic energy, ambient energy, tide, wave and other ocean energy, hydropower, biomass, landfill gas, sewage treatment plant gas, and biogas"* [6, art. 2 paragraph 1].

In accordance with Directive (EU) 2023/2413, Member States shall jointly ensure that the share of energy from renewable sources in the European Union's gross final energy consumption in 2030 is at least 42.5%. Member States shall jointly aim to increase the share of energy from renewable sources in the European Union's gross final energy consumption to 45% in 2030 [7, paragraph 5].

In order to achieve the European Union's binding 2030 target, Member States shall set out national contributions in their integrated national energy and climate plans in accordance with Articles 3 to 5 and 9 to 14 of Regulation (EU) 2018/1999 [11, art. 3-5, 9-14].

The European climate and energy policy assumptions point to achieving the aim of climate neutrality by 2050 through the development of renewable energy sources [5, p. 6].

2. Support systems for the development of renewable energy sources (RES) in EU directives.

Directive (EU) 2023/2413 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 amending Directive (EU) 2018/2001 enables Member States to provide financial support for electricity generation from renewable sources, which should achieve not only national renewable energy targets but, above all, the specific and general objectives of the European Union. It is the responsibility of the Member State to introduce the appropriate regulatory measure for these purposes, which means that the burden of accountability and the selection of an appropriate, effective, and efficient instrument for achieving the European Union's policy objectives and the general and specific objectives of the directives rest on individual Member States of the European Union.

The directives on the promotion of the use of energy from renewable sources distinguish two systems of EU support for energy from renewable sources, with the flexibility to leave the choice of how to support it to the Member State, i.e. [1, p. 6-7]:

1) price modeling system, in the area of which there are such forms of support as:

- investment subsidies - subsidies for investments in the project implementation process;
- guaranteed (environmental) subsidies - a fixed amount of the fee for renewable energy (environmental premium), additionally received by its producer, irrespective of the electricity market price;
- tax allowances - tax exemption for operating in the field of renewable energy production;
- feed-in tariff system - the government, as a regulator, sets the price of energy for renewable sources that energy companies pay to its producers, which encourages investment and gives the opportunity to assess future revenues from its sale;

2) the system of shaping the generated energy by the order of magnitude (quota system), and within it:

- system of tenders - conducted by the government for the supply of a certain amount of energy from renewable sources with a guarantee of its purchase, under which the market price of energy is determined as a result of auctions of bidders (potential energy producers);
- system of green certificates - producers of renewable energy receive a tradable

certificate for each produced unit of energy, the prices of which are set on a separate market of tradable certificates of origin for energy. The government sets quantitative targets for the share of renewable energy sources and obliges mainly energy companies (generating energy only from conventional sources) that sell energy to end users to achieve these aims by purchasing a certain number of certificates. Producers of energy from renewable energy sources obtain revenues from its physical sale and the trade of certificates.

According to the Directive, the promotion of renewable energy sources aims to increase installed capacity and the number of renewable energy installations. The use of renewable energy sources should ensure economic growth, understood as increased employment, productivity, and investment.

3. Tax policy solutions and instruments in the development of renewable energy sources (RES) in the European Union

The primary objective of the European Union's tax policy, in line with the climate and energy policy guidelines, should be to support renewable energy sources. The European Union tax policy and policies supporting renewable energy sources are consistent with the possibility of applying preferential taxation to electricity generated from renewable energy sources. Directive 2009/28/EC, Directive 2018/2001 and Directive 2003/96/EC indicate the important role of tax instruments in this regard. Directive 2009/28/EC and Directive 2018/2001 clearly define tax instruments for supporting renewable energy sources, which are also specified in Directive 2003/96/EC. These may take the form of [10, p. 137]:

- tax reliefs;
- tax exemptions;
- tax refunds;
- lower VAT rates.

In promoting the development of renewable energy, as analyses show, there is no ideal model that can be applied in all countries with different levels of development and legal systems. Various solutions and legal instruments are used to support the development of renewable energy sources, which mainly include [4, p. 3-4]:

- tax instruments for large-scale investments, i.e. income tax deductions for part of the equity investment in renewable energy;
 - tax instruments for investments by natural persons - tax credits for part of the costs of renewable energy systems and devices;
 - tax instruments for production - income tax allowances at a fixed rate per kilowatt-hour produced by a renewable energy plant (equipment);
 - real estate tax allowances, i.e. reduction or cancellation of this tax for owners of land or real estate used for the production of renewable energy;
 - value added tax (VAT) reductions, i.e. exempting producers of renewable energy up to a maximum of 100% of the value added;
 - excise tax reductions (on sales) - buyers of equipment for the production of renewable energy are exempted up to 100% of the excise tax for the purchase of renewable energy. related equipment or fuel;
 - accelerated depreciation, which enables investors in renewable energy installations to depreciate machinery and equipment at a faster rate than is normally allowed, thus reducing declared income for income tax purposes;
 - tax credits for research, development, display and production of equipment
- offered up to 100 percent of the value of investments invested by the company in the development of renewable energy technologies (including production processes);

- tax holidays, i.e. reduction or elimination of income tax, VAT or real estate tax for a period of up to 10 years;
- reductions in import duties through the reduction or elimination of duties on imported equipment and materials used in renewable energy production facilities;
- taxes on conventional fuels - taxation of non-renewable energy consumption (mainly a fossil fuel tax or a carbon tax), which can provide an incentive for consumers to use or buy untaxed renewable energy.

4. Examples of tax policy differentiation in the development of renewable energy sources in the European Union countries

In the European Union countries, tax instruments are used in the field of direct and indirect taxes.

Tax instruments in the field of direct and indirect taxes are used in the European Union countries. We can include in the category of direct tax instruments supporting the development of renewable energy sources [2, p. 6002- 6004]:

- tax reliefs and exemptions in personal and corporate income tax (including the Czech Republic, Belgium, France, Luxembourg, Finland, Greece, Italy, the Netherlands, Spain, Sweden, Poland);
- real estate tax exemption (including Bulgaria, Italy, Spain, Poland);
- accelerated depreciation (including the Netherlands, Italy, France, Poland);
- research and development relief (including Austria, Belgium, Denmark, Germany, Croatia, the Czech Republic, France, Hungary, Ireland, Italy, Lithuania, Luxembourg, the Netherlands, Portugal, Romania, Slovakia, Spain, Great Britain, Poland);
- IP Box relief (including Belgium, Cyprus, France, Hungary, Ireland, Italy, Lithuania, Luxembourg, the Netherlands, Portugal, Slovakia, Spain, Great Britain, Poland).

The category of tax instruments in the field of indirect taxes for the development of renewable energy sources includes such instruments as [2, p. 6004; 3, p. 113]:

- exemption from excise duty for energy from renewable sources (including Germany, Denmark, Romania, Slovakia, Sweden, Poland);
- preferential VAT rates (including Italy, France, Portugal, Great Britain, Poland);
- exemption from energy tax (including Austria, Bulgaria, Denmark, Finland, Germany, Sweden, Great Britain).

Tax instruments are expected to become increasingly important within the climate and energy policy, due to the European Union's pursuit of climate neutrality by 2050 and actions taken under the European Green Deal.

5. Tax instruments for the development of renewable energy sources in Poland

Poland's tax policy in the field of renewable energy sources is conditioned by the policy of the European Union and legislation in the field of tax law. Each of the Member States has the opportunity to pursue its own tax policy and choose tax instruments most favourable from the point of view of the state's policy, as long as they are consistent with the European Union law and implementation of its objectives [8, p. 62]. Tax policy focuses on activities that pursue social and economic aims using tax instruments. If the aim is to support renewable energy sources, tax instruments should be designed to increase the volume of investments in renewable energy sources and, as a result, increase the number of renewable energy source installations and production capacity. It may translate into an increase in gross final energy consumption, which is an element of achievement of the objectives of the European Union's climate and energy policy.

Tax instruments for the development of renewable energy sources in Poland concern the use of:

a) subjective exemptions:

- on excise duty specified in the Act of 6 December 2008 on excise duty (art. 30 (1)) and in the Regulation of the Minister of Finance, Funds and Regional Policy of 28 June 2021 on exemptions from excise duty (§ 5);
- in the field of real estate tax, objective exemptions on the basis of resolutions of municipal and city councils;
- exemption of subsidies from personal income tax for individual entities – beneficiaries;

b) tax reliefs in personal and legal persons' income tax and in agricultural tax, i.e.:

- investment relief in agricultural tax (Article 13, paragraph 2c, Act of 15 November 1984 on agricultural tax);
- thermomodernisation relief for the purchase of equipment using renewable energy sources (Article 26h, Act of 26 July 1981 on personal income tax), which applies to a thermal modernisation project within the meaning of the Act of 21 November 2008 on supporting thermal modernisation and renovations);
- research and development (R&D) tax relief (Article 26e, Act of 26 July 1981 on personal income tax)
- IP Box relief (Act on personal income tax, art. 30ca).

Due to adopted legislation, tax instruments may refer to [9, p. 105]:

- income, property, consumption taxes;
- due to the tax to income (property) relationship of the taxpayer: direct taxes and indirect taxes;
- due to the tax jurisdiction: local (self-government) taxes, central (state) taxes.

Tax instruments are useful measures for supporting the renewable energy sector, but as the analysis of international solutions shows, they are complementary in nature and are combined with other instruments, such as: quota and premium systems, feed-in tariffs, government auctions for renewable energy, R&D financing, subsidies, low-interest loans or discounts on equipment.

6. Conclusions

Within the framework of the European legislation, legal acts have been developed, including the main directives aimed at developing renewable energy sources, which have influenced the shape of the legislation of individual European Union countries. The directives listed in this elaboration establish indicative and binding targets for the development of renewable energy sources for individual Member States and the European Union, as well as instruments supporting their development. Due to the extensive legislation supporting renewable energy sources, a diverse range of renewable energy support measures has developed in Member States. Tax instruments supporting renewable energy sources perform a subsidiary role in the European Union's climate and energy policy.

Bibliography:

- 1) Bohdan A., Przybylska B., Podstawy prawne OZE (odnawialnych źródeł energii) i gospodarki odpadami w Polsce, C.H. Beck, Warszawa 2015.
- 2) Cansino J. M., Pablo-Romero M. P., Román R., Yñiguez R., Tax incentives to promote green electricity: An overview of EU-27 countries, Energy Policy 38 (2010).
- 3) Cansino J. M., Pablo-Romero M. P., Román R., Yñiguez R., Taxes Incentives to Promote Res Deployment: The Eu-27 Case in: Nayeripour M. and Kheshti M. (eds.), Sustainable Growth and Applications in Renewable Energy Sources, InTech, 2011, available at:

<http://dx.doi.org/10.5772/2433> (access 01.09.2025).

4) Clement D. [et al.], *International Tax Incentives for Renewable Energy: Lessons for Public Policy*, Center for Resource Solutions, California, San Francisco 2005.

5) Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, European Green Deal, COM (2019) 640 final.

6) Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable energy sources (recast) (Text with EEA relevance), (OJ L 328, 21.12.2018).

7) Directive (EU) 2023/2413 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 amending Directive (EU) 2018/2001, Regulation (EU) 2018/1999 and Directive 98/70/EC as regards the promotion of energy from renewable sources, and repealing Council Directive (EU) 2015/652, (OJ L, 31.10.2023).

8) Drywa A., Juchiewicz E., Karczyński Ł, *Międzynarodowe i unijne prawo podatkowe*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2016.

9) Grześkiewicz W. (red.), *Finanse publiczne z elementami prawa podatkowego*, Difin, Warszawa 2014.

10) Pach-Gurgul A., *Energetyka odnawialna Unii Europejskiej w warunkach kryzysu gospodarczego*, Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego, 2014.

11) Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the

European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (Text with EEA relevance), (OJ L 328, 21.12.2018).

Чжан Юй

магистр, младший научный сотрудник
Даляньский политехнический университет,
Далянь, Китай

E-mail: zy_1316@163.com

Го Шухун

доктор э.н., профессор
Даляньский политехнический университет,
Далянь, Китай

E-mail: lenaguo@dlut.edu.cn

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И КАЗАХСТАНОМ В РАМКАХ ШОС: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В данной статье, используя Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве институциональной основы, систематически рассматриваются разнообразные пути сотрудничества между Китаем и Казахстаном в сферах экономики и торговли, энергетики, инфраструктурного строительства, цифровых технологий и гуманитарных связей — при этом анализ проводится на фоне противотоков глобализации и перестройки геополитической конфигурации Евразийского региона. Опираясь на актуальные практики и данные сотрудничества за 2025 год, авторы рассматривают текущие институциональные достижения взаимодействия между двумя странами, а также предлагает возможные области для их сотрудничества в текущий период.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); сотрудничество между Китаем и Казахстаном; проект «Один пояс, один путь»; региональное управление; пути сотрудничества

На фоне противотоков глобализации и постоянной перестройки геополитической ситуации в Евразии стратегическое сотрудничество между Китаем и Казахстаном приобретает все большую практическую значимость. Как дружественные соседние государства, они после установления дипотношений в 1992 году постоянно набирают силу и развиваются в своих двусторонних отношениях: в сентябре 2013 года Казахстан стал первым государством, где была представлена инициатива «Один пояс, один путь», а на данный момент между двумя странами сложились взаимоотношения в статусе вневременного всеобъемлющего стратегического партнерства. Особенно в рамках Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС), будучи учредительными членами этой организации, Китай и Казахстан глубоко интегрировали свои двусторонние отношения в деятельность ШОС, в результате чего их сотрудничество образовало позитивную динамику институционализированного и многоаспектного развития. Исследование путей сотрудничества между ними имеет важное теоретическое и практическое значение для исследования формирования нового типа международных отношений.

I. Контекст сотрудничества Китая и Казахстана в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)

Китай и Казахстан, опираясь на взаимное политическое доверие, сформировали многоуровневый механизм сотрудничества — прочную основу двусторонних отношений. За 24 года со создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) под эгидой «Духа Шанхая» (ценностной основы для взаимовыгодного сотрудничества и коллективной безопасности) организация эволюционировала: из шести государств-основателей превратилась в масштабную «семью ШОС» с 26 странами Азии, Европы и Африки. Две стороны тесно координируют позиции на ключевых многосторонних платформах (ООН, ШОС), способствуя решению региональных и глобальных проблем.

На Втором китайско-центральноазиатском саммите 2025 года стороны подтвердили единство позиций по роли ШОС — рассматривают её как ключевую платформу для укрепления сотрудничества и поддерживают концепцию «Пяти общих домов» (из Тяньцзиньской декларации, направленную на всеобъемлющее партнерство в политике, экономике, безопасности и культуре). Таким образом, «Дух Китайско-центральноазиатского сотрудничества» (на основе взаимного уважения и взаимовыгодности) останется драйвером обновления и расширения их механизма сотрудничества.

Высокоуровневые координационные механизмы ШОС (Совет глав государств, Совет премьер-министров) вместе с специализированными платформами (Контртеррористическое агентство ШОС, Конференция министров экономики и торговли и др.) создают эффективные условия для интенсификации прагматического сотрудничества Китая и Казахстана. Особое значение имеет глубокая интеграция китайской инициативы «Один пояс, один путь» и казахстанской политики «Светлый путь» — процесс, который привел к разработке и принятию важных руководящих документов, в том числе «Китайско-казахстанского плана развития потенциала и инвестиционного сотрудничества». Данный документ стал ярким примером демонстрации практической реализации совместных проектов в рамках инициатив «Один пояс, один путь», определяя конкретные направления инвестиционной деятельности и перспективы развития экономических связей между двумя странами.

II. Достижения двустороннего сотрудничества между Китаем и Казахстаном

2.1 Экономическое сотрудничество: от ресурсов к многоаспектной кооперации

Центральная Азия является ключевой областью Древнего Шелкового пути, а также местом первоначального выдвижения инициативы «Один пояс, один путь». В последние годы экономикоторговое сотрудничество Китая с странами Центральной Азии демонстрирует рост как по объему, так и по качеству — Китай стал главным торговым партнером и основным источником инвестиций для стран региона.

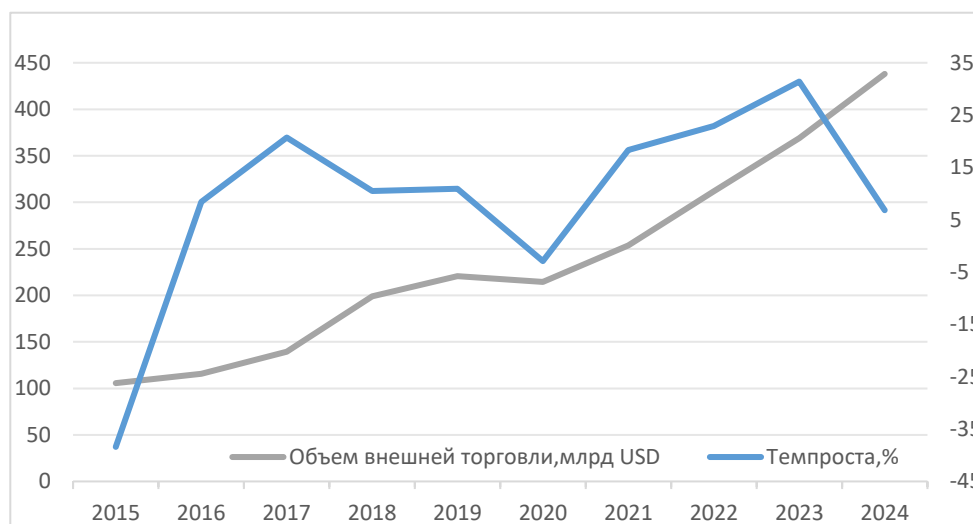
По данным Генерального управления таможенного дела Китая, опубликованным 15 июня 2025 года, объем экспорта и импорта Китая с пятью странами Центральной Азии вырос с 312,04 миллиарда юаней в 2013 году до 674,15 миллиарда юаней в 2024 году, что составило рост на 116% при среднегодовой темпе роста 7,3%.¹ Таким образом, двусторонний экономикоторговый обмен продолжает углубляться на постоянной основе.

Согласно данным, предоставленным Глобальной базой данных о таможенной торговле, Китай с 2019 года пять лет подряд становится крупнейшим торговым

¹ Генеральное управление таможенного дела Народной Республики Китая (ГУТД НРК). Постоянное углубление экономико-торговых связей между Китаем и пятью странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. - 2025-06-16. - Доступно по URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/mtjj35/6576398/index.html>

партнером Казахстана. Общий объем импорта и экспорта двусторонних товаров между Китаем и Казахстаном в 2024 году достиг 43,8 млрд. долларов США, увеличившись на 6,8% в годовом исчислении. Волатильны в зависимости от внешнеэкономических факторов: самый высокий рост зафиксирован в 2023 г. (+31,4%), самый низкий — в 2015 г. (-38,4%). С 2021 г. темпы стабилизировались на положительном уровне (18,3% – 31,4%), за исключением небольшого снижения в 2024 г. (6,8%).

Таблица 1 «Динамика объема внешней торговли (экспорт + импорт) и темпов роста между Китаем и Казахстаном (2015–2024 гг.)»²

**Примечание: Данные за 2023 г. — за период январь–ноябрь (добавьте это как текстовое поле на диаграмме позже).*

Структура торговли демонстрирует тенденцию к диверсификации и оптимизации: экспорт Казахстана в Китай, ранее сосредоточенный преимущественно на традиционных энергоресурсных товарах, постепенно расширяется в направлениях многообразия — при этом доля экспорта сельскохозяйственных продуктов, таких как пшеница и масличные культуры, значительно увеличилась. В то время как экспорт Китая в Казахстан преимущественно формируется из машинного оборудования, электронных изделий и потребительских товаров повседневного спроса. Таким образом, преимущества экономической взаимодополняемости между двумя странами все более явно проявляются.

В 2024 году Китай стал одной из пяти главных стран-источников прямых инвестиций в Казахстан. В настоящее время Казахстан и Китай осуществляют продвижение 224 инвестиционных проектов, общая сумма которых составляет 660 миллиарда долларов США. Количество китайских инвестиционных предприятий, зарегистрированных на территории Казахстана, превышает 5 000 единиц.

2.2 Сотрудничество в сфере энергетики: традиционная и зеленая энергетика

Как ключевая сфера взаимодействия в рамках реализации Инициативы «Один пояс, один путь» и политики «Светлый путь» Казахстана, сотрудничество двух стран в сфере энергетики формировало диверсифицированную структуру, охватывающую традиционные нефтегазовые ресурсы, возобновляемые источники энергии и

² Источники: Государственный комитет статистики Казахстана, ГУТД НРК, UN Comtrade

технологические инновации. В 2024 году объем двустороннего торгового оборота достиг 438 миллиардов долларов США, причем доля энергетической торговли превышала 60%, что делает ее прочной опорой экономических связей между двумя странами.

В сфере традиционной энергетики Китайско-казахстанский нефтепровод стал первым трубопроводом, построенным с инвестициями Китая в Центральной Азии и на территории России, его длина превышает 2800 километров, а годовая пропускная способность по нефти — 20 миллионов тонн. Китайско-центральноазиатский газопровод соединяет четыре страны: Китай, Узбекистан, Казахстан и Туркмения, максимальная дистанция между его участками достигает 7000 километров, что делает его самым длинным газопроводом в мире. С момента запуска в эксплуатацию в 2009 году по 2024 год три линии (А, Б, В) этого трубопровода транспортировали в общей сложности 500 миллиардов кубических метров природного газа. Сотрудничество Китая и Казахстана в сфере урановых ресурсов распространилось на 5 урановых рудников, что позволило реализовать переход от экспорта технологий к локальному производству.

В сфере возобновляемых источников энергии Казахстан сосредоточился на продвижении проектов ветроэнергетики и солнечной энергетики. На всей территории Казахстана построено 48 солнечных электростанций, общая установленная мощность которых превышает 1200 мегаватт. 7 солнечных электростанций, построенных с участием китайских инвестиций, уже введены в эксплуатацию—это многоаспектный модель сотрудничества, предусматривающая совместное строительство энергетической системы и обмен технологическими опытами между двумя странами.

От нефтепроводов до солнечных электростанций, от тренировок по реагированию на чрезвычайные ситуации до передачи технологий — сотрудничество Китая и Казахстана в сфере энергетики стало ярким примером реализации принципов «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного пользования», а также образцом двустороннего сотрудничества для обеспечения глобальной энергетической безопасности и проведения зеленого перехода.

2.3 Строительство инфраструктуры и взаимосвязанность

Международные железные дороги и строительство пограничных пунктов являются ключевыми стержнями взаимосвязанности. Международный транспортный коридор через Каспийское море связывает Китай, Казахстан, Азербайджан и другие страны, а также направляется в Европу через Черное море, выступая важным международным логистическим каналом. В 2024 году количество отправок и объем перевозок контейнерных поездов «Центр-Китай — Европа» («Центр-Китай — Центральная Азия»), проходящих через территорию Казахстана, достигли исторических пиков. Всего через пограничные пункты Алакшак и Хоргос прошло 16 тысяч таких поездов, а объем железнодорожных грузоперевозок между Китаем и Казахстаном составил 32,05 миллиона тонн, что превышает показатели предыдущего года на 13,2%. Общий объем грузоперевозок по международному транспортному коридору через Каспийское море достиг 4,5 миллиона тонн.

Проект по модернизации и увеличению мощностей Каспийского асфальтового завода является флагманским проектом совместного строительства Китая и Казахстана в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Данный проект реализуется компанией «Цзюньсин Конструкшн» (CITIC Construction Co., Ltd.) и официально введен в эксплуатацию в мае 2025 года. После модернизации годовая мощность по переработке нефти увеличилась с 1 миллиона тонн до 1,5 миллиона тонн, а годовая продукция асфальта — с 500 тысяч тонн до 750 тысяч тонн, что ускоряет строительство Казахстана как транспортно-логистического хаба Евразии.

Технологическое оснащение способствует цифровой и интеллектуальной трансформации. Китай и страны Центральной Азии будут дальнейшим интегрировать

передовые технологии, такие как искусственный интеллект, интернет вещей, анализ больших данных и другие, в проекты энергетической инфраструктуры, повышая уровень цифровизации и интеллектуализации в энергетическом сотрудничестве между Китаем и странами Центральной Азии.

2.4 Цифровые технологии, сотрудничество в области гуманитарных наук и образования

Цифровая трансформация и цифровое сотрудничество между государствами-членами ШОС являются одним из самых передовых направлений сотрудничества. В сфере строительства цифровой инфраструктуры в 2025 году Казахстанский дата-центр «AKASHI» подписал меморандум о взаимопонимании с компанией «China Mobile» (Китайский мобильный оператор), планируя совместно продвигать международные искусственные интеллектуальные (ИИ) модели и центр интеллектуальной промышленности. Одновременно правительство Казахстана утвердило «Концепцию развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы», разработало проект «Закона об искусственном интеллекте» и запустило программы по цифровым инновациям и подготовке кадров в области искусственного интеллекта. Две страны продолжают деятельность по созданию «Казахстанско-китайского альянса по науке, технологиям и инновациям в сфере пространственно-временного искусственного интеллекта», который, опираясь на технологии искусственного интеллекта, дистанционного зондирования, географической информационной системы (ГИС) и глобальной навигационной спутниковой системы (ГНСС), сосредотачивается на сотрудничестве в ключевых инновационных отраслях, таких как сельское хозяйство, экология, транспорт и энергетика.

Две страны постоянно исследуют новые модели глубокого интеграции «науки, образования, производства и практического применения». Опираясь на «Программу повышения технических и профессиональных навыков «Китай — Центральная Азия», рабочие мастерские «ЛуньБань» (鲁班工坊), филиалы китайских университетов в Центральной Азии, совместные лаборатории и другие платформы, они способствуют обучению большего числа высококвалифицированных технических специалистов. Две страны добились определённых результатов в сотрудничестве в области высшего образования (в рамках совместных проектов), профессионального образования а также в проведении мероприятий в сфере туризма и культуры. В Казахстане действует 5 Конфуциусовских институтов, а платформы для распространения и обмена языками и культурой постоянно расширяются.

III. Перспективы и Предложения

3.1 Укреплять сотрудничество стратегического исследования между Китаем и Казахстаном.

Для этого предлагаем создать совместные исследовательские центры (лаборатории) между ведущим вузами и институтами. По этому направлению сотрудничества Центр изучения стран СНГ Далянского политехнического университета готов использовать и разделять свои опыты сотрудничества ДПУ с Белорусскими университетами (БГУ, БГЭУ) для продвижения многоотраслевого сотрудничества между Китаем и Казахстаном. Можно проводить совместные конференции, круглый стол, взаимный визит между специалистами.

3.2 Укреплять сотрудничество в области высшего образования между Китаем и Казахстаном..

В сфере сотрудничества в области высшего образования, принимая опыт модели совместного института двух университетов (ДПУ и БГУ), чтобы развивать совместное образование с ведущими высшими учебными заведениями Казахстана. Необходимо

интегрировать высококачественные ресурсы обеих сторон, формировать многоуровневую систему совместного обучения от бакалавриата до аспирантуры и готовить международно ориентированных специалистов.

3.3 Укреплять сотрудничество науки и техники между Китаем и Казахстаном.

В сфере научного и технического сотрудничества стоит создавать совместные научные исследовательские центры вместе с высшими учебными заведениями и научными организациями Казахстана. Сосредоточив внимание на областях, интересных обеим сторонам — таких как разработка и использование энергоресурсов, инновации в сфере информационных технологий — нужно способствовать трансформации и применению результатов научных исследований в промышленности двух стран, а также способствовать модернизации отраслей экономики.

3.4 Укреплять сотрудничество по развитию цифровизации между Китаем и Казахстаном.

Известно, что цифровизация это будущее потенциал развития в многих областях.

Рисунок. Топ-20 стран мира по масштабу цифровой экономики в 2020 г.

Китай и Казахстан имеют значительный потенциал торгово-экономического сотрудничества, который наилучшим образом может быть реализован на основе цифровизации. Так же следует увеличить цифровое сотрудничество между Китаем и Казахстаном в торгово-экономической сфере, что позволит повысить экономическую устойчивость всего региона.

Литературы

1. Генеральное управление таможенного дела Народной Республики Китая (ГУТД НРК). Постоянное углубление экономико-торговых связей между Китаем и пятью странами Центральной Азии[Электронныйресурс]-2025-06-16
URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/mtjj35/6576398/index.html>
2. Лу Фэн. Экономические отношения Китая и Казахстана в рамках стратегии «Один пояс - один путь» (проблемы и перспективы) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26.

Вып. 3. С. 58-77.

3. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Available at <https://stat.gov.kz/ru/> (accessed: 20.08.2025).

4. Ван Кэ: “ШОС играет центральную роль в сотрудничестве по трансграничным энергетическим проектам” --Интервью Бакиджана Ильяса, заместителя министра энергетики Республики Казахстан, China Electric Power News/1 июля 2025 г./003-е издание

Адамбекова А.А. д.э.н. профессор,
Аманкелді Н.А. доктор PhD, ассоц профессор
Казахский национальный университет им. аль Фараби
<https://orcid.org/0000-0003-2026-4321>
Caspian University

КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ В ДЕМОНСТРАЦИИ ПРИВЕРЖЕННОСТИ БИЗНЕСА К ESG ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация. Основные проблемы, продиктовавшие необходимость исследования, это слабый уровень приверженности ESG принципам не только отечественного бизнеса, но и региональных органов управления, демонстрируемое через отсутствие или минимальное содержание ESG сведений о деятельности субъектов экономики.

Достижение целей устойчивого развития, обозначенных ООН как ключевой вектор мирового устройства, за последние годы стало важным ориентиром в развитии государственного управления и крупного бизнеса. Реализация принципов ESG, несмотря на их четкую регламентацию имеет свою специфику, и поскольку демонстрирует собой соединение разных по содержанию подходов к управлению, на практике показывает подверженность внешним и даже внутренним факторам. В исследовании изучены материалы позволяющие оценить уровень ESG-приверженности казахстанского бизнеса и отметить основные тенденции в его расширении.

Ключевые слова: ESG, устойчивое развитие, бизнес, Глобальный договор

Казахстанские эксперты отмечают, что для частных компаний интеграция ЦУР все еще «носит» статус добровольной социальной нагрузки и не воспринимается как один из обязательных элементов управления бизнесом. Другими словами, бизнес не видит для себя получения дополнительной прибыли и других бонусов от интеграции ЦУР в свои бизнес-процессы. Основными причинами в этом, эксперты видят то, что ESG – повестка и ЦУР обсуждаются в целом только на уровне Правительства, единичных голосов аналитиков и исследователей, без активного вовлечения бизнеса и гражданского общества в целом. В этой связи, проведение данного исследования выступает важным триггером активизации обсуждений по вопросам продвижения и популяризации ESG-практик в Казахстане.

Исследование показало, что основными участниками процесса изучения именно ESG-практик в Казахстане являются следующие организации и компании:

- Международные организации в лице ООН (отчеты, Глобальный договор - обзоры);
- Международные аудит-консалтинговые корпорации в лице PwC, KPMG, Deloitte, E&Y – обзоры отчетности, исследования посредством опросов, интервью

- Аналитические компании, такие как Курсив-Research, рейтинговое агентство QRA, реализующие исследования по ESG приверженности бизнеса - обзоры отчетности, исследования посредством опросов, интервью, вебинары.

Не снижается значимость и исследований ООН в изучении и оценке процессов по продвижению ESG принципов в бизнес в рамках странового исследования. Так в рамках проводимого Советом ежегодного опроса большинства руководителей компаний, подписавших Глобальный договор, входят и казахстанские компании. В частности, если рассматривать данные опроса 2023г, то в нем участвовало всего 6 CEO казахстанских компаний, в то время как в 2024г их уже было в 6 раз больше – 35. Хотя несомненно, это очень скромные показатели, особенно если учесть, что по информации ПРООН в Казахстане, около 50 компаний подписали Глобальный договор.

Рисунок 1 - Активность участия CEO в опросах ООН в рамках Глобального договора: мир и Казахстан. Ответ на вопрос: раскрывает ли ежегодный отчет вашей компании следующие темы устойчивого развития?

Примечание: <https://unglobalcompact.org/participation/report/cop-data/explore-data> [1]

На рисунке 1 представлены основные вопросы, задаваемые CEO, на которые как можно отметить, они отвечали с разной активностью. При следует отметить, что при сравнении данных ответов в абсолютных значениях, количество ответов возросло за исследуемый период в среднем в 2,3 раза в целом по миру и в 3,5 раза по Казахстану. Анализ же непосредственно активности респондентов в опросе показал, что 8 из 19 показателей по мировым респондентам (42%) демонстрируют снижение активности. По Казахстану это 11 из 19 показателей или 58%. Это объясняется, с одной стороны, общим ростом числа респондентов (выводы представлены в разделе 2.2): по миру в 2,25 раза, по Казахстану в 5,8 раз. С другой стороны, как показало исследование, в числе вновь присоединившихся в 2024г CEO достаточно большое число респондентов, компании которых находятся только на стадии изучения и внедрения ESG принципов в свой бизнес. Следует обратить внимание, что желтым выделены показатели, которые в своей динамике несмотря на рост общего числа респондентов и тех, кто дали ответы (не оставили без внимания) продемонстрировали общий рост. При этом практически все «желтые» показатели представляют компонент «Labor Right», «Humane Resource». В то время как показатели компонента «Government» в большинстве своем показали, что топ-менеджмент крупнейших компаний в мире пока не готов внедрить ESG принципы в управлении своего бизнеса. Салатным цветом отмечены страны, которые показали существенный рост позволивший сохранить уровень активности.

Фактически, это руководители компаний, которые в 2024г сочли необходимым ответить на поставленные вопросы, при которых уровень их активности в этом году сохранился на уровне 2023г. Исследование показало, что если в 2023г практически 85% респондентов разделяют идеи и принципы устойчивого развития, то в 2024г их уровень сократился до 60%, более того 25% респондентов считает включение данных аспектов в Стратегию компании, как неприемлемые. Следует отметить, что предлагаемые респондентам варианты ответов дают им возможность отразить максимально точно, их отношение к тематике ESG.

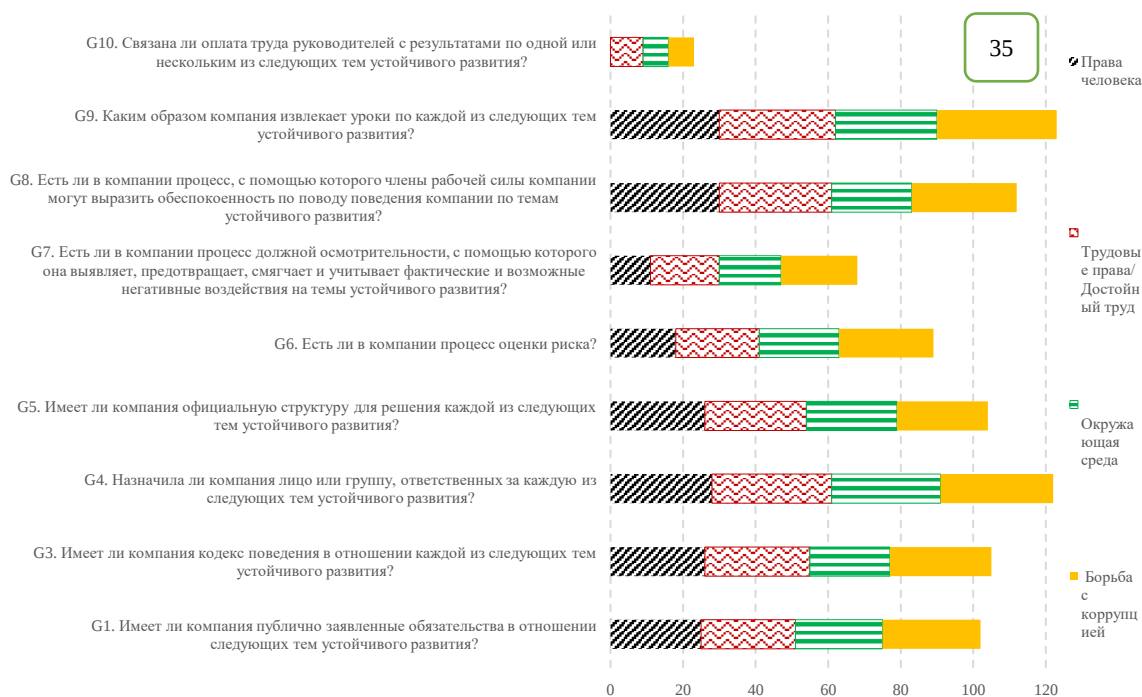

Рисунок 2 - Результаты опроса CEO казахстанских компаний в рамках Глобального Договора, компонент «Government»

Примечание: <https://unglobalcompact.org/participation/report/cop-data/explore-data>

Перечень вопросов по компоненту «Government» включает как вопросы стратегического управления, структуры управления компанией, работы над ошибками, роли ESG метрик в оплате руководителей компаний. Анализ ответов на вопросы показал, что в вопросах проустойчивого стратегического управления казахстанские компании достаточно продвинуты. В среднем 26 из 35 человек (или 73,6%) подтверждают своими ответами, что ESG принципы в целом вшиты в стратегию компании. Однако следует отметить, что в среднем только 5 человек подтвердили, что ESG метрики влияют на размер выплат руководителям в компании, а это лишь 14%. Что говорит о том, что пока руководители компании не готовы взять на себя социальную и управленческую ответственность за реализуемую в компании политику устойчивого развития. Однако для представления более полной картины, отдельные результаты компонента «Government» были визуализированы в табличной форме, поскольку уровень активности и содержания самих ответов очень разнились по вопросам (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты опроса CEO казахстанских компаний
в рамках Глобального Договора, компонент «Government»

	2024	Права челов ка	Трудовые права/Дос ойный тру	Окружа ющая сред	Борьба коррупци ей	всего
Профилактика	G 6.1 Во время оценки рисков определила ли компания поставщиков и/или другие деловые отношения, где риск, связанный с правами человека, трудовыми условиями окружающей средой и/или борьбой с коррупцией, может быть особенно серьезным?	0/5	0/7	5/10	10/15	35
	G 7.1 Во время процесса должностной осмотрительности определила ли компания поставщиков и/или другие деловые отношения, где риск неблагоприятного воздействия на права человека, труд, окружающую среду и/или борьбу с коррупцией может быть особенно серьезным?	0	0	0/5	6/ 12	35

Так, при общем количестве казахстанских респондентов в 2024г в количестве 35 человек, по двум вопросам, включенным в таблицу 1, можно наблюдать совершенно иную ситуацию. Так, на вопрос, относительно выявления поставщиков, несущих в себе существенные ESG риски, в среднем дали ответы от 14% до 42,8% - то есть большая часть респондентов проигнорировала данный вопрос. В чем реальные причины такой активности предположить сложно, но возможно, у CEO не было полной уверенности в том, чтобы ответить, ни да, ни нет, ни приемлемо. Аналогичный вопрос, направленный на выявление превентивных мер, реализуемых в компании по минимизации ESG рисков, показал, что в большинстве своем руководители проигнорировали данный вопрос (за исключением вопроса по коррупции). Примерно аналогичная ситуация сложилась и при оценке результатов опроса по компоненту «Human Resource»

При том, что общее количество респондентов по Казахстану в 2024г также оставалось в количестве 35 человек, данная тематика не была полностью охвачена руководителями. Анализ данных также показывает, что активность на уровне от 14% до 54%. При этом если на вопросы, связанные с цифровой безопасностью и гендерной тематикой активность варьируется на уровне 45-54%, то по темам свобода мнений и санитарных условий труда от 14-31%. Интересно, что на вопрос по предоставленной защите своим сотрудникам в ситуациях, в которых компания сама стала причиной неблагоприятного воздействия, захотели ответить меньше половины респондентов. Что опять-таки указывает на то, что данные аспекты не покрываются в процессе внедрения ESG принципов.

Не менее значимыми выступают выводы по опросу руководителей казахстанских компаний покрывающих компонент «Labor Rights» (рисунок 3). Однако здесь следует отметить, что в отличие от предыдущего рисунка, выводы по данному направлению

более предпочтительные. Активность респондентов выше практически по всем показателям (хотя наблюдаются значения на уровне 45-50%). Есть отдельные вопросы – например, вопрос по предоставленной защите своим сотрудникам в ситуациях, в которых компания сама стала причиной неблагоприятного воздействия, по данным аспектам практически все руководители дали свои ответы.

Рисунок 3 – Результаты опроса CEO казахстанских компаний в рамках Глобального Договора, компонент «Labor Rights»

Примечание: <https://unglobalcompact.org/participation/report/cop-data/explore-data>

Только по аспекту «Условия труда» можно отметить, что самое большое значение респондентов составило 23 руководителя, и активность как можно увидеть – низкая. В целом же следует отметить, что данная тематика может быть идентифицирована как самая понятная. Оценка данных по компоненту «Environment» дает вполне ожидаемые результаты. Вопросы практически по всем компонентам имеют общее содержание, направленное на выявление степени ESG приверженности бизнеса в том или ином вопросе.

Анализ данных также показывает, что активность на уровне от 30% до 71%. При этом только 11 человек из 35 выразили мнение относительно наличия экологических обязательств у компании, а это 30%. Относительно мониторинга на экологичность поставщиков в цепочке поставок дали свои комментарии руководители 16 казахстанских компаний – ровно половина. Более высокий уровень активности CEO проявили, отвечая на вопрос, о выявленных рисках и смягчении их последствий – в среднем 20-21 человек. Интересно, что на вопрос по предоставленной защите своим сотрудникам в ситуациях, в которых компания сама стала причиной неблагоприятного воздействия, в данном случае ответили около 70% респондентов. Оценка данных по компоненту «Environment», показала, что экологические аспекты покрываются в деятельности казахстанских компаний лучше, чем компоненты социальной и, как ни странно, управленческой ответственности.

Анализ вопросов компонента «Anti-corruption» показывает, что в отличие от всех остальных вопросов, вопросы именно этого блока тесно связаны с самим профилем тематики – противодействие коррупции. Все вопросы носят вполне конкретный посыл, указывают на четкие ориентиры относительно адресата и объекта, в отношении кого они заданы. Все это указывает, на то, что вопросам противодействия коррупции в ООН уделяют более адресное внимание. Оценка же самих ответов позволяет сделать вывод, что и респонденты в большинстве своем ответили на поставленные им вопросы. Как вывод, вопросам противодействия коррупции в казахстанских компаниях уделяется достаточно высокое внимание.

По данным PwC KZ, 45% компаний, из числа тех, кто их реализует, приступили к инициативам в области ESG более трех лет назад, что указывает на относительно раннее по центрально-азиатским меркам внедрение устойчивых практик. В свою очередь, большинство компаний в Центральной Азии начали свою ESG-практику в течение последних одного-трех лет, что совпадает с началом активных изменений в сфере регулирования и продвижения ESG-повестки на национальном уровне. Примечательно, что в Казахстане первые компании, внедрившие ESG, были в основном из нефтегазового сектора, а также секторов металлургической и горнодобывающей промышленности, энергетики. [2]

Результаты исследований, проведенных PwC KZ показывают, что отсутствие ESG компетенций, финансирование ESG внедрений и сопротивление сотрудников в общей сложности самые весомые ограничения для казахстанского бизнеса. С правовыми и нормативными аспектами, которые либо не позволяют беспрепятственно интегрировать ESG в управление компаниями, либо просто отсутствуют, сталкиваются и компании в других странах. При этом, именно соблюдение законодательных и регуляторных норм многие руководители видят, как важный аспект в управлении. Как показывают результаты обзоров, значительное большинство опрошенных компаний (80%) либо создали четко прописанную систему управления ESG, либо активно реализуют различные и по своей специфике разрозненные, экологические и социальные политики. Так, отдельные компании стремятся не только выполнять регуляторные обязательства и соответствовать требованиям заинтересованных сторон, но и внедрять ESG-практики в своих отраслях, способствуя обмену знаниями и сотрудничеству. В тоже время многообразию состава Совета директоров (5%) и правам акционеров (17%) уделяется меньшее значение. На наш взгляд, данный аспект указывает на то, что в системе корпоративного управления ведущих казахстанских компаний доминирует исполнительный уровень управления, нежели наблюдательный в лице СД. В большинстве своем компании не указывают оценку цепочки поставок в качестве приоритетного аспекта, что в случае мировой практики является после экологии практически главным маркеруемым вопросом. Бизнес по большей части отмечает значительное давление со стороны заинтересованных сторон по интеграции ESG-принципов. Результаты также показали, что в казахстанской практике наблюдается тенденция к прямому вовлечению руководства в решение ESG-вопросов вместо создания отдельных внутренних корпоративных структур как это принято за рубежом. В среднем 61% и 42% компаний сообщили, что совет директоров и руководство высшего звена, соответственно, несут основную ответственность за реализацию ESG-повестки в компании. По мнению экспертов, хотя это помогает обеспечить более фундаментальный подход к интеграции ESG, это также препятствует более оперативной реализации необходимых инициатив. Наряду с этим, PwC отмечает, что только в 34% лучших отчетов изложены цели и ключевые показатели эффективности, что указывает на сложности для многих компаний.

Особое внимание уделяется социальной ответственности. Так, 86% компаний описали подходы по развитию и вознаграждению сотрудников, а 34% раскрывают практическую работу по обеспечению равных карьерных возможностей. Также 36%

отчетов включают отношение среднего оклада женщин к среднему окладу мужчин по каждой категории работников. Основными слабыми местами эксперты отмечают слабое внимание прочим социальным темам, таким как многообразие и инклюзивность 24%, безопасность клиентов -12%. Так, вопросам занятости, условий труда и здоровью и безопасности сотрудников в компаниях уделяют большое внимание – 76%. Изменилось понимание вклада компании в профессиональное развитие персонала и сотрудников 45% в 2023г. против 37% в 2022г. Практика трудоустройства, охрана труда и техники безопасности, а также образование и профессиональная подготовка сотрудников стали важнейшими социальными факторами, в то время как разнообразие и инклюзивность, один из крупнейших социальных аспектов, в среднем отметили только 23% компаний. Комплаенс, деловая этика, а также управление ESG вопросами и рисками стали для наших респондентов основными факторами в области корпоративного управления. В настоящее время попрежнему приоритизируется улучшение финансовых показателей (как отметило большинство компаний – 83%) и меньше внимания уделяется темам, связанным с ESG - 24%.

Гибкость ESG-стратегии проявляется в возможности выбора приоритетов и подходов, соответствующих уникальным условиям и целям компании. Например, одна компания может сосредоточиться на снижении углеродного следа и внедрении возобновляемых источников энергии, в то время как другая может уделить больше внимания социальным аспектам, таким как инклюзивность и условия труда. Таким образом, ESG-стратегия может быть адаптирована к конкретным вызовам и возможностям, с которыми сталкивается компания. В Казахстане особенно заметен прогресс во внедрении и применении ESG-практик компаниями. Согласно результатам опроса, компании в Казахстане демонстрируют высокую степень зрелости в интеграции ESG с развитыми ESG-стратегиями, активным вовлечением руководства и комплексной практикой нефинансовой отчетности.

Это улучшение подчеркивает приверженность казахстанских компаний к прозрачности и ответственности в их практиках ESG-отчетности. Хотя несомненно, статистика ESG практик пока не сопоставима с европейскими и азиатскими данными. Также аналитики отметили правильные и перспективные инициативы многих казахстанских компаний — это такие направления как финансовая грамотность, социальная ответственность, поддержка искусства, культуры и спорта, экологическая ответственность. По мнению респондентов, ключевые региональные экологические проблемы включают потребление энергии, изменение климата и утилизацию отходов. Однако существует разрыв между признанием климатических рисков и реализацией действий по их смягчению. Большинство компаний принимают во внимание влияние климатических рисков, но половина из них пока не предприняли никаких действий.

Современное глобальное сообщество воспринимает цели устойчивого развития не просто целевыми индикаторами функционирования национальных экономик и бизнеса. Сегодня, существование и развитие в контексте ESG, GSD и CSR становится культурой сопоставимой с базовыми принципами человеческого бытия. К сожалению, несмотря на то, что международные эксперты отмечают значительное продвижение Казахстана в этом направлении среди стран Центрально-Азиатского региона, ESG для казахстанского бизнеса это модно, круто, но дорого. Мы вынуждены констатировать отсутствие или минимальное содержание ESG-информации о деятельности субъектов бизнеса в Казахстане. Так, максимальный обзор охватывает около 100 компаний, что несравнимо с 9281 компаний крупного и среднего бизнеса, зарегистрированных в Казахстане на 1 января 2025г. Из них, 52% это субъекты бизнеса с государственным участием (кто как не они первыми должны были реализовывать ESG принципы).[3]

Рейтинг проведенный PwC KZ еще раз обращает внимание на то, что даже простое указание и привязка мероприятий компании (региональных органов власти и управления) на соответствие ЦУП/ESG подлежат оценке и ранжированию со стороны рейтинговых компаний, и как следствие, бизнес-сообщества и государства. Однако расхождения между зрелостью ESG-стратегии и ее фактической реализацией свидетельствуют о разрыве между намерениями и действиями. Наряду с этим, в мнениях экспертов от разных представителей общества просматриваются некоторые различия. Например, PwC отмечает, что около 70 компаний из Казахстана присоединились к Глобальному договору ООН. В то время как ПРООН анонсирует число в 50 компаний. Но несомненно то, что Казахстан лидирует числом участников инициативы в Центральной Азии. Однако различие в официально публикуемых данных уже указывает на то, что информационная сфера ESG-повестки также нуждается в более четкой систематизации и регламентирования.

Список использованной литературы:

- 1 United Nations Global Compact. Explore the CoP data. <https://unglobalcompact.org/participation/report/cop-data/explore-data>
- 2 PwC. Climate leadership wanted: How CEOs can better meet investor expectations <https://www.pwc.com/gx/en/issues/esg/ceos-investors-climate-change-expectations.html>
- 3 Бюро НС. Отраслевая статистика. Структурная статистика. <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-struct/>

УДК 339.138

Болтаев Ж. Г. независимый исследователь
Бухарского государственного университета, г.Бухара

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические основы территориального маркетинга как важного инструмента устойчивого экономического роста региона. На примере Бухарской области проанализированы сильные и слабые стороны социально-экономического развития, а также факторы, препятствующие эффективному позиционированию территории. Особое внимание уделено необходимости формирования регионального бренда, развитию цифровых инструментов маркетинга и повышению инвестиционной привлекательности. Предложены направления совершенствования территориального маркетинга, включающие цифровизацию коммуникаций, интеграцию малого и среднего бизнеса в проекты продвижения, развитие маркетинговой инфраструктуры и создание долгосрочной брендинговой стратегии региона. Реализация данных подходов позволит укрепить имидж Бухарской области и повысить её конкурентоспособность на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: территориальный маркетинг, Бухарская область, устойчивое развитие, инвестиционная привлекательность, региональный брендинг, цифровизация, конкурентоспособность.

В условиях глобализации и усиливающейся региональной конкуренции роль территориального маркетинга возрастает. Современные регионы стремятся не только развивать экономику, но и формировать положительный имидж для инвесторов, туристов и местного населения. По мнению Ф. Котлера, маркетинг территорий представляет собой комплекс мероприятий по привлечению инвестиций, стимулированию туризма и повышению качества жизни жителей через эффективное позиционирование региона[1].

Для Бухарской области, обладающей значительным культурно-историческим наследием, диверсифицированной экономикой и высоким туристическим потенциалом, совершенствование территориального маркетинга является актуальной задачей. В то же время наличие ряда проблем — слабое развитие бренда региона, недостаточная цифровизация маркетинговых процессов, ограниченное участие бизнеса в продвижении области — препятствует реализации её потенциала.

Целью исследования является определение направлений совершенствования территориального маркетинга в Бухарской области для обеспечения устойчивого экономического роста и укрепления её конкурентных преимуществ.

Территориальный маркетинг можно определить как систему управления и продвижения территории, основанную на использовании маркетинговых инструментов для удовлетворения потребностей различных целевых аудиторий: инвесторов, туристов, местных жителей. Его основные функции включают:

- позиционирование региона в национальном и международном пространстве;
- формирование регионального бренда;
- создание коммуникационных платформ для взаимодействия власти, бизнеса и общества;
- повышение инвестиционной и туристической привлекательности.

В зарубежной практике территориальный маркетинг активно используется в Европе [2],[3]. Регионы Франции, Италии, Испании и Восточной Европы демонстрируют успешные примеры продвижения территорий через брендинг, культурные мероприятия и цифровые стратегии. Эти подходы могут быть адаптированы к условиям Узбекистана и, в частности, Бухарской области.

Бухара является одним из крупнейших экономических и культурных регионов Узбекистана, занимая весомое место в формировании валового регионального продукта страны. Экономика области отличается диверсифицированной структурой: около 30 % ВРП приходится на промышленность, 25 % — на сельское хозяйство, 35 % — на сферу услуг, оставшаяся доля формируется за счёт транспорта и вспомогательных отраслей [7].

Основные отрасли региона включают нефтегазовую промышленность, текстильное производство, аграрный сектор, сферу услуг и туризм. Более половины занятого населения трудится в сельском хозяйстве и сфере услуг, что отражает социально-экономическую специфику области. Экспорт ориентирован на текстильную продукцию, хлопок, ковроткачество, ювелирные изделия и газохимическую продукцию, что демонстрирует богатый ресурсный потенциал и отраслевую специализацию региона.

В последние годы туризм развивается особенно динамично: бренд «Ипак йўли шаҳри — Бухоро» укрепил международную узнаваемость области, что подтверждается ростом туристического потока и расширением инфраструктуры. Увеличение числа субъектов малого бизнеса также стало важным показателем экономической активности и предпринимательского потенциала.

Сильные стороны:

- богатое культурное и историческое наследие (объекты ЮНЕСКО, фестивали, традиционные ремёсла);
- развитые отрасли промышленности и аграрного производства;

- наличие транспортно-логистических узлов, соединяющих международные маршруты;

- активное развитие туристического бренда и экспортных направлений.

Слабые стороны:

- недостаточное продвижение регионального бренда на международных рынках;

- слабое использование цифровых инструментов маркетинга и коммуникаций;

- ограниченное участие малого и среднего бизнеса в проектах стратегического продвижения;

- необходимость большей интеграции маркетинговых инициатив в региональные программы развития.

Таким образом, Бухарская область сочетает мощный экономический, культурный и туристический потенциал, однако его реализация требует системного подхода к территориальному маркетингу, ориентированного на цифровизацию, брендинг и привлечение инвестиций.

Совершенствование территориального маркетинга Бухарской области должно опираться на комплексный подход, включающий цифровизацию коммуникаций, формирование территориального бренда, повышение инвестиционной привлекательности, интеграцию бизнеса и общества, а также развитие специализированной маркетинговой инфраструктуры.

В современных условиях особое значение приобретает цифровизация. По данным OECD Regional Outlook 2023, именно цифровые инструменты и коммуникации становятся ключевыми факторами региональной конкурентоспособности, обеспечивая открытость данных и оперативный доступ к информации[3]. Для Бухары актуально создание единого инвестиционно-туристического портала, внедрение мобильных приложений и активизация присутствия региона в социальных сетях. Эти меры позволят повысить прозрачность коммуникаций, укрепить взаимодействие с инвесторами и туристами, а также сформировать позитивный имидж региона на международном уровне.

Формирование устойчивого территориального бренда является не менее важным направлением. Как отмечает С. Анхольт в работе Competitive Identity (2007), сильный бренд региона обеспечивает его узнаваемость, способствует привлечению инвестиций и туристов, а также формирует долгосрочные конкурентные преимущества [2]. Для Бухарской области целесообразно разработать брендинговую концепцию, акцентирующую внимание на уникальном культурно-историческом наследии, архитектурных памятниках и традиционных ремёслах, что будет способствовать укреплению международного имиджа региона.

Повышение инвестиционной привлекательности требует внедрения институциональных и организационных мер. UNCTAD World Investment Report 2024 подчёркивает, что прозрачные административные процедуры и механизм «одного окна» для инвесторов являются ключевыми факторами привлечения прямых иностранных инвестиций [6]. Для Бухарской области целесообразно разработать комплексный пакет инвестиционных предложений, расширить участие в международных выставках и бизнес-форумах, а также стимулировать развитие экспортного потенциала.

Значимым элементом территориального маркетинга является активное вовлечение субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Согласно рекомендациям OECD Rethinking Regional Attractiveness in the New Global Environment (2023), формирование кластеров в сфере туризма, аграрного производства и промышленности позволяет укрепить связи между бизнесом и органами власти, стимулировать предпринимательскую активность и повысить устойчивость региональных маркетинговых стратегий[4].

Наконец, важным направлением является развитие маркетинговой инфраструктуры. Международный опыт показывает, что создание выставочных комплексов, проведение культурных и деловых мероприятий, а также формирование туристических кластеров выступают действенными инструментами повышения узнаваемости региона и укрепления его позиций на глобальной карте [5]. Для Бухарской области это позволит расширить каналы коммуникации, увеличить потоки туристов и инвесторов, а также обеспечить дополнительные стимулы для устойчивого роста.

Таким образом, совершенствование территориального маркетинга Бухарской области должно носить системный характер. Реализация комплекса мер, включающих цифровизацию, брендинг, инвестиционную открытость, вовлечение бизнеса и развитие инфраструктуры, обеспечит устойчивый экономический рост региона и укрепит его конкурентные преимущества в национальном и международном измерении.

На основе проведённых исследований нами сформулированы следующие практические рекомендации:

- разработка и утверждение единой региональной маркетинговой стратегии Бухарской области;
- создание долгосрочного брендингового проекта «Bukhara – cultural and business hub of Central Asia»;
- активное использование инструментов digital marketing для продвижения региона на международных рынках;
- повышение инвестиционной открытости за счёт прозрачных процедур и внедрения принципа «одного окна» для инвесторов;
- расширение участия субъектов малого и среднего бизнеса в маркетинговых инициативах посредством кластерных объединений и бизнес-ассоциаций.

Территориальный маркетинг является важнейшим инструментом обеспечения устойчивого экономического развития регионов. Для Бухарской области его совершенствование позволит раскрыть потенциал промышленного, аграрного и туристического секторов, укрепить международный имидж и повысить конкурентоспособность территории. Системный подход, включающий цифровизацию, формирование бренда, развитие инфраструктуры и стимулирование инвестиционной активности, обеспечит региону условия для интеграции в глобальное экономическое пространство и достижения устойчивого роста.

Список литературы

1. Котлер Ф., Хайдер Д., Рейн И. Маркетинг мест: привлечение инвестиций, отраслей и туризма в города, штаты и страны. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 382 с.
2. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – 134 p.
3. OECD. Regional Outlook 2023: The Longstanding Challenge of Regional Disparities. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 176 p.
4. OECD. Rethinking Regional Attractiveness in the New Global Environment. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 220 p.
5. European Commission. The Regional Competitiveness Index 2.0. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. – 86 p.
6. UNCTAD. World Investment Report 2024: Investing in Sustainable Energy for All. – Geneva: United Nations, 2024. – 238 p.
7. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Официальный сайт. – URL: <https://stat.uz>.

Улыбышев Д.Н., Бектлеева Д.Е.
Esil University, Астана, Казахстан
Жайлауов Е.Б., Кенжебеков Н.Д.
ТОО «Rational Solution», Астана, Казахстан

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО И БЮДЖЕТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАСХОДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В тезисах изложены основные направления совершенствования стратегического и бюджетного планирования расходов государственных финансовых средств в Казахстане. К их числу отнесены необходимость устранения дисбаланса в планировании различных видов ресурсов с позиции их накопления, сохранения и использования; необходимость развития системы региональные стандартов (СРС) как основы развития системы государственного стратегического планирования; требование восстановления системы демографических прогнозов и их введение в системы государственного планирования и расширение использования принципов проактивности. Тезисы подготовлены в рамках программы BR21882352 «Разработка новой парадигмы и концепции развития государственного аудита, рекомендаций по улучшению системы оценки качества управления и эффективного использования национальных ресурсов», финансируемой Комитетом науки МНВО РК.

Основной проблемой документов третьего уровня стратегического планирования является то, что при планировании происходит концентрация усилий, как правило, на одном из ресурсов и, что еще более тревожно, на одном из этапов (таблица 1).

Таблица 1 – Суммарные параметры в распределении планируемых показателей по видам ресурсов и этапам управления ими суммарно по Карагандинской, Западно-Казахстанской, Жамбылской областям и г. Астане

Наименование ресурса	Этапы управления национальными ресурсами					
	Накопление		Сохранение		Использование	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Абсолютное количество, ед.						
Природные	3	3	129	45	6	3
Производственные	112	81	88	50	31	10
Человеческие	164	139	543	425	19	6
Финансовые	25	10	8	8	6	1
Информационные	29	25	6	6	27	18
Всего	333	258	774	534	89	38
Структура, %						
Природные	0,9	1,2	16,7	8,4	6,7	7,9
Производственные	33,6	31,4	11,4	9,4	34,8	26,3
Человеческие	49,2	53,9	70,2	79,6	21,3	15,8
Финансовые	7,5	3,9	1,0	1,5	6,7	2,6

Информационные	8,7	9,7	0,8	1,1	30,3	47,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Примечание:						
1 Составлена авторами						
2 Темным цветом отмечены парные ячейки «план/факт» со значениями менее 10%						

Очевидно, что на этапах накопления и сохранения максимальное количество параметров и мероприятий сконцентрировано на развитии человеческих ресурсов, а на этапе использования – на производственных и информационных ресурсах. Это, в свою очередь, порождает еще большее количество дисбалансов в дополнение к отмеченным выше. Одним из проявлений таких дисбалансов, является, например, проблема конъюнктуры рынка труда в регионах Казахстана в виде трудоизбыточности, когда предложение труда превышает спрос, а также структурных диспропорций с позиции профессиональной подготовки, развития новых проектов и т.п. И хотя современная экономическая теория прямо указывает, что, согласно закону убывающей предельной производительности (отдачи), рост использования одного переменного фактора (использование ресурса), при неизменности остальных, приведет к такому результату, после которого отдача от переменного фактора (ресурса), начнет снижаться [1-2], это тем не менее не приводит к изменению пропорций параметров и мероприятий при планировании.

Это в свою очередь означает, что нарушаются принципы ESG, когда стратегическое планирование в итоге ущемляет экологическую (особенно в части параметров накопления и использования природных ресурсов) или управленческую (в части финансовых и информационных ресурсов) составляющие в пользу социальных показателей и мероприятий программ и планов.

Таким образом, можно выделить базовый приоритет «Устранение дисбаланса в планировании различных видов ресурсов с позиции их накопления, сохранения и использования», в рамках которого в первую очередь необходимо усиление стратегического планирования в части увеличения в планах количества показателей и мероприятий следующего характера:

- накопление и использование природных ресурсов;
- накопление, сохранение и использование финансовых ресурсов;
- накопление и сохранение информационных ресурсов.

Далее, нами проведены расчеты индексов стратегической эффективности суммарно по Карагандинской, Западно-Казахстанской, Жамбылской областям и г. Астане с позиции видов ресурсов (таблица 2) и этапов управления ресурсами (таблица 3).

Таблица 2 – Индексы стратегической эффективности суммарно по Карагандинской, Западно-Казахстанской, Жамбылской областям и г. Астане с позиции видов ресурсов

Виды ресурсов	Карагандинская область	Западно-Казахстанская область	г. Астана	Жамбылская область
Природные	0,56	0,52	0,81	0,19
Производственные	0,68	0,47	0,50	0,83
Человеческие	0,83	0,80	0,79	0,73
Финансовые	0,52	0,29	0,63	0,33
Информационные	0,75	0,60	0,86	0,80
Всего	0,75	0,66	0,78	0,62

Таблица 3 – Индексы стратегической эффективности суммарно по Карагандинской, Западно-Казахстанской, Жамбылской областям и г. Астане с позиции этапов управления ресурсами

Регион	Накопление	Сохранение	Использование	Всего
Карагандинская область	0,66	0,85	0,29	0,75
Западно-Казахстанская область	0,68	0,69	0,42	0,66
г. Астана	0,82	0,79	0,44	0,78
Жамбылская область	0,89	0,51	0,57	0,62

Расчеты показывают следующее:

- наилучшие индексы стратегической эффективности показывают человеческие ресурсы (то есть социальная составляющая принципов устойчивого развития и ESG);
- наихудшие индексы стратегической эффективности имеют финансовые ресурсы (то есть управленческая составляющая ESG);
- наилучшие результаты в целом достигнуты по показателям и мероприятиям накопления национальных ресурсов, а наихудшие – по использованию.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что:

- следует сконцентрировать усилия на исключении из программ и планов показателей и мероприятий, которые не подлежат прямому контролю со стороны государственных органов, например, финансируемых за счет частных инвестиций;
- требуется формирование такого перечня показателей и мероприятий, который бы в большей степени ориентировался на этап использования ресурсов, чтобы не нарушать процесс расширенного воспроизводства ресурсов.

Далее, исследование системы стратегического бюджетного планирования показало, что основу планов составляют показатели и мероприятия, характеризующие предоставление общественных благ в социальной сфере, что полностью коррелирует с целями и задачами социального государства, коим Казахстан провозгласил себя согласно Конституции.

Так, согласно новому Бюджетному кодексу от 15 марта 2025 года № 171-VIII, статье 70 «Общие положения об основах планирования бюджета» планирование расходов бюджета осуществляется на основе параметров социально-экономического развития Республики Казахстан, области, города республиканского значения, столицы на соответствующий период, планов развития государственных органов, планов развития областей, городов республиканского значения, столицы, прогнозной консолидированной отчетности администраторов бюджетных программ, натуральных норм, минимальных социальных стандартов, стандартов инженерно-коммуникационной, транспортной и иной инфраструктуры, системы региональных стандартов для населенных пунктов [3]. Следовательно, для дальнейшего развития социальной составляющей принятых Казахстаном обязательств в соответствии с Целями устойчивого развития в планах развития регионов необходимо усилить задачи по реализации системы региональных стандартов. Данная задача определяется тем, что система региональных стандартов (СРС) – это набор минимальных требований к обеспеченности объектов и услуг социальной и инженерной инфраструктуры в населенных пунктах. Она используется для планирования социально-экономического развития регионов, а также для мониторинга соответствия регионов минимальным стандартам, утверждаемым Министерством экономики Казахстана [4-5].

Система содержит стандарты качества жизни для каждого из типов населенных пунктов, то есть перечень конкретных объектов, которые должны быть в конкретном

населенном пункте. Например, для столицы, городов республиканского и областного значения предусмотрен перечень из 56 объектов и услуг. Наряду со школами, больницами, аптеками, культурно-досуговыми организациями, аэропортами в каждом городе республиканского и областного значения должны быть зоологические парки и ботанические сады, мусороперерабатывающие и мусоросортировочные комплексы, контейнеры для раздельного сбора твердых бытовых отходов и другие.

Стандарты для городов районного значения включают 49 объектов и услуг. Здесь обязательно должны быть детские сады, школы, больницы и поликлиники. Жители данных городов также имеют право на услуги культурно-досуговых комплексов, кинотеатров, музеев, театров, физкультурно-оздоровительных комплексов, общественного транспорта. Здесь должны быть асфальтированные и освещенные дороги, бесперебойное электричество и вода из централизованных источников, участковый пункт полиции, противопожарная служба, мусоросортировочный комплекс, высокоскоростной интернет, ЦОН и другие.

Жители сёл имеют право на детские сады, школы (либо подвоз), медпункт, ФАП или врачебную амбулаторию (в зависимости от размера села), нормальные дороги, электроснабжение, водоснабжение, сотовую связь, хороший интернет.

Для административных центров сельских округов и опорных сёл этот список можно дополнить зонами для отдыха жителей, зоной самообслуживания для получения государственных услуг и центрами поддержки предпринимателей. К слову, стандарты для центров сельских округов состоят из 40 объектов и услуг, а для остальных аулов – 29.

Система региональных стандартов включает объекты по 12 направлениям, таким как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культура и спорт, досуг и отдых, транспортная инфраструктура, дорожная инфраструктура, инженерная инфраструктура, обеспечение безопасности и защиты окружающей среды, инфокоммуникация, инфраструктура бытового обслуживания и др.

При этом следует указать на то, что СРС – это показатели обеспеченности населения общественными благами, в то время как требуются замеры доступности уже предоставляемых общественных благ. Доступность в данном случае означает, благо получается беспрепятственно или без высоких затрат усилий, времени, денег и иных ресурсов (например, школа во дворе дома, асфальтированный подъезд к поликлинике, наличие автобусной остановки и четкого расписания движения автобусов и т.п.). В то время как недоступность означает, что благо имеется в наличии, но по каким-то причинам – объективным или субъективным – не может быть получено благополучателем (отсутствие пандуса при входе в учреждение, наличие школы на другом берегу реки при отсутствии моста и т.д.) [6].

Таким образом, следует не только концентрироваться на выполнении показателей обеспечения населения и бизнес-сообщества качественными общественными благами, но и добиваться их максимально-возможной доступности.

Тогда в рамках приоритета «Развитие системы региональные стандарты (СРС) как основы развития системы государственного стратегического планирования» применяется набор нормативов и/или иных нормативно-правовых актов, регулирующих формирование сети объектов и набора услуг (благ), применяемых для выработки Системы региональных стандартов, на основе которых формируется бюджет каждой сферы общественного сектора страны. Этот перечень является минимальным необходимым условием для обеспечения конституционных прав граждан на получение минимально необходимого набора общественных благ, обеспечивающих приемлемое качество жизни и условий ведения бизнеса.

При этом следует отметить, что только часть указанных организаций имеет

нормативно установленный минимум пропускной способности или стандарт обеспечения услуги. Другая часть строится и поддерживается за счет только или часто внебюджетных средств и подлежит только обязательной проверке на соответствие строительным правилам и санитарно-эпидемиологическим нормам.

Формирование стратегических планов, исходя из требований к указанному перечню организаций, является с 2025 года основой для расчета расходных частей бюджета и требует проверки выполнения ряда условий:

- наличия полного реестра организаций с указанием их состояния, потребности в текущем и капитальном финансировании, мощности и загруженности;
- соответствия суммарной мощности организаций суммарной потребности в их услугах со стороны населения и бизнеса;
- доступности самих организаций и их услуг населению и бизнесу.

Если оценка обеспеченности, состояния, мощности и т.п. параметров производится на основании технической, финансовой и иной документации, то оценка доступности не нормирована и должна проводиться на основании прямо выявляемых наличия или отсутствия вовлечения дополнительных ресурсов в процесс получения общественных благ (таблица 4).

Для развития бюджетного планирования на основе СРС требуется введение в системы стратегического государственного управления демографических прогнозов. Данное направление совершенствования системы стратегического и бюджетного планирования является важным, поскольку на основе демографических прогнозов появляется возможность более детального и верного планирования социальными параметрами отечественной бюджетной системы. Предлагаемая СРС может в средне- и долгосрочной перспективе целиком опираться на демографические прогнозы с соответствующей корректировкой показателей по фактическим параметрам демографического развития общества.

Таблица 4 – Методы оценки доступности общественных благ с точки зрения вовлечения дополнительных ресурсов

Виды ресурсов	Параметры оценки доступности по вовлечению дополнительных ресурсов
Природные	– наличие/отсутствие выявленных фактов сверхнормативного загрязнения окружающей среды, несанкционированных свалок, потерь
Производственные	– наличие/отсутствие фактов сверхнормативного использования объектов, вовлечение в обслуживание дополнительного персонала и сторонних организаций, профицит/дефицит, состав и качество оборудования и ТМЦ, отсутствие прямого доступа к объекту или услуге
Человеческие	– наличие/отсутствие сверхнормативного ожидания получения общественного блага
Финансовые	– наличие/отсутствие дополнительных затрат на получение услуги или доступ к объекту
Информационные	– уровень удовлетворенности качеством и содержанием предоставляемых общественных благ, выявляемые через опросы потребителей

Приоритет восстановления системы демографических прогнозов и их введение в системы государственного планирования предлагается в качестве дополнения к предыдущему, поскольку позволит более точно прогнозировать количественные параметры средне- и долгосрочных бюджетов, сформированных на основе СРС.

Такие прогнозы должны формироваться в нескольких целях:

- аналитические прогнозы – для изучения реальной ситуации и для выявления проблем (выражаются в виде оценки параметров будущей демографической ситуации);
- нормативный прогноз – для выработки конкретных рекомендаций для достижения желаемого состояния демографических процессов;
- функциональный прогноз – для конкретных практических целей организаций, фирм, корпораций, государственных органов.

Демографический прогноз в конечном итоге позволит сформировать представление:

- о темпах изменения потребностей в том или ином общественном благе;
- о динамике будущих социальных выплат;
- о необходимости корректировки бюджетов развития для расширения или модернизации сети организаций, предоставляющих общественные блага;
- об изменении количества и структуры потребителей общественных благ.

Таким образом, согласно принципов ESG усиливается управляемость системы государственного управления.

Другим направлением роста управляемости системы государственного управления и бюджетного планирования является, на наш взгляд, расширение использования принципов проактивности.

Проактивность представляет собой форму деятельности, направленную на упреждение потенциальных событий или проблем. Действовать проактивно означает вызывать необходимые изменения, намереваясь добиться нужного результата или избежать проблемы, не дожидаясь их возникновения [7].

В отличие от реактивного подхода, который основывается на реагировании на уже возникшие проблемы, проактивный подход предусматривает их предотвращение путем прогнозирования и подготовки. В контексте, например, социальных услуг, проактивность выражается в предоставлении услуг без активного участия бенефициара на этапах подачи и обработки заявки.

В проактивном формате оказания социальных услуг ключевым элементом является минимизация усилий бенефициара. Обычно от него требуется лишь согласие на получение услуги, после чего все дальнейшие действия выполняются автоматически. Такой подход позволяет сократить бюрократические процедуры и снизить временные и иные затраты как для граждан, так и для государственных служб.

На текущий момент большое количество общественных благ предоставляется в рамках реактивной модели. Проактивная же модель фокусируется на предупреждении проблем до их возникновения. Она включает следующие этапы:

1. Изучение и оценка. Наиболее трудоемкий этап, связанный со сбором данных о текущем состоянии уязвимых слоев населения.

На основе анализа данных проводится оценка рисков, связанных с возможным развитием выявленных тенденций, это определение вероятности возникновения проблем и оценка возможных последствий для различных групп бенефициаров. Выявляются ключевые факторы, влияющие на риск возникновения проблем. Это позволяет сосредоточить усилия на наиболее значимых аспектах и разработать целевые меры для их контроля.

Этап изучения и оценки оказывает значительное влияние на все последующие этапы проактивной модели предоставления помощи. На основании результатов изучения

и оценки разрабатываются прогнозы возможных проблем и сценарии их развития. Полученные данные используются для разработки мер по предотвращению выявленных проблем, включая планирование и разработку стратегий. Реализуются меры по предупреждению проблем и контролю за их развитием, что позволяет минимизировать риски и последствия.

2. Прогнозирование. Этап прогнозирования позволяет рационально распределить ресурсы, направив их на решение наиболее вероятных и значимых проблем. Разрабатываются различные сценарии развития событий. Это может включать как оптимистичные, так и пессимистичные прогнозы, что позволяет подготовиться к разным вариантам развития ситуации. Для каждого сценария оценивается вероятность его реализации. Это включает количественные методы (например, статистические модели) и качественные методы (например, экспертные оценки). Определяются возможные последствия реализации каждого сценария для различных групп населения или систем. Важно учитывать как непосредственные, так и долгосрочные эффекты. На основе оценки вероятностей и анализа последствий, риски приоритизируются. Это позволяет сосредоточить усилия на наиболее значимых и вероятных проблемах.

3. Выработка решений. В процессе выработки решений активно привлекаются эксперты из различных областей (например, здравоохранения, экономики, социальной работы) для получения многогранного взгляда на ситуацию и выработки комплексных рекомендаций.

На основе анализа прогнозов устанавливаются конкретные цели, которых необходимо достичь для предотвращения проблем. Разрабатываются конкретные меры и стратегии, направленные на предотвращение выявленных проблем. Это могут быть как краткосрочные, так и долгосрочные меры, включая политические и административные решения; социальные программы и инициативы; экономические стимулы и поддержка; информационные и образовательные кампании.

4. Предупреждение и контроль. На данном этапе проводится регулярная оценка эффективности реализованных мер. Постоянный мониторинг и оценка позволяют поддерживать высокую эффективность мер предупреждения и адаптироваться к изменяющимся условиям. Это позволяет определить, достигнуты ли поставленные цели, и выявить области для улучшения. На основе результатов мониторинга и оценки принимаются корректирующие действия для повышения эффективности мер предупреждения. Прозрачность и ответственность в реализации мер повышают доверие заинтересованных сторон. Полученные данные и результаты оценки обеспечивают основу для принятия обоснованных решений и планирования будущих мер по снижению риска повторного попадания в категорию получателей конкретного общественного блага.

Поэтому включение в планы мероприятий по передаче услуг в проактивное поле в значительной степени улучшит управляемость системой и увеличит отдачу на этапе использования различных видов ресурсов.

Список использованной литературы:

- 1 Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 736 с. – URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=20253&p=attachment>.
- 2 Хусаинова Ж.С. Микро- и макроэкономика: прикладные поведенческие модели. Учебное пособие. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2010. – С. 46-47.
- 3 Бюджетный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 15 марта 2025 года № 171-VIII. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000171>.
- 4 Совместный приказ Министра национальной экономики Республики

Казахстан от 20 апреля 2019 года № 29, Министра образования и науки Республики Казахстан от 23 апреля 2019 года № 164, Министра здравоохранения Республики Казахстан от 25 апреля 2019 года № ҚР ДСМ-50, Министра индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан от 23 апреля 2019 года № 243, Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 22 апреля 2019 года № 113 и Министра цифрового развития, оборонной и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 25 апреля 2019 года № 56/НК «Об утверждении Системы региональных стандартов для населенных пунктов.». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900018592>.

5 Совместный приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 20 января 2023 года № 7, Министра просвещения Республики Казахстан от 25 января 2023 года № 16, Министра здравоохранения Республики Казахстан от 25 января 2023 года № 16, Министра индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан от 7 февраля 2023 года № 85, Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 25 января 2023 года № 20 и Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 30 января 2023 года № 33/НК «О внесении изменений в совместный приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 20 апреля 2019 года № 29, Министра образования и науки Республики Казахстан от 23 апреля 2019 года № 164, Министра здравоохранения Республики Казахстан от 25 апреля 2019 года № ҚР ДСМ-50, Министра индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан от 23 апреля 2019 года № 243, Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 22 апреля 2019 года № 113 и Министра цифрового развития, оборонной и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 25 апреля 2019 года № 56/НК "Об утверждении Системы региональных стандартов для населенных пунктов"». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300031881>

6 Аймагамбетов Е.Б., Алимбаев А.А., Притворова Т.П. и др. Развитие институционального партнерства в общественном секторе Республики Казахстан. – Караганда: КЭУ Казпотребсоюза, 2007. – 277 с.

7 Притворова Т.П., Жайлауов Е.Б., Бектлеева Д.Е. и др. Система адресной социальной помощи в Казахстане: институциональная среда, оценка состояния, векторы и механизмы активизации: коллективная монография. – Астана: ИПЦ Esil University, 2024. – 213с.

УДК 330.8 (574)

Догалов А.Н., к.э.н., доцент
Западно-Казахстанский инновационно-
технологический университет,
г. Уральск,

Нажмиденов Б.А., магистр экономики,
Соискатель г. Астана

ВКЛАД АКАДЕМИКА Г. СЕЙТКАСИМОВА В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Габдыгапар Сейткасимов – выдающийся ученый экономист, крупный организатор в системе высшего образования Республики Казахстан. Он был известным публицистом и исследователем социально-экономических проблем казахского народа в составе Советского Союза и в период независимого развития Республики Казахстан.

Одним из центральных тем его изысканий во времена Казахской ССР. были исследования в области повышения эффективности производства зерна в Казахстане.

В период независимого развития Республики Казахстан темами его исследований были: создание и совершенствование денежно-кредитной и банковской системы, вопросы инновационного развития обрабатывающей промышленности страны. В данной статье рассмотрены его научные труды, посвященные вышеперечисленным проблемам.

Ключевые слова: экономика, зерновое производство, деньги, кредит, финансы, инновация.

Впервые я познакомился Габдыгапар-аға 2006 году в поезде по маршруту Алматы-Астана. О нем много положительного был слышан от карарагандских коллег и наша 3-х часовая беседа за чаем женгей Базар в купе подтвердила те лестные отзывы которые были в свое время высказаны о нем моими друзьями и коллегами.

Вскоре после ухода с государственной службы в Еразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева я на полставки начал подрабатывать в Казахском университете экономики, финансов и международной торговли который в тот период возглавлял академик Г. Сейдкасимов.

К тому же мы оказались соседями по месту жительства и иногда по утрам прогуливались по набережной Есиля и беседовали на разные темы.

Вышеперечисленное дает мне сказать то, что Габдыгапар-аға был не только ведущим ученым экономистом и крупным организатором научно-преподавательской деятельности нашей страны, но и очень воспитанным и вежливым человеком – настоящим педагогом.

Далее хотелось коснуться о значительном вкладе академика Г. Сейткасимова в развитие экономической науки Республики Казахстан.

Габдыгапар-аға свою трудовую деятельность после окончания высшего учебного заведения начал экономистом совхоза в бескрайных степях Тургайского района Кустанайской области с резноконтинентальными природноклиматическими условиями и отдаленностью от железнодорожного сообщения. Тяжелые условия производства и низкая производительность труда в аграрном секторе убедили молодого экономиста о необходимости научных исследований в области преодоления данной отсталости.

Поэтому Габдыгапар-ага начинает заниматься научно-исследовательской деятельностью. За шесть лет работы в совхозе он опубликовал 11 трудов касающихся вопросов эффективности производственной деятельности совхоза.

Затем будущий академик переходит на работу в научно-исследовательскую сферу – заведующим отделом экономики зерна Целинного филиала КазНИИ экономики и организации сельского хозяйства г. Целинограда.

В 1970-1973 гг. он аспирант Казахского НИИ экономики и организации сельского хозяйства (Алма-Ата). Основными направлениями его исследования в кандидатской диссертации были вопросы повышения качества зерна, проблемы ее послеуборочной обработки, совершенствование планирования оптимизации и организации заготовок сельскохозяйственной продукции.

После окончания аспирантуры Г. Сейткасимов в течение 20 лет занимается активной преподавательской деятельностью в одном из ведущих университетов Казахстана – Карагандинском Государственном университете им. Е.А. Букетова, где начав старшим преподавателем вырос до проректора университета по учебной работе.

Свою педагогическую деятельность он умело совмещал с научными исследованиями в области экономики. За этот период он защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звание профессора и был избран член-корреспондентом Казахской сельскохозяйственной академии наук.

Тема его докторской диссертации являлось дальнейшим более глубоким исследованием экономических проблем производства зерна, повышения ее эффективности в Казахстане.

Важным этапом в изменении направлении научных исследований академика Г. Сейткасимова, на наш взгляд, следует считать конец 80-х и начало 90-х годов 20 века. Тематика его опубликованных трудов в указанный период: «Агропромбанк в системе перестройки экономических отношений АПК» (1989 г.); «Собственность и рынок», «Рынок и земельный участок», «Как перейдет сельское хозяйство на рыночную экономику», «Земельная реформа и переход АПК к рынку» (1990 г.); «Кредитные отношения в условиях многоукладной экономики» (1992 г.); «Немедленно ввести свою национальную валюту» (1993 г.); «Становление аудиторской деятельности в Казахстане», «Становление ипотечного кредитования в Казахстане», «О роли подготовки кадров при реформировании банковской системы», «Проблемы становления валютных рынков в Казахстане в связи с интеграцией в мировую систему валютных рынков» (1995 г.) свидетельствует о резком изменении направления его творческих изысканий в соответствии с изменившимися политическими и социально-экономическими обстоятельствами.

Обретение независимости требовало создание в республике своей национальной системы денежно-кредитных и финансовых отношений с учетом опыта функционирования их в странах с развитой рыночной экономикой.

А. Сейткасимов принял активное участие в формировании данной системы в Казахстане не только на основе опыта передовых стран, но и с учетом специфических особенностей социально-экономического развития страны.

Особое внимание уважаемый академик уделял подготовке квалифицированных молодых специалистов для финансовой сферы. В 1996 году под общей редакцией Г. Сейткасимова был издан учебник «Деньги, кредит, банки» (Алматы: Экономика) с грифом Министерства образования и науки Республики Казахстан. В последствии данный учебник с внесенными дополнениями издавался еще 4 раза. Последнее 5-ое издание, выпущенная в 2022 году, была посвящена памяти академика НАН РК А. Сейткасимова.

В 1996 году он также опубликовал в журнале «Финансы Казахстана» № 6 статью «Концептуальные основы развития финансово-банковского образования» имевшее важное значение выработки методологических основ и методических приемов в данной сфере высшего образования. Данная тема была им изложена с внесенными изменениями и дополнениями, совместно с другими соавторами, в 1998 году в «Вестник КазГАУ» № 3.

В том же году под общей редакцией академика Казахской сельскохозяйственной академии наук Г.Сейкасымова был издан новый учебник с грифом Министерства образования и науки Республики Казахстан «Банковское дело» (Алматы: Қаржы-Қаражат). В ней были рассмотрены вопросы деятельности банков в независимом Казахстане и проблемы организации в республике банковской системы.

За последние два года XX века (1999 и 2000 годы) с участием и под общей редакцией Г.Сейкасымова были изданы два учебника с грифом Министерства образования и науки Республики Казахстан: «Деньги, кредит, банки» (издание 2-ое); «Бухгалтерский учет и отчетность в банке» (Алматы: Қаржы-Қаражат).

В первые 5 лет XXI века в соавторстве дважды был издан учебник с грифом Министерства образования и науки Республики Казахстан: «Ақша, несие, банктер» (Алматы: Экономика, в 2001 и 2005 годы). За эти же годы были изданы 16 научных статей в которых исследованы финансово-экономические проблемы развития страны, товарно-денежные отношения, вопросы страхования в стране.

Столь плодотворная деятельность Г.Сейткасымова в исследованиях столь жизненно важных социально-экономических проблем получила высокое признание в высшем научном сообществе страны.

Поэтому, его в 2002 году избрали член-корреспондентом Национальной академии наук Республики Казахстан, а в 2004 году – действительным членом – академиком Национальной академии наук Республики Казахстан.

Здесь следует также отметить то, что основную часть своей трудовой деятельности провел в двух крупных научно-образовательных центрах Казахстана: в Карагандинском государственном университете им.Е.А.Букетова и в Казахской государственной академии управления Алма-Ате. Этот момент, по нашему мнению, сыграл положительную роль в достижении Г.Сейткасымовым значительных результатов в своих научных изысканиях, а также в воспитании молодых специалистов в высших учебных заведениях. Он был научным руководителем 6 защищенных докторов экономических наук и свыше 30 кандидатов экономических наук.

После того как стал действительным членом Национальной академии наук Г.Сейткасымов не сбавлял темпов своей исследовательской деятельности. При его активном участии были опубликованы 5 монографии, один учебник на государственном языке с грифом Министерства образования и науки Республики Казахстан, изданы 10 учебных пособий для студентов.

В своих последних изысканиях Г.Сейткасымов исследует проблемы развития инновационных процессов в стране. Так, например, перечень названий его статей за 2014 и 2015 годы свидетельствуют об этом. В 2014 году: «Современное состояние инновационного развития экономики страны» (Вестник КазУЭФМТ, № 3); «Анализ и оценка институционально-интеллектуального ресурса как одного из компонентов инновационного потенциала промышленности Казахстана» (Вестник РУДН.-Сер. «Экономика.- № 3); «Анализ инновационного потенциала промышленности Казахстана» (Вестник КазНУ. Сер. экономическая. № 5). В 2015 году: «Анализ финансовых ресурсов инновационного потенциала промышленности Казахстана» (Экономика и статистика. № 1); «Организационно-экономические механизмы обеспечения инновационного развития в обрабатывающей промышленности Республики Казахстан» (Монография. Астана).

В своих публикациях он никогда не восхвалял деятельность государственных служащих. Наоборот, прямо указывал на их недостатки в реализации тех или иных проектов принимаемых на правительственном уровне и давал чиновникам различного уровня советы по их устранению. Например, такие его рекомендации имеются в следующих трудах: «Немедленно ввести свою национальную валюту» (Казахстанская правда, 1993 г., 6 августа); «Проблемы и перспективы развития казахстанской экономики: Аналитический обзор» (-Астана: ЦНТИ:, 2007); «Когда не хуже, чем в оффшорах» (Казахстанская правда, 2014, № 84) и во многих других научных работах.

Нышан Н.Ф.

Докторант (Экономика) НАО
«ЕНУ» имени Л.Н. Гумилева

УСЛОВИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Статья посвящена анализу долгосрочных тенденций регионального развития Республики Казахстан с учетом социально-экономических, климатических, энергетических и демографических факторов. Отмечается высокая дифференциация казахстанских регионов по уровню и динамике развития, экономической специализации и социальным показателям. Рассматривается План территориального развития Республики Казахстан до 2025 года, ориентированный на человекоцентричный подход и повышение качества жизни населения, а также укрепление конкурентоспособности региональных социально-экономических систем.

Особое внимание уделяется прогнозируемым климатическим изменениям и их влиянию на сельское хозяйство, включая сокращение пропускной способности пастбищ и снижение урожайности пшеницы в северных областях. Анализируется влияние глобального энергетического перехода на электроэнергетику, добычу нефти, газа и угля, а также прогнозируется рост доли низкоуглеродной генерации и снижение зависимости от угольной генерации.

Демографические изменения к 2050 году рассматриваются как фактор формирования карты расселения и численности населения, рост трудоспособного населения и урбанизации. Акцентируется значимость человеческого капитала, профессиональной подготовки и автоматизации на рынке труда. На основании анализа природных, производственных и человеческих ресурсов, а также экспортного потенциала регионов, делается вывод о ключевой роли развития человеческого потенциала и индустриализации для дальнейшей экономической специализации и устойчивого роста региональной экономики Казахстана.

Ключевые слова. Региональное развитие, Социально-экономическая политика, Экономическая специализация, Устойчивое развитие, Человеческий капитал, Индустриализация, Инновации, Энергетическая трансформация, Низкоуглеродная генерация, Климатические изменения, Демографические тенденции, Урбанизация, Экспортный потенциал, Кластерный анализ.

Условия долгосрочного устойчивого развития регионов Казахстана

Региональное развитие охватывает все основные аспекты экономической политики. Однако казахстанские регионы по-прежнему характеризуются сильной дифференциацией по уровню и динамике развития, глубокими различиями в экономической специализации и социальном развитии.

При этом нельзя не упомянуть такой стратегический документ, как План территориального развития Республики Казахстан до 2025 года, утвержденный Указом Президента Республики Казахстан от 21 февраля 2022 года №812 (далее – План), где даны анализ и оценка текущей ситуации, а также видение, принципы, подходы и направления территориального развития страны. Данный План структурирован согласно принципу «человекоцентричности», направлен на улучшение качества жизни и увеличение благосостояния населения. Его целью является укрепление конкурентоспособности социально-экономических систем регионов путем раскрытия и поддержки их потенциала.

При определении дальнейшей долгосрочной специализации регионов Казахстана в первую очередь необходимо ориентироваться на текущее состояние и долгосрочные прогнозы баланса ресурсов регионов (природные, человеческие, капитала и проч.).

Климат

В последующие три десятилетия ожидается усиление изменения климата на территории Казахстана, который окажет существенное влияние на развитие ряда отраслей и, прежде всего, сельского хозяйства. По оценкам национальных и международных экспертов климатические катастрофы, такие как засуха и обмеление рек станут привычным явлением на территории Казахстана. По прогнозам к 2030 году в стране пропускная способность пастбищ снизится на 10%, к 2040 году, дефицит воды составит 50% потребности, более 50% нынешней ледниковой массы будет потеряно к 2100 году. При этом изменение климата будет происходить очень неоднородно по сезонам и территории. Средняя годовая температура возрастет на 1-2°C к 2030 году и на 2-3°C к 2050 году. Увеличение количества осадков до 2050 года составит не более 10%, в основном, в зимний сезон, в юго-западных регионах осадков будет меньше, чем на остальной территории Казахстана³. Что касается влияния изменения климата на сельское хозяйство, то оно будет оказывать существенное влияние на растениеводство в меньшей степени – на животноводство. По мнению экспертов, в условиях дальнейшего потепления климата до 2050 года в северном, центральном и западном Казахстане при сохранении установленного на современном этапе среднего уровня культуры земледелия урожайность пшеницы понизится на 20–49%. Наибольшие изменения ожидаются в 3-х северных областях⁴.

Энергетика

Существенное влияние на развитие экономики регионов окажет принятие Казахстаном обязательств по углеродной нейтральности.

Потребление электроэнергии в Казахстане в большей степени зависит от темпов промышленного роста и ситуации на мировых сырьевых рынках, что обуславливается преобладанием минеральных продуктов в структуре казахстанского экспорта, а именно: нефть и нефтепродукты, природный газ, руды металлов и сплавы. Прогноз развития электроэнергетики Казахстана до 2050 года - который учитывает сценарии развития газовой генерации и гидроэнергетики согласно планам МЭ РК, а также предполагаемый ввод атомной электростанции – демонстрирует значительное увеличение энергоэффективности после 2040 года, в результате чего сократится объем потребления

³ Тревожный отчет МГЭИК: глобальные климатические тренды и прогнозы для Казахстана // <https://www.undp.org/ru/kazakhstan>

⁴ Байшолованов С.С. Уязвимость и адаптация сельского хозяйства Республики Казахстан к изменению климата, Астана – 2017

электроэнергии. Данный прогноз предполагает, что к 2030 году доля низкоуглеродной генерации в общем объеме выработки электроэнергии составит 36%, а к 2050 году около 66%. При этом доля угольной генерации к 2030 году снизится вдвое от текущих 69%, а к 2050 году будет составлять не более 26%⁵.

В условиях текущего глобального энергетического перехода потенциал новых проектов добычи нефти в Казахстане, очевидно, будет сокращаться. Предполагается, что добыча нефти в Казахстане достигнет максимума на отметке около 102 млн т в середине 2020-х годов, а затем начнет медленно сокращаться, до уровня примерно до 73 млн т в 2050 году⁶.

Пик роста коммерческой добычи газа в Казахстане составит порядка 36 млрд куб. м в 2030 году, а затем пойдет на спад, и к 2050 году снизится примерно до 30 млрд куб. м, причем в начале 2040-х годов. Казахстан превратится из чистого экспортера в чистого импортера газа.

Глобальный энергетический переход окажет прямое влияние на добычу угля. Так, законодательно определено, что до 2060 года будет предусмотрено поэтапное планомерное снижение доли угольной генерации энергетики⁷.

Человеческий капитал

К 2050 году претерпит изменения карта расселения и численности населения Казахстана. Согласно базовому демографическому прогнозу до 2050 года, население Казахстана вырастет до 27,8 млн человек, причем 35% населения будет сконцентрировано в южных областях (Алматинская, область Жетысу, Туркестанская, Жамбылская, Кызылординская)⁸. В ряде регионов прогнозируется существенный рост населения (г. Астана – 118% к текущему показателю, г. Шымкент – 95%, Мангистауская область – 93%, область Жетысу – 74%), тогда как в некоторых регионах будет наблюдаться убыль населения (Северо-Казахстанская – 33,5%, Костанайская – 22%, область Абай – 15%).

Население трудоспособного возраста возрастет с 11,5 млн чел. в 2022 года до 15,7 млн чел. в 2050 году, численность рабочей силы соответственно увеличится с 9,3 млн чел до 11,7 млн чел. Примечателен и рост численности населения с 15 до 28 лет – с 3,5 млн чел. в 2022 году до 5,7 млн чел. в 2050 году. Уровень урбанизации к 2050 году может достигнуть 67% в сравнении с 62% в 2022 году.

На рынок труда большое влияние окажет набирающая скорость автоматизация. Так, прогноз АО «ЦРТР» показывает, что наибольшее количество мест, подверженных автоматизации с умеренной или высокой вероятностью, находятся преимущественно в крупных городах, если в целом по Казахстану эта доля составляет 24,9%, то в городах Шымкент, Астана и Алматы – от 33,5% до 35,7%. Аналогично выглядит ситуации и в возможности замены человеческого труда искусственным интеллектом, при этом существенно большая доля в сравнении с другими городами относится к г. Алматы, где она достигает 17,8% в сравнении с 11,7% в целом по Казахстану⁹.

Согласно демографическому прогнозу к 2050 году в части предложения труда ключевой проблемой будут объем и структура предложения труда.

⁵ Обзорный отчет Отраслевого центра технологических компетенций в сфере электроэнергетики на базе АО «КОРЭМ», PwC, 2022 <https://www.pwc.com/kz/en/publications/esg/march-2022-rus.pdf>

⁶ Национальный энергетический доклад Kazenergy 2021, https://www.kazenergy.com/upload/document/energy-report/NationalReport21_ru_2.pdf

⁷ Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2023 года № 121 Об утверждении Стратегии достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121>

⁸ Демографический прогноз 2022 – 2050 г., АО Центр развития трудовых ресурсов, 2022 г. <https://iac.enbek.kz/ru/node/1469>

⁹ Оценка влияния автоматизации, роботизации и искусственного интеллекта на рынок труда Республики Казахстан., АО Центр развития трудовых ресурсов, 2023 г., <https://iac.enbek.kz/ru/node/1573>

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что ключевую роль в развитии регионов Казахстана в долгосрочной перспективе будут играть развитие человеческого потенциала и дальнейшая индустриализация.

В части дальнейшего развития человеческого потенциала необходимо планомерное увеличение инвестиций в образование, здравоохранение, профессиональную подготовку, содействие реализации способностей каждого гражданина и его участию в производстве и распределении благ.

Дальнейшая экономическая специализация регионов Казахстана зависит прежде всего от баланса природных, производственных и человеческих ресурсов, экспортного потенциала производимых товаров (услуг).

Основываясь на кластерном анализе, анализе инноваций и экспорта в Казахстане, можно определить возможности развития региональной экономики¹⁰:

Регион	ОКЭД	№	Наименование
Акмолинская	2332	1	Производство кирпича, черепицы и прочих строительных изделий из обожженной глины
	2020	2	Производство пестицидов и прочей агрохимической продукции
Актюбинская	2361	3	Производство строительных изделий из бетона
	2410	4	Производство чугуна, стали и ферросплавов
Алматинская	1051	5	Переработка молока и производство сыров
	1072	6	Производство сухарей и печенья, мучных кондитерских изделий длительного хранения
	2221	7	Производство пластмассовых плит, листов, труб и профилей
	1105	8	Производство пива
Атырауская	1920	9	Производство продуктов нефтепереработки, брикетов из торфа и угля
Восточно-Казахстанская	2445	10	Производство прочих цветных металлов
Мангистауская	3314	11	Ремонт электрического оборудования
	2511	12	Производство строительных металлических конструкций и их частей
Карагандинская	2731	13	Производство прочих электрических проводов и кабелей
	2892	14	Производство машин и оборудования для горнодобывающей промышленности, подземной разработки и строительства
	1910	15	Производство продукции коксовых печей

¹⁰ Данные по выявленным кластерным формированиям предоставлены АО «QazIndustry»

Костанайская	2830	16	Производство сельскохозяйственной и лесохозяйственной техники
	2320	17	Производство огнеупорных изделий
Кызылординская	2361	18	Производство строительных изделий из бетона
	3317	19	Ремонт и техническое обслуживание прочих транспортных средств и оборудования
Жамбылская	2351	20	Производство цемента
Северо - Казахстанская	1073	21	Производство макаронных изделий
Туркестанская	1061	22	Производство продуктов мукомольно-крупяной промышленности
	2332	23	Производство кирпича, черепицы и прочих строительных изделий из обожженной глины
г. Шымкент	1061	24	Производство продуктов мукомольно-крупяной промышленности
	1920	25	Производство продуктов нефтепереработки, брикетов из торфа и угля
г. Алматы	2511	26	Производство строительных металлических конструкций и изделий
	3312	27	Ремонт машин и оборудования
	3317	28	Ремонт, техническое обслуживание прочих видов транспортного оборудования
	2361	29	Производство строительных изделий из бетона
	2363	30	Производство бетона готового для использования
	1071	31	Производство хлеба; производство свежих мучных кондитерских изделий, тортов и пирожных
	1041	32	Производство масел и жиров
г. Астана	3020	33	Производство железнодорожных локомотивов и подвижного состава

Необходимо отметить, что определение специализации каждого региона должно формироваться акиматами регионов с активным вовлечением бизнеса, научного сообщества и активных граждан с применением методики «умной специализации».

Список литературы

1. Тревожный отчет МГЭИК: глобальные климатические тренды и прогнозы для Казахстана // <https://www.undp.org/ru/kazakhstan>
2. Байшоланов С.С. Уязвимость и адаптация сельского хозяйства Республики Казахстан к изменению климата, Астана – 2017

3. Обзорный отчет Отраслевого центра технологических компетенций в сфере электроэнергетики на базе АО «КОРЭМ», РwC, 2022 <https://www.pwc.com/kz/en/publications/esg/march-2022-rus.pdf>
4. Национальный энергетический доклад Kazenergy 2021, https://www.kazenergy.com/upload/document/energy-report/NationalReport21_ru_2.pdf
5. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2023 года № 121 Об утверждении Стратегии достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121>
6. Демографический прогноз 2022 – 2050 г., АО Центр развития трудовых ресурсов, 2022 г. <https://iac.enbek.kz/ru/node/1469>
7. Оценка влияния автоматизации, роботизации и искусственного интеллекта на рынок труда Республики Казахстан., АО Центр развития трудовых ресурсов, 2023 г., <https://iac.enbek.kz/ru/node/1573>
8. Данные по выявленным кластерным формированиям предоставлены АО «QazIndustry»

УДК 330.15:339.1

Варавин Е.В., к.э.н., ассоциированный профессор,
Суйеубаева С.Н., к.э.н., ассоциированный профессор,
Байтикенов Т.Р., м.э.н., м.н.с., младший инженер KAZ MINERALS,
Восточно-Казахстанский технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ В КАЗАХСТАНЕ

Экономика совместного потребления является одной из наиболее динамичных моделей цифровой экономики и обладает значительным потенциалом для интеграции в стратегию устойчивого развития Казахстана. Она обеспечивает рациональное использование ресурсов, развитие цифровых технологий и новые формы экономических отношений, однако сопровождается рисками социального, экономического, институционального, технологического, экологического и правового характера. В исследовании представлена классификация этих рисков, обобщён международный опыт их минимизации и предложена модель управления, основанная на институционально-правовом регулировании, социальной защите и технологико-экологическом контроле, что способствует достижению экономической эффективности, социальной справедливости и экологической устойчивости.

Ключевые слова: экономика совместного потребления, шеринг-экономика, устойчивое развитие, цифровая трансформация, управление рисками, институциональное регулирование, социальная защита, экологическая устойчивость, платформенная экономика.

Благодарность: Работа выполнена в рамках государственного гранта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (AP19676547 «Внедрение принципов экономики совместного потребления в экономическую систему Казахстана для

реализации национальной концепции устойчивого развития»).

Глобальная экономическая трансформация последних десятилетий сопровождается изменением традиционных моделей производства и потребления. Одним из ключевых направлений стала экономика совместного потребления, основанная на цифровых платформах, обеспечивающих доступ к товарам и услугам без необходимости владения ими. Мировая практика демонстрирует быстрый рост данной модели: компании Airbnb, Uber, BlaBlaCar, Zipcar существенно трансформировали бизнес-процессы в различных секторах [1]. Объем мирового рынка шеринга уже превышает 400 млрд долларов США и продолжает увеличиваться.

Для Казахстана развитие совместного потребления приобретает особое значение в условиях цифровизации и реализации национальных стратегий – программы «Цифровой Казахстан» [2], Концепции по переходу к «зеленой экономике» [3] и курса на углеродную нейтральность к 2060 году. Однако стремительное распространение платформенной экономики сопровождается социальными, институциональными и технологическими рисками, требующими научного анализа и эффективных механизмов управления [4].

Цель исследования заключается в комплексном анализе рисков развития экономики совместного потребления в Казахстане и разработке научно обоснованных рекомендаций по их идентификации и управлению в контексте стратегии устойчивого развития страны.

Экономика совместного потребления, восходящая к концепции коллективного потребления Р. Ботсман и Р. Роджерса [5], объединяет три модели: совместное использование продуктов, перераспределительные рынки и совместные стили жизни. Каждая из них формирует собственные механизмы создания ценности и взаимодействия участников.

Экономическая эффективность достигается снижением транзакционных издержек благодаря автоматизации, эффекту масштаба и более полному использованию активов [6]. Совместное использование товаров способствует *декаплингу* экономического роста от потребления природных ресурсов, что соответствует принципам циркулярной экономики, уменьшая потребность в производстве и экологическое воздействие [7].

В Казахстане шеринг развивается в сферах транспорта, краткосрочной аренды недвижимости, доставки и совместного использования оборудования. Наибольшая концентрация сервисов отмечается в городах республиканского значения, что отражает различия в цифровой инфраструктуре и покупательной способности населения, формируя цифровой разрыв между городскими и сельскими территориями [8]. Регулятивная база пока ориентирована на традиционный бизнес и слабо учитывает специфику платформенной экономики, создавая неопределенность в вопросах налогообложения, лицензирования и трудового регулирования [9, 10]. При этом потенциал развития значителен благодаря высокому уровню проникновения мобильных технологий, росту цифровой грамотности и государственной поддержке цифровой трансформации.

Систематический анализ рисков экономики совместного потребления в Казахстане позволяет выделить шесть основных категорий.

Социальные риски включают прекаризацию занятости: исполнители работают без формальных договоров, что исключает их из систем социальной защиты и создаёт нестабильность доходов. Дополнительным фактором выступает цифровое неравенство: жители сельских регионов, пожилые и уязвимые группы имеют ограниченный доступ к технологиям [1].

Экономические риски связаны с нестабильностью доходов, обусловленной сезонностью, колебаниями спроса и конкуренцией. Ценовой демпинг снижает качество услуг и ухудшает условия труда, а вытеснение традиционного бизнеса усиливает напряжённость, поскольку платформы работают при менее жёстком регулировании [6].

Институциональные риски проявляются в слабости механизмов защиты прав участников. Недостаточная прозрачность алгоритмов, отсутствие эффективных процедур разрешения споров и ограниченные возможности защиты потребителей создают основу для конфликтов интересов [8].

Технологические риски охватывают угрозы кибербезопасности: утечки данных, финансовые потери и системные сбои подрывают доверие к платформам, к чему добавляются проблемы поддержания качества сервисов [1].

Экологические риски носят противоречивый характер. Совместное использование ресурсов снижает нагрузку на окружающую среду, но ускоренный износ товаров и эффект отскока – рост потребления при снижении стоимости доступа – могут нивелировать эти преимущества [7].

Правовые риски связаны с отставанием законодательства от технологических изменений: неопределённость правового статуса участников осложняет применение налоговых и трудовых норм, а трансграничный характер деятельности платформ затрудняет соблюдение национального регулирования [9].

Систематизируем эти риски и определим их последствия для устойчивого развития (таблица 1).

Анализ международного опыта выявляет несколько направлений управления рисками экономики совместного потребления. В США развивается концепция «портативных льгот», позволяющая работникам гиг-экономики сохранять социальные гарантии при смене платформ, а закон AB5 в Калифорнии обязывает классифицировать многих исполнителей как сотрудников, обеспечивая им доступ к минимальной заработной плате и социальному страхованию [6]. В Европе акцент делается на государственной поддержке: в Нидерландах самозанятые могут добровольно участвовать в субсидируемых страховых программах, тогда как в Дании действует механизм гарантированного дохода для платформенных работников.

Таблица 1

Основные риски развития шеринговой экономики, влияющие на достижение целей устойчивого развития

Категория риска	Группа риска	Конкретные проявления	Причины возникновения	Последствия для устойчивого развития
1	2	3	4	5
Социальные риски	Социальная незащищённость участников	Отсутствие трудовых договоров, соцгарантий, нестабильность занятости, отсутствие страхования	Отказ платформ признавать трудовые отношения, нерегламентированный статус самозанятых	Рост социального неравенства, снижение качества жизни, уязвимость работников (ЦУР 1, 8, 10)
	Цифровое неравенство и недостаток навыков	Ограниченный доступ к платформам в регионах, низкая цифровая грамотность	Неравномерное развитие цифровой инфраструктуры, отсутствие программ подготовки	Усиление социальной исключённости, ограничение инклюзии, торможение цифровой трансформации

				<i>(ЦУР 4, 9, 10)</i>
Экономические риски	Экономическая нестабильность и непредсказуемость доходов	Плавающие цены, высокий спросо-зависимый риск, нестабильные доходы	Алгоритмы динамического ценообразования, отсутствие минимального дохода	Финансовая уязвимость исполнителей, снижение устойчивости занятости <i>(ЦУР 1, 8)</i>
	Недобросовестная конкуренция и вытеснение традиционного бизнеса	Демпинг, отсутствие налогов и лицензий у платформ, падение доходов традиционных компаний	Отсутствие единых правил регулирования, льготный режим для платформ	Монополизация, рост безработицы, деформация рыночной среды <i>(ЦУР 8, 9, 10)</i>
Регуляторные риски	Правовая неопределенность и пробелы в регулировании	Неопределенность статуса участников, неурегулированность налогообложения	Отставание законодательства от технологических реалий	Рост теневого сектора, снижение собираемости налогов, правовая дезинтеграция <i>(ЦУР 16, 17)</i>
	Низкая прозрачность и контроль операций	Анонимность, слабая верификация, злоупотребление рейтингами	Отсутствие требований к платформам, слабая цифровая идентификация	Утрата доверия, рост транзакционных рисков, падение эффективности <i>(ЦУР 8, 9, 16)</i>
Цифровые и технологические риски	Проблемы безопасности и конфиденциальности	Утечки персональных данных, мошенничество, порча имущества	Недостаточная защита данных, децентрализованная модель контроля	Рост социальной напряженности, снижение лояльности пользователей <i>(ЦУР 9, 16)</i>
Экологические риски	Ограниченный экологический эффект	Быстрый износ предметов, неэффективное использование, рост отходов	Отсутствие контроля за жизненным циклом, слабая экологическая политика платформ	Рост нагрузки на окружающую среду, снижение эффекта циркулярности <i>(ЦУР 12, 13)</i>
Институциональные риски	Нарушения прав потребителей и исполнителей	Отсутствие компенсаций, неэффективная система разрешения споров	Платформенная асимметрия, отсутствие контролирующих механизмов	Утрата доверия, снижение участия пользователей, рост правовых споров <i>(ЦУР 16)</i>
Этические и правовые	Ограниченная подотчетность платформ	Игнорирование ответственности за последствия	Нерегулируемые пользовательские соглашения,	Углубление цифрового неравенства,

риски		(ущерб, вред, манипуляции рейтингами)	рыночное доминирование платформ	ухудшение условий для слаботзащищенных групп (ЦУР 10, 16)
-------	--	---------------------------------------	---------------------------------	---

Технологическое регулирование также играет ключевую роль. Европейский союз внедрил Общий регламент по защите данных (GDPR), устанавливающий строгие стандарты обработки информации, в Южной Корее реализуется принцип «privacy by design», а Сингапур формирует национальную систему цифровой идентификации, создавая доверенную цифровую экосистему [1].

Не менее значимым направлением является экологическое регулирование. В Швеции разрабатывается система сертификации цифровых платформ с учётом их вклада в сокращение углеродного следа, во Франции компании обязаны раскрывать экологическую информацию, а в Германии активно поддерживаются шеринг-инициативы в энергетике и транспорте с измеримыми результатами [7].

Институциональные механизмы также демонстрируют значимость инновационных решений. Великобритания и Сингапур применяют «регулятивные песочницы», позволяя тестировать новые сервисы под контролем государства, а Эстония создала цифровое правительство, объединяющее государственные услуги на единой платформе и тем самым снижающее административные барьеры [1].

Совокупность этих практик подтверждает необходимость комплексного подхода к регулированию, который объединяет инновации с социальной ответственностью и экологической устойчивостью.

Формирование национальной модели управления рисками экономики совместного потребления в Казахстане целесообразно строить на основе международного опыта и специфики национального контекста. Такая модель должна объединять три ключевых направления: институционально-правовое регулирование, социальную защиту участников и технологико-экологический контроль.

Институционально-правовое регулирование предполагает создание комплексной законодательной базы для платформенной экономики. Важнейшей задачей является определение правового статуса участников, что возможно через внесение изменений в Трудовой кодекс [9] и смежное законодательство. Оптимальным решением может стать введение категории «платформенных работников», занимающих промежуточное положение между наемными сотрудниками и индивидуальными предпринимателями. Однако данная мера требует серьёзной межведомственной координации и может быть реализована лишь в среднесрочной перспективе. *Налоговое регулирование* должно предусматривать упрощенные процедуры декларирования доходов от платформенной деятельности и возможность применения специальных налоговых режимов для низких доходов [10]. В перспективе важно внедрить систему автоматической передачи данных о доходах участников в налоговые органы при превышении пороговых значений. В краткосрочном периоде реализация возможна через пилотные проекты, опирающиеся на действующие цифровые сервисы e-Salyq.

Социальная защита участников требует разработки адаптивной системы социальных гарантий для платформенных работников. Концепция «портативных льгот» может быть реализована через специальный фонд, финансируемый за счет взносов исполнителей и платформ пропорционально объему транзакций. Такая система обеспечит базовый уровень медицинского и пенсионного страхования, защиту от несчастных случаев, а также возможности переподготовки и повышения квалификации. Учитывая действующий Социальный кодекс [11], реализация данной инициативы возможна в формате пилотных программ для самозанятых и фрилансеров. *Снижение цифрового неравенства* должно включать расширение программ повышения цифровой грамотности населения, особенно в

сельских регионах и малых городах, а также дальнейшее развитие инфраструктуры. Данное направление является наиболее реалистичным для краткосрочной реализации.

Технологико-экологический контроль предполагает внедрение обязательных стандартов кибербезопасности для всех платформ, работающих на территории Казахстана, регулярное проведение аудитов информационной безопасности и обеспечение прозрачности алгоритмов. В краткосрочном периоде возможно поэтапное внедрение минимальных требований к защите персональных данных с последующим расширением практики аудитов. Экологическое измерение управления рисками может быть усилено через национальную программу добровольной сертификации «ЭкоШеринг», которая позволит оценивать воздействие платформ на окружающую среду в соответствии с принципами зеленой экономики [3] и целями устойчивого развития [4].

Система мониторинга должна включать количественные и качественные индикаторы: уровень участия населения в платформенной экономике, степень социальной защищенности исполнителей, экологические результаты, а также уровень доверия к цифровым сервисам. Такая модель обеспечит поэтапное, сбалансированное и реалистичное развитие шеринговой экономики в Казахстане (таблица 2).

Экономика совместного потребления открывает значительные возможности для социально-экономического развития Казахстана в условиях цифровой трансформации. Шеринг-модели позволяют эффективнее использовать ресурсы, стимулировать инновации и создавать новые формы занятости. Для управления выявленными рисками предложена национальная модель, основанная на трех направлениях: институционально-правовом регулировании, социальной защите участников и технологико-экологическом контроле. Модель предполагает создание адаптивной правовой базы, внедрение портативных социальных льгот, обеспечение цифровой безопасности и стимулирование экологической ответственности. Успешная реализация требует координации государственных органов, бизнеса, науки и гражданского общества, а также создания механизмов мониторинга и адаптации к технологическим изменениям.

Таблица 2

Система управления рисками шеринговой экономики в Казахстане

Направлени е	Мера	Срок реализации	Ожидаемый эффект
Институцио нально- правовое регулирува ние	Введение категории «платформенных работников» в Трудовой кодекс	Среднесрочны й (3–5 лет)	Легализация занятости, защита прав исполнителей, снижение теневого сектора
	Пилотные проекты по правовому и налоговому учету доходов платформенных работников	Краткосрочны й (1–2 года)	Отработка механизмов учета и регулирования, повышение прозрачности доходов
	Упрощенные процедуры декларирования и спецрежимы для малых доходов	Краткосрочны й (1–2 года)	Снижение налоговой нагрузки, стимулирование регистрации доходов
	Автоматическая передача данных платформами в налоговые органы	Среднесрочны й (3–5 лет)	Снижение неучтенных доходов, рост собираемости налогов
	Аналитический центр на базе университетов и НИЦ	Краткосрочны й (1–2 года)	Экспертный анализ, база для последующего

	с участием бизнеса		институционального укрепления
Социальная защита	Концепция «портативных льгот»	Долгосрочны й (5–10 лет)	Базовый уровень соцстрахования для самозанятых и гибких работников
	Расширение программ соцзащиты самозанятых в рамках Социального кодекса	Краткосрочны й (1–2 года)	Повышение защищенности и интеграция самозанятых в систему соцстрахования
	Программы цифровой грамотности в сельских регионах	Краткосрочны й (1–3 года)	Снижение цифрового неравенства, расширение участия в шеринг-экономике
	Развитие интернет-инфраструктуры в малых городах и сёлах	Среднесрочны й (3–5 лет)	Повышение доступности цифровых платформ, региональная интеграция
Технологический контроль	Обязательные стандарты кибербезопасности и защита персональных данных	Краткосрочны й (1–3 года)	Рост доверия к платформам, снижение киберугроз
	Добровольная сертификация «ЭкоШеринг»	Среднесрочны й (3–5 лет)	Стимулирование экологически устойчивых практик
	Переход к обязательной эко-сертификации для крупных платформ	Долгосрочны й (5–7 лет)	Снижение углеродного следа, развитие ответственного потребления

Поэтапная реализация национальной модели управления

Грамотное управление рисками позволит Казахстану полноценно использовать потенциал шеринг-экономики, участвовать в формировании международных стандартов платформенной экономики и обеспечить баланс между инновациями, социальной справедливостью и экологической устойчивостью.

Литература

1. OECD. The Digitalisation of the Economy and the Sharing Economy. – Paris: OECD Publishing, 2020. – 56 p.
2. Государственная программа «Цифровой Казахстан»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.17 г. № 827.
3. Концепция перехода Республики Казахстан к «зеленой экономике»: Указ Президента РК от 30.05.13 г. № 577.
4. UN. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70/1. – New York: United Nations, 2015. – 41 p.
5. Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. – New York: Harper Business, 2010. – 280 p.
6. Sundararajan A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. – Cambridge, MA: MIT Press, 2016. – 256 p.
7. Frenken K., Schor J. Putting the sharing economy into perspective // Environmental Innovation and Societal Transitions. – 2017. – Vol. 23. – P. 3-10.

8. Kenney M., Zysman J. The rise of the platform economy // Issues in Science and Technology. – 2016. – Vol. 32(3). – P. 61-69.

9. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23.11.15 г. № 414-V ЗРК.

10. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29.10.15 г. № 375-V ЗРК.

11. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20.04.23 г. № 224-VII ЗРК.

УДК 331.45

Искакова А.Б.

Докторант ЕНУ им.Л.Н.Гумилева

8D04105 -Учет и аудит

Научный руководитель: ***Аманова Г.Д.***

к.э.н., ассоц профессор,

Зав кафедрой «Учет и анализ»

ЕНУ им. Л.Н.Гумилева

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ РАБОТНИКАМ: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация: В работе рассматриваются теоретические и практические основы предоставления социальных гарантий работникам как важнейшего элемента социальной политики и устойчивого развития экономики. Проанализированы действующие механизмы реализации социальных гарантий на уровне государства и организаций, их правовое обеспечение и организационно-экономические инструменты. Особое внимание уделено оценке экономической эффективности системы социальных гарантий: влиянию на производительность труда, мотивацию персонала, снижение текучести кадров и формирование устойчивого социального климата в коллективе. На основе проведенного анализа выявлены ключевые проблемы, препятствующие повышению результативности социальных программ, и предложены направления совершенствования механизма их предоставления, включая оптимизацию финансирования, внедрение современных методов управления персоналом и развитие корпоративной социальной ответственности.

Ключевые слова: социальные гарантии, компенсации, минимальная заработная плата, оплачиваемый отпуск, дополнительный отпуск, повышенная оплата труда, условия труда.

Трудовое законодательство Казахстана включает в себя целый ряд социальных гарантий, которые защищают работников в различных жизненных ситуациях. Эти гарантии распространяются на случаи увольнения, болезни или отпуска, и являются важным элементом социальной защиты в трудовых отношениях. Если подробнее рассмотреть, какие права и компенсации положены казахстанским работникам в этих случаях[1].

Социальные гарантии — это закреплённые государством и обществом минимальные условия и права, которые обеспечивают людям достойный уровень жизни и защиту от основных социальных рисков (болезни, безработица, инвалидность, старость, материнство и т. д.).

Социальные гарантии при увольнении:

В зависимости от основания увольнения, работнику могут быть положены следующие выплаты:

- Компенсация за неиспользованный отпуск. Если на момент увольнения у работника остались неиспользованные дни отпуска, их обязаны компенсировать. Выплата рассчитывается исходя из средней зарплаты за последний год. Право на компенсацию за неиспользованный отпуск регулируется статьей 95 ТК РК. Компенсация рассчитывается исходя из средней заработной платы за последние 12 месяцев, что соответствует законодательству[1].

- Выходное пособие. В случаях сокращения штата или ликвидации организации, работнику полагается выходное пособие в размере одной среднемесячной зарплаты. Иногда, по коллективному договору, это пособие может быть больше.

- Компенсация при увольнении по сокращению. В случае сокращения штата работнику, помимо компенсации за отпуск, выплачивается ещё и выходное пособие в размере среднемесячного заработка.

Дополнительные гарантии. Некоторые категории работников защищены дополнительными гарантиями при увольнении. Например, беременные женщины и матери детей до 3 лет не могут быть уволены по инициативе работодателя, за исключением случаев ликвидации компании.

Социальные гарантии при болезни. Когда сотрудник заболевает, он имеет право на получение выплат по больничному листу. Эта выплата предусмотрена системой социального страхования, что позволяет компенсировать часть утраченного заработка на время нетрудоспособности.

Оплата больничного листа. Работник имеет право на оплату больничного листа в следующих случаях: болезнь или травма, Беременность и роды.

- Уход за больным ребёнком или другим членом семьи.

Социальные гарантии в отпуске. Каждый работник в Казахстане имеет право на ежегодный оплачиваемый отпуск. Это важная социальная гарантия, которая позволяет не только отдохнуть, но и восстановить здоровье.

Ежегодный отпуск. Минимальная продолжительность отпуска составляет 24 календарных дня. Однако для некоторых категорий работников (например, работающих в тяжёлых условиях труда или с ненормированным рабочим днём) отпуск может быть увеличен.

- Оплата отпуска. Работодатель обязан выплатить отпускные не позднее чем за 3 дня до начала отпуска. Расчёт производится на основе средней заработной платы за последние 12 месяцев.

- Дополнительные отпуска. Работники, занятые в опасных или вредных условиях труда, а также инвалиды, имеют право на дополнительные оплачиваемые дни отпуска[1].

Социальные гарантии в Казахстане включают обеспечение минимального уровня жизни, социальные выплаты по различным жизненным обстоятельствам (безработица, инвалидность, старость, потеря кормильца), адресную социальную помощь, специальные социальные услуги для нуждающихся, а также трудовые гарантии, такие как минимальная зарплата и оплачиваемый отпуск. Эти гарантии реализуются через систему социального страхования, государственные пособия и услуги, а также нормы Социального кодекса и других законодательных актов.

В Республике Казахстан, работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и опасными условиями труда, право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день гарантируется государством и устанавливается согласно Списку производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда[2].

Предписывающими гарантиями для работников занятых на тяжелых работах, работах с вредными (особо вредными) и (или) опасными условиями труда являются следующие требования ТК РК:

- проведение периодических медицинских осмотров и обследований работников, занятых на тяжелых работах, работах с вредными (особо вредными) и (или) опасными условиями труда, а также прохождение предсменного медицинского освидетельствования на работах, связанных с повышенной опасностью, машинами и механизмами;

- сокращение продолжительности рабочего времени для работников, занятых на тяжелых работах, работах с вредными (особо вредными) и (или) опасными условиями труда;

- предоставление дополнительного оплачиваемого ежегодного трудового отпуска для этой категории работников;

- установление повышенного размера оплаты труда работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными (особо вредными), опасными и иными особыми условиями труда;

- бесплатная выдача молока, лечебно-профилактического питания, специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты, обеспечения работников средствами коллективной защиты, санитарно-бытовыми помещениями и устройствами;

- обеспечение санитарно-бытовыми помещениями, средствами индивидуальной и коллективной защиты, в соответствии с требованиями по безопасности и охраны труда[1].

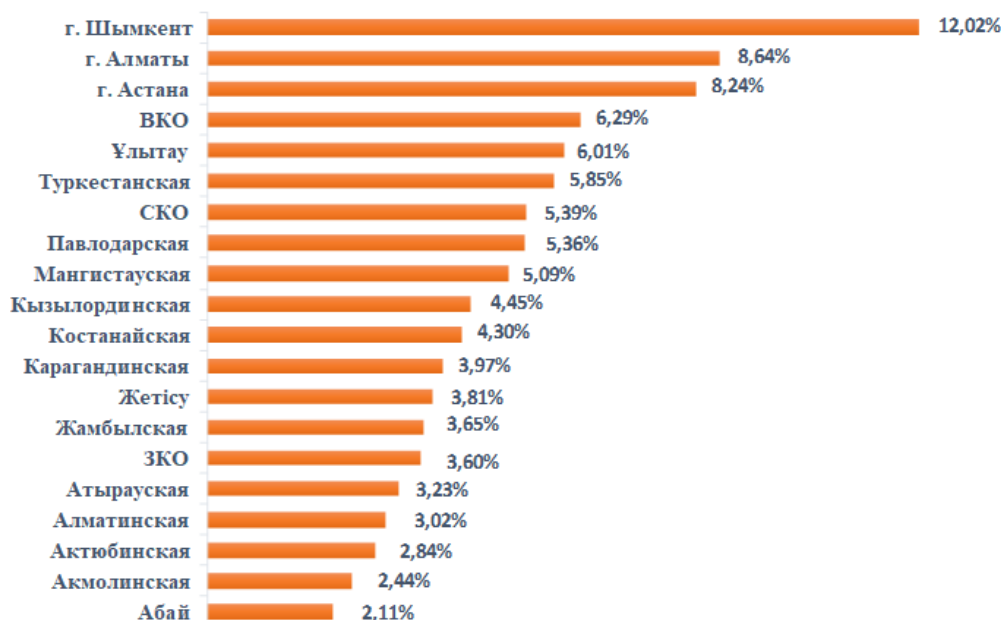

Рисунок 1 – «Социальные гарантии по регионам за работу во вредных и других неблагоприятных условиях труда»

Примечание: данные составлены по данным БНС АСПИР РК[3]

На рисунке 1 представлены данные о численности работников по состоянию на 2024 год, которым предоставляются социальные гарантии по регионам за работу во вредных и других неблагоприятных условиях труда.

Как мы видим из рисунка 2 наибольшее количество работников, которым предоставляются социальные гарантии следующие города и области: Шымкент (12,02%); Алматы (8,64%); Астана (8,24%), наименьшее значение Абайская область (2,11%).

На рисунке 2 – «Динамика занятости работников во вредных и (или) опасных условиях труда, тыс. человек» представлены данные о численности работников занятых во вредных условиях труда в период с 2019-2023 год, а именно:

- работающих на оборудовании не отвечающем требованиям безопасности;
- численность работников занятых тяжелым физическим трудом;
- численность работников, занятых во вредных и др.неблагоприятных условиях труда

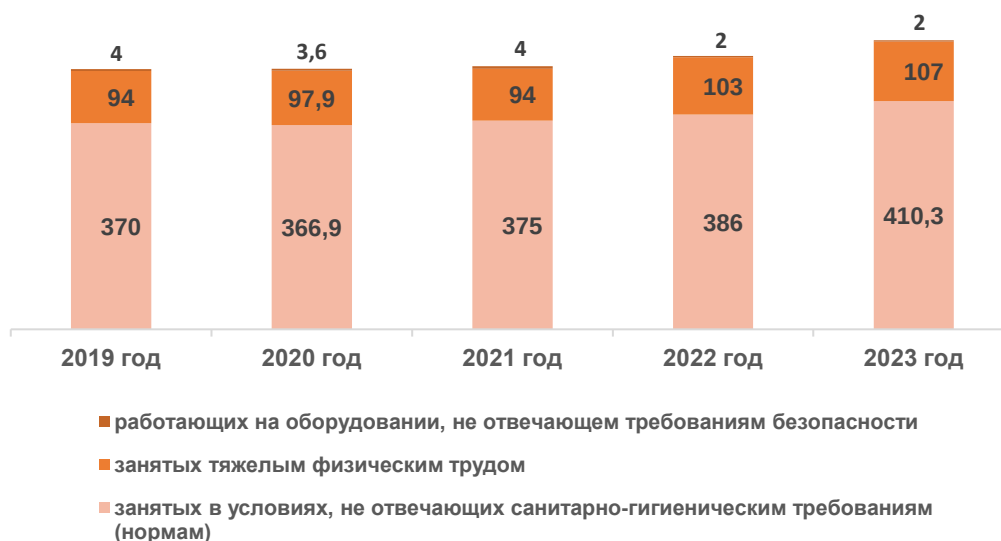

Рисунок 2 – «Динамика занятости работников во вредных и (или) опасных условиях труда, тыс. человек»

Примечание: данные составлены по данным БНС АСПИР РК[3]

Общий тренд показывает, что численность и доля работников, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда, постепенно увеличивается с течением времени, что требует принятия мер по улучшению условий труда работников в соответствующих отраслях и предприятиях.

Наибольший удельный вес составляет численность работников, занятых в условиях не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям (нормам), так в 2023 году составило 410,3 тыс.чел, по сравнению с 2019 годом увеличение составило на 40,3 тыс.человек.

Тяжелый физический труд на предприятиях республики выполняет более 100 тыс. работников, при этом в 2023 году наблюдается увеличение данного показателя в сравнении с 2019 и 2021 годами (в 2023 – 107 тыс. чел, в 2019 – 94 тыс. чел.), в среднем удельный вес таких работников составляет 25%.

Выводы. В условиях современной экономики, характеризующейся динамичными изменениями и возрастающими требованиями к производительности труда, вопросы обеспечения социальных гарантий работникам приобретают особую актуальность. Это особенно справедливо для отраслей с вредными и опасными условиями труда, где риски для здоровья и жизни работников значительно выше. Предоставление социальных гарантий в таких условиях является не только этической обязанностью работодателя и государства, но и важным фактором, влияющим на экономическую эффективность предприятий и национальную экономику в целом. Социальные гарантии — это фундамент социальной справедливости и стабильности. Они не только защищают каждого человека в трудные периоды, но и служат основой долгосрочного развития общества и экономики.

Список литературы:

1. Трудовой Кодекс Республики Казахстан от 23.11.2015 г. № 414-V.
2. Правила обязательной периодической аттестации производственных объектов по условиям труда. Приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 28 декабря 2015 года № 1057 (с изменениями по состоянию на 28.08.2020 г.) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012743>.
3. Бюро национальной статистики. Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/>.

УДК 338.45

Токсанова А.Н., д.э.н., профессор,
Международный инженерно-
технологический университет, г. Алматы,
Ашикбаева Ж.С., доктор PhD, Maqsut
Narikbayev University, г. Астана

МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В современных условиях развития экономических отношений государственная политика ведущих стран фокусируется на ускоренном внедрении инновационных и технологических решений. Конкуренция за лидерство в сфере новых технологий характерна для группы наиболее инновационно ориентированных государств, стремящихся к построению эффективных систем создания и коммерциализации инноваций. В этой связи особое значение приобретают вопросы поиска действенных инструментов для достижения стратегических целей. В условиях «экономики знаний» ключевыми активами становятся компетентность, квалификация, опыт и знания специалистов. Эффективное управление интеллектуальным капиталом, носителем которого является человек, позволяет трансформировать его в ресурс, способствующий росту конкурентоспособности бизнеса.

Ключевые слова: тенденции инновационного развития, инвестиции, инновации, интеллектуальный капитал, человеческий капитал

Устойчивость и благополучие инновационного развития мировой экономики зависит от многих факторов, главенствующим из которых является уровень и качество человеческого капитала, в том числе его основных форм: образовательного и научного потенциала. В эпоху «экономики знаний» человеческий капитал выступает ключевым конкурентным преимуществом государств и регионов. Уровень развития системы образования и науки, а также распространение знаний, навыков, опыта свидетельствуют о заинтересованности государства в повышении качества человеческого потенциала своего населения, на основе которого видится будущее инновационного развития национальной экономики.

Участие государства в мировых интеграционных процессах способствует формированию образовательного и научного пространства, объединяя усилия стран для развития инновационной составляющей общественного воспроизводства. Международные организации оказывают содействие в создании условий для получения образования и развития науки вне зависимости от социально-экономического положения стран.

Целью научной статьи является исследование тенденций инновационного развития государств.

Степень развития системы образования и науки, а также эффективное распространение знаний, умений и опыта отражают стратегическую заинтересованность государства в совершенствовании качества человеческого потенциала населения, что формирует основу для дальнейшего инновационного развития национальной экономики.

В своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» шотландский экономист Адам Смит рассматривал человека как основной капитал, обладающий значением для производства за счет знаний, умений и навыков. Он отмечал важность инвестиций не только в основной капитал предприятия, но и в человеческие ресурсы, такие как образование и квалификация сотрудников. По мнению Смита, на рост производительности труда в первую очередь влияет компетентность работников, а затем уже качество техники и оборудования [1].

Уже в середине XVIII века исследователи отмечали, что человек является основным фактором экономического процветания общества, преобразуя свои знания и навыки в товар. В современной экономической теории акцент смещается на роль техники, технологий и результатов интеллектуальной деятельности в процессе производства продукта.

Впервые термин «человеческие ресурсы» в разрезе научного исследования был использован в середине XX века американским ученым Э.У. Бакке. Концепция «человеческих ресурсов» с тех пор получила широкое распространение в теории и практике менеджмента, трансформировалась в восприятие работников не как «ресурса», а в более гуманистическом подходе как ценный актив организации [2].

Связь между инвестициями в человеческий капитал и производительностью труда была установлена исследователями Руус Й., Пайком С. и Фернстремом Л. в работе «Интеллектуальный капитал: практика управления», где отмечается важность инвестиционного поощрения развития творческих способностей сотрудников [3]. В ходе исследования была установлена следующая закономерность: при росте инвестиций в человеческий капитал на 1% производительность труда вырастает на 4%.

Вместе с тем, анализ уровня производительности в Казахстане показал, что он гораздо ниже, чем в развитых странах. Затраты казахстанских работодателей на повышение квалификации работников в среднем находятся на уровне 0,5–0,7% от фондов оплаты труда (ФОТ), а по оценкам экспертов, они должны составлять не менее 1,5–2%. В развитых странах данная статья расходов компаний достигает 5–10% от ФОТ

[4].

Существующие мировые методики оценки образования используют дифференцированные индексы, часть из которых весьма субъективна, поскольку строится на социологических опросах, анкетировании и т.д. На основании данных Института статистики ЮНЕСКО в 2022 году в первую десятку стран по рейтингу образования вошли: Швеция, Швейцария, Канада, Дания, Германия, Великобритания, Норвегия, Япония, Нидерланды [5]. В таблице 1 представлен сравнительный анализ стран мировой экономики по индексу человеческого развития, количеству лет обучения, уровню государственных расходов на образование и науку, 2022 г [6].

Таблица 1.

Сравнительный анализ стран мировой экономики по индексу человеческого развития

№	Страна	Индекс человеческого развития	Средняя продолжительность обучения, лет	Доля расходов на образование от ВВП, %	Доля расходов на НИОКР от ВВП, %
1	Швейцария	0,962	13,9	4,9	3,15
2	Норвегия	0,961	13,0	7,6	2,28
3	Исландия	0,959	13,8	7,6	2,47
4	Гонконг	0,952	12,2	4,4	0,99
5	Австралия	0,951	12,7	5,1	1,83
52	Россия	0,822	12,8	4,7	1,1
56	Казахстан	0,811	12,3	2,9	0,13
	Мир	0,732	8,6	3,7	2,63

Стоит отметить, что достаточно длительный период в данном рейтинге США занимали лидирующие позиции по качеству образовательного процесса. Американская система образования позиционировалась как лучшая в мире, однако альтернативные исследования, такие как отчеты Business Insider, ежегодные исследования «Граждане мира за права человека», признавали эффективными и другие национальные системы образования.

Очевидно, что судить об уровне образовательного потенциала только на основе продолжительности обучения или отдельных субъективных рейтингов не является объективным, однако неоспоримым считаем то, что чем выше значимость для государства роль образования в своем социально-экономическом и инновационном развитии, тем выше уровень государственной поддержки и объема финансирования образования и науки.

«Образование – это ключевая инвестиция в человеческий капитал, которая воплощается в экономическом росте личности» – отмечено в отчете Всемирного банка. Причем речь идет не о любом обучении, а о качественном. Повышение результатов обучения на 1% способно обеспечить годовой прирост производительности труда на 7,2%. Обучение является экономически и социально выгодной инвестицией ввиду положительного влияния на уровень доходов. Один дополнительный год обучения увеличивает заработок на 10% [7].

По данным Всемирного банка, в 2022 году больше всего на образование тратят небольшие развивающиеся страны, такие как Маршалловы острова (15,8%), Самоа

(14,7%), Куба (12,8%), Кирибати (12,4%) и т.д. Среди развитых стран лидируют: Норвегия (7,6%), Швеция (7,6%), Исландия (7,6%), Дания (6,8%), Финляндия (6,3%), Израиль (6,1%). Крупнейшие экономики мира имеют более низкие показатели: Великобритания (5,2%), Германия (5%), США (4,9%), Индия (4,5%), Китай (3,6%) [7].

Наука и образование являются взаимокоррелируемыми сферами экономики, научный потенциал прямо пропорционален уровню и качеству образовательного процесса. Высокий научный потенциал общества создает основу формирования инноваций. Данные Всемирного банка подтверждают, что развитые страны лидируют по расходам на НИОКР от ВВП. Лидером в 2022 году по уровню финансирования научных исследований и разработок является Израиль с показателем 5,44% от ВВП, далее – Южная Корея 4,81%, Швеция 3,53% и т.д., среднемировой уровень – 2,63% [7].

В вопросе развития инновационной деятельности в Казахстане на стратегическом уровне важным моментом выступает величина финансовой стимуляции интеллектуальной деятельности. Как правило, размер инвестиций на научные исследования и разработки эквивалентен величине его отдачи, т.е. динамика инвестиционных затрат, которая коррелирует с динамикой созданных разработок.

На сегодняшний день расходы Казахстана на НИОКР, создающие основу инновационного климата, значительно отстают от данного показателя развитых мировых стран. Так, если в 2023 году внутренние затраты на НИОКР в Казахстане составили 172,6 млрд тенге, а в 2024 году выросли до 219,7 млрд тенге, при этом доля НИОКР в ВВП страны составляет лишь 0,16%. Этот рост в основном обеспечивается государством, в то время как вклад частного бизнеса остается низким, что замедляет коммерциализацию технологий и их внедрение в экономику.

Международные исследования показывают, что в целом инвестиции в инновации практически удвоились за последние 25–30 лет, мировое сообщество осознает значимость и важность инноваций в вопросе стратегического развития государства и повышения его статуса на мировой площадке. Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, высокотехнологичные отрасли Швейцарии, Швеции, США, Китая даже во время пандемии инвестировались в инновации на довольно высоком уровне.

Глобальный инновационный индекс (ГИ) ранжирует мировые экономики по их инновационному потенциалу. ГИ включает около 80 показателей, сгруппированных по затратам и результатам инноваций, и призван отразить многомерные аспекты инноваций.

Казахстан занимает 78-е место среди 133 экономик, представленных в ГИ 2024. В таблице 2 представлены рейтинги Казахстана за последние четыре года. Доступность данных и изменения в модели ГИ влияют на сравнение рейтингов ГИ из года в год. Статистический доверительный интервал для рейтинга Казахстана в ГИ 2024 года находится между 77-м и 82-м местами. В топ-100 научно-технических кластеров Глобального инновационного индекса нет кластеров Казахстана. [8].

Таблица 2

Место Казахстана в Глобальном инновационном индексе (ГИ)

Год	Позиция ГИ	Инновационные ресурсы	Результаты инноваций
2020	77	60	94
2021	79	61	101
2022	83	65	97
2023	81	68	87
2024	78	72	83

Китай занимает высокие позиции в Глобальном инновационном индексе по количеству патентов, товарных знаков и промышленных образцов, в разы опережая другие активно развивающиеся в инновационной сфере государства. Свыше полутора миллионов поданных заявок на патенты свидетельствует о высокой экономической эффективности инвестиционных средств Китая на исследования и разработки.

Отставая от США по затратам на исследования и разработки на 0,8% от ВВП, т.е. инвестируя меньше, показатели эффективности Китая практически в 3 раза превышают показатели США по сформированным результатам интеллектуальной деятельности (патентам, авторским правам, товарным знакам и т.д.), что свидетельствует не только о высокой организации процессов создания инновации, наличии интеллектуального ресурса, но и уникальной системе инновационного менеджмента государства.

Очевидно, что в настоящее время Китай является безусловным лидером в области создания передовых технологий, искусственного интеллекта, телемедицины и т.д. В 2020 году Китайская академия космических технологий впервые в мире осуществила орбитальную 3D-печать с использованием непрерывных полимерных композитов, армированных углеродным волокном. Кроме того, в 2022 г. в Китае введен в эксплуатацию первый интеллектуальный нефтеперерабатывающий завод, где уровень автоматизированного сбора производственных данных составляет свыше 98%, что, по предварительным оценкам, почти на треть снизило затраты на мониторинг процессов нефтепереработки, а количество производственных аварий – на 80% (Рис.1).

Рисунок 3. Процентные доли 5 ведущих ведомств различных стран в общем объеме патентных заявок в %, 2022 г.

Госсовет Китая опубликовал детали масштабной программы «Искусственный интеллект +», которая должна превратить страну в мирового лидера в сфере интеллектуальных технологий. Документ задаёт амбициозные сроки:

- 2027 год — более 70% внедрения ИИ в ключевых приложениях и устройствах нового поколения;
- 2030 год — свыше 90% интеграции умных решений, при этом ИИ становится главным драйвером экономического роста;
- 2035 год — полный переход к «умной экономике» и формирование интеллектуального общества.

Особый акцент сделан на развитие «умных устройств»: автомобилей, смартфонов, компьютеров, роботов и носимой электроники со встроенным ИИ. Эти продукты должны стать привычной частью жизни и работы, обеспечив новый уровень удобства, производительности и качества обслуживания.

Программа охватывает всё — от науки и промышленности до управления

городами, образования и медицины. Китай планирует создать новые модели занятости, ввести «умных репетиторов», медицинских ассистентов, интеллектуальные системы для сельского хозяйства и даже инструменты для культурного творчества.

При этом ставка делается не только на технологию, но и на инфраструктуру: вычислительные мощности, дата-сети, облачные сервисы, международные стандарты и подготовку кадров [9].

Отставание Казахстана от стран, лидирующих в сфере науки и технологий, обусловлено рядом детерминированных факторов, основными из которых являются: недофинансирование НИОКР; слабая институциональная база и нормативно- правовое регулирование вопросов защиты интеллектуальной собственности; недостаточный потенциал рынка для окупаемости крупных широкомасштабных инновационных проектов; низкая заинтересованность хозяйствующих субъектов в инновационной деятельности; слабости в системе менеджмента создания полного цикла инноваций и т.д.

Сформируем пути повышения инновационной активности государства:

- формировать законодательную базу, способную стимулировать заинтересованность научной элиты общества в уникальных разработках;
- создавать необходимые условия для привлечения в сектор исследований и разработок крупных инвесторов;
- расширять область действия государственных программ поддержки инновационных проектов и инновационно активных научных центров и отдельных ученых;
- широкомасштабно организовать государственную поддержку стартапов;
- формировать нормативную базу увеличения правовой защищенности инновационного продукта и прав его создателей;
- создавать программы повышения эффективности государственного финансирования инновационной деятельности;
- активизировать участие казахстанских научных и научно-образовательных организаций в глобальных технологических и исследовательских проектах с учетом конъюнктуры рынка интеллектуальной собственности;
- стимулирование хозяйствующих субъектов в активной инновационной деятельности.

Таким образом, рассматривая тенденции инновационного развития государств, важно понимать, что важным моментом в данном вопросе является формирование комплексного подхода к решению поставленной задачи.

Список литературы

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. / Вступит. статья и комментарий В. С. Афанасьева. - М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.
2. E. White Backe, Labor Mobility and Economic Opportunity, 1954, p.132
3. Гимпельсон В. Е., Авдеева Д. А., Акиндинова Д. А. Производительность труда и российский человеческий капитал: парадоксы взаимосвязи / Доклад к XXII Апр. междунаро. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 61 с.
4. Government expenditure on education. UNESCO Institute for Statistics. [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS?most_recent
5. Юрова Н. В. Инновационное развитие мировой экономики в человеческом

измерении // Экономическая наука сегодня. – 2023. – № 17. – с. 131–140.

6. Глобальные тенденции расходов на образование. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387042_rus

7. Human Development Report 2021–22. Human Development Reports. [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>).

8. World Intellectual Property Organization 2024. Global Innovation Index. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/gii-ranking/en/kazakhstan>

9. Китай представил план «ИИ+»: к 2035 году — умное общество и интеллектуальная экономика: [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/technokratos/news/941004/>

У. Ж. Шалболова, д.э.н., профессор

А. М. Салыков, докторант

Евразийский национальный университет
имени Л.Н.Гумилева, г. Астана

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье рассматриваются этапы цифровизации строительной отрасли Казахстана в контексте устойчивого развития экономики. Обоснованы содержание и результат реализации каждого этапа внедрения цифровых технологий. Процесс цифровой трансформации в строительстве начался с нормативной подготовки и перешёл к активному внедрению BIM-технологий. Отрасль демонстрирует постепенный переход к цифровому управлению жизненным циклом строительных объектов. Анализ подчеркивает значимость цифровой трансформации для повышения эффективности, безопасности и качества строительства. Выделены ключевые цифровые инструменты и инициативы, поддерживающие реализацию стратегии трансформации строительной отрасли. Сделан акцент на важности кадровой подготовки и стандартизации для успешной цифровой трансформации отрасли.

Ключевые слова: цифровизация строительства, цифровые технологии, BIM-моделирование, информационное моделирование зданий, устойчивое развитие, жизненный цикл проекта, цифровая трансформация экономики.

Цифровая трансформация секторов экономики Республики Казахстан осуществляется в рамках программы «Цифровой Казахстан» [1], нацеленной на формирование цифровой экономики, усиление конкурентных преимуществ страны, развитие инновационных процессов и улучшение качества жизни. С 2023 года ей на смену пришла новая «Концепция цифровой трансформации, развития отрасли ИКТ и кибербезопасности на 2023–2029 годы» [2], которая делает акцент на цифровизацию

ключевых отраслей, включая строительство. Особое внимание в концепции уделено развитию цифровых навыков, обеспечению информационной безопасности и эффективному цифровому управлению.

Строительная отрасль — значимый сегмент экономики, формирующий около 6% ВВП Казахстана и предоставляющий рабочие места большей части населения. В условиях цифрового перехода ожидается существенное повышение цифровой зрелости строительного сектора. Цифровизация данной сферы способствует росту эффективности процессов, улучшению качества и безопасности строительных объектов, снижению издержек, внедрению устойчивых экологических решений, а также росту инвестиционной привлекательности [3].

В сравнении с высокотехнологичными строительными секторами развитых государств, уровень цифровой зрелости строительной отрасли Республики Казахстан остаётся относительно низким — цифровизация охватывает приблизительно 5 % всех процессов, несмотря на 28-е место страны в мировом рейтинге электронного правительства по версии ООН. Это свидетельствует о наличии существенного потенциала для цифрового обновления отрасли и необходимости ускоренного внедрения современных технологий.

Цифровизация строительного сектора в Казахстане реализуется в рамках поэтапной государственной стратегии (таблица 1).

Таблица 1 - Этапы внедрения цифровых технологий в строительной отрасли Казахстана

Этап. Наименование	Годы	Содержание	Результат или ожидаемый результат
1	2	3	4
Этап 1. Подготовительный (нормативный)	2015– 2019	Определение юридических и институциональных рамок перехода на цифровые технологии	- Активное обсуждение внедрения ТИМСО (BIM) в отрасли. - Разработка «Плана мероприятий по внедрению ТИМСО» (2016–2019), создан стандарт классификации и кодирования объектов. - Разработаны и утверждены стандарты, единая терминология, подготовлена Дорожная карта внедрения технологии с учётом международных стандартов ISO [4].
Этап 2. Переходный (пилотный)	2020– 2022	Внедрение на пилотных проектах, создание и апробация стандартов	- Начало обязательного применения BIM при проектировании технологически сложных объектов, таких как высотные комплексы, образовательные учреждения и т. п. [5, 6]. - К 2022–2023 годам уровень практического применения и передачи данных от проектирования к строительству снижает уровень подготовки цифровых систем в эксплуатацию [7].

Этап 3. Применение цифровых технологий	с 2023 до 2025	Обязательное применение BIM/ТИМСО при проектировании и технически сложных объектов	- С января 2023 года обязательное применение BIM/ТИМСО при проектировании технически сложных объектов было официально введено [6]. - Государство развивает центральную платформу «E-Qurylys», единый геопортал (ЕГИД), E-PSD и E-Shanyraq; каждому объекту присваивается уникальный номер - аналог цифрового ИИН [8]. - К 2025 году переход на ТИМСО становится обязательным для всех технологически сложных объектов, и нормативная база уточняется по итогам пилотных проектов [9].
Этап 4. Интеграция и управление жизненным циклом	2022–2025 и далее	Создание ГБИМ (государственной BIM-базы). Интеграция BIM-моделей с эксплуатацией	- Создание ГБИМ (государственной BIM-базы) для хранения моделей и данных с разграниченным доступом; - Интеграция BIM-моделей с эксплуатацией: передача данных от проектирования к строительству и далее к эксплуатации объектов; развитие Big Data, автоматизированных проверок соответствия, BIM-Level 3 [7]. - Внедрение цифровых инструментов: E-Qurylys, геопортал, E-PSD, E-Shanyraq в практику управления проектом и контроля стройки на каждом этапе с минимизацией бумажной волокиты [8].
Этап 5. Сопровождение, стандартизация и масштабирование	с 2023–2025 и далее	Внедрение BIM-стандартов на уровне компаний	- Обучение BIM-менеджеров и специалистов (в 46 % компаний уже проведено обучение, но общий дефицит квалификации сохраняется); - Внедрение BIM-стандартов на уровне компаний: аудит, пилотирование, создание корпоративных стандартов, интеграция BIM с ERP и другими системами, консалтинг и техподдержка [4, 10].
Примечание – Составлена автором по материалам источников [4 - 10]			

На начальном этапе (2015–2018 гг.) были сформированы ключевые нормативно-правовые предпосылки для внедрения технологий информационного моделирования зданий (ТИМСО/BIM), разработана дорожная карта цифровой трансформации, утверждены нормативные документы, создан Центр компетенций, а также начата подготовка кадров. Эти мероприятия стали основой для формирования системного подхода к управлению жизненным циклом строительных объектов с использованием цифровых решений.

Переходный этап, охватывающий 2020–2022 годы, сосредоточен на пилотной апробации BIM-стандартов и обязательном применении ТИМСО в проектировании 24 типов сложных объектов, включая высотные жилые здания, многофункциональные комплексы, учреждения образования и здравоохранения. Одним из ключевых достижений данного периода стало создание Государственного банка информационных моделей (ГБИМ), предназначенного для хранения и использования BIM-данных при реализации государственных инвестиционных проектов [6].

Третий этап цифровизации (2023–2025 гг.) характеризуется активной государственной поддержкой внедрения цифровых сервисов в строительстве. Были запущены такие электронные платформы, как Единый геопортал инфраструктурных данных (ЕГИД), E-PSD, информационные системы «Казреестр», E-Qurylys, e-Shanyraq и другие. Эти цифровые инструменты обеспечивают прозрачность, эффективность и контроль на всех стадиях реализации строительных проектов.

На четвёртом этапе осуществляется интеграция BIM-моделей с эксплуатационной фазой объектов. Согласно действующей Концепции цифровой трансформации [2], обеспечивается сквозная цифровая передача данных от стадии проектирования до ввода объекта в эксплуатацию. Это позволяет повысить эффективность управления инвестиционными проектами, а также обеспечить цифровую связность всех участников строительного процесса.

Пятый этап, начавшийся с 2025 года, направлен на формирование профессиональной цифровой среды в отрасли. Согласно исследовательским данным за 2022–2023 годы, обучение специалистов по BIM-технологиям проведено в 46 % строительных компаний. Тем не менее, сохраняется значительный дефицит компетентных специалистов, особенно в области организационно-управленческих и методологических решений. На данном этапе предусмотрено внедрение корпоративных BIM-систем, их интеграция с ERP- и BPM-платформами, а также развитие цифровых стандартов и нормативной документации.

Таким образом, цифровизация строительной отрасли Казахстана демонстрирует поступательное развитие, опирающееся на институциональные, технологические и кадровые изменения. Сформированная этапность позволяет системно внедрять инновации и обеспечивать устойчивый рост отрасли в контексте глобальных цифровых трендов.

Цифровизация строительной отрасли Казахстана является важным элементом устойчивого экономического развития. Внедрение современных технологий, таких как BIM, способствует росту эффективности, качества и прозрачности процессов в строительстве. Для дальнейшего прогресса необходимо усилить подготовку кадров, развивать цифровую инфраструктуру и обеспечить межотраслевую интеграцию цифровых решений на всех этапах жизненного цикла объектов.

Список использованной литературы

1. Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан». Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827. Утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 мая 2022 года № 311 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P17000000827>
2. Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан № 269 от 28 марта 2023 года // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P23000000269>

3. Azamat Salykov, Urpash Shalbolova, Ainur Junusova. Transformation of the construction industry in Kazakhstan in the context of digitalisation of the economy // Infrastructure Asset Management, 2025-01-07 // URL: <https://doi.org/10.1680/jinam.24.00037>
4. Левин А. Как в Казахстане идет цифровизация строительной отрасли, 2024. // URL: https://kz.kursiv.media/2024-10-10/bg-digital/?utm_source=chatgpt.com
5. Махмудова А. Строительная отрасль уходит «в цифру» https://ztgzt.kz/74527/stabilnyy-progress?utm_source=chatgpt.com
6. Цифровизация строительства Казахстана 2023: переходим на BIM // URL: https://cadsystems.kz/tpost/ef8hjse751-tsifrovizatsiya-stroitelstva-kazakhstana?utm_source=chatgpt.com
7. Талапов В. Концепция внедрения BIM в Казахстане: основные факты // URL: https://ardexpert.ru/article/11350?utm_source=chatgpt.com
8. GreenTech. Анализ текущей ситуации в Казахстане. Зеленое строительство // URL: https://transformation.kz/tpost/j1rhi7krh1-glava-2-analiz-tekuschei-situatsii-v-kaz?utm_source=chatgpt.com
9. IMD World Digital Competitiveness Ranking – 2024. The digital divide: risks and opportunities // URL: [20241111-WCC-Digital-Report-2024-WIP.pdf](https://www.imd.org/~/media/20241111-WCC-Digital-Report-2024-WIP.pdf)
10. Преимущества перехода на BIM-технологии // URL: https://bim.cad.kz/?utm_source=chatgpt.com

УДК 332.024

Toxanova A.N., Doctor of Economic Sciences, Professor,
International Engineering and Technological University,
Almaty

Ashikbayeva Z.S., PhD, Assistant Professor
Maqsut Narikbayev University, Astana

Bokova Y.Z., Head of the Organization "Real Bakery",
Almaty

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF THE NEW ENTREPRENEURSHIP CULTURE

Abstract. Entrepreneurial culture is an important factor for further development of small and medium-sized enterprises. International experience shows that for the successful development of both large and medium-sized enterprises, it is necessary to create an effective legal framework that includes appropriate legal and financial support from the government. The purpose of the article is to identify the features of small and medium-sized enterprises in Kazakhstan and risk management principles (based on the example of the semi-finished products market), as well as to develop proposals to support small and medium-sized enterprises.

Keywords. Economics, market relations, entrepreneurship, entrepreneurial culture, strategic management, small and medium enterprises

Small and medium-sized enterprises (SMEs) are businesses whose turnover, assets and number of employees are below a certain threshold. The definition of SMEs varies by country. Certain size criteria should be met, sometimes considering the industry, which the company operates in [1].

The SME sector occupies its special place in the economy of any country. It can be described as the driving force of business, growth, innovation, and competitiveness. First, it allows to introduce non-standard and innovative approaches and solutions. Second, it contributes to the creation and strengthening of new jobs in the middle class. Thus, entrepreneurship performs not only economic functions, but is also closely connect with all aspects of society.

Entrepreneurial culture is a set of values, beliefs, norms and practices that characterize the degree to which entrepreneurship is supported and encouraged in a particular society or organization. This culture can greatly influence the development of entrepreneurship in a region, country or within a particular community. Entrepreneurial culture may vary in different regions and countries depending on historical, social, economic and cultural factors. Encouraging entrepreneurship promotes economic growth, innovation and job creation [2].

Entrepreneurial culture includes the following aspects: risk and innovation, social support, attitude towards failure, access to resources, education and skills, collaborative culture, legislation and bureaucracy. The new entrepreneurial culture includes various changes and trends in the world of entrepreneurship, including innovation and technology, strategic management, sustainability and social responsibility, flexibility and adaptability, collaboration and networking as well as learning culture.

Entrepreneurial culture in the field of small and medium-sized enterprises has its own specificities. One of the undoubted features of SMEs is the fact that the management of business processes of SMEs has its limitations, caused mainly by the size of the enterprise and the associated focus on operational management. Other features include accumulation of functions, informal leadership, and preference for oral communication over written communication, among others. However, introduction of strategic management can increase competitiveness, reduce costs, improve the decision-making process, facilitate implementation of an employee motivation system, reduce delivery times, improve quality, customer satisfaction, and more. [3].

In small companies, due to the small number of employees and managers, many functions accumulate in the competence of only a few employees and informal leadership is more common. However, a high degree of flexibility and quick adaptation to changing factors of small and medium-sized business determines the ability to withstand and reduce the growing trends of globalization associated with the emergence of multinational corporations and networks.

Individual representatives of SMEs are introducing strategic management approaches into their activities. Strategic management based on long-term forecasts helps to anticipate future challenges and opportunities. Strategic management also provides clear goals and direction for the future of the company and gives its employees a sense of security. Strategic management helps to improve the quality of management and encourages managers to improve the decisions they make. Strategic management helps to improve company communication, project coordination, staff motivation and resource allocation.

Small and medium-sized enterprises in Kazakhstan are active in all sectors of the economy. The market for semi-finished products in Kazakhstan has been actively developing in the last decade due to the growing demand for products. The leading players in the market of semi-finished products are well-known representatives of the SME sector. One of them is

"KazЭkoGroup" LLP, which has a unique portfolio of semi-finished products - frozen dough ravioli in various designs. This is not a mass-produced product and its production is limited.

The brand's pricing policy stems from being in a higher price segment compared to mass-produced products and gaining profits from higher sales volumes. Its main policy is to prioritize quality over quantity and produce only natural products. Similar approaches exist in Italy and the USA. However, this format is unique in the Kazakh market. Of course, a number of factors are important for successful operations, including quality, branding and distribution. The main distribution channel is supermarket chains. The position of retail chains in relation to other markets is ambiguous. They are both partners and competitors of the company, so it is extremely important to establish mutually beneficial relationships and develop long-term contracts with retail chains [4].

For SMEs, collaborating with retailers is difficult, as the average cost to join a network is USD 100,000. Small players do not have such resources. Therefore, they have not completely eliminated chain stores, but are forced to work with department stores and market retailers, whose market share is currently 30-40%.

There are a number of features of the semi-finished products market that should be noted:

- The frozen meat market has very different regional characteristics. Consumer preferences vary greatly even in neighboring regions, which makes it much more difficult to develop marketing programs, especially for companies with foreign capital;
- Long shelf life and slow turnover (frozen food can be stored for up to 18 months);
- Seasonal factors;
- Long and very expensive supply chain;
- The concept of branding has become blurred in this market segment and there has been an increase in unbranded frozen foods sold in bulk.
- Lack of refrigeration chambers in many stores, especially in rural areas;
- Challenges of product transportation, where it is necessary to constantly maintain the temperature regime (-18°C). Manufacturers and distributors should make significant investments in transport, including specially equipped refrigerated vehicles;
- During the summer period the area of warehouse premises is minimal.

Experts generally predict that the market for frozen meat products will develop to consolidate and stabilize the position of domestic companies. However, this process is complex, lengthy and capital-intensive. The industry has problems with modern processing facilities and there is no domestic raw material base, so it is necessary to develop modern logistics systems and expand distribution. According to experts, in the next three years the market for semi-finished meat products will grow by approximately 5-6% per year.

The financial crisis did not greatly affect the capacity of this market. However, segmentation shows that the share of expensive products such as sliced meats is declining, while the share of fillets, pancakes and cutlets is growing. At the same time, the demand for cooked or ready-to-eat meat products is growing. Experts believe that one of the most promising sectors is the production of cooked poultry products (annual market volume 2.2-2.4 million tons). Consumption of poultry products is growing twice as fast as consumption of beef products. Currently, poultry meat makes up 30-35% of all meat consumed in the diet of the Kazakh population.

SMEs play an important role in the economy, providing jobs to huge numbers of people and helping to drive innovation. Despite their small size, small and medium-sized enterprises play an important role in the economy. They greatly outnumber large firms, employ vast numbers of people on a national scale, and tend to be entrepreneurial in nature, helping to shape innovation.

Each country sets different guidelines for different industries to define what a small business is in different sectors. Governments regularly offer incentives, including favorable tax treatment and better access to credit, to help them stay in business. Small and medium-sized businesses can exist in almost any industry, but they are more likely to be in industries that require fewer employees and require less initial capital investment.

SMEs are set apart from large multinational companies because they operate fundamentally differently. Large and complex companies may require advanced enterprise resource planning (ERP) systems, interconnectivity between offices around the world, or additional organizational costs. SMEs, on the other hand, due to their flexibility, are more receptive to innovation and changes in their strategy. All this makes small and medium-sized businesses an important factor in economic development and increasing the competitive environment.

The development of a new entrepreneurial culture that focuses on innovation, sustainability, collaboration and learning can become the platform within which small and medium-sized enterprises will find their niches and further development.

References

1. Lapusta, M. G. Entrepreneurship: Textbook / Lapusta M. G. - M.: NIC INFRA-M, 2018. - 384 p.
2. Pomazkova E. V. Problems of improving entrepreneurial culture // Don State Agrarian University, Philosophical Sciences. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-465-477>
3. Litvinova, A.G. Forms and methods of management in small business / Science and business: ways of development. 2018. No. 2. P. 23-26.
4. <https://inbusiness.kz/ru/last/kak-kazahstanskije-proizvoditeli-perestraivalis-v-period-karantina>

Айткалиева А.М. докторант
ОП 6D050600 – Экономика
Научный консультант:
Галиева А.Х. д.э.н., профессор
кафедры «Экономика и маркетинг»,
Учреждение «Esil University»

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье рассмотрены актуальные проблемы удовлетворения общественной потребности в развитии инфраструктуры и предоставлении качественных услуг в условиях ограниченности государственных финансовых ресурсов. Показано, что применение механизмов государственно-частного партнёрства (ГЧП) является одним из наиболее эффективных инструментов решения задач, традиционно относящихся к компетенции государства. Отмечено, что ГЧП не только способствует модернизации

инфраструктуры, но и раскрывает потенциал частных инвесторов, а также обеспечивает привлечение средств институциональных участников рынка.

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, механизм ГЧП, модели ГЧП, транспортная инфраструктура, модернизация, модели финансирования, распределение рисков.*

Модернизация транспортной инфраструктуры является ключевым условием реализации транзитного потенциала и обеспечения экономического роста Республики Казахстан. В настоящее время из всех источников капитала в строительстве и реконструкции транспортной инфраструктуры Казахстана наибольший удельный вес принадлежит государственному финансированию. Однако опыт развитых стран показывает, что инфраструктурные проекты могут быть реализованы на основе механизма государственно-частного партнерства (ГЧП), который представляет собой стратегический инструмент привлечения частных инвестиций, передовых технологий и компетенций для реализации масштабных инфраструктурных проектов.

ГЧП сочетает в себе государственный сектор с его регулирующей функцией и защитой общественных интересов и ресурсы, управленческие навыки и технологии частного сектора. Выгода от этого сотрудничества особенно заметна в предоставлении общественных услуг, которые удовлетворяют основные потребности каждого человека.

Реализация проектов в транспортной сфере на основе ГЧП представляет собой качественно новый этап взаимодействия государства и бизнеса, который позволяет преодолеть ограниченные возможности государства относительно финансирования проектов в транспортной сфере, отличается масштабностью, высокой эффективностью использования ресурсов, склонностью к инновациям, позволяет эффективно использовать преимущества частной формы собственности для повышения качества услуг и эффективности управления объектами транспортной инфраструктуры.

Применение механизмов государственно-частного партнерства предоставляет ряд преимуществ, как для государства, так и для развития бизнеса. Интересы государства направлены на решение транспортных потребностей путем разработки проектов для улучшения инфраструктуры, а также, использование интеллектуального и ресурсного потенциала частного сектора в сферах традиционной ответственности государства. Так как, посредством государственно-частного партнерства достигается кумулятивный положительный эффект, в том числе: снижение бюджетных затрат за счет привлечения средств частного сектора, повышение качества и эффективности работ и услуг, увеличение поступления от налогов и других выплат в бюджет, повышение инвестиционной и инновационной активности, возможность разделить риски.

Частный сектор приобретает возможность участия в крупных проектах, для него открываются новые инвестиционные возможности и соответственно новые источники доходов, также он получает прямую государственную поддержку и участие в проектах [1].

На современном этапе особенный рост инвестиций в инфраструктуру с использованием механизмов ГЧП происходит в развивающихся экономиках Юго-Восточной Азии, так на Китай приходится до 90% таких сделок. Что касается стран Европы и США, то здесь наблюдается неравномерное использование ГЧП: благодаря интенсивным процессам реструктуризации инфраструктурных отраслей и соответствующему законодательству лидерами применения механизмов ГЧП в Европе являются Великобритания, Франция и Испании.

На сегодня и в Казахстане накоплен значительный опыт в реализации проектов ГЧП в различных отраслях, особенно в отраслях производственной инфраструктуры, инновационной сфере, транспорте, в социальной сфере и в области государственных

услуг. В современных условиях развития в стране частный сектор все чаще и чаще привлекается для использования его потенциала для финансирования инфраструктурных проектов, и эта тенденция может стать одной из важнейших составляющих модернизации стратегически важных отраслей экономики [2].

Партнерство государства и частного бизнеса приобретает разнообразные модели в соответствии со степенью привлечения частного и государственного секторов и в соответствии с уровнем риска, который принимают на себя стороны.

Мировая практика предлагает широкий спектр моделей ГЧП, дифференцированных по степени ответственности и рисков, передаваемых частному партнеру. Для транспортной инфраструктуры Казахстана наиболее релевантны три модели:

1) модель 1 - единое соглашение на первые две стадии реализации проекта: проектирование и строительство транспортного объекта (DB - Design and Build);

2) модель 2 - единое соглашение на три стадии реализации проекта: проектирование, строительство и эксплуатация транспортного объекта (DBO - Design, Build and Operate);

3) модель 3 - концессионное соглашение на три стадии реализации проекта и финансирование частным инвестором: проектирование, строительство, финансирование и эксплуатация транспортного объекта (DBFO - Design, Build, Finance and Operate) [4].

Перечисленные модели дают возможность проследить повышение степени фактического участия частного предпринимательства в совместных государственно-частных проектах в зависимости от избранной формы партнерства и масштабов передачи полномочий собственника частному предприятию.

**Таблица 1: Сравнительный анализ моделей ГЧП
для транспортных проектов**

Модель	Сущность и распределение рисков	Потенциал для РК	Ключевые риски для государства
DB (Design-Build)	Частный партнер проектирует и строит объект по контракту с фиксированной ценой. Риски перерасхода – на частнике. Эксплуатационные и финансовые риски – у государства.	Быстрое внедрение для объектов с четким ТЗ. Строительство мостов, развязок, реконструкция отдельных участков дорог.	Низкое качество при экономии подрядчика; сохранение полной финансовой нагрузки.
DBO (Design-Build-Operate)	Частный партнер проектирует, строит и эксплуатирует объект. Строительные и операционные риски – на частнике. Финансирование и основные финансовые риски – у государства.	Эксплуатация платных участков дорог, логистических центров, терминалов. Передача на аутсорсинг управления объектами.	Недостаточная эффективность оператора; необходимость детального контроля за эксплуатацией.

DBFO (Design-Build-Finance-Operate)	Частный партнер финансирует, проектирует, строит и эксплуатирует объект, получая доход от его использования или платежи от государства. Большая часть рисков передается частному партнеру.	Крупные доходные проекты: скоростные платные магистрали, крупные логистические хабы, транспортные терминалы.	Создание долгосрочных бюджетных обязательств (платежи доступности); риск выбора недобросовестного или финансово неустойчивого инвестора.
Примечание: Составлено автором на основе источников [4,5]			

Эволюция от модели DB к DBFO демонстрирует увеличение вовлеченности частного капитала и передачи ему рисков, что соответствует стратегической цели государства — привлечь ресурсы частного сектора для модернизации инфраструктуры.

Внедрение механизмов ГЧП несет для Казахстана ряд стратегических преимуществ:

- Привлечение внебюджетных инвестиций: снижение непосредственной фискальной нагрузки и высвобождение государственных средств для других социальных задач.

- Повышение эффективности и качества: привнесение частным сектором современных управленческих практик, технологий строительства и эксплуатации, что ведет к снижению жизненного цикла затрат (LCC).

- Инновационный потенциал: стимулирование внедрения цифровых технологий (ITS, умные дороги, логистические платформы).

- Справедливое распределение рисков: передача строительных, эксплуатационных и коммерческих рисков той стороне, которая способна управлять ими наиболее эффективно.

Однако существуют и значительные риски, требующие создания системы управления:

- Риск скрытых обязательств: долгосрочные контракты могут создавать значительные бюджетные обязательства (например, гарантии доходности или платежи доступности), что требует надежности системы фискального управления.

- Сложность и дороговизна подготовки: процедуры тендеров, разработки ТЭО и заключения контрактов требуют высоких компетенций и времени.

- Риск «псевдоинвесторов»: привлечение компаний без достаточного опыта и финансовой устойчивости, ведущее к срыву проектов и судебным разбирательствам [5].

Для успешной интеграции механизмов ГЧП в процесс модернизации транспортной инфраструктуры Казахстану необходимо:

1. Селективный подход к выбору моделей:

- Для социально-значимых, но низкодоходных проектов (ремонт дорог в малых городах) применять модели DB или DBO с государственным финансированием.

- Для коммерчески привлекательных активов (крупные платные магистрали, терминалы) активно продвигать модель DBFO.

2. Внедрение инструментов государственной поддержки: для пилотных проектов по модели DBFO разработать программу предоставления частичных государственных гарантий, инфраструктурных кредитов через БВУ и механизмов софинансирования для снижения рисков первопроходцев.

3. Адаптация международного опыта: использовать положительные практики стран-лидеров по созданию центров компетенций и типовых контрактных моделей.

Механизмы государственно-частного партнерства представляют собой не просто альтернативный источник финансирования, а современный инструмент управления комплексными инфраструктурными проектами. Для Казахстана их внедрение является стратегическим для ускорения модернизации транспортной сети без непосильной нагрузки на государственный бюджет.

Успех будет определяться не единичными сделками, а способностью выстроить целостную экосистему ГЧП: от сильной нормативной базы и сильных институтов до прозрачных процедур и взвешенного распределения рисков. Грамотная комбинация государственного стратегического видения и частной эффективности позволит Республике Казахстан реализовать свои амбициозные инфраструктурные планы и укрепить свои позиции в качестве ключевого транзитного хаба Евразии.

Список использованной литературы:

1. Практическое руководство по вопросам эффективного управления в сфере государственно-частного партнерства. Организация объединенных наций: Женева, 2018. – 128 с.

2. Развитие механизмов государственно-частного партнерства в Республике Казахстан: Монография / Под ред. С.А. Абдыманапова. – Астана: ИПЦ: КазУЭФМТ, 2015. – 123 с.

3. Abdymanapov C.A., Toxanova A.N., Galiyeva A.H. Development of Public-Private Partnership in the Republic of Kazakhstan // IEJME — Mathematic Education. – 2016. – Vol. 11, No. 5. – P.1113-1126.

4. Максимов В.В. Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре: критерии оценки концессионных конкурсов. – М.: Альпина Паблишер. – 2020. – 178 с.

5. Матаев Т.М. Партнерство государства и бизнеса в транспортной сфере Республики Казахстан: монография – М.: Альпина Паблишер. – 2014. – 255 с.

Байбусинова Г.К., докторант
ОП 6D050600 – Экономика, Esil University,
Научные консультанты:
Токсанова А.Н., д.э.н., профессор
кафедры «Экономика и бизнес»
Международного инженерно-технологического
университета, г.Алматы,
Стукач В.Ф., д.э.н, профессор
кафедры «Менеджмент и маркетинг»
Омского государственного аграрного университета
имени П.А. Столыпина», г.Омск, Россия

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

***Аннотация.** Статья посвящена разработке основных направлений стимулирования инновационной деятельности на предприятиях Республики Казахстан. Инновационное предпринимательство содействует поддержанию конкуренции, гибкой перестройке производства, ускорению инновационных процессов, формированию социальной направленности рыночных отношений и росту занятости. В статье проведен анализ уровня инновационной активности по регионам, а также выявлены негативные тенденции развития инновационной деятельности в Республике Казахстан. Предлагается целый ряд мер по стимулированию инновационной активности на предприятиях Казахстана, в том числе: оказание финансовой поддержки инновационных проектов в форме бюджетных кредитов, субвенций и субсидий; внедрение системы компенсирования снижения процентной ставки по кредитам для субъектов малого инновационного предпринимательства; формирование областного венчурного фонда для финансирования мероприятий по поддержке инновационной деятельности субъектов малого предпринимательства и другие.*

***Ключевые слова:** инновационная деятельность, инновационная активность предприятия, инновационное предпринимательство, инновационный бизнес, затраты на инновации.*

Формирование инновационного предпринимательства, как особого сектора народного хозяйства - одно из важнейших направлений преобразования казахстанской экономики на современном этапе. Без инновационного бизнеса невозможно создание эффективной многоукладной экономики в Казахстане, формирование широкого и устойчивого среднего слоя собственников и предпринимателей, определяющих стабильность общества.

Инновационный бизнес является одной из основных движущих сил социально-экономического развития современного общества. Его развитие способствует становлению рыночных отношений и формированию среднего класса. За счет присущей инновационному бизнесу гибкости, мобильности и адаптивности к изменчивым рыночным условиям могут быть решены проблемы социальной стабильности, обеспечения занятости и насыщения потребительского рынка.

Зарубежный опыт экономического и социального развития подтверждает, что инновационное предпринимательство может стать реальным фактором не только стабилизации, но и роста экономики Казахстана. Инновационное предпринимательство содействует поддержанию конкуренции, гибкой перестройке производства, ускорению инновационных процессов, формированию социальной направленности рыночных отношений и росту занятости. В связи с этим научный анализ экономических проблем инновационного бизнеса в Казахстане приобретает особую значимость в условиях реформирования экономики, характеризующейся, в первую очередь, структурной перестройкой хозяйства, необходимостью стабилизации воспроизводственных процессов и обеспечения в перспективе устойчивого экономического развития.

Показателем применимости инноваций на предприятии является инновационная активность. Под инновационной активностью следует понимать созидательную деятельность (творческую энергию) производителей товаров или услуг, выраженную в достижении диктуемых технико-технологических, экономических, организационных, управленческих, социальных и других инноваций. В странах экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показатель доли инновационных предприятий в промышленности составляет 53% [1]. По итогам 2024 года в Республике Казахстан уровень инновационной активности предприятий по всем типам инноваций составил 11,9 % (Таблица 1).

Как видно из (Таблицы 1), инновационная активность различается по регионам. Так лидерами по внедрению инноваций стали Павлодарская область (18,4%), Астана (15,4%), г.Алматы (15,0%). Наименьшая инновационная активность имеет место Атырауской области (3,7%), Западно-Казахстанской области (3,9%), Акмолинская область (5,2%), г. Шымкент (5,2) [2].

Однако инновационная деятельность пока еще не стала основой социально-экономического развития страны: в отечественной экономике не наблюдается ни существенных технологических прорывов, ни признаков интенсивного массового освоения результатов исследований и разработок. Низкая инновационная активность характерна для всех видов экономической деятельности, а также для всех типов инноваций.

Таблица 1 - Уровень инновационной активности предприятий по всем типам инноваций

	2020	2021	2022	2023	2024
Республика Казахстан	11,5	10,5	11,0	11,7	11,9
Абай		11,7	8,1	9,3	8,6
Акмолинская	7,4	5,8	6,0	5,9	5,2
Актюбинская	11,1	12,5	13,5	14,9	14,1
Алматинская	9,8	8,2	5,3	7,5	8,1
Атырауская	10,1	10,1	6,7	5,0	3,7
Западно-Казахстанская	5,9	6,9	4,7	4,2	3,9
Жамбылская	13,7	9,2	5,4	6,1	8,5
Жетісу		7,7	10,8	12,0	12,6
Карагандинская	12,8	12,8	15,1	16,2	15,0
Костанайская	14,3	11,9	9,2	9,4	10,7
Кызылординская	12,4	11,2	13,2	13,9	14,0
Мангистауская	7,9	6,3	5,0	6,2	4,5
Павлодарская	9,0	5,2	13,2	15,3	18,4

Северо-Казахстанская	14,1	11,3	15,2	9,7	13,6
Туркестанская	11,2	10,4	9,0	10,2	11,4
Ұлытау		14,9	8,4	7,8	6,1
Восточно-Казахстанская	12,9	10,9	8,8	10,3	7,7
г.Астана	12,6	13,5	14,8	15,2	15,4
г.Алматы	13,0	11,4	13,2	14,6	15,0
г. Шымкент	7,1	7,0	5,2	6,3	5,2
Примечание – Составлено авторами на основе источника [2].					

Так на данный несмотря на важность развития научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, количество предприятий в этой сфере не имеет устойчивой тенденции к увеличению. (Таблица 2).

Основной проблемой является в целом низкий спрос на инновации в казахстанской экономике, а также его неэффективная структура – избыточный перевес в сторону закупки готового оборудования в ущерб собственных новых разработок. Однако не надо забывать, что есть также причины, по которым не осуществлялась инновационная деятельность на предприятиях (Таблица 3) [3].

Как видно из таблицы 3, самой главной причиной отказа от инновационной деятельности и прекращения внедрения инноваций является недостаток финансовых средств - 9345 единиц, в разрезе областей лидирует Алматинская, Карагандинская и Акмолинская области.

Таблица 2 - Количество организаций (предприятий) осуществлявших НИОКР (единиц)

	2020	2021	2022	2023	2024
Республика Казахстан	22 665	21 617	22 456	25 473	22 665
Область Абай	914	982	1 042	1 214	914
Акмолинская	733	782	748	775	733
Актюбинская	431	381	420	472	431
Алматинская	537	417	330	404	537
Атырауская	476	427	111	140	476
Западно-Казахстанская	517	441	417	379	517
Жамбылская	349	393	407	405	349
Область Жетісу	х	280	308	333	х
Карагандинская	1 168	1 132	1 272	1 463	1 168
Костанайская	635	570	484	513	635
Кызылординская	260	239	293	423	260
Мангыстауская	685	650	661	683	685
Павлодарская	514	447	477	551	514
Северо-Казахстанская	120	163	161	162	120
Туркестанская	251	245	239	353	251
Область Ұлытау	-	2	2	21	-
Восточно-Казахстанская	890	920	1 004	1 051	890
г. Астана	3 942	3 894	4 265	4 867	3 942
г. Алматы	9 299	8 730	9 191	9 994	9 299
г. Шымкент	683	522	624	1 270	683
Примечание – Составлено авторами на основе источника [2].					

Проанализировав данные, можно отметить следующие негативные тенденции развития инновационной деятельности, которые повлияли на развитие инновационного развития в Республике Казахстан:

1. Сокращение доли инновационной продукции в ВВП.
2. Низкие темпы увеличения доли инновационно- активных предприятий от общего количества предприятий, что обуславливает высокий уровень пассивности в области инноваций
3. Сокращение инновационно - активными предприятиями объема оказанных научно-технических услуг. Количество научно-исследовательских, проектно-конструкторских подразделений предприятий, как и списочная численность работников в них, в течение последних лет практически неизменно.
4. Большие различия по затратам предприятий на технологические инновации, вызвавшие неравномерное развитие инновационной деятельности по регионам республики. [4].

Опыт реализации государственной инновационной политики показал, что в Казахстане развитие инноваций зависит от 2 факторов:

Во-первых, инновации нельзя развить сами по себе, они должны быть привязаны к индустриализации страны в целом, при этом должна создаваться критическая масса людей, воспринимающих инновации, а значит и структура занятости в целом должна в корне поменяться - больше должно быть инженеров, технологов. Создание инновационной экономики невозможно без сильной конкурентоспособной индустриальной базы, развитой промышленности, которая является и заказчиком, и потребителем инноваций - то есть «трамплином инноваций» [5].

Таблица 3 - Причины отказа от инновационной деятельности предприятий

	Недостаток финансовых средств	Недостаток финансовых средств из внешних источников финансирован ия	Инновацио н-ные затраты слишком высоки	Нехватка компетентног о персонала	Отсутс твие инфор мации о технол огиях
1	2	3	4	5	6
Республика Казахстан	9 345	776	883	626	273
Акмолинская	462	7	62	30	11
Актюбинская	455	4	29	22	29
Алматинская	517	31	79	8	7
Атырауская	230	67	8	21	58
Жамбылская	282	26	41	25	16
Карагандинская	783	17	111	22	2
Костанайская	428	21	55	37	11
Кызылординская	194	7	14	187	-
Мангистауская	88	6	11	5	3
Павлодарская	467	14	46	32	2
ЗКО	270	14	109	12	5
ЮКО	776	10	45	14	43
СКО	362	13	38	8	15
ВКО	559	45	93	30	13

г.Астана	372	31	57	40	13
г.Алматы	3 100	463	85	133	45
г. Шымкент	196	17	28	21	7
Примечание – Составлено авторами на основе источника [2].					

Во-вторых, государство не может только на себе нести груз развития инноваций. Здесь значительная доля ответственности также лежит на бизнесе. Это комплексная задача, которая включает в себя доступность необходимых бизнесу кадров, популяризацию инновационной деятельности, изменение формата общения между бизнесом и государством.

Необходимо выделить следующие ключевые направления развития инновационной политики Казахстана на ближайшие 10 лет:

Первое направление - развитие инновационных кластеров, в том числе Назарбаев Университет и Парк инновационных технологий. Назарбаев Университет, являясь генератором новых знаний и инновационных идей, фактически заложит основу будущей казахстанской науки в новых отраслях.

Второе направление – усиление роли регионов, где будет проводиться работа по координации инновационной политики на региональном уровне [6].

Успех инновационной политики невозможен вне контекста развития регионов и именно поэтому они должны стать «точками инновационного роста». Одной из мер государственной поддержки развития таких перспективных технологий будет разработка целевых технологических программ, которые будут реализовываться бизнесом с привлечением науки и финансовой поддержки государства.

Таким образом, сочетание межгосударственных инновационных программ, национальных целевых инновационных программ, программ технологического развития, а также отдельных инновационных проектов создаст условия как для насыщения конкурентоспособной продукцией внутреннего рынка, так и откроет выходы к мировым рынкам, причем, внутренние потребности страны при этом будут удовлетворены.

В данном исследовании предлагаются следующие методы стимулирования инновационной деятельности.

- оказание финансовой поддержки инновационных проектов в форме бюджетных кредитов, субвенций и субсидий;

- внедрение системы компенсирования снижения процентной ставки по кредитам для субъектов малого инновационного предпринимательства, выданным кредитно-финансовыми организациями, в целях привлечения дополнительных внебюджетных ресурсов;

- неформальное финансирование («партнерский кредит»), так как одним из основных факторов, ограничивающих возможности малых предприятий получить банковский кредит, является присущая малому бизнесу специфическая структура активов;

- обеспечение доступа предпринимателей, к кредитам, что позволит вывести малый бизнес из теневого сектора экономики и стимулировать появление новых инновационных предприятий и предоставить начальный капитал для офисных и производственных помещений;

- развитие и внедрение таких прогрессивных форм инвестиционной поддержки инновационного предпринимательства, как лизинга и франчайзинга;

- финансирование наукоёмких и высокотехнологичных проектов малых предприятий в инновационной сфере с привлечением долевого участия коммерческих и некоммерческих организаций;

- формирование областного венчурного фонда с целью финансирования мероприятий по поддержке инновационной деятельности субъектов малого предпринимательства, в частности внедрение практики финансирования фондов венчурного капитала в форме государственных инвестиций или бюджетных кредитов

- долевое участие органов местного управления в финансировании научно-технологических исследований субъектов инновационного предпринимательства, включая оплату патентно-лицензионных расходов;

- внедрение практики компенсации части процентной ставки по кредитам и займам, идущим на разработку и освоение новой техники субъектам малого предпринимательства области, до момента ее коммерческой реализации;

- использование механизма финансовой аренды (лизинга) для ускоренного обновления и модернизации основных средств, повышения качества и объема выпускаемой продукции.

Внедрение данных механизмов позволит существенно стимулировать инновационную деятельность в Республике Казахстан, так как будут задействованы как внешние, так и внутренние источники роста предприятий и их заинтересованность в применении инноваций.

Список использованной литературы

1. Chesbrough H. Open Innovation: The new Imperative for Creating and Profiting from Technology. Boston, Massachussetts: Harvard Business School Press. 2003.
2. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. МНЭ РК // www.stat.gov.kz
3. Наука и инновации. Основные показатели за 2014-2018 годы: <http://stat.gov.kz/>
4. Токсанова А.Н. Стимулирование внедрения инноваций в Республике Казахстан: вопросы теории и практики // Сборник XVII Международной научно-практической конференции «Россия и Европа: связь культуры и экономики», Прага, 2017, С.437-441 (Чехия).
5. Токсанова А.Н., Сарина Г.А., Ашикбаева Ж.С. Innovative Development of the Economy of Kazakhstan: Problems and Solutions // Международная On-line конференция на базе коммуникативной площадки «G-global» «Учет, аудит и анализ: международная практика, тенденции и перспективы развития», Астана: ЕНУ им.Л.Н.Гумилева, 2017.
6. Токсанова А.Н., Галиева А.Х., Мухамеджанова А.А. Подходы к внедрению механизмов управления инновационного предпринимательства по целям и результатам деятельности // Материалы II международной научно-практической конференции на тему: «Актуальные вопросы экономических наук». –2017.– С.545-550.

Бикенова А.С., магистр,
«Экономика және маркетинг» кафедрасының
аға оқытушысы
Esil University, Астана қ., Қазақстан

ТУРИЗМДЕГІ МАРКЕТИНГ: ҚАЛЫПТАСУЫ ЖӘНЕ ДАМУЫ

***Аңдатпа.** Мақалада қызмет көрсету саласының пайда болуы мен дамуы қажеттіліктердің өсуінің үлгісі ретінде әрекет ететіні көрсетілген. Қызмет көрсету саласының даму кезеңдері және сервистік маркетингтің қалыптасу кезеңдері анықталған. Туристік қызметтерге қажеттілік және оларды қанағаттандыру ерекшеліктеріне талдау жүргізіледі. Туристік маркетингтің дербес бағыт ретінде дамуының негізгі кезеңдерінің сипаттамасы берілген. Тұтынушының қызығушылығын қалыптастырудағы эмоционалдық фактордың, визуалды мазмұнның және ұсыныстардың жекелендіруінің рөліне ерекше назар аударылады.*

***Кілт сөздер:** туристік маркетинг, қызметтер, туристік компаниялар, туризм индустриясы, маркетинг тұжырымдамасы, саяхатшылар, туристік маркетингтің эволюциясы, тұтынушылардың мінез-құлқы.*

Бастапқыда маркетинг теориясы тауарлық өндірістің сұранысына жауап ретінде дамып, материалдық игіліктерді максималды өткізуге бағытталды. Дегенмен, қызмет көрсету саласы, оның ішінде туризм қарқынды дамып, ұлттық экономикалар дамудың индустриялық моделінен постиндустриалды моделіне жылдам өтуіне қарай маркетингтердің мүдделері маркетингті басқарудың нақты объектісі ретінде қызмет көрсету саласын зерттеуге тарай бастады.

Тауарлар мен қызметтер арасындағы түбегейлі айырмашылықты түсіну қызметтер маркетингінің дамуында маңызды рөл атқарды. Маркетингтер арасында 1980 жылы Леонард Берри бірінші болып қызмет пен физикалық өнім арасындағы негізгі жалпы айырмашылыққа назар аударды. Берри «физикалық өнім - бұл объект, құрылғы немесе зат, ал қызмет - бұл әрекет, өнімділік немесе күш» [1] деп көрсетті. Осылайша, ол өнім мен қызмет арасындағы негізгі айырмашылық – біріншісінің маңыздылығы және соңғысының сезілмейтіндігі туралы өзіндік идеясын тұжырымдады.

Дегенмен, К.Маркстың өзі «Капиталда» қызметтерді нақты тарихи құбылыс ретінде талдай отырып, былай деп жазғанын еске түсірген жөн: «Қызмет – мейлі тауар немесе еңбек болмада пайдалану құнының пайдалы әрекетінен басқа ештеңе емес» [2]. Кейінірек нақтырақ сипаттама берді: «Бұл еңбектің ерекше пайдалану құны мұнда «қызмет» деген ерекше атау алды, өйткені еңбек қызметтерді зат ретінде емес, әрекет ретінде көрсетеді» [3]. Осылайша, қызмет дегеніміз сатып алушылардың жалпы жеке емес тобы емес, нақты тұтынушының қажеттіліктерін қанағаттандыруға тікелей бағытталған еңбек деген қорытынды жасау әбден орынды. Еңбектің ерекше түрі ретінде қызмет құны болмайды және тауар болып табылмайды. Дегенмен, олар шығындар сметасын алады және тауар түрінде көрінеді. КСРО-да 1970-1980 жж. Талқылау барысында экономикалық теория шеңберінде қызметтердің маңызды сипаттамалары және олардың тауарлардан айырмашылығы нақтыланды. Бұл талқылау нәтижелерінің өзектілігі мен маңыздылығы даусыз болғандықтан, оларды тезистер түрінде тұжырымдау қажет сияқты [4]:

- қызмет зат емес, әрекет;
- қызмет жеке сипатта, ол нақты тұтынушыға оның жеке қажеттілігіне жауап ретінде көрсетіледі;
- қызмет оның өндірісі мен тұтынуынан бөлек өмір сүрмейді, қызмет өндіру, әдетте, уақыт пен кеңістікте тұтынумен (немесе тұтыну процесінің басталуымен) сәйкес келеді;
- қызмет қозғала алмайды, нарықтық айналым объектісі бола алмайды;
- қоғамдық ұдайы өндіріс процесінде қызмет бір рет қана және нақты тұтынылатын жерде қатысады; ол жинақтала алмайды, өйткені ол өндірістің өзінде тұтынылады;
- қызметтің құндылығы жоқ, бірақ оны ұсыну процесінде құндылық жасалуы мүмкін; қызмет нәтижесі, өз кезегінде, материалдық нысаны мен құндылығы болуы мүмкін.

Жалпы қызметтерге деген қажеттіліктер өндіріс пен тұтынудың диалектикалық даму процесінде жүзеге асырылатын және біздің ойымызша, өзара байланысты бірқатар аспектілерді қамтитын қажеттіліктердің көтерілуінің нәтижесінде қалыптасады және дамиды. Атап айтқанда: қажеттіліктер саны мен тұтыну көлемінің өсуі; тұтынушылардың кең шеңберіне қажеттіліктердің таралуы; қажеттіліктердің сапалық өзгерістері; тұтыну әдісінің күрделенуі; тұтыну формасының өзгеруі; интеллектуалдық және әлеуметтік қажеттіліктерді дамыту.

Өсіп келе жатқан қажеттіліктердің экономикалық заңының әрекетіндегі шешуші сәт, біздің ойымызша, тұтыну әдісі мен формасының өзгеруі болып табылады, бұл қоғамдық еңбек бөлінісінде және оны әртүрлі салаларда бөлуде түбегейлі өзгерістерді тудырады және, атап айтқанда, қызмет көрсету саласының қалыптасуына әкеледі.

Жеке қажеттіліктерді жеке ұйымдастырылған қанағаттандыру жағдайында тұтыну әдісін түбегейлі өзгерту мүмкін емес. Мұнда тұтыну процесін «концентрациялау», оны қоғамдық ұйымдасқан тұтынуға айналдыру қажеттілігі туындайды. Сонымен бірге процестің мәні өзгермейді: тұтыну жеке болып қалады, ол адамның физикалық болмысын сақтауға, жұмыс күшін ұдайы өндіруге бағытталған. Дегенмен, бұл процестің формасы айтарлықтай өзгерістерге ұшырайды. Қажеттіліктерді қанағаттандырудың жеке формасының орнына тұтынудың әлеуметтік формасы пайда болады. Мысалы, үйде тамақ әзірлеу қоғамдық тамақтану қызметтерімен толықтырылады. Қоғамдық еңбек бөлінісінің дамуы қызмет көрсетудің ерекше қызмет түріне айналуына әкеліп соқтырады және 20 ғасырдың ортасынан бастап жеделдетілген қарқынмен дамып келе жатқан қызмет көрсету саласын қалыптастырады. Осылайша, қызмет көрсету саласының жедел дамуы қажеттіліктердің артуы процесінің заңды салдары екенін мойындау керек.

Қазіргі уақытта тұтыну формасы мен әдісінің өзгеруі, атап айтқанда, бірнеше құрамдас бөліктерді (материалдық және материалды емес) біріктіретін полинеидтердің қалыптасуында жүзеге асырылады. Бұл жағдайда іргелі қажеттілік туындауы мүмкін және оның айналасында негізгі қажеттілікті қанағаттандыру процесін тиімдірек, ыңғайлы немесе рахатқа бөлетін қосымша қажеттіліктер кешені қалыптасады.

Экономиканың қызмет көрсету саласының белсенді қалыптасуы XX ғасырдың 40-шы жылдарының аяғы мен 50-ші жылдарының басында басталды. 21 ғасырдың басына қарай қызмет көрсету саласы экономиканың капиталды көп қажет ететін және табысты сегменттерінің біріне айналды. TheGlobalEconomy.com порталының мәліметінше, 2024 жылы ЖІӨ-дегі қызметтердің әлемдік орташа үлесі 55,77% құрады. Бұл көрсеткіш елдерге қарай өзгертінін атап өткен жөн, ал Америка Құрама Штаттары үшін 2024 жылы ол айтарлықтай жоғары болды - 79,68%.

Аймақ және ел бойынша бөлу:

- Әлемдік орташа: 55,77% (151 ел үшін).
- АҚШ: 79,68%.

Жоғарыда аталған жағдайлардың барлығы практиктердің де, ғылыми қауымдастықтың да қызметтерді маркетинг мәселелеріне деген қызығушылығын алдын ала анықтады.

Ғылыми әзірлемелердің тереңдетілуі мен мамандануына байланысты дамыған маркетинг теориясының эволюциясы барысында қызмет көрсету маркетингі ғылыми білімнің дербес саласы ретінде пайда болды. Қызмет көрсету саласының дамуының негізгі кезеңдері және қызметтер маркетингінің қалыптасуы 1-кестеде көрсетілген.

1 кесте. Қызмет көрсету саласының дамуының негізгі кезеңдері және қызмет көрсету маркетингінің қалыптасуы

Кезең	Теориялық жұмыстардың негізгі мазмұны	Автор
20 ғасырдың 40-жылдарының аяғы. Бірқатар елдердің экономикасында өнеркәсіптік өндіріспен салыстырғанда қызмет көрсету саласының жедел дамуының басталуы		
1969 ж.	Материалдық түрдегі тауарлар мен қызметтер арасындағы айырмашылықтарды анықтауға тырысады. Қызметтер маркетингі теориясының негізі қаланды	Э. Джонсон (Вашингтон Университеті, АҚШ)
60-жылдардың соңы – 70-жылдардың басы. Дамыған елдердің ішкі жалпы өніміне қызмет көрсету саласының үлесі өнеркәсіп пен ауыл шаруашылығы секторларының үлесіне тең болды		
1970 ж. басы	Jornal of Marketing журналында қызметтер маркетингін жеке пәнге бөлу мүмкіндігі туралы көптеген жарияланымдар	В. Джордж, Х.Баксдейл, Р. Дадд, Д. Ратмелл
1970 ж. ортасы-соңы	Қызметтердің әртүрлі классификациялары ұсынылады	Дж. Шостак, У. Сассер, Р.Олсен, Т. Хилл, Р. Чейз
1972 ж.	Маркетинг концепциясын қызмет көрсету индустриясында қолдану бойынша зерттеу	В.Джордж (Джорджия университеті, АҚШ)
1973 ж.	Қызметтер маркетингінің мәселелеріне арналған кейстерді құрудың басталуы	К. Лавлок (Гарвард бизнес мектебі, АҚШ)
1974 ж.	Өнім ретіндегі қызметтің ерекшелігі көрсетілген. Алғаш рет сервистік маркетинг процесінің жаңа элементі анықталды – қызметті ұсынатындар мен оны тұтынушылардың өзара әрекеттесу процесі. Қызметтер маркетингі бойынша «Қызмет көрсету маркетингіне кіріспе» атты бірінші кітап жарық көрді. Қызмет көрсетудің материалдық еместігінен туындаған қызметтер маркетингін басқару проблемалары анықталды.	Д.Ратмелл (АҚШ) Э.Джонсон (Вашингтон Университеті, АҚШ)
1976 ж.	«Қызмет көрсету әрекетінде» немесе «қызмет өндірісі» маркетингінің қызметтерінің моделі	Э.Лангеард, П. Эйглие

	ұсынылады. Қызмет көрсетудің материалдық еместігінен туындаған қызметтер маркетингін басқару проблемалары анықталды	(Марсель Университеті, Франция)
1977 ж.	Кәсіби қызмет көрсету саласындағы маркетинг концепциясының ерекшеліктерін зерттеу. Қызмет көрсету саласындағы сапа мәселелері бойынша конференциялар ұйымдастыру бойынша бастамалар көтеру. Американдық маркетинг институты қызметтер маркетингінің ерекшеліктерін көрсететін алғашқы ғылыми баяндаманы жариялады.	Э. Гаммессон (Стокгольм Университеті, Швеция)
1979 ж.	Қызмет көрсету саласындағы маркетингтің функциялары ашылады. Қызметтер маркетингі түсінігінің спецификалық белгілері анықталған. Ғылыми айналымға «ішкі маркетинг» және «екі жақты маркетинг» ұғымдары енгізілген.	К.Гренгросс (экономика және бизнес-басқару Швед мектебі)
1980 ж.	Қызмет пен тауар арасындағы айырмашылық анықталады	Л. Берри (АҚШ)
1980 ж.	Қоғамдық ұйымдардың қызметтерінің маркетингі теориясының қалыптасуы	К.Лавлок, Ч. Вейнсберг (Гарвард бизнес мектебі, АҚШ)
1981 ж. Қызметтер маркетингі бойынша бірінші ұлттық конференцияны Америка маркетинг қауымдастығы өткізді.		
1984 ж. Қызметтер маркетингінің мәселелерімен айналысу үшін Американдық маркетинг қауымдастығының жеке бөлімі ұйымдастырылған		
1985 ж. Аризона университетінде құрылған қызметтер маркетингін зерттеу орталығы (АҚШ)		
1990 ж. Марсель университетінде қызметтер маркетингін басқару бойынша бірінші халықаралық семинар өтті (Франция)		
Ескертпе: 5 әдебиет негізінде автормен құрастырылған		

Туристік маркетингке келетін болсақ, оның ерекше ғылыми бағыт ретінде қалыптасуы тек 20 ғасырдың 90-шы жылдарының басында ғана басталды, дегенмен мұндай ерекше сипаттағы жеке еңбектер ертерек пайда болды.

Туристік қызметке деген қажеттіліктер жоғарыда айтылған полинеидтердің айқын мысалы болып табылады. Негізгі қажеттілік - демалу, саяхаттау және әсер алу қажеттілігі. Оны қанағаттандыру іс-қағаздарды рәсімдеу (саяхат билеттері, визалар, сақтандыру), трансфер, тұру, тамақтану, экскурсиялық қызметтер, ойын-сауық бағдарламасы және т.б. сияқты көптеген өзара тәуелді қызметтерді алу арқылы жүзеге асырылады.

Сонымен қатар, туристік ұйымдардың өздері жан-жақты жауапкершілікке ие бола отырып, қалған құзыреттерді серіктес құрылымдарға (көлік, қонақ үй және т.б.) бере отырып, осы қызметтердің аз ғана бөлігін көрсетеді.

Бұл жағдайда тұтынудың әлеуметтік формасы әсіресе айқын көрінеді.

Автордың пікірінше, туристік қызмет – бұл туристік ұйымдар мен олардың серіктестерінің демалу, саяхаттау және әсер алудағы тұтынушылардың қажеттіліктерін қанағаттандыруға бағытталған әр түрлі қызмет түрлерінің кешені. Туристік

қызметтердің ең маңызды айрықша белгілері олардың күрделілігі, әртүрлілігі және жан-жақтылығы болып табылады. Олар бір мезгілде адамдардың физикалық қажеттіліктерін (мысалы, көлікті тасымалдау, тұру, тамақтандыру, денсаулық сақтау шаралары және т.б.) және интеллектуалдық қажеттіліктерін (мұражайларға, театрларға, көрікті жерлерге бару және т.б.) және әлеуметтік қажеттіліктерін (байланыс, ойын-сауық және т.б.) қанағаттандыруға бағытталған.

Туристік қызметтер материалдық (өндірістік қызметтер) және материалдық емес (өндірістік емес қызметтер) болып табылатын ең алуан түрлі функцияларды біріктіреді. Сонымен бірге өндірістік қызметтердің нәтижесінде материалдық пайдалы әсер (мысалы, туристердің көлікпен қозғалысы) немесе материалдық нәтиже (туристерді тамақтандыруға арналған тағам) болады. Өндірістік емес қызметтер туристердің жағымды эмоциялар, әсерлер алуы, олардың ой-өрісі мен мәдени деңгейін кеңейту және т.б. түрінде нәтиже береді.

Маркетингтің жалпы теориясы жағдайындағыдай, туристік маркетинг тұжырымдамасы кәсіпкерлік құрылымдардың мол тәжірибелік тәжірибесіне құрылды. Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі туризм секторының қарқынды дамуы, бәсекелестік нысандары мен әдістерінің күрделенуі барысында кәсіпкерлік құрылымдар өз тұтынушыларын зерттеу, олардың адалдығы мен туристік қызметтерге тұрақты сұранысын қалыптастыру қажеттілігіне тап болды.

Бастапқыда бүкіл туристік бизнес негізінен бар өнімді сатуға бағытталған. 1960 жылдары ұшақтарда сатылмаған орындарды пайдалану арқылы демалыс құнын төмендету мүмкіндігін көрген туристік индустриядағы бизнесмендердің іскерлігі нәтижесінде қалыптасқан пакеттік турлар өсіп келе жатқан танымалдылыққа ие бола бастады. Алғашқы туроператорларға маркетингтік технологияларды пайдаланудың қажеті болмады, өйткені туристік өнімнің сапасы үнемі өсіп отырды, ал егер бағалар бақылауда ұсталса, сұраныс деңгейі туралы алаңдаудың қажеті жоқ - бұл тұрақты өсу үрдісін көрсетті. Сонымен бірге тез өсіп келе жатқан сұраныс өз кезегінде туристік фирмалар мен олардың серіктестерінің қызметтеріне қосымша (сандық және сапалық) талаптар қоя бастады. Шетелде пакеттік мерекелердің танымалдығы ассортиментті кеңейту, ұсынысты саралау қажеттілігіне әкелді. Өсіп келе жатқан сұранысты қанағаттандыру үшін көптеген демалыс орындарында қонақ үйлер мен басқа да орналастыру орындарының ауқымды құрылысы жүргізілді. Алайда, бұл нысандардың көпшілігі жайлылық жағынан да, қызмет көрсету сапасы жағынан да стандарттарға сәйкес келмеді.

Туристерді орналастырудың жайлылығы ғана емес, сонымен қатар әуе тасымалдаушыларының қызмет көрсету сапасы да алаңдатты. Бастапқыда жолаушылар рейстеріне ескі, техникалық тозығы жеткен ұшақтар қызмет көрсетті; мемлекеттік тасымалдаушылардың қатаң баға саясатына және екіжақты келісімдерге байланысты техникалық және пайдалану тұрғысынан жарамсыз әуежайлар қызметіне жүгіну қажет болды. Кейінірек арзан және жиі ұшулар түсінігі жаңа ұшақтарды сатып алу әлдеқайда тиімді деген түсінікпен ауыстырылды, бұл техникалық пайдаланудың жоғары коэффициенті және үлкен сыйымдылық арқасында пайдалану шығындарын азайтуға мүмкіндік береді, ең бастысы, жолаушылардың қауіпсіздігіне кепілдік береді.

Туризмнің дамуы қоғамда қалыптасқан психологиялық көзқарастар мен стереотиптердің де өзгеруін талап етті. Ағылшын зерттеушісі Дж.Кристофер Холлоуэй атап өткендей, «туристік фирмалардың басшылығы қоғамда кең таралған үш фобияны жеңбейінше сатудың оңтайлы деңгейіне жету мүмкін еместігін түсіне бастады: ұшудан қорқу; бейтаныс тағамнан қорқу; шетелдіктерден қорқу» [6]. 60-шы жылдардың ортасы – XX ғасырдың 70-жылдарының басында туристік қызметтерді тұтынушыларды консервативті деп сипаттауға болады. Жаһандану процестері енді ғана басталып,

мәдениетаралық және этносаралық өзара әрекеттесулер бастапқы кезеңде болды. Туристер барлық жаңадан қорқады, әсіресе тамақ сияқты аймақта. Тамақты ұйымдастыру процесі туристерге де, қонақ үй иелеріне де қиындықтар туғызды. Қонақ үйлердегі қоғамдық тамақтандыру процесін тағамдарды әзірлеу, ұсыну және ұсыну әдістерін өзгерту арқылы тиімді ұйымдастыру жолдарын ұсынған мамандар мәселені шешті. Қызметкерлердің жалақысының құны өскен сайын, көбірек қонақүйлер тағамдарды өздігінен таңдауға мүмкіндік беретін буфет жүйесіне көшті. Пайда болған қосымша шығындар қызмет көрсетуді айтарлықтай үнемдеу және тамақ қалдықтарының көлемін азайту есебінен өтелді. 1990 жылдардың ортасында буфет концепциясы «Швед үстелі» концепциясымен ауыстырылды, алайда ол алдыңғысын жоймады, тек оны толықтырды, әсіресе курорттық сегментте.

Шетелдіктерден қорқу көбінесе жергілікті әдет-ғұрыптар мен мінез-құлықтарды түсінбеуінен дамиды. Туристер таныс және үйреншікті ережелерге негізделген қызмет алуды жөн көреді. Бұл қайшылықты шешу үшін 1970 жылдары Ұлыбританияның ірі туристік компаниялары кедергіден өтудің жалғыз жолы – өмір сүру жағдайлары мен қызмет көрсету сапасына толық бақылау жасау деген қорытындыға келді. Олар өздерінің қонақ үйлерін салуға қыруар қаржы жұмсады және қызмет көрсету стандарттарын сапалы жаңа деңгейге көтерген тәжірибелі және білікті менеджерлерді жалдады. Егер бұрын курорт өкілдерінің рөлі туристерді әуежайдан қонақүйге дейін және кері қарай алып жүрумен, сондай-ақ экскурсияларды сатумен шектелсе, енді олар клиентке оның қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін барынша көмек көрсетуге шақыратын білікті қызмет көрсетуші персоналға айналды. Туризм менеджерлерін дайындау процесінде іскерлік қарым-қатынас негіздеріне, психологиясына және сату техникасына көбірек көңіл бөлінді.

1990 жылдардың басына дейін академиялық маркетинг ғылымы тек микроорта деңгейінде туризм және қонақжайлылық индустриясындағы маркетингтік қызметтің ерекшеліктеріне назар аударды. 1990 жылдардың басындағы жаһандық экономикалық және геосаяси өзгерістер (Шығанақтағы қақтығыс, қырғи-қабақ соғыстың аяқталуы, КСРО-ның ыдырауы, жаңа тәуелсіз мемлекеттердің құрылуы және т.б.), сондай-ақ ғылыми-техникалық прогрестің жоғары қарқыны (ең алдымен электроника мен коммуникацияның дамуы) маркетингтік зерттеулердің бағытына табиғи түрде әсер етті. Ғылыми мақалалар академиялық журналдарда шыға бастады, оларда туристік қызмет көрсету сапасына макроортаның әсерін бағалау мәселелері зерттеле бастады. Территориялар (елдер, облыстар, қалалар, муниципалитеттер және т.б.) деңгейінде туристік индустрияның сапалы және тұрақты дамуын қамтамасыз ету шарттарын сипаттауға жүйелі көзқарас кезең-кезеңімен жүзеге асырылуда. Ұлттық туристік өнімді (бренд) құру, басқару және сыртқы нарықтарда ілгерілету мәселелері туристік маркетинг теориясының күн тәртібіндегі өзекті мәселеге айналуға.

1990 жылдардың ортасы – 2000 жылдардың басынан бастап шетелдік академиялық ортада туристік маркетингтік зерттеу объектісінде стратегиялық өзгерістер орын алуда. Туристік аумақтарды ілгерілету объектісі ретінде қарастыратын жұмыстар пайда бола бастады. Зерттеудің бағыты жеке туристік агенттіктердің мүдделерінен туристерді тарту үшін күресте олардың бәсекелестік артықшылықтары ретінде әрекет ететін аумақтардың бірегей туристік қасиеттерін дамыту және ілгерілету бойынша аумақтық саясатты қалыптастыру ерекшеліктеріне ауысты.

Жаһандық және көп құрылымды бәсеке аумақтарды туристерді тарту үшін жаңа маркетингтік әдістер мен технологияларды әзірлеуге және олардың қайталанатын сапарлары үшін тұрақты ынталандыруды жасауға мәжбүр етеді.

Туризм маркетингі саласындағы алғашқы теориялық еңбектердің бірі 1965 жылы Мадрид туризмді зерттеу институтында жарық көрген Г.Шелленбергтің «Marketing et

tourisme» монографіясы. Туристік маркетинг теоріясы бойынша еңбектер пайда болған бірінші ел Испания болуы ғажап емес. Туризмді ұлттық деңгейде қолдау және дамыту мәселелерімен айналысатын Еуропадағы бірінші министрлік дәл Испанияда пайда болды. 1971 жылы Швейцарияда туристік маркетингтің негізін салушылардың бірі Йост Криппендорф өзінің «Marketing et tourisme» [8] еңбегін басып шығарды, ол туризм саласында маркетинг әдістері мен құралдарын қолданудың маңыздылығын негіздеді. Туризмдегі маркетинг мәселелерін зерттеуге бастамашы болған шетелдік авторларды да атап өтуге болады: Жан-Жак Шварц (Франция), Евген Николеску (Румыния), Токер Жерар және Зинс Мишель (Канада) және т.б.

Туризм және қонақжайлылық секторын ұйымдастырудың жалпы мәселелері Е.Кнышова, А.Тлеубердинова, Ж. Туленбаева сияқты отандық авторлардың еңбектерінде қамтылған[9].

Әдебиеттер тізімі:

1. Berry L. Services Marketing is Different // Business. – 1980. – № 30 (May-June). – Pp. 24–29.
2. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23.
3. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 26, ч. I.
4. Важенин С.Г. Социальная инфраструктура народно-хозяйственного комплекса. – М.: Наука, 1984.
5. Бикенова А.С. Туризм маркетингінде өнімді өткізу ерекшеліктері // Вестник КазУЭФимТ 2025(2).- 239-250 б.
6. Кнышова Е.Н. Маркетинг Туризма. Инфра-М. – 2023. – 352 с. – URL: <https://opac.nsuem.ru/cgi-bin/koha/opac> (дата обращения: 08.09.2025).
7. Bramwell B., Rawding L. Tourism marketing organizations in industrial cities. Organizations, objectives and urban governance // Tourism Management. – December 1994. – Volume 15, Issue 6. – Pp. 425–434.

УДК 339.9

Свита Е.А.

магистр экономических наук,
ассистент кафедры экономической теории
Белорусского государственного
экономического университета,
Республика Беларусь, г. Минск

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ РЫНКА МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается роль устойчивого развития в деятельности мировых лидеров рынка молочной продукции. Отмечается, что компании осознают необходимость интеграции принципов устойчивости для обеспечения

долгосрочного роста и конкурентоспособности. Подчеркивается, что мировые лидеры вносят свой вклад в достижение Целей устойчивого развития ООН, в частности, в ликвидацию голода через обеспечение доступности молочной продукции и соответствие стандартам доступного питания, в обеспечение качественного образования через поддержку молодых фермеров и образовательные программы для сотрудников, а также гендерного равенства, что является фундаментальным правом человека и необходимым условием для устойчивого развития. Особое внимание уделяется вкладу молочной промышленности в «зеленую экономику» посредством сокращения выбросов парниковых газов, оптимизации использования водных ресурсов, внедрения перерабатываемой упаковки и перехода на возобновляемые источники энергии. В статье приводятся конкретные примеры инициатив компаний Agropur, Lactalis, Savencia, Nestle, Danone и Friesland Campina, демонстрирующие их приверженность принципам устойчивости.

Ключевые слова: мировой рынок молочной продукции, устойчивое развитие, мировые лидеры отрасли, торговля, конкурентоспособность, продовольственная безопасность, образование, гендерное равенство, экономический рост, инновации, экология.

Мировой молочный рынок переживает период динамичных изменений, обусловленных множеством факторов, начиная от глобальной демографии и заканчивая новыми технологиями производства и меняющимися потребительскими предпочтениями. Понимание этих тенденций критически важно для всех участников рынка, от фермеров и переработчиков до дистрибьюторов и ритейлеров.

Одним из ключевых аспектов развития экономики на современном этапе является устойчивое развитие. Принятые государствами-членами ООН в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года 17 Целей выступают в качестве всеобщего призыва к действиям по искоренению нищеты, обеспечению защиты нашей планеты, повышению качества жизни и улучшению перспектив для всех людей во всем мире [1].

Мировые лидеры отрасли осознают необходимость интеграции принципов устойчивого развития в свою деятельность, чтобы обеспечить долгосрочный рост и конкурентоспособность.

В рамках данной статьи на примерах деятельности компаний, входящих в Топ-20 компаний мировой молочной промышленности, будет рассмотрен вклад отрасли в достижение отдельных целей устойчивого развития.

Цель 2: Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.

Производители молочной продукции являются активными участниками глобальной торговли продовольствием.

Для многих компаний отрасли одной из ключевых задач является обеспечение доступности продукции. Например, во Франции 75% молочных продуктов компании **Lactalis** доступны для покупки менее чем за 3 евро. Также специалисты разрабатывают линейки продуктов, соответствующие конкретным потребностям потребителей в питании (органические, без ГМО, без лактозы и т. д.), клинические пищевые добавки и спортивные пищевые добавки [3].

В 2024 году 75% потребительских товаров, проданных компанией **Friesland Campina** в странах с низким уровнем дохода, соответствовали Стандартам доступного питания. 15% потребительских товаров (от общего объема проданных потребительских товаров) были доступны по цене для групп населения с низким уровнем дохода в отдельных странах, что соответствовало целевому показателю компании на 2025 год.

Также **Friesland Campina** гарантирует, что эти продукты содержат питательные вещества, необходимые для борьбы с недоеданием, обеспечивая необходимое количество и качество белков, минералов и витаминов [5].

Цель 4: Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

Получение образования закладывает основу для улучшения социально-экономических условий жизни людей и играет ключевую роль в обеспечении выхода из нищеты. Мировые лидеры молочной промышленности активно участвуют в инициативах по увеличению возможностей получения образования для молодежи, а также совершенствованию знаний и навыков своих сотрудников.

Канадский молочный кооператив **Agropur** поощряет молодых фермеров финансовыми наградами за участие в различных конкурсах и выставках. Члены **Agropur** также приветствуют посещение школами своих ферм. Учащиеся могут понаблюдать за животными и узнать больше об этапах производства молочных продуктов [2].

Компания **Lactalis** во Франции значительно развила программы совместительства, в рамках которых в 2024 году было трудоустроено более 1000 студентов и 380 стажеров. В 2024 году филиал компании в странах Юга Европы усилил свою программу «Мобильность талантов», которая позволяет сотрудникам работать в краткосрочных командировках продолжительностью до шести месяцев в разных странах региона. Цель программы — содействовать краткосрочной мобильности в соответствии с потребностями каждой страны, одновременно способствуя передаче знаний и обмену передовым опытом. В 2024 году программа охватила Францию, Германию и Польшу, что способствует межкультурному взаимодействию и взаимодействию между различными культурами молочной промышленности [3].

Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.

Гендерное равенство, в соответствии с Повесткой дня в области устойчивого развития – это не только одно из основных прав человека, но и необходимая основа для достижения мира, процветания и устойчивого развития. За последние десятилетия был достигнут прогресс: больше девочек получают образование, больше женщин работают в государственных структурах и занимают руководящие должности, а также проводится реформа законов для обеспечения гендерного равенства.

Лидеры в области производства молочной продукции стремятся соответствовать Повестке. Так в компании **Friesland Campina** по итогам 2024 года доля женщин на руководящих должностях составила 29% [5]. В компании **Savencia** аналогичный показатель достиг 47%. Кроме того, фонд компании, направленный на финансирование инициатив по устойчивому развитию, в 2024 году поддержал 13 проектов, включая развитие небольших козьих ферм, управляемых женщинами, в Марокко [4].

Цель 8: Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.

Компании, входящие в рейтинг Global Dairy Top 20, в большинстве своем являются международными со своими дочерними компаниями и производственными предприятиями во всех регионах мира.

Будучи мировыми производителями молочных продуктов и многолокальными компаниями, они инвестируют в молочную промышленность и вносят вклад в региональное развитие многих стран. Деятельность компаний способствует росту экономик стран и создает тысячи рабочих мест, как напрямую, так и косвенно, по всему миру.

Так, например компания **Lactalis** осуществляет свою деятельность в более чем 50 странах мира, в том числе имеет активы в России, Беларуси, Казахстане и других странах СНГ [3].

Швейцарский транснациональный концерн и крупнейший в мире производитель продуктов питания **Nestlé** имеет заводы по производству молочной продукции и мороженого в 43 странах мира, в том числе в России [7].

Цель 9: Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям.

Потребители все чаще предпочитают переработанные молочные продукты, такие как сыры, йогурты, мороженое, детское питание и продукты с добавленной стоимостью (например, обогащенные витаминами или пробиотиками). Этот тренд обусловлен удобством, разнообразием вкусов и растущим вниманием к здоровому питанию. Компании активно инвестируют в разработку инновационных продуктов для удовлетворения меняющихся потребностей потребителей, учитывая все вышеперечисленные запросы и разрабатывая множество новых линеек и видов продукции.

Одним из выдающихся примеров является разработка компании **Nestlé**, которые создали линейку инновационных пероральных пищевых добавок, разработанных для оптимизации потребления питательных веществ в концентрированном растворе для людей, борющихся с раком и другими заболеваниями и испытывающими трудности с употреблением больших объемов жидкости. Основным достижением является то, что пациенты могут получать рекомендуемую суточную норму потребления питательных веществ, употребляя меньшие объемы [7].

Одним из ключевых направлений устойчивого развития является сохранение экологии планеты. В Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года данной теме соответствуют **цель 12 «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства» и цель 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями».**

Потребители все больше интересуются происхождением молочных продуктов и условиями их производства. Устойчивое сельское хозяйство, сокращение выбросов парниковых газов, забота о благополучии животных и справедливые условия труда становятся все более важными факторами при выборе молочных продуктов. Молочные компании вынуждены внедрять более устойчивые практики производства и активно концентрировать свои усилия по снижению негативного воздействия на окружающую среду.

В 2024 году **Lactalis** инвестировали более миллиарда евро в сыроварни и молочные заводы, что на 14% больше, чем в 2023 году. Около 20% этих инвестиций направлены на энергетические и экологические инициативы, согласуя промышленные показатели компании с экологически безопасными методами. Основная цель — внести вклад в достижение углеродной нейтральности в глобальном масштабе к 2050 году. В 2023 году **Lactalis** сократили выбросы парниковых газов на 10,3% по сравнению с уровнем 2019 года. В общей сложности компания установила более 65 000 м² солнечных панелей на испанских молочных заводах и сыроварнях, где теперь 50% электроэнергии поступает из возобновляемых источников [3].

Снижение потребления воды и улучшение качества сточных вод являются важными приоритетами в экологизации производства. В ответ на нехватку воды в Индии местные специалисты **Lactalis** внедрили процесс переработки промышленных сточных вод, чтобы минимизировать воздействие на окружающую среду завода в г. Шрирамपुरе. Эта инициатива помогает сократить потребность в закупке воды извне и уменьшить

объемы воды, отправляемой на очистные сооружения. На предприятии эта переработанная вода в основном используется для работы котельных и промывочных станций. Этот проект согласуется с текущими усилиями **Lactalis** по более устойчивому управлению промышленными водами [3].

Сокращение расстояний транспортировки и использование более экологичных видов транспорта также положительно влияет на степень загрязнения окружающей среды. Так французская компания **Savencia** для сбор и перевозки продукции между заводами использует электрические грузовые автомобили, что позволило сократить выбросы CO₂ в 2024 году [4].

Еще одним не просто модным трендом, а насущной необходимостью для достижения устойчивого развития является использование перерабатываемой упаковки. Переходя на перерабатываемые материалы, компании значительно снижают свой экологический след, сокращая объемы отходов, попадающих на свалки, и уменьшая потребность в первичном сырье. Это, в свою очередь, укрепляет репутацию бренда в глазах экологически осознанных потребителей, которые все чаще отдают предпочтение продуктам в экологичной упаковке, обеспечивая долгосрочную конкурентоспособность и устойчивый рост компании.

По итогам 2024 года 92% упаковки продукции голландской компании **FrieslandCampina** была пригодна для вторичной переработки [5].

Компания **Danone** ставит перед собой амбициозные цели по сокращению вдвое использования первичной упаковки из ископаемых материалов к 2040 году и на 30% к 2030 году. В 2024 году 85% упаковки продукции **Danone** было многократным, перерабатываемым или компостируемым (по сравнению с 84% в 2023 году) [6].

Nestlé также стремится к нулевому уровню выбросов, заботясь о природных ресурсах. В 2024 году компания **Nestlé** достигла чистого сокращения выбросов парниковых газов на 20,4% по сравнению с базовым показателем 2018 года, опередив на год достижение целевого показателя **Nestlé Net Zero SBTi** в 20% к 2025 году. Сокращение выбросов обусловлено увеличением использования возобновляемых источников энергии и улучшением методов ведения сельского хозяйства в цепочках поставок. Основная цель — сократить выбросы парниковых газов на 50% к 2030 году [7].

Устойчивое развитие становится неотъемлемой частью стратегии мировых лидеров рынка молочной продукции. Компании активно внедряют инновационные технологии и практики, направленные на снижение негативного воздействия на окружающую среду, улучшение благополучия населения, повышение уровня образования и гендерного равенства, поддержку местных сообществ. Интеграция принципов устойчивого развития не только способствует сохранению окружающей среды, но и повышает конкурентоспособность компаний, укрепляет их репутацию и привлекает инвесторов. Дальнейшее развитие и расширение масштабов инициатив в области устойчивого развития станет ключевым фактором успеха для молочной промышленности в будущем.

Список литературы

1. Цели в области устойчивого развития / Организация Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> — (дата обращения: 18.09.2025).
2. Annual Report 2024 / Agropur. — Québec ; Canada : Agropur, 2025. — 21 p.
3. Nurturing the future. Activity Report 2024 / Lactalis. — Laval ; France : Lactalis, 2025. — 32 p.

4. Responsible Entrepreneurs. Committed to local territories. 2024 Annual Report / SAVENCIA fromage & dairy. — Viroflay ; France : SAVENCIA fromage & dairy, 2025. — 50 p.
5. Annual Report Royal FrieslandCampina N.V. 2024 / Royal FrieslandCampina N.V. — Amersfoort ; The Netherlands : Royal FrieslandCampina N.V, 2025. — 267 p.
6. 2024 Annual Integrated Report / Danone. — Paris ; France : Danone, 2025. — 58 p.
7. Nestlé – Annual Review 2024 / Nestlé S.A. — Vevey ; Switzerland : Nestlé S.A., 2025. — 61 p.

Дарибаева А.К.,
к.э.н., доцент
Шаймерденова А.К.,
магистр, старший преподаватель
Молдашева А.Н.
магистр, старший преподаватель
Esil University, г.Астана

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые особенности интернет-маркетинга как современной формы продвижения товаров и услуг, основанной на использовании цифровых технологий и онлайн-платформ. Проводится сравнительный анализ традиционного и цифрового маркетинга по основным аспектам коммуникации, таргетинга, персонализации и эффективности. Особое внимание уделено трансформации медиа потребления в Казахстане, где интернет-реклама демонстрирует устойчивый рост и становится ведущим каналом распределения рекламных бюджетов. Приводятся статистические данные, подтверждающие динамику развития digital-сегмента, а также анализируются факторы, способствующие его лидерству. В статье подчеркивается стратегическая значимость интернет-маркетинга в условиях современной экономики и его потенциал для дальнейшего развития.

Ключевые слова: интернет-маркетинг, таргетинг, медиаканалы, цифровые коммуникации, офлайн-каналы, digital-сегмент, цифровые платформы.

Одним из фундаментальных определений маркетинга является определение, предложенное Ф. Котлером, согласно которому маркетинг представляет собой деятельность по выявлению и удовлетворению потребностей целевых сегментов эффективнее конкурентов [1].

Интернет-маркетинг, также известный как цифровой маркетинг или онлайн-маркетинг, представляет собой совокупность стратегий и тактик, направленных на продвижение продуктов и услуг с использованием интернет-технологий и цифровых платформ. Этот тип маркетинга основан на использовании различных онлайн-каналов,

таких как веб-сайты, поисковые системы, социальные сети, электронная почта и мобильные приложения, для общения с потребителями и повышения интереса к продуктам или услугам компании.

По своей сути интернет-маркетинг в основном использует информацию о действиях пользователя в Интернете. Эта информация используется для создания таргетированных и персонализированных рекламных кампаний. Узкая направленность рекламы на аудиторию позволяет компаниям эффективно вести коммуникацию с потенциальными клиентами, предоставляя актуальный контент и привлекательные рекламные предложения в удобные моменты. Такие уникальные предложения значительно повышают шансы на заинтересованность и конверсию. Данные, которые предоставляют маркетинговые инструменты, обеспечивают пользователя множеством полезной информации, которая помогает эффективно подстроить рекламную стратегию. К этим данным относятся поведение на веб-сайтах, статистика просмотров и кликов, разные демографические данные и т.д.

Развитие интернета в начале XXI века радикально изменило характер маркетинговых коммуникаций. Появление цифровых платформ позволило перейти от трансляционной модели к интерактивному диалогу с потребителем. В таблице 1 представлены ключевые отличия между традиционным и цифровым маркетингом по основным аспектам.

Таблица 1 – Сравнение характеристик традиционного и цифрового маркетинга

Аспект	Традиционный маркетинг (до интернета)	Цифровой маркетинг (в эпоху интернета)
Коммуникация	Односторонняя (бренд «вещает»)	Двусторонняя (онлайн-взаимодействие)
Таргетинг	По каналам и демографии	Поведенческий, персонализированный
Персонализация	Отсутствует	Высокая, на уровне контента и предложений
Обратная связь	Косвенная, задержанная	Мгновенная, интерактивная
Измерение эффективности	Косвенные показатели, опросы	Точные метрики в реальном времени
Стоимость входа	Высокая	Гибкая, возможен малый бюджет
Каналы	ТВ, радио, пресса, наружная реклама	SEO, PPC, SMM, email, видео, мессенджеры
Модель воздействия	Массовость, единый креатив	Сегментация, автоматизация, точность
Примечание - Составлено авторами		

Цифровая среда изменила как коммуникационные каналы, так и методологию взаимодействия с потребителем. Одним из фундаментальных сдвигов стало внедрение механизмов обратной связи, функционирующих в режиме реального времени. Пользовательская активность приобрела двунаправленный характер: комментарии, обсуждения и распространение контента стали частью повседневного взаимодействия с брендом. Это привело к отказу от линейной модели коммуникации в пользу интерактивных структур, таких как AISAS и Loyalty Loop. В подобных подходах потребитель рассматривается как активный субъект, способный расширять охват

маркетинговых сообщений. Согласно исследованию MDPI, согласованность визуальных и аудиальных элементов рекламного контента увеличивает вероятность перехода к целевому действию, что подтверждает эффективность модели AISAS в условиях цифрового медиа потребления[2].

Рынок интернет-рекламы в Казахстане за последние годы демонстрирует высокие темпы роста и структурные изменения, отражая общемировую тенденцию активного перетока рекламных бюджетов из традиционных медиа в digital-сегмент. По данным ряда аналитических источников, совокупный рекламный бюджет Казахстана во всех каналах стабильно увеличивается и, несмотря на кризисные явления 2020 года, продолжает поступательно расти. Если в 2019 году общий объем казахстанского рекламного рынка оценивался в 66 млрд тенге, то к 2022 году он достиг 85,4 млрд тенге, а доля digital-рекламы за это время выросла почти вдвое – с примерно 29% до 40% [3].

В 2023 году, по ряду оценок, на интернет-рекламу уже приходится порядка 47% всех рекламных инвестиций, что делает ее лидирующим рекламным каналом и подтверждает основные тренды динамичного развития цифровых коммуникаций в стране [4]. Эта тенденция имеет подтверждение в годовой динамике расходов на интернет-рекламу, отраженной на рисунке 1.

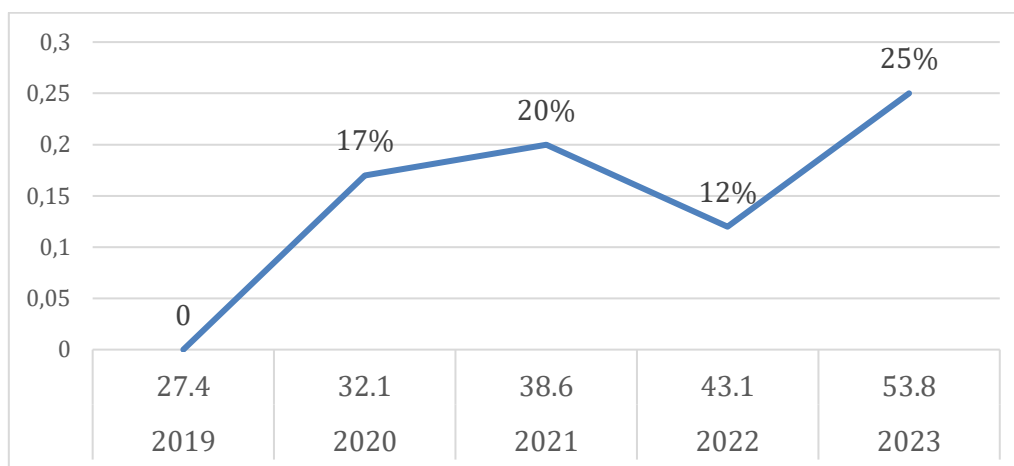

Рисунок 2– Рост объёмов интернет-рекламы в Казахстане, 2019–2023 гг. (млрд тенге) Примечание - Составлен авторами на основе данных с Outdoor.ru

При рассмотрении рынка интернет-рекламы в Казахстане важно учитывать несколько ключевых факторов. Во-первых, экономическая среда и уровень проникновения интернета: по данным официальной статистики, в Казахстане достаточно высокий уровень цифровизации, позволяющий охватывать значительную часть населения через онлайн-каналы. Во-вторых, структура рекламодателей и особенности локального рынка: здесь можно отметить активную роль крупных холдингов, транснациональных корпораций, e-commerce компаний и финансового сектора, которые генерируют существенные бюджеты на digital-продвижение. В-третьих, влияние глобальных платформ Google, Meta (Facebook, Instagram), TikTok, а также локальных ресурсов (NUR.KZ, Tengrinews, Forbes.kz и др.), где сосредоточена большая часть рекламного инвентаря.

По результатам проведенных исследований и экспертных оценок, казахстанский рекламный рынок вернулся на траекторию активного роста еще в 2021 году, после временного снижения в связи с пандемийными ограничениями 2020-го. Интернет-сегмент при этом проявил особую устойчивость и даже в условиях кризиса продемонстрировал положительную динамику: в 2020 году, когда многие традиционные

каналы фиксировали спад, интернет-реклама выросла на 12,5% к предыдущему году [5]. В 2021-м и 2022-м восстановление рынка усилилось, в итоге к 2022 году общий объем digital-рекламы достиг около 34,4 млрд тенге, что практически сравнялось с объемами телевизионной рекламы (35,2 млрд тенге). А в 2023-м, по ряду оценок, интернет окончательно обогнал ТВ, заняв порядка 47% в структуре бюджетов [6]. Это свидетельствует о достаточно стремительных изменениях в медиапотреблении и в поведении рекламодателей, которые следуют за аудиторией в онлайн-среду.

Если сравнить с традиционными медиа, то еще в 2019 году телевидение доминировало, занимая около 46% рекламных бюджетов, тогда как доля интернета составляла 29% [7].

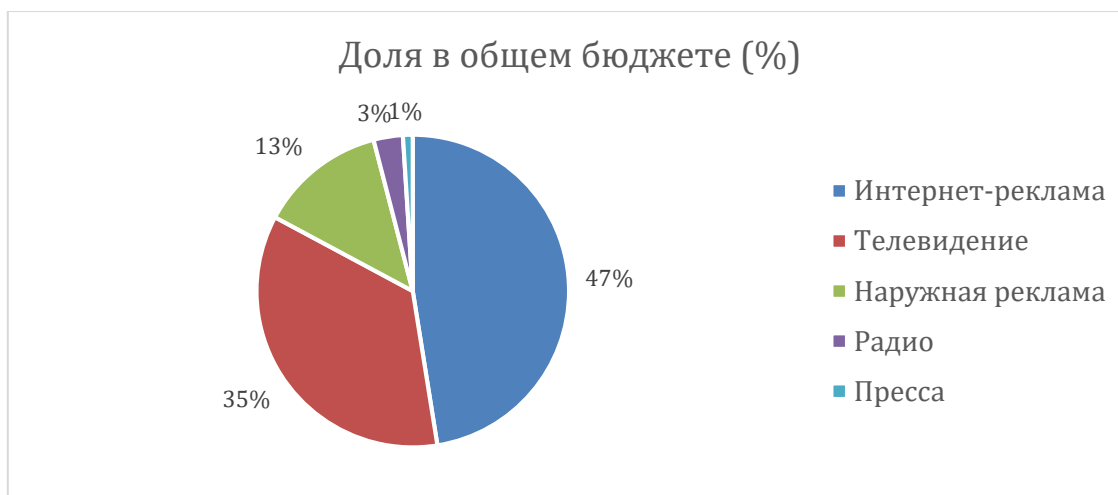

Рисунок 3 – Структура распределения рекламных бюджетов Казахстана по медиаканалам в 2023 году (в %)

Примечание - Составлен авторами на основе данных Finprom.kz

Однако за счет более быстрого роста digital-сегмента произошла «смена лидера»: уже к 2022 году затраты на интернет-рекламу практически догнали ТВ, а в 2023-м, согласно прогнозам ряда аналитиков, интернет вплотную занял первое место. При этом радио и наружная реклама в совокупности занимают меньшие доли (по разным оценкам, в диапазоне 17–19% вместе), а пресса стремительно теряет позиции, удерживая менее 1–2% рекламного рынка. Эта динамика подтверждается структурой распределения бюджетов в 2023 году. На рисунке 9 представлены доли основных медиаканалов в Казахстане, где digital уже стал крупнейшим направлением. Структура медиарынка Казахстана по годам, по данным профильных обзоров, отражает расширение доли интернета и небольшое сокращение доли телевидения, особенно после 2021 года.

Одним из показателей цифровизации рекламного рынка служит перераспределение бюджетов между медиаканалами. Как видно на рисунке 6, с 2019 по 2023 год интернет-реклама уверенно обогнала телевидение, увеличив свою долю с 29% до 47%. При этом наблюдается заметное снижение доли традиционных медиа — прессы, радио и наружной рекламы [8]. Эти данные наглядно подтверждают устойчивый тренд на переход рекламодателей в digital-среду, обусловленный ростом мобильной аудитории, доступностью аналитических инструментов и повышением эффективности онлайн-коммуникаций.

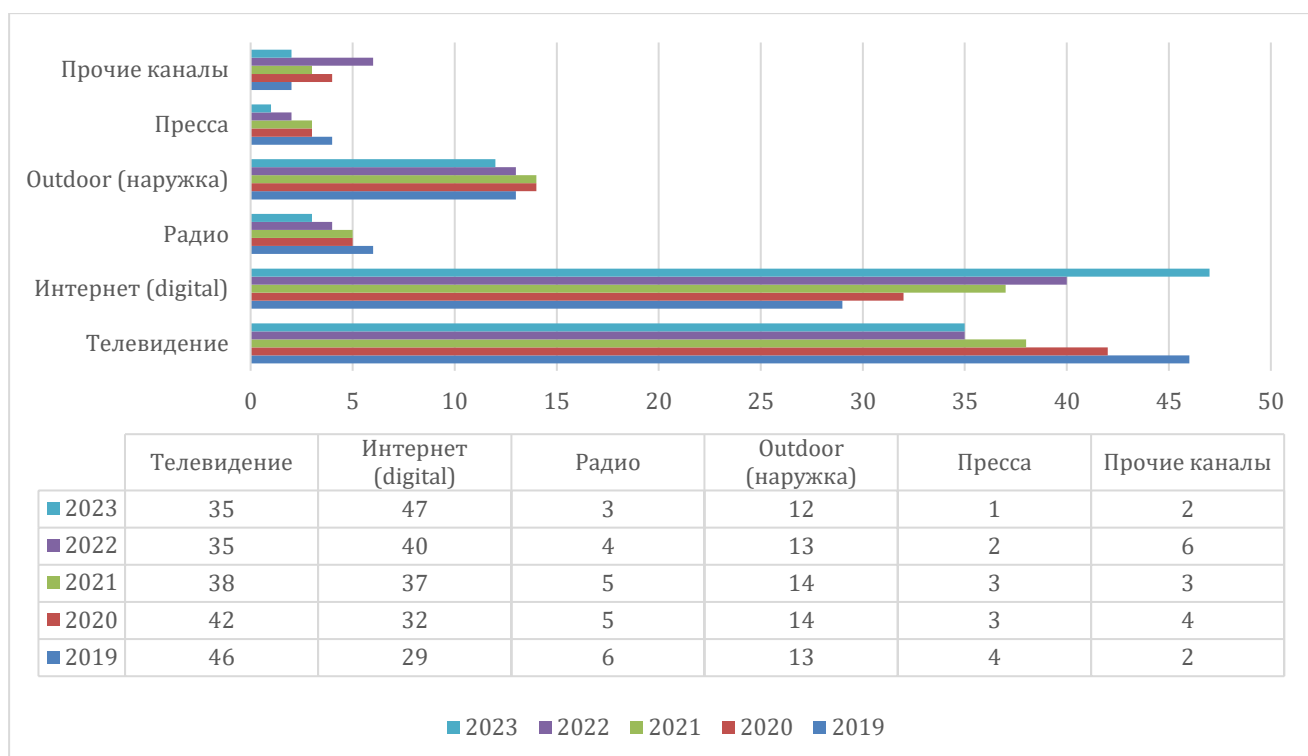

Рисунок 4 – Доля основных медиаканалов в структуре рекламных бюджетов Казахстана (в % от общего объема), 2019–2023 гг.

Примечание - Составлен авторами на основе данных Finprom.kz

Именно интернет-реклама демонстрирует самый высокий совокупный годовой темп роста (CAGR), что и обеспечивает постоянное увеличение ее доли в общем рекламном «пироге». Важным фактором здесь служит постепенное перенаправление рекламных бюджетов из офлайн-каналов в digital, в том числе в периоды экономических неопределенностей, так как интернет-площадки позволяют осуществлять более точный таргетинг и измерение эффективности (ROI, ROMI и т. п.).

Рост конкуренции на цифровых платформах и удорожание трафика усиливают требования к точности аналитики и согласованности каналов продвижения.

Первым шагом предлагается внедрить единую платформу хранения first-party данных с синхронизацией CRM и веб-аналитики, поскольку регуляторное ужесточение, связанное с отказом браузеров от сторонних cookie, переводит ответственность за достоверность идентификаторов на собственную инфраструктуру компании. Интеграция должна реализовываться через событийную шину, где каждый факт взаимодействия пользователя независимо от канала описывается унифицированной схемой: time-stamp, channel_id, content_id, value и outcome. Такое представление упрощает построение прогностических моделей, а также формирует «золотой» профиль клиента, который становится ядром персонализации в SEO-контенте, SMM-коммуникации, email-скриптах и контекстных объявлениях.

Второй обязательный элемент связан с коррекцией семантического ядра сайта. Для устранения внутренних конкурентных коллизий ядро необходимо переклассифицировать по принципу «категория – поисковое намерение». Каждой кластерной группе присваивается отдельная посадочная страница, где не менее двух третей ключевых слов связаны не прямыми повторениями, а синонимичными формулировками, отвечающими на подтемы главного запроса. Такой подход формирует зрелую

тематическую репутацию в глазах алгоритмов BERT и MUM и способствует повышению позиций без экспоненциального наращивания ссылочной массы.

Таким образом, интернет-маркетинг представляет собой не просто эволюцию традиционных рекламных практик, а качественно новую парадигму взаимодействия с потребителем, основанную на персонализации, интерактивности и точной аналитике. Цифровая среда изменила саму природу маркетинговых коммуникаций, превратив одностороннюю трансляцию в диалог, где пользователь стал активным участником и соавтором контентной экосистемы.

На примере Казахстана видно, как стремительно digital-сегмент вытесняет традиционные медиа, становясь ключевым каналом распределения рекламных бюджетов. Рост доли интернет-рекламы с 29% в 2019 году до 47% в 2023-м свидетельствует о глубокой трансформации медиапотребления и адаптации бизнеса к новым реалиям. Устойчивость digital-рекламы в периоды экономических вызовов, её гибкость и высокая измеряемость делают её стратегически важным инструментом для компаний всех масштабов.

В условиях дальнейшей цифровизации и роста мобильной аудитории можно ожидать усиления роли интернет-маркетинга как основного драйвера рекламной активности. Компании, способные эффективно использовать данные, адаптировать контент под поведенческие особенности целевой аудитории и выстраивать долгосрочные отношения с клиентами, будут иметь существенное конкурентное преимущество в новой цифровой экономике.

Список использованной литературы

1. Котлер, Ф., Келлер, К. Л. Маркетинг менеджмент. — 15-е изд. — М.: Питер, 2016. — 800 с.
2. Effects of Visual-Auditory Congruence in Online Advertising on Consumer Behavior // Electronics (MDPI). — 2022. — Vol. 11, No. 3. — Article 453. — DOI: 10.3390/electronics11030453
3. Digital Media Optimization Guide: Real-time Data and Channel Performance // Smart Insights. — 2023. — URL: <https://www.smartinsights.com/digital-marketing-strategy/>
4. Chaffey, D. Marketing Automation: A Practical Guide to Implementation. — London: SmartInsights Publishing, 2022. — 288 p.
5. McKinsey & Company. What is digital transformation? — 2023. — URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-digital-transformation>
6. Litmus. 2023 State of Email Report. — URL: <https://www.litmus.com/resources/email-marketing-roi>
7. Datareportal. Digital 2024 Global Overview Report. — URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report>
8. Wordstream. Average Google Ads CTR by Industry. — 2023. — URL: <https://www.wordstream.com/blog/ws/2023/average-ctr>

*Казбекова Д.С., Ph.D, старший преподаватель
кафедры «Экономика и финансы»,
Гуманитарно-технической академии, г. Кокшетау
Галиева А.Х., д.э.н., профессор
кафедры «Экономика и маркетинг»,
Учреждение «Esil University», г. Астана
Алданай А., докторант ОП 6D050600 – Экономика,
Учреждение «Esil University», г. Астана*

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К СТИМУЛИРОВАНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

***Аннотация.** В статье исследуются современные инновационные подходы к стимулированию предпринимательства в обрабатывающей промышленности Казахстана. Обоснована необходимость перехода от традиционных мер поддержки (налоговых льгот, субсидий, административных послаблений) к комплексным инновационным механизмам, учитывающим вызовы глобализации, цифровизации и климатической трансформации. Проанализированы концепции сетевого взаимодействия государства, бизнеса и науки, а также формирование мегапроектов в формате государственно-частного партнёрства. Проведён сравнительный анализ международных практик (Германия, Южная Корея, Япония) с целью адаптации лучших решений для казахстанских условий. В качестве ключевого вывода предлагается формирование экосистемы предпринимательства, интегрирующей правовые, институциональные и инновационные инструменты стимулирования.*

***Ключевые слова:** предпринимательство, обрабатывающая промышленность, инновации, мегапроекты, государственно-частное партнёрство, Индустрия 4.0, глобальные вызовы, МСП, Казахстан.*

Развитие обрабатывающей промышленности является приоритетным направлением экономической политики Республики Казахстан, что отражено в Стратегии индустриально-инновационного развития до 2029 года, а также в Национальном проекте по развитию обрабатывающей промышленности на 2023–2029 годы. Согласно данным Бюро национальной статистики, доля обрабатывающей промышленности в ВВП Казахстана в 2022 году составила около 12,5 %, при этом сектор формирует более 1/5 всех рабочих мест в несырьевой экономике.

Однако устойчивое развитие этого сектора затруднено рядом факторов: высокая капиталоемкость и зависимость от импортного оборудования, ограниченный доступ МСП к долгосрочному финансированию, низкая инновационная активность предприятий (по данным OECD, доля предприятий, внедряющих инновации в Казахстане, не превышает 10 % против 40–60 % в странах ЕС), слабая интеграция в глобальные цепочки добавленной стоимости.

В условиях глобальных вызовов (геополитическая нестабильность, технологический сдвиг к «зелёной» экономике, рост конкуренции на мировых рынках) требуется переход к инновационным моделям стимулирования предпринимательства,

которые позволяют интегрировать МСП в национальную систему индустриализации и повысить их роль в обеспечении конкурентоспособности страны.

На первом этапе становления рыночной экономики государство ограничивалось преимущественно контролирующими функциями. Основными барьерами были административные сложности регистрации бизнеса, отсутствие субсидий и недоступность кредитных ресурсов. Это тормозило развитие МСП и препятствовало формированию конкурентной среды.

С начала 2000-х годов в Казахстане были предприняты шаги по созданию институтов развития — «Банк развития Казахстана», фонд «Даму», холдинг «Байтерек». Эти структуры стали основой для финансирования предпринимательских проектов и реализации государственных программ индустриализации.

Современный этап характеризуется переосмыслением роли государства. Если ранее акцент делался на прямую финансовую поддержку, то сегодня ключевое внимание уделяется созданию инновационной среды, где стимулируется не только сам бизнес, но и вся экосистема — от университетов и исследовательских центров до кластеров и технопарков.

К числу наиболее перспективных инновационных инструментов относятся:

- Сетевая модель взаимодействия: создание платформ, объединяющих МСП, исследовательские центры и государственные структуры. Такая модель позволяет сократить транзакционные издержки и ускорить внедрение инноваций.

- Мегапроекты: объединение крупных инвестиционных инициатив с участием МСП, ориентированных на весь инновационный цикл — от идеи до коммерциализации.

- Государственно-частное партнёрство (ГЧП): развитие долгосрочных инфраструктурных и производственных проектов, в которых государство обеспечивает институциональную базу и инфраструктуру, а бизнес — инновации и инвестиции.

- Цифровые платформы: развитие электронных маркетплейсов для МСП, упрощающих доступ к рынкам сбыта и международным цепочкам.

- Инновационное финансирование: внедрение венчурных фондов, краудфандинга, проектного финансирования, что снижает барьеры для технологических стартапов

- Формирование кластеров: объединение предприятий в региональные промышленные кластеры (пример — Павлодарский индустриальный кластер), что повышает их интеграцию и конкурентоспособность.

Опыт развитых стран показывает, что успешное стимулирование предпринимательства возможно лишь при условии комплексного подхода.

Германия: модель «Mittelstand» основана на поддержке МСП как носителей инноваций, интегрированных в региональные кластеры и тесно связанных с университетами.

Южная Корея: государственные программы финансирования НИОКР и экспорта позволили за 30 лет превратить страну из аграрной экономики в индустриальную державу.

Япония: кооперационные сети «кейрецу» обеспечивают долгосрочную стабильность связей между малым и крупным бизнесом, стимулируя инновации и экспорт.

Для Казахстана полезна адаптация этих моделей с учётом национальных особенностей — высокой территориальной протяжённости, сырьевой зависимости и ограниченного кадрового потенциала.

Результаты анализа показывают, что стимулирование предпринимательства в обрабатывающей промышленности невозможно ограничить традиционными инструментами. Налоговые льготы и субсидии создают лишь временный эффект, не

решая проблему низкой инновационной активности и слабой интеграции в международные рынки.

Инновационные подходы — сетевые модели, мегапроекты, цифровизация — позволяют: снизить транзакционные издержки, ускорить трансфер технологий, расширить доступ МСП к глобальным цепочкам, стимулировать экспорт высокотехнологичной продукции, повысить занятость и качество человеческого капитала.

Особое внимание должно уделяться человеческому капиталу. Подготовка специалистов для Индустрии 4.0, развитие дуального образования, создание центров компетенций при университетах — это базовые условия успешного стимулирования МСП.

Несмотря на развитие институциональной базы и реализацию государственных программ, предпринимательская активность в обрабатывающем секторе Казахстана сталкивается с рядом ограничений. К числу наиболее значимых можно отнести:

- **Финансовые барьеры:** низкая доступность долгосрочного кредитования, высокая стоимость заёмных ресурсов, недостаточное развитие венчурного и проектного финансирования. По данным Национального банка РК, в 2023 г. доля долгосрочных кредитов для МСП в промышленности составила менее 15 % от общего объёма кредитования.

- **Инновационные барьеры:** низкая инновационная активность предприятий (менее 10 % МСП внедряют новые технологии или продукты), ограниченный трансфер технологий, слабая интеграция науки и бизнеса.

- **Кадровые барьеры:** дефицит специалистов инженерно-технических профессий, несоответствие образовательных программ требованиям Индустрии 4.0, слабая система дуального образования.

- **Институциональные барьеры:** высокая административная нагрузка, нестабильность законодательства, сложность доступа к госзаказам для малых предприятий.

- **Инфраструктурные барьеры:** недостаток индустриальных зон, бизнес-инкубаторов, инжиниринговых центров, особенно в регионах.

Таким образом, для развития инновационных подходов к стимулированию предпринимательства необходимо комплексное устранение указанных барьеров.

Цифровая трансформация является одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности. Для МСП актуальны такие направления, как:

- внедрение автоматизированных систем управления производством (ERP, MES);
- использование технологий искусственного интеллекта и больших данных для прогнозирования спроса и оптимизации цепочек поставок;
- переход к моделям «умного производства» (smart manufacturing).

Примером может служить Южная Корея, где государство финансирует цифровизацию МСП, обеспечивая им доступ к «облачным фабрикам» и платформам для анализа данных.

Глобальные климатические вызовы требуют ориентации предпринимательства на принципы ESG (Environmental, Social, Governance). В обрабатывающей промышленности это проявляется в:

- модернизации оборудования с целью снижения энергозатрат;
- переходе на возобновляемые источники энергии;
 - внедрении технологий замкнутого цикла (экономика замкнутого типа).

В ЕС внедрена программа Green Deal, предусматривающая налоговые льготы для предприятий, внедряющих экологически чистые технологии. Казахстану целесообразно адаптировать аналогичные механизмы для стимулирования МСП.

Для МСП обрабатывающей промышленности критически важно расширение рынков сбыта. В этом направлении государство может содействовать через:

- экспортные кредиты и страхование (пример — деятельность KazakhExport);
- участие в международных выставках и ярмарках;
- поддержку в сертификации продукции по международным стандартам.

Опыт Турции демонстрирует эффективность кластеров, ориентированных на экспорт, где малые предприятия интегрированы в международные цепочки поставок крупных корпораций.

На основе анализа можно выделить следующие приоритетные направления для Казахстана:

1. Развитие человеческого капитала: внедрение дуального образования, модернизация программ подготовки инженеров и техников, создание центров компетенций в регионах.

2. Расширение финансирования: создание венчурных фондов для МСП, развитие механизмов «зеленого» финансирования, использование инструментов краудфандинга.

3. Создание индустриальных экосистем: формирование сети технопарков, бизнес-инкубаторов, индустриальных зон с инфраструктурой для малых производителей.

4. Интеграция науки и бизнеса: стимулирование университетов к созданию стартапов, поддержка исследовательских консорциумов.

5. Государственно-частное партнёрство: расширение практики ГЧП для реализации мегапроектов в обрабатывающей промышленности, где МСП будут полноценными участниками.

6. Адаптация международного опыта: использование моделей кластерного развития (Германия), экспортно-ориентированных программ (Турция), «умных фабрик» (Южная Корея).

Таким образом, инновационные подходы к стимулированию предпринимательства в обрабатывающей промышленности Казахстана должны опираться не только на финансовую поддержку, но и на развитие экосистемы предпринимательства в целом.

Ключевым направлением становится интеграция инноваций, цифровизации и устойчивого развития в стратегию поддержки МСП. В условиях глобальных вызовов конкурентоспособность национальной экономики определяется способностью малого и среднего бизнеса адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка, внедрять современные технологии и выходить на внешние рынки.

Перспективным решением является реализация сетевых моделей и мегапроектов, объединяющих усилия государства, бизнеса и науки. В этом случае МСП смогут выступать не как вспомогательный элемент, а как движущая сила индустриализации Казахстана и формирования экономики нового технологического уклада.

Список использованной литературы:

1. Национальный проект по развитию обрабатывающей промышленности Республики Казахстан на 2023–2029 годы. – Астана, 2023.

2. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК (с изменениями и дополнениями).

3. Закон Республики Казахстан «О промышленной политике» от 27 декабря 2021 года № 94-VII.

4. Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстан до 2029 года. – Астана: Министерство индустрии и инфраструктурного развития РК, 2022.

5. Богачёв Ю.С., Морева Е.Л., Тютюнник И.Г. Государственное стимулирование предпринимательства в промышленности: концептуальный подход // Экономика и управление. – 2020. – №4(78). – С. 15–24.
6. Дулатбеков Н.О., Жолдасбекова Г.А. Предпринимательство в Казахстане: институциональные основы и механизмы стимулирования. – Алматы: Экономика, 2020. – 256 с.
7. OECD. SME and Entrepreneurship Policy in Kazakhstan 2018. – Paris: OECD Publishing, 2018.
8. OECD. Innovation in SMEs and Entrepreneurship 2021. – Paris: OECD Publishing, 2021.
9. World Bank. Kazakhstan Economic Update: Toward Economic Diversification. – Washington, 2022.
10. UNIDO. Industrial Development Report 2022: The Future of Industrialization in a Post-Pandemic World. – Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2022.
11. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.
12. Freeman C., Soete L. The Economics of Industrial Innovation. – London: Routledge, 1997. – 458 p.
13. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. – New York: Free Press, 1990. – 875 p.
14. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. – Geneva: World Economic Forum, 2016. – 194 p.
15. Атамкулов Б.А., Курмангазин Б.К. Государственно-частное партнёрство как инструмент стимулирования инвестиционной активности в промышленности // Экономика и статистика. – 2021. – №2. – С. 34–45.
16. Досаева С.М., Кулжабаева А.С. Малый и средний бизнес в Казахстане: барьеры и перспективы развития в обрабатывающей промышленности // Вестник КазНУ. Серия экономическая. – 2022. – Т.138, №4. – С. 55–68.

Станислав Луневски

Доктор Ph.D, профессор,
Генеральный директор компании ООО ASNWA
г. Беласток (Польша)

Замбинова Г.К.,

к.э.н., доцент, заведующий кафедрой
«Экономика и маркетинг»,

Замбинова З.Б.,

магистр, старший преподаватель
Учреждение «Esil University», г.Астана

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

***Аннотация.** Устойчивый экономический рост Казахстана обусловлен развитием промышленности, науки, банковского сектора и малого бизнеса. В условиях глобальных вызовов и кризисов особое значение приобретает технологический рост, цифровизация и интеграция научной среды с производством. Информационные технологии способствуют углублению переработки и модернизации отраслей, развитию антикризисных программ и повышению эффективности управления. В рамках ЕАЭС технологическая интеграция науки и промышленности становится ключевым фактором экономического роста. Анализ показывает, что Казахстан обладает всеми необходимыми предпосылками для устойчивого индустриально-инновационного развития.*

***Ключевые слова:** экономика, промышленность, устойчивое развитие, технологическая интеграция, инновационный рост.*

Экономическая устойчивость является ключевым фактором эффективного функционирования и развития любой хозяйственной структуры. В последние годы вопросы научно-технологического прогресса в социально-экономических системах становятся объектом пристального внимания со стороны мировой научной общественности. Особое значение устойчивое развитие приобретает в условиях реализации интеграционных инициатив, таких как евразийское партнерство, стратегия «Один пояс — один путь», а также переход к новой индустриальной экономике.

Для успешной реализации социально-экономических и инновационных целей предприятий необходимо наличие эффективной методологии антикризисного управления, учитывающей современные вызовы. Повышение конкурентоспособности невозможно без тесного взаимодействия государства и бизнеса. Это предполагает активную интеграционную политику, совместное финансирование масштабных инвестиционных проектов, технологическую модернизацию промышленности, переход к новым технологическим укладам, трансформацию отраслей и изменение механизмов экономического регулирования.

В своем Послании 2025 года Президент Республики К.-Ж.Токаев отметил завершение эпохи «нефтяного изобилия», обозначив необходимость перехода к «новому качеству развития» и внедрению технологий «четвертой промышленной революции» [1].

Одним из ключевых секторов казахстанской экономики остается нефтехимическая и нефтегазоперерабатывающая промышленность. В нее входят такие предприятия, как ТОО «Павлодарский нефтехимический завод», ТОО «ПетроКазахстан Ойл Продактс», ТОО «Атырауский НПЗ», газохимический комплекс в Атырауской области и ТОО «Нефтехим.Ltd». В условиях глобального кризиса устойчивое развитие этих предприятий обеспечивается за счет интеграции с научно-исследовательскими организациями, включая АО «Институт органического катализа и электрохимии им. Д.В. Сокольского», Назарбаев Университет, КазНУ им. аль-Фараби и другие.

Ключевую роль в технологической модернизации также играют российские научные институты (например, Институт катализа им. Г.К. Борескова, Омский институт переработки углеводов), крупные промышленные компании (ПАО «СИБУР Холдинг», ОАО «Уфаоргсинтез»), а также международные партнеры, такие как Basf, Bayer, Symphony Environmental, Willow Ridge Plastics и BioTec Environmental [2].

Анализ текущей ситуации показывает, что выработка обоснованных управленческих решений невозможна без качественного антикризисного анализа. При этом целесообразно использовать современные подходы, основанные на технологической интеграции (см. рисунок 1).

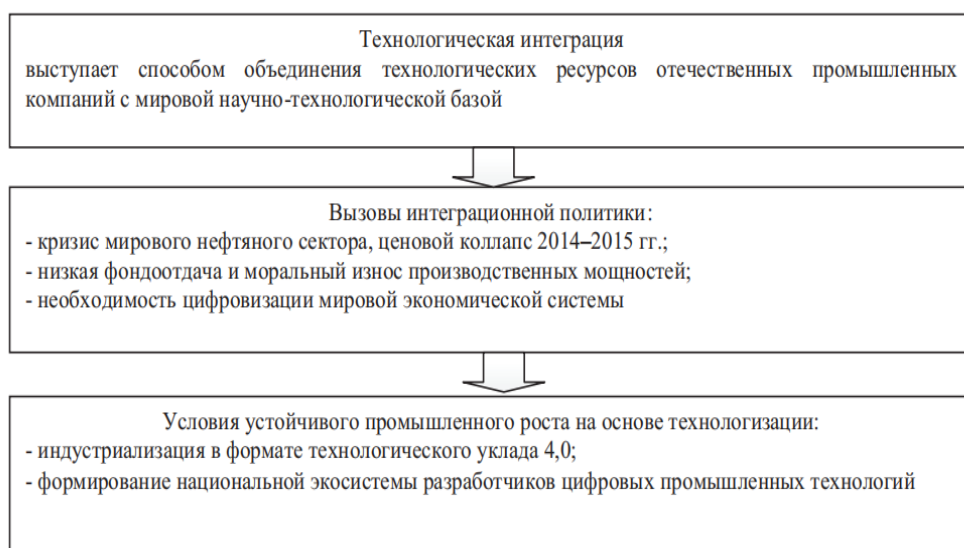

Рисунок 1 – Назначение технологической интеграции для устойчивого развития промышленных компаний [1]

В условиях современных интеграционных вызовов ключевыми задачами антикризисного управления становятся поиск, мобилизация и целевое использование технологических и, прежде всего, собственных финансовых ресурсов [3–5]. Эксперты отмечают, что основным инструментом для принятия инновационных управленческих решений служит экономический анализ. Он включает в себя такие элементы, как оценка добавленной стоимости, определение экономического потенциала и повышение производительности труда, что тесно связано с этапами жизненного цикла промышленных предприятий (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Матрица жизненных стадий промышленного предприятия и показателей экономической активности в условиях интеграционных вызовов

Стадия жизни промышленного предприятия	Показатели интеграционной активности	Показатели финансовой устойчивости	Показатели деловой активности	Показатели эффективности	
				Производительность труда	Рентабельность продаж
Возникновение	+	+			
Подъем	+	+	+		
Замедление роста	+	+	+		+
Зрелость	+		+	+	+
Спад				+	+
Примечание – Знак «+» означает актуальность направления экономической оценки для жизненной стадии предприятия – участника интеграционного процесса.					

Развитие научной школы, ориентированной на технологический рост, опирается на исследования, связанные с методами экономического анализа в контексте устойчивого развития. Так, Бернар Коласс отмечал, что финансовое равновесие можно рассматривать с двух взаимодополняющих позиций: с одной стороны — как юридическое требование, предполагающее способность предприятия своевременно погашать обязательства за счёт ликвидных средств, с другой — как необходимость поддержания сбалансированности между источниками финансирования и их использованием, исходя из их стабильности и назначения [6].

Такой подход к формированию экономической стратегии технологического роста особенно актуален для современных отечественных предприятий. Во-первых, наблюдается развитие нормативно-правовой базы в сфере таможенного регулирования и унификация стандартов производственно-технологической деятельности в рамках Евразийского экономического союза. Во-вторых, постепенно формируется ресурсная база, необходимая для раскрытия инновационного потенциала промышленности.

Сегодня промышленное производство демонстрирует устойчивые темпы роста — порядка 10%, а доля обрабатывающей промышленности превысила 60% от общего объема [7]. Крупные промышленные предприятия входят в фазу стабильного развития. В этой связи экономическая политика управления должна строиться на основе систематического мониторинга, анализа и прогнозирования как уровня экономической устойчивости, так и перспектив технологического прогресса. Такой подход требует создания непрерывного аналитического цикла, который отвечает современным требованиям евразийской интеграции: углублению технологического сотрудничества, совместному инвестированию в научные и инфраструктурные проекты, что в совокупности создаёт предпосылки для устойчивого индустриально-инновационного роста.

Несмотря на изменчивость внешнеэкономической конъюнктуры, способность предприятий выявлять и смягчать кризисные явления является ключевым фактором их выживания [8]. В этой связи применение аналитических инструментов при выработке экономической стратегии на базе интеграции технологических ресурсов может стать основой для научно-технологического прорыва, особенно в условиях формирования открытой экономической системы.

Экономическая устойчивость является фундаментальным условием успешного функционирования и развития современных хозяйственных структур, особенно в условиях динамично меняющегося глобального и регионального экономического ландшафта. Научно-технологический прогресс и инновационные трансформации в социально-экономических системах приобретают особую актуальность в свете реализации масштабных интеграционных инициатив, таких как Евразийское партнерство и стратегия «Один пояс — один путь». Эти процессы формируют новые вызовы и возможности для промышленных предприятий, требуя от них не только

адаптации, но и активного внедрения передовых технологий и интеграционных механизмов.

Успешное достижение социально-экономических и инновационных целей возможно лишь при условии наличия эффективных методологий антикризисного управления, способных оперативно реагировать на возникающие риски и обеспечивать баланс между экономической стабильностью и технологическим развитием. Тесное взаимодействие государства и бизнеса, совместное финансирование крупных инвестиционных проектов, а также переход к новым технологическим укладам и модернизация отраслей создают благоприятную среду для повышения конкурентоспособности отечественной промышленности.

Особое значение для Казахстана, как и для других стран региона, имеет нефтехимический и нефтегазоперерабатывающий сектор, который является драйвером экономического роста и инноваций. Интеграция промышленных предприятий с ведущими научно-исследовательскими организациями как внутри страны, так и на международном уровне, способствует развитию передовых технологий и укреплению ресурсной базы, что обеспечивает устойчивость и адаптивность этих предприятий в условиях глобальной экономической нестабильности.

Важнейшим инструментом принятия обоснованных управленческих решений является экономический анализ, включающий оценку добавленной стоимости, выявление экономического потенциала и повышение производительности труда. Такой подход позволяет не только выявлять текущие проблемы, но и прогнозировать перспективы развития с учётом жизненного цикла предприятий и требований современного технологического уклада.

Современная экономическая политика управления промышленными предприятиями должна строиться на постоянном мониторинге, аналитике и прогнозировании, что позволяет своевременно корректировать стратегические направления и эффективно использовать технологические и финансовые ресурсы. В условиях интеграционных процессов и открытой экономической системы это становится основой для устойчивого индустриально-инновационного развития, укрепления евразийского сотрудничества и повышения экономической безопасности.

Таким образом, развитие научной школы, ориентированной на технологический рост и устойчивое развитие, а также применение современных аналитических инструментов и антикризисных методик, представляют собой ключевые факторы, способствующие формированию конкурентоспособной и инновационно развитой экономики. Способность предприятий эффективно управлять рисками и кризисами, интегрируя технологические ресурсы и инновации, создаёт предпосылки для научно-технологического прорыва, который необходим в эпоху глобальных вызовов и трансформаций.

Список использованной литературы:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарт Токаева народу Казахстана: «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.akorda.kz>. – 2025. – 8 сентября.
2. Miller A.Ye., Miller N.V., Davidenko L.M. Formation of Integrated Industrial Companies under Current Conditions // Asian Social Science. – 2021. – Vol. 11. – № 19. – P. 70–81. – DOI: 10.5539/ass.v11n19p70: <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n19p70>.

3. Родина Л.А. Налогообложение как внешнеполитический и внешнеэкономический аспект национальной безопасности России: материалы конференций ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ». – Санкт-Петербург, 2020. – С. 174–178.
4. Симонов С.Г., Эпп Л.В., Хаматханова М.А. Инновационные преобразования инфраструктуры потребительского рынка Республики Казахстан: детерминанты и приоритеты // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – № 2(58). – С. 165–175.
5. Шеломенцев А.Г., Фролова Е.Д., Фролова Е.А. Модели пространственного развития и формирование локальных систем промышленного типа в современной мировой экономике: раздел в коллективной монографии «Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века» – М.: ИД «Университетская книга», 2020. – С. 18–30.
6. Коласс Б. Управление финансовой деятельностью предприятия. Проблемы, концепции и методы: учеб. пособие: пер. с франц. / под ред. проф. Я.В. Соколова. – М.: Финансы, ЮНИТИ, 1997. – 576 с.
7. Показатели Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан за январь–декабрь 2024 г. Бюллетень Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан: <http://stat.gov.kz>.
8. Миллер А.Е., Реутова Т.И. Исследование тенденций развития технико-технологических изменений // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2022. – № 2(58). – С. 63–69.

Муканова М.А. магистр,
«Экономика және маркетинг» кафедрасының
аға оқытушысы
«Esil University» мекемесі, Астана қ.

ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ ТҰРАҚТЫ ДАМУ СТРАТЕГИЯЛАРЫН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

***Аңдатпа.** Мақалада Қазақстандағы және Еуропалық Одақ елдеріндегі экономиканың тұрақты дамуының негізгі аспектілері қарастырылады. Салыстырмалы талдау барысында екі өңірдің институционалдық механизмдегі және "жасыл" экономикаға көшудегі мемлекеттік саясаттың, сондай ақ, бизнес рөлінің айырмашылықтары көрсетілді. "Қазақстан - 2050" Стратегиясы және "Жасыл экономика" сияқты стратегиялық құжаттарды белсенді бейімдейді, ал Еуропалық Одақ Еуропалық жасыл бағыт шеңберінде кешенді бастамаларды іске асырады. Автор Қазақстан мен ЕО-ның тұрақты даму саласындағы өзара іс-қимылының негізгі бағыттарын жүйелендірді. Қазақстанда тұрақты өсудің неғұрлым тиімді моделін қалыптастыру үшін еуропалық тәжірибені қолдану мүмкіндігі туралы қорытынды жасалды.*

***Кілт сөздер:** тұрақты даму, жасыл экономика, Қазақстан, Еуропалық Одақ, ESG, жаңартылатын энергия көзі, Еуропалық жасыл бағыт.*

Тұрақты даму Тұжырымдамасы ХХІ ғасырдағы әлемдік экономиканың негізгі парадигмаларының біріне айналды. Ол экономикалық өсу, әлеуметтік әділеттілік және қоршаған ортаны қорғау арасындағы тепе-теңдікке қол жеткізуді көздейді [1]. Еуропалық Одақ (ЕО) тұрақтылық қағидаттарын іске асырудағы жаһандық көшбасшылардың бірі болып табылады, ал Қазақстан халықаралық тәжірибені де, өзінің әлеуметтік-экономикалық ерекшеліктерін де ескеретін тұрақты дамудың ұлттық моделін белсенді қалыптастыру сатысында тұр [2].

Бұл мақаланың мақсаты - Қазақстан мен ЕО-дағы тұрақты даму тәсілдеріне салыстырмалы талдау жүргізу, ортақ белгілер мен айырмашылықтарды анықтау, сондай-ақ ұлттық тәжірибеде еуропалық тәжірибені пайдалану мүмкіндіктерін анықтау болып табылады.

БҰҰ Дүниежүзілік комиссиясының "Біздің ортақ болашағымыз" (1987) есебіне сәйкес, тұрақты даму болашақ ұрпаққа зиян келтірместен қазіргі заманның қажеттіліктерін қанағаттандыратын даму ретінде анықталады [3].

Тұрақты дамудың негізгі компоненттеріне мыналар жатады:

- экономикалық аспект (өсу, бәсекеге қабілеттілік, инновация) ;
- әлеуметтік аспект (өмір сүру деңгейі, жұмыспен қамту, әлеуметтік қорғау);
- экологиялық аспект (ауа ластауын азайту, экожүйелерді сақтау).

ЕО-да бұл қағидаттар "Еуропалық жасыл бағыт" стратегиясы арқылы, ал Қазақстанда "Жасыл экономикаға" көшу бағдарламасы арқылы іске асырылады.

Қазақстан стратегиялық құжаттар шеңберінде Тұрақты даму бағытында келесі қадамдар жасауда:

- "Қазақстан-2050" Стратегиясы;
- "Жасыл экономикаға" көшу тұжырымдамасы (2013 ж.);
- Экология және энергетика саласындағы ұлттық жобалар.

Осы құжаттардағы негізгі нақты бағыттар:

1. Энергия тиімділігін арттыру және жаңартылатын энергия көздерін (ЖЭК) пайдалану.
2. Парниктік газдар шығарындыларын азайту.
3. Циркулярлы экономиканы дамыту және қалдықтарды басқару.

1-кесте-Қазақстанның энергия теңгеріміндегі жаңартылатын энергия көздері (ЖЭК) үлесінің динамикасы, %

Жыл	2018	2020	2022	2024
ЖЭК үлесі	1,3	2,3	3,7	4,5
Ескерту – автормен [4] дереккөз негізінде құрастырылған				

1-кестеде келтірілген деректер Қазақстанның 2018-2024 жылдардағы энергия теңгеріміндегі жаңартылатын энергия көздерінің (ЖЭК) үлесінің динамикасын көрсетеді. Қарастырылып отырған кезеңде көрсеткіштің тұрақты өсуі байқалады: 2018 жылғы 1,3% - дан 2024 жылы 4,5% - ға дейін.

Өсу қарқынын екі кезеңге бөлуге болады:

2018-2020-орташа өсу (1,3 % - дан 2,3 % - ға дейін), бұл күн және жел энергетикасы бойынша алғашқы ауқымды жобалардың іске қосылуымен байланысты.

2020-2024 жж. — динамиканың үдеуі (екі есеге жуық ұлғаюы: 2,3% - дан 4,5% - ға дейін), бұл жел парктерінің белсенді құрылысымен және жаңа күн электр станцияларын пайдалануға берумен, мемлекет пен халықаралық инвесторлардың қолдауымен түсіндіріледі.

Оң тенденцияға қарамастан, ЖЭК үлесі 2023 жылы орташа көрсеткіші 20% - дан асқан Еуропа елдерімен салыстырғанда салыстырмалы түрде төмен болып қала береді [5]. Бұл Қазақстанда "жасыл" энергетиканы одан әрі арттыру үшін елеулі әлеует туралы айтады.

ЕО "Еуропалық жасыл курс" (Еуропалық Жасыл мәміле) стратегиясын жүзеге асырады және оның негізгі мақсаттарына мыналар кіреді:

- 2050 жылға қарай көміртегі бейтараптығына қол жеткізу;
- 1990 жылғы деңгеймен салыстырғанда 2030 жылға қарай CO₂ шығарындыларының 55% - ға төмендету;
- "таза" энергетика мен цифрлық трансформацияны дамыту.

1 – сурет - Еуропалық жасыл бағыттың негізгі бағыттары

1-сурет Еуропалық жасыл курстың негізгі бағыттарын айқын көрсетеді. Негізгі мақсат - 2050 жылға қарай көміртегі бейтараптығына қол жеткізу және саясаттың ілесіп блоктары (энергия, көлік, өнеркәсіп, биоәртүрлілік, ауыл шаруашылығы және инновация) стратегияның жан-жақты сипатын көрсетеді.

Маңыздысы, еуропалық тәсіл барлық элементтердің өзара байланысын болжайды: «таза» энергетиканың дамуы көлік пен өнеркәсіптің декарбонизациясына ықпал етеді, ал биоәртүрлілікті сақтау және тұрақты ауыл шаруашылығын қолдау экологиялық тепе-теңдікті қамтамасыз етеді. Экономиканың жаңа моделіне көшудің драйвері ретінде қызмет ететін инновацияларға ерекше рөл беріледі.

Осылайша, ЕО-дағы тұрақты даму жекелеген шаралар арқылы емес, барлық негізгі салаларды қамтитын экономиканы жүйелі және өзара байланысты реформалау арқылы жүзеге асырылатынын көрсетеді.

ЕО сонымен қатар корпоративтік Есептіліктің міндетті элементіне айналатын ESG-стандарттарын (Environmental, Social, Governance) белсенді түрде енгізуде.

2-кесте - Қазақстан мен ЕО-ның тұрақты дамуға көзқарастарын салыстыру

Параметр	Қазақстан	ЕО
Бағыт	"Жасыл экономика–2050"	Көміртекті бейтараптық–2050
Энергия теңгеріміндегі ЖЭК	4,5% (2024)	23% (2023)

ESG-есеп беру	ерікті	ірі компаниялар үшін міндетті
Қаржыландыру	мемлекеттік қолдау, Халықаралық жобалар	"ЕО жасыл қоры", жеке инвестициялар
Ескерту – автормен құрастырылған		

2-кестедегі анализ Қазақстан мен Еуропалық одақтың тұрақты даму саясатын іске асыру деңгейі мен ауқымы бойынша ерекшеленетінін көрсетеді. Қазақстанда стратегиялық бағдар "Жасыл экономика-2050" - де бекітілген, бірақ энергия теңгеріміндегі жаңартылатын энергия көздерінің (ЖЭК) үлесі ЕО-мен (2023 ж.23%) салыстырғанда төмен (2024 ж. 4,5%) болып қалуда. Еуропада ESG-есеп беру міндетті норма болса, Қазақстанда ол әзірге ерікті сипатқа ие. Бұдан басқа, ЕО жеке инвестицияларды және өзінің "жасыл қорларын" белсенді пайдаланады, ал Қазақстанда мемлекеттік қолдау мен Халықаралық жобалар негізгі көзі болып қала береді.

Қазақстан тұрақты даму бағытында қозғалуда, бірақ ЕО-мен салыстырғанда институттандыру және практикалық іске асыру деңгейі шектеулі болып қалуда. Еуропалық тәжірибе заңнамалық тетіктерді, қаржылық ынталандыруды және бизнестің қатысуын қамтитын кешенді тәсілдің қажеттілігін көрсетеді. Қазақстан үшін маңызды:

1. жаңартылатын энергия көздерін пайдалануды кеңейту;
2. корпоративтік басқаруға ESG-стандарттарын енгізу;
3. "жасыл" технологиялар саласындағы халықаралық ынтымақтастықты жандандыру.

Осылайша, тұрақты дамудың еуропалық моделінің элементтерін енгізу Қазақстанға "жасыл экономикаға" көшуді жеделдетуге және жаһандық ауқымда бәсекеге қабілеттілікті арттыруға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Meadows D. The Limits to Growth. – New York: Universe Books, 1972.
2. Назарбаев Н.А. Стратегия «Қазақстан–2050». – Астана, 2012.
3. World Commission on Environment and Development. Our Common Future. – Oxford: Oxford University Press, 1987.
4. Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы. Қазақстан Республикасының отын-энергетикалық балансы (2024 ж.). – Астана, 2025 жылғы 1 тамыз.
5. European Commission. The European Green Deal. – Brussels, 2020.
6. ESG reporting in the EU: Directive 2022/2464. – Brussels, 2022.

УДК 330.15

*Нұрқанов Ж.Қ., аға оқытушы,
Амишева З.М., аға оқытушы,
«Экономика және маркетинг» кафедрасы,
Esil University, Астана қ.*

ЖАСЫЛ ЭКОНОМИКАҒА КӨШУ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ТҰРАҚТЫ ДАМУЫНЫҢ КЕПІЛІ

Мақалада «Жасыл» экономикаға көшу климаттың өзгеруі, пайдалы қазбалардың сарқылуы және су ресурстарының тапшылығы секілді қауіп-қатерлердің ықтималдығын төмендететігі айтылған. Дұрыс жолға қойылған жүйелі әрекет, мүдделі тараптардың үйлесімді ісі, мемлекет, бизнес пен қоғамның бірлесе атқарған жұмысы бар кезде біз Қазақстанның бұл бағытта да әлемдік аренада жоғары жетістікке жететініне сенеміз.

Кілті сөздер: *Жасыл экономика, қоршаған орта, инфрақұрылым, постиндустриалды, пайдалы қазбалардың сарқылуы*

Кіріспе. Қазіргі таңда дүниежүзінің көптеген елдері жасыл экономика принципін қабылдаған. Осы мемлекеттердің экономикалық даму саясаты өнеркәсіптік өндіріс өсімін оңтайландыруға және қоршаған ортаға үнемді көзқарасқа негізделеді. Осыған орай 2012 жылы өткізілген «РИО+20» Саммитінен кейін қазақстандық қоғамның күші «жасыл» экономикаға ауысу бойынша стратегияны іске асыруға бағытталып, 2013 жылы «жасыл экономикаға» өту Тұжырымдамасы әзірленді [1]. Онда бірінші кезекте басты түрде экономиканың белгілі бір салаларын реформалауға бағытталған басым міндеттер тізбесі ұсынылды:

- қорлардың тиімділігін арттыру;
- қазақстандық инфрақұрылымды жетілдіру;
- халықтың әл-ауқатын жақсарту болжанады;

Мемлекет басшысы Қ.К.Тоқаевтың 2020 жылғы 1 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауында «қоршаған ортаны қорғау және экологиялық даму: біздің еліміз үшін бірінші кезектегі мәселе, маңызды және негізгі міндетіміз. Бүкіл өркениетті әлем жұртшылығы осы мәселемен айналысуда. Бізге де мұндай жаппай үрдістен шет қалуға болмайды» деп, айтқан болатын [2].

Негізгі бөлім. Жасыл экономика - бұл адам өмірінің ұдайы өндірісіне қажетті табиғи негізді бұзбайтын, биосфераның шаруашылық сыйымдылығы шеңберінде дамитын экономика. Сонымен бірге жасыл экономика халықтың жоғары тұрмыс деңгейі мен табиғи ресурстарды ұтымды пайдаланумен сипатталатын экономика болып табылады.

Қазіргі кезде қоғам «жасыл» экономика сөзінің мәнісін әртүрлі түсінеді. Бірі бұл елдің табиғатын жақсартатын экономиканың жаңа салалары деп түсінеді. Басқалары бұл сөзді табиғатқа көмектесуге және пайда келтіруге бағытталған жаңа технологиялар ретіндегі экожүйенің өзіндік түрі деп есептейді. Үшіншілері, бұл мақсаты экологиялық таза өнімдерді құру болып табылатын дамудың жаңа кезеңіне ауысу деп есептейді.

Негізінен «Жасыл» экономика – бұл табиғи қорларды тиімді пайдалану есебінен қоғамның әл-ауқатын сақтауға бағытталған, сондай-ақ соңғы пайдалану өнімдерін өндірістік циклге қайтаруды қамтамасыз ететін экономика, яғни – таза немесе «жасыл» технологиялар жатыр. Мамандардың айтуы бойынша «жасыл» экономиканы дамыту, көптеген постиндустриалды елдерде өзінің ауқымы мен қозғаған экологиялық дағдарысты біздің елде болдырмауға мүмкіндік береді.

XX ғасырдың соңғы ширегінде әлемдік жалпы өнім 4 есеге көбейді, осының нәтижесінде жүз миллиондаған адамдардың әлауқаты көтерілді, алайда олардың күнелтуіне қажет 60% негізгі экожүйелік тауарлар мен қызмет көрсетулердің сапасы төмендеді, немесе бұл тауарлар мен қызметтер тұрақсыз түрде пайдаланылды. Бұл соңғы ондаған жылдар бойы экономикалық өсімге табиғат ресурстарын шығындау есебінен қол жеткізілді деген сөз; адамзат ол қорлардың қалпына келуіне мүмкіндік бермеді, алайда экожүйелердің деградацияға ұшырауы мен жоғалуына жол берді. Осылай, мысалы, ауыл шаруашылығындағы егіннің бітіктігіне топырақ сапасын төмендететін химиялық тыңайтқыштарды пайдалану арқылы қол жеткізілді. Ормандарды кесуді кеңейту тенденциясын өзгерту мүмкін болмады: 1990-2005 жылдары орман аудандары жыл сайын 13 млн гектарға азайып отырды [3].

Экологиялық қорлардың тапшылығы адамзатты азық-түлікпен (балық аулау, ауыл шаруашылығы, ауыз сумен жабдықтау, орман шаруашылығы) қамтамасыз етудегі маңызды рөл атқаратын және кедейлердің тіршілік етуінің маңызды көзі болып табылатын экономиканың барлық секторларына терең әсер етеді. Экологиялық тапшылық пен әлеуметтік әділетсіздік – «жасылдан» әлдеқайда алшақ экономиканың негізгі анықтаушы белгілері. Қорыта айтқанда, Жасыл Экономика «қоңыр» экономика тудырған проблемаларды шешуге және болашақта мұндай қателіктерге жол бермеуге мүмкіндік беретін жол деуге болады.

Жасыл экономиканың артықшылықтары:

- бүкіл әлемде күн батареяларын қолдану мүмкіндіктері;
- газбен жұмыс жасайтын жолаушылар тасымалын ұйымдастырушы көліктерді енгізу;
- қайта өңдейтін зауыттар салуды арттыру;
- климаттың өзгеруі жағдайында қолданылатын асфальтбетондық технологияларды қолдану;
- қоршаған ортаға зиянсыз эко жеңіл көліктерді пайдалану мүмкіндігі;
- кәріз қалдықтарын қайта пайдалану қажеттілігі және т.б.

Бүгінгі күні адамзат баласын сонау өткен ғасырдан бері ойландырып келе жатқан өзекті мәселелердің бірі экономиканың тұрақты және ұзақ мерзімді даму жолдарын іздестіріп оны енгізу болып табылады. Осы негізде экологиялық және қоршаған ортаның қауіпсіздігін қамтамсыз ету мәселелері бүгінгі күні ғаламдық және дүние жүзі проблемаларының біріне айналып отыр. Негізінде тұрақты даму ұғымы ол еліміздегі табиғи қорларды, олардың байлығы мен біртұтастығы толық сақталатындай етіп тиімді пайдалануға бағытталған. Осыған орай, дүние жүзіндегі экономикасы дамыған алдыңғы қатарлы елдердің осы бағытты дамыту мақсатында іс-әрекеттер жасалынып, мемлекеттік деңгейде көптеген бағдарламалар мен заңдар қабылданып, нәтижесінде салаларды тез арада дамытуға қол жеткізіп отыр.

Біздің мемлекет табиғи қорлары өте бай ел ретінде танылған. Мұнай, газ - бүкіл дүние жүзінде ең ірі энергетикалық қорлардың бірі ретінде сыныпталады, бірақ тіпті олардың өзі уақыты келгенде сарқылады, демек өмір үшін жаңа ресурстар табу қажет. Бұл ретте Қазақстанның жақсы экожүйеге, жер қыртысына және орманға ие болуы айғағы басқа елдер алдындағы өзінің ұстанымын айтарлықтай арттырады. Сондықтан тұрақты дамуға көшу мәселесі заман талабына сай қажеттілік болып табылады.

Қазақстан бұл үрдіске 1992 жылдан бастап қатысуда. Бұл жерде негізгі мақсат – еліміздің дамуының экономикалық, әлеуметтік, экологиялық және саяси аспектілердің балансын қамтамасыз ету арқылы елдегі өмір сүру сапасын арттырып, бәсекеге қабілеттілікті жоғарылату.

Қазақстан Республикасының тұрақты дамуға көшу үрдісін және мекемеаралық координацияны басқару үшін тұрақты даму бойынша Кеңес құрылған, тұрақты дамуға бағытталған жобаларды инвестициялау үшін «Қазына» тұрақты даму фонды» құрылған болатын. Сонымен қатар, тұрақты даму үрдісіне даму институттары, ғылыми ұйымдар, координациялық орталықтар және азаматтық қоғамдастықтардың басқа институттары да қатысты.

«Жасыл» бизнес академиясы

Академия жұмысының мақсаты табиғи және өзге де ресурстарды жинау саласындағы саясатты тұрақты дамыту үшін бағдарламалар, жобалар және оқыту курстарын әзірлеу болады. Академияда онлайн-семинарларды өткізу, инновациялық әдістерді қолдану жоспарлануда. Академияның онлайн-семинарлары қоршаған ортаны қорғау саласындағы сарапшылар/мамандар арасындағы диалогқа, сондай-ақ «жасыл» өсу стратегиясын құруға бағытталған. Жасыл өсу және тұрақты даму тақырыбы бойынша жаңашыл электронды қорлар барлық студенттер үшін қол жетімді болады. Жасыл бизнес академиясы тұрақты дамыту стратегиясын іске асыру жағдайында, әсіресе әлеуметтік қажеттіліктер және мәселелерді барынша ұстанатын тәжірибе, табиғи қорларды кешенді пайдалану саласында болатын барынша тәжірибелік кәсіби жұмыс күшін дайындауға көмектеседі.

«Жасыл көпір» серіктестік бағдарламасы

Бағдарлама инвестициялық жобаларды іске асыру, саясаттарды реформалау жолымен жасыл бизнестің жаңа салаларын құру және дамыту бойынша мемлекеттердің, халықаралық, ғылыми ұйымдардың және бизнестің бірлескен әрекеттерін болжайды. Бағдарламаның міндеті тек мемлекеттер мен аймақтар арасында ғана емес, сонымен қатар мемлекет пен бизнес арасында да – серіктестіктің жаңа деңгейін құру және көптеген үдерістер арасындағы байланыс болып табылады. «Жасыл көпірдің» мәнісі – жасыл бизнестің жаңа салаларын дамыту және ол үшін ұзақ мерзімді және тұрақты негіздерді құру арқылы экономиканы көгалдандыру. Жасыл көпір жаңашыл жасыл технологиялар – жасыл бизнес үшін қолайлы шарттарды тудыру үшін төлемнің жаңа тетігін ұсынады.

Жер бетіндегі экологиялық жағдайлардың өзгеруі, әсіресе, ғылыми техникалық өрлеумен тікелей байланысты.

«Жасыл» экономика кедей елдердің дамуына және бай елдердегі кедейлердің қысқаруына ықпал етеді. Халықаралық сарапшылардың пікірінше, мемлекет «жасыл» экономикаға көшуде мынадай міндеттерді шешуі тиіс:

- экологиялық салықтарды енгізу;
- «қоңыр» өнеркәсіп үшін мемлекеттік субсидияларды азайтып, экологиялық талаптарды күшейту; «Қоңыр» өнеркәсіп қазіргі күнгі дәстүрлі яғни ресурстарды ысыраппен пайдалануды, өндірісте көміртектің көп пайдаланылуын білдіреді.
- «жасыл» өнеркәсіпке мемлекеттік инвестициялар жасау;
- жаңа «жасыл» технологияларды трансферттеу мен енгізу.

«Жасыл» экономикаға өткен елдерден мысал келтіретін болсақ:

Оңтүстік Корея «жасыл өсімді» ұлттық стратегия ретінде қабылдаған алғашқы ел болып отыр. Бұл стратегия шеңберінде негізінен үш элементке баса назар аударылады, олар өнеркәсіп, энергетика және инвестиция. Энергетикалық және басқа да ресурстарды минималды пайдалана отырып, өндірістік экономикалық қызмет ауқымын сақтау,

қоршаған ортаға қысым жасауды минимумға жеткізу, инвестицияны табиғатты қорғау және экономикалық өсудің қозғаушы күшіне айналдыру мақсаттары қарастырылған.

Швеция 2020 жылға қарай мұнай, көмір және газдан бас тартып, қалпына келуші ресурстар энергиясына көшуді жоспарлап отыр.

Бразилия көліктің 80% қант қамыстарынан жасалған биоотынға көшіруді жоспарлауда. Тайвань күн батареяларын белсенді пайдаланып отыр. Жапония «Төмен көміртекті қоғам бағдарламасын» қабылдап, көміртектің шығарылымының төменгі деңгейін белгілеген.

БҰҰ сарапшылары Қазақстанда «жасыл» экономиканы енгізу үшін бес маңызды секторды атап көрсетті:

- энергия (электр энергиясы, жылу, мұнай және газ)

- Мұнай-газ секторы Қазақстанның маңызды саласы болып қалып отыр. Ол ЖҰӨ 30% мен экспорттың 60% құрайды. Қазақстан «жасыл» экономикаға көшу үшін мұнайгаз секторына бірыңғай сенім артудан біртіндеп арылуы тиіс;

Қазіргі уақытқа дейін Қазақстан Республикасының экономикалық өсімі әлемдік нарықта шикізат бағасының өсуі және табиғи ресурстарды үлкен көлемде пайдаланудың арқасында болып жатыр.

Негізгі Жасыл экономика саласындағы жедел қарқында шешімін табуға тиісті бірнеше көкейкесті мәселелер:

Бірінші мәселе. Қабылданған шараларға қарамастан, кейбір аймақтарда әлі күнге дейін экологиялық тұрғыдан қауіпті әрі ластанған, өткен ғасырдан келе жатқан кәсіпорындар жұмыс істейді. Ауыл шаруашылығында жел энергиясын қолдану 1%-ды ғана құрайды. Бұл - ЕО елдеріне қарағанда 10 есе аз. Сонымен бірге басқа Еуропа елдерінің тәжірибесі жел электр энергиясын тұтыну жалпы электр энергиясын тұтынудың шамамен 20%-ына жетеді. Заңнамалық базаны күшейтуді қажет деп санаймыз, ал Үкіметтің мұндай кәсіпорындарды мәжбүрлеп жабу үшін радикалды шаралар қабылдауы керек. Егер шетелдік тәжірибеге жүгінетін болсақ, тек ҚХР-дың өзінде 2 мың экологиялық тұрғыда ластанған компания мәжбүрлеп жабылған

Екінші мәселе. Экологиялық инновациямен өндірілген тауарларды «жасыл» тұтынуды ынталандыру үшін Қазақстанда әлі күнге дейін «жасыл төлем картасы» жүйесі дұрыс жолға қойылмаған. Мысалы, Оңтүстік Корея «жасыл төлем картасы» жүйесін іске қосып үлгерді. Қазақстан үшін бұл тәжірибе, біздің ойымызша, қызықты әрі тиімді болуға тиіс. Мұндай карталардың көмегімен «жасыл» тауарлар мен қызметтерді тұтынуды, жекенің орнына қоғамдық көлікті пайдалануды, сонымен қатар энерготіімді тауарларды қолдануды есептеуге мүмкіндік туады. Жасыл карталардың осындай жүйесін еліміздің ірі қалаларында енгізуді ұсынамыз.

Үшінші мәселе. Қазақстан - орманы - аз мемлекет, ел аумағының 4,7%-ы ғана орманды. Жасыл желектерді ұлғайту үдерісі бүгінгі таңда баяу жүргізілгендіктен, оны жақсарту мүддесі туындайды. Соңғы 7 жылда мемлекеттік орман қоры аумағындағы орман өсірушілердің орман өсімін молайту көлемі 453 мың га құрады. Жыл сайын «Ағаш отырғызудың бүкіл қазақстандық күні» акциясы өткізіледі. Бұған 900 мыңдай адам қатысып, 4,5 млн ағаш пен бұта отырғызылды. Алайда бұл - жеткіліксіз. Осыған орай, облыс әкімдігінің жұмысын шұғыл жеделдету, облыс орталығы маңында жасыл аймақ құру бойынша іс-шараларды тездету ұсынылады.

Төртінші мәселе. Қазақстанда жел- энергиясын қалыптастыру барысында өндіріс орындары мен тұтынушылар арасында әртараптылық байқалады. Бір жағынан, жел күші арқылы өндірілетін электр энергиясы іс жүзінде шағын елді мекендер мен шаруа қожалықтарында ғана тұтынылады. Бұдан шығатын тұжырым, алыстағы ауылдарға электр энергиясын жеткізу жүйедегі энергияның көп шығынға ұшырайтындығынан экономикалық тұрғыдан тиімсіз.

Бесінші мәселе. Жеткілікті тиімді нормативтік құқықтық базаны құру жағдайында тұрмыстық қатты қалдықтар (ТҚҚ), қайталама шикізат, қайта өңдеу мен қалдықтарды кәдеге жарату саласындағы жұмыстарды басқару сапасы төмендегені байқалады. 2018 жылдың қорытындысы бойынша өнеркәсіп қалдықтарын қайта өңдеу үлесі 32%-ды, ТҚҚ 11%-ды құрады. Бұған қоса, қалдықтарды жинау және шығару қызметі бойынша ел тұрғындарының 65%-ы ғана қамтамасыз етілген. Экологиялық талаптар мен санитарлық нормаларға сай полигондардың үлесі 2017 жылдың есебі бойынша бар болғаны 16%-ды қамтиды [4].

Сондықтан төмендегідей негізгі бағыттарда жетілдіру қажет:

- елімізді өндірістік инновациялық дамытудағы мемлекет саясатының нормативтік-құқықтық саласын жетілдіру. Атап айтқанда, заңнаманы, табиғатты пайдаланудың экономикалық тетіктерін жетілдіруді, мемлекеттік экологиялық бақылау мен экологиялық мониторингті, ырықтандыру жүйесі мен экологиялық сараптаманы, т.б. жүйелендіру.

- мемлекеттік басқарудың жергілікті деңгейінде «жасыл» экономика ұстанымдарына ерекше көңіл бөлу қажет. Осыған байланысты біз жергілікті өзін-өзі басқаруды толыққанды дамыту мен қалыптастыру саласындағы заңнаманы жетілдіру.

- «жасыл» экономика саласындағы кадрларды даярлау. Өртаптапандырылған мемлекеттік бағдармаларды жүзеге асыру тәжірибесі айқын дәлелдегендей, инвестициялық және инновациялық жобаларды жасау алдындағы дайындық кезеңінде кадр мәселесін, әсіресе инновация саласына тиісті мамандармен қамтамасыз ету мәселесін шешу.

- ғылымның беделін көтеру. Ғылыми зерттеулерсіз қоршаған орта мен қоғамның экологиялық қауіпсіздігі нормасын сақтай отырып, әлемдік нарықта өндіріс пен бәсекелестік артықшылығын жетілдіру негізінде экономикалық өсімнің межелі деңгейіне көтерілу мүмкін емес. Қорытындылай келе, ғылымның талапқа сай дамуынсыз «жасыл» экономика бағытынан ілгерілеу күту қиынға соғады [5].

Қорытынды. Қорыта айтқанда, Жасыл Экономика бұрын болғандай тек «экономиканың» ғана мүдделерін есепке алмайды, сонымен бірге халықтың әл-ауқатын көтеру мен қолайлы табиғи ортаны сақтап қалуда әлеуметтік жауапкершілікті жоғарылатудағы қоғамның мүддесін де көздейді. Бұл мүдделердің бір-біріне қарама-қарсылығы және олардың арасындағы қайшылық пен қақтығыстардың болатындығы бір қарағаннан-ақ байқалады. Жасыл Экономика осындай қайшылықтарды шешіп, қақтығыстарды жаңа технологиялық әдістерді пайдалану, заңнаманы өзгерту, қалыптасқан әлеуметтік-экономикалық дәстүрлер мен тәртіпті мемлекеттік реттеу арқылы шешуге бағытталған.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. Конференция ООН по устойчивому развитию, 20–22 июня 2012 года, Рио-де-Жанейро.
2. <https://24.kz/kz/zha-aly-tar/o-am/item/442650-zhasyl-el-zhastar-e-bek-zhasa-yny-ryl-anyna-15-zhyl-toldy>
3. «Жасыл» экономика туралы жинақ, Комитет по водным ресурсам Министерство сельского хозяйства РК, 2020 ж. 10.12. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011402>.
4. Алпысбаев К.С., Гриднева Е.Е., Калиакпарова Г.Ш. «Зеленая» экономика: реалии и перспективы в сельском хозяйстве. Проблемы агрорынка. 2021; №(3): 44-50 бет. <https://doi.org/10.46666/2021-3.2708-9991.04>.

5. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2025 жылғы 8 қыркүйектегі «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы. – <https://www.akorda.kz>.

УДК 378.147:372.881.1

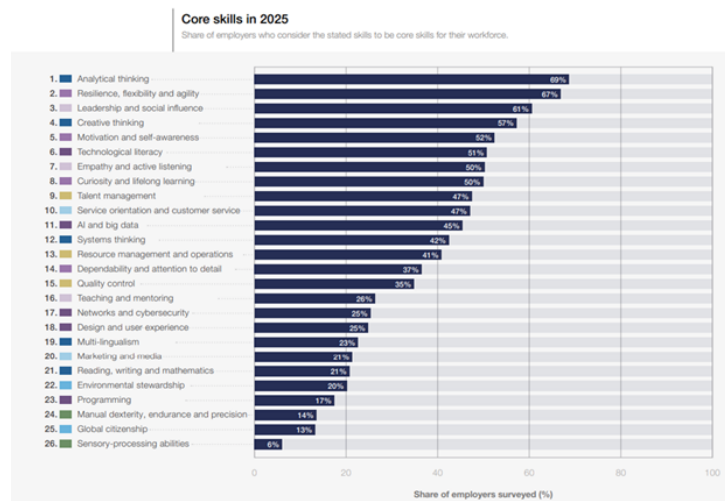
Rakhimbekova A.E.,
Ph.D, Associate Professor of the
postdoctoral fellow on the project “Zhas Galym”
L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana
Scientific consultant – ***Kurmanov N.A.***,
Ph.D, professor of the Department of Management,
L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana

IMPACT OF AI AND FUTURE SKILLS ON THE LABOR MARKET

The rapid advancement of artificial intelligence (AI) is reshaping global labor markets by simultaneously displacing traditional jobs and generating new employment opportunities. This dual impact highlights the urgent need for workforce adaptation through reskilling, upskilling, and the integration of lifelong learning strategies. Drawing on recent empirical studies and global employer surveys, this paper explores the effects of AI on job displacement and creation, identifies the fastest-growing skills in demand, and examines the role of policy and organizational responses in ensuring equitable transitions. The findings suggest that while AI promises significant productivity gains and economic growth, it also intensifies the need for human-centric competencies such as creativity, resilience, and critical thinking. Comprehensive strategies that combine technological innovation with human capital development are essential for managing the transformation effectively and inclusively.

Keywords: artificial intelligence, labor market, future skills, job displacement, reskilling, lifelong learning.

The 21st century is witnessing a profound transformation of the labor market driven by artificial intelligence (AI). Unlike earlier technological revolutions, AI permeates both cognitive and manual domains, reshaping job structures, skill requirements, and workforce dynamics on a global scale. Its impact is inherently dual: while automation displaces repetitive and predictable roles, AI also stimulates the creation of new professions and demands for hybrid skills that merge technological expertise with human-centric capabilities [1]. This study examines the implications of AI for labor markets, highlighting the changing demand for skills and the necessity of proactive adaptation strategies.

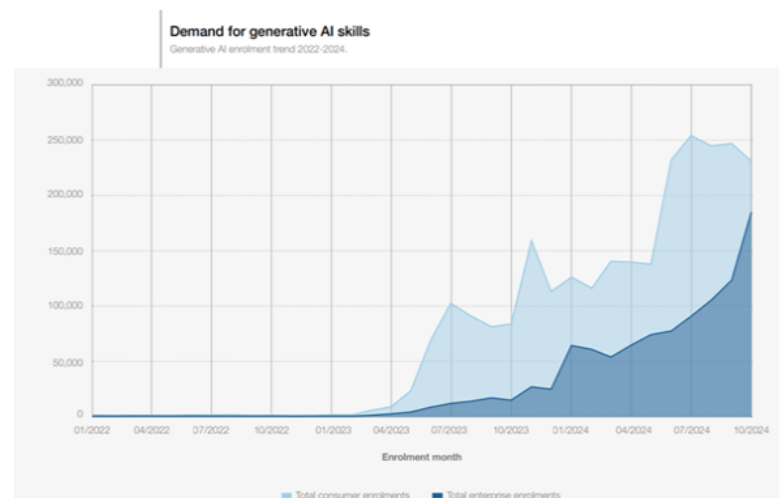

Picture – 1 Core skills for 2025

Source [1]

AI technologies enhance efficiency by automating data-driven, routine, and physically demanding tasks, leading to workforce displacement in vulnerable sectors. At the same time, they generate new employment opportunities in areas such as AI development, oversight, and ethical governance. Emerging job categories, including AI and machine learning specialists, FinTech engineers, and human–AI interaction designers, exemplify this shift [2]. Consequently, the future of work is characterized by both technological disruption and opportunity creation, requiring workers to transition into more complex, adaptive, and creative roles.

Employer surveys and global reports consistently identify AI, big data, and cybersecurity as the fastest-growing skills. Complementing these are socio-emotional skills such as resilience, flexibility, creativity, and curiosity, which are increasingly vital in AI-mediated workplaces. Coursera data for the *Future of Jobs Report 2025* reveal divergent patterns of AI training uptake: in the United States, individual learners focus on conceptual topics like prompt engineering and trustworthy AI, while in India corporate-sponsored learners prioritize practical workplace applications. This underscores the dual-track approach to skill development: foundational knowledge-building by individuals and productivity-focused training by organizations.

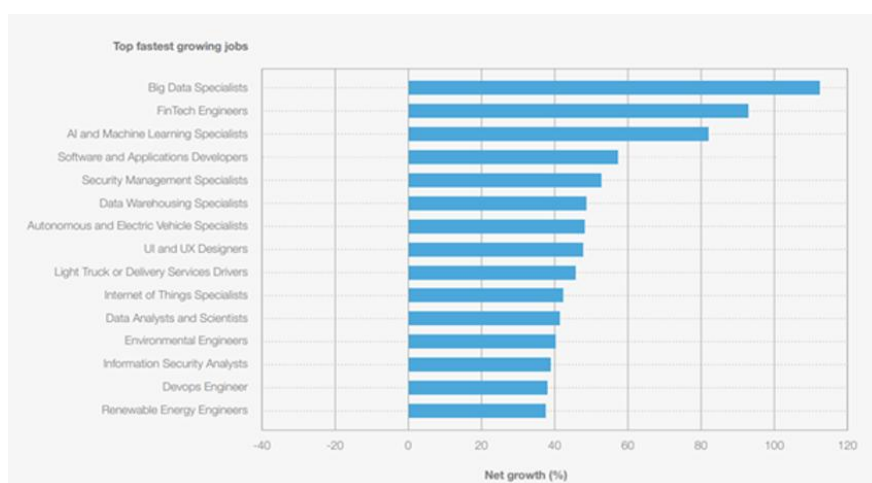

Picture – 2 Demand for generative AI skills

Source [3]

Projections indicate that AI and information-processing technologies could create 11 million jobs by 2030 while simultaneously displacing 9 million, resulting in a disruptive yet nearly balanced net effect. Robotics and autonomous systems are anticipated to be the largest job displacers, with a net decline of 5 million positions. Conversely, roles in software development, data analytics, and machine learning are expected to expand rapidly, reflecting the polarization of the labor market between high-skill and routine work [3].

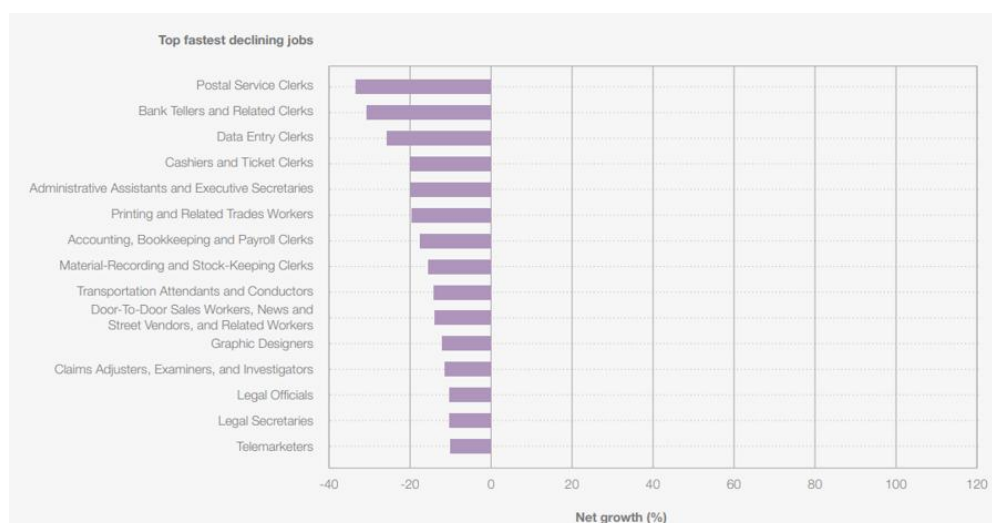
Managing AI-driven transformations requires comprehensive strategies at both governmental and organizational levels. Public policies should prioritize digital infrastructure, reskilling programs, and lifelong learning ecosystems. AI-enabled personalized learning platforms offer promising avenues for tailoring educational trajectories to individual skill gaps. On the organizational side, ethical AI governance and workforce adaptability initiatives are critical to fostering trust, inclusivity, and productivity [4-6].

Picture –3 Fastest-growing jobs, 2025-2030

Source [4-6]

AI represents both a disruptive challenge and a transformative opportunity for global labor markets. While it enables productivity gains and fosters innovation, it also heightens risks of inequality and job displacement [7-8].

Picture – 4 Fastest-declining jobs, 2025-2030

Source - World Economic Forum of Jobs Survey 2024

AI represents both a disruptive challenge and a transformative opportunity for global labor markets. While it enables productivity gains and fosters innovation, it also heightens risks of inequality and job displacement. The future of work will depend on the ability of societies to balance technological advancement with human capital development. Reskilling, socio-emotional skills, and lifelong learning are indispensable for ensuring inclusive growth in an AI-driven economy. The success of this transition hinges not only on embracing technological progress but also on designing policies and institutional frameworks that guarantee equitable participation for all members of the workforce.

The article was prepared within the framework of the scientific project of grant financing of fundamental and applied scientific research of young postdoctoral scientists under the project "Zhas Galym" of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN AP25796555 "Study of the impact of artificial intelligence on the development of education and the labor market: conceptual foundations, assessment of effects and development of recommendations."

References

1. Chen, Y., Li, H., & Wang, Z. (2025). *AI-driven economic growth and labor productivity: A global perspective*. Journal of Economic Studies, 52(1), 45–62.
2. Patil, R. (2024). *Automation, AI, and the evolving labor market: Risks and opportunities*. International Journal of Workforce Development, 11(2), 78–94
3. World Economic Forum. (2025). *The Future of Jobs Report 2025*. Geneva: WEF.
4. Soueidan, R., & Shoghari, R. (2024). *Ethical governance of AI in the workplace: Policy challenges and solutions*. Policy and Technology Review, 8(3), 112–130.
5. Sun, J. (2025). *Artificial intelligence and socio-economic transformation: Labor market implications*. Technological Forecasting and Social Change, 196, 122–140.
6. Tabbassum, S., Ahmad, M., & Khan, T. (2024). *The emergence of new occupations in the age of artificial intelligence*. Journal of Future Studies, 29(4), 33–49.
7. Tariq, M. (2024). *Personalized learning in the AI era: Implications for workforce reskilling*. Education and Technology Review, 17(2), 201–219.
8. Unuriode, K., Smith, L., & Zhang, Y. (2024). *AI and the transformation of global labor markets: A comprehensive review*. Global Journal of Economic Policy, 14(1), 1–23.

УДК 338.23(574)

Toxanova A.N., Doctor of Economics, Professor,
International University of Engineering and Technology,
Almaty

Dildebayeva Zh.T., PhD in Economics, Associate Professor,
International University of Engineering and Technology,
Almaty

Ashikbayeva Zh.S., PhD, Maqsut Narikbayev University,
Astana

WORLD TRENDS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT AND KAZAKHSTAN'S PLACE IN THE GLOBAL RANKINGS

Abstract. In the modern conditions of development of economic relations, the state policy of leading countries focuses on accelerated implementation of innovative and technological solutions. Competition for leadership in the field of new technologies is typical for the group of the most innovatively oriented states, striving to build effective systems for creation and commercialization of innovations. In this regard, the issues of finding effective tools for achieving strategic goals are of particular importance. In the conditions of the "knowledge economy», it is necessary to increase investments in scientific research and development, which correlates with the dynamics of the created developments. On the other hand, the key assets continue to be the competence, qualification, experience and knowledge of specialists.

Keywords: trends in innovative development, investments, innovations, intellectual capital, human capital

The sustainability and well-being of the innovative development of the global economy depends on many factors, the most important of which is the level and quality of human capital, including its main forms: educational and scientific potential.

Science and education are mutually correlated spheres of the economy; scientific potential is directly proportional to the level and quality of the educational process. High scientific potential of society creates the basis for the formation of innovations. World Bank data confirms that developed countries are leaders in R&D expenditures from GDP. The leader in 2022 in terms of funding for research and development is Israel with an indicator of 5.44% of GDP, followed by South Korea 4.81%, Sweden 3.53%, etc., the world average is 2.63% [1].

In the issue of development of innovative activity in Kazakhstan at the strategic level, the size of financial stimulation of intellectual activity is an important point. As a rule, the size of investments in scientific research and development is equivalent to the size of its return, i.e. the dynamics of investment costs, which correlates with the dynamics of the created developments.

Today, Kazakhstan's R&D expenditures, which create the basis for the innovation climate, lag significantly behind this indicator in developed countries. Thus, if in 2023, domestic R&D expenditures in Kazakhstan amounted to 172.6 billion tenge, and in 2024 they increased to 219.7 billion tenge, while the share of R&D in the country's GDP is only 0.16%. In addition, the increase in R&D expenditures is mainly provided by the state, while the

contribution of private business remains low, which slows down the commercialization of technologies and their implementation in the economy.

International studies show that overall investment in innovation has almost doubled over the past 25-30 years, the global community is aware of the significance and importance of innovation in the strategic development of the state and raising its status on the global stage. According to the World Intellectual Property Organization, high-tech industries in Switzerland, Sweden, the USA, and China invested in innovation at a fairly high level even during the pandemic.

The Global Innovation Index (GII) ranks global economies by their innovation potential. The GI includes about 80 indicators grouped by innovation inputs and outputs, and is designed to reflect the multidimensional aspects of innovation.

Kazakhstan ranks 78th among the 133 economies represented in the GI 2024. Table 1 presents Kazakhstan's rankings over the past four years. Data availability and changes in the GI model affect the comparison of GI rankings from year to year. The statistical confidence interval for Kazakhstan's ranking in the GI 2024 is between 77th and 83rd. There are no clusters from Kazakhstan in the top 100 science and technology clusters of the Global Innovation Index [2].

China ranks high in the Global Innovation Index in terms of patents, trademarks and industrial designs, far outpacing other countries that are actively developing in the innovation sphere. Over one and a half million patent applications have been filed, indicating the high economic efficiency of China's investment in research and development.

While lagging behind the US in terms of R&D expenditures by 0.8% of GDP, i.e. investing less, China's performance indicators are almost 3 times higher than the US indicators in terms of intellectual property (patents, copyrights, trademarks, etc.), which indicates not only the high level of organization of innovation creation processes, the presence of intellectual resources, but also the unique system of innovation management of the state.

Table 1

Kazakhstan's place in the Global Innovation Index (GI)

Year	GI position	Innovative resources	Results of innovations
2020	77	60	94
2021	79	61	101
2022	83	65	97
2023	81	68	87
2024	78	72	83

Currently, China is the undisputed leader in the field of advanced technology, artificial intelligence, telemedicine, etc. In 2020, the China Academy of Space Technology carried out the world's first orbital 3D printing using continuous carbon fiber-reinforced polymer composites. In addition, in 2022, China put into operation the first intelligent oil refinery, where the level of automated production data collection is over 98%, which, according to preliminary estimates, reduced the cost of monitoring oil refining processes by almost a third, and the number of industrial accidents by 80% (Fig. 1).

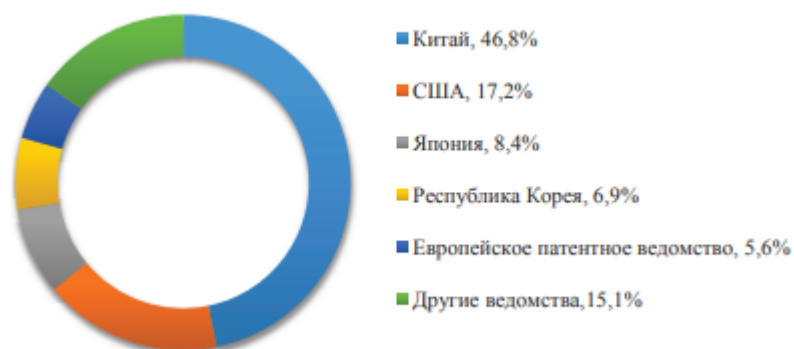

Figure 1. Percentage shares of the top 5 offices in different countries in total patent applications in %, 2022

State Council of China published details of the large-scale program "Artificial Intelligence +", which should turn the country into a world leader in the field of intelligent technologies. The document sets ambitious deadlines:

- 2027 - more than 70% of AI implementation in key applications and next-generation devices;
- 2030 – over 90% integration of smart solutions, with AI becoming the main driver of economic growth;
- 2035 – complete transition to a “smart economy” and the formation of an intelligent society.

At the same time, the emphasis is placed not only on technology, but also on infrastructure: computing power, data sets, cloud services, international standards and personnel training [3].

Kazakhstan's lag behind the countries that are leaders in the sphere of science and technology is due to a number of deterministic factors, the main ones being: underfunding of R&D; weak institutional framework and legal regulation of intellectual property protection issues; insufficient market potential for the recoupment of large-scale innovation projects; low interest of economic entities in innovation activities; weaknesses in the management system for creating a full cycle of innovations, etc.

In the era of the "knowledge economy", human capital is a key competitive advantage for states and regions. The level of development of the education and science systems, as well as the dissemination of knowledge, skills, and experience, indicate the state's interest in improving the quality of the human potential of its population, on the basis of which the future of innovative development of the national economy is seen.

The level of development of the education and science system, as well as the effective dissemination of knowledge, skills and experience reflect the strategic interest of the state in improving the quality of the human potential of the population, which forms the basis for further innovative development of the national economy.

The term “human resources” was first used in the context of scientific research in the mid-20th century by the American scientist E.W. Backe. Since then, the concept of “human resources” has become widespread in the theory and practice of management, and has been transformed into the perception of employees not as a “resource”, but in a more humanistic approach as a valuable asset of the organization [4].

The connection between investments in human capital and labor productivity was established by researchers Ruus J., Pike S. and Fernstrom L. in the work “Intellectual Capital: Management Practice”, where the importance of investment incentives for the development of

creative abilities of employees is noted [5]. The study established the following pattern: with a 1% increase in investment in human capital, labor productivity increases by 4%.

At the same time, an analysis of the productivity level in Kazakhstan showed that it is much lower than in developed countries. The costs of Kazakhstani employers for improving the skills of employees are on average at the level of 0.5-0.7% of the wage fund (WF), and according to expert estimates, they should be at least 1.5-2%. In developed countries, this item of company expenditure reaches 5-10% of the WF [6].

Existing global methods for assessing education use differentiated indices, some of which are quite subjective, since they are based on sociological surveys, questionnaires, etc. Based on data from the UNESCO Institute for Statistics, in 2022 the top ten countries in the education ranking were: Sweden, Switzerland, Canada, Denmark, Germany, Great Britain, Norway, Japan, the Netherlands [7]. Table 2 presents a comparative analysis of the countries of the world economy by the human development index, the number of years of education, the level of public spending on education and science, 2022 [8].

It is worth noting that for quite a long period in this rating the USA occupied a leading position in terms of the quality of the educational process. The American education system was positioned as the best in the world, but alternative studies, such as Business Insider reports, annual studies of "Citizens of the World for Human Rights", recognized other national education systems as effective.

"Education is a key investment in human capital that translates into economic growth of the individual," the World Bank report notes. And this is not about any education, but about quality education. A 1% increase in learning outcomes can provide an annual increase in labor productivity of 7.2%. Education is an economically and socially beneficial investment due to its positive impact on income levels. One additional year of education increases earnings by 10%.

Table 2.
Comparative analysis of countries of the world economy by the human development index

No.	Country	Human Development Index	Average duration of education, years	Share of education expenditure in GDP, %	R&D expenditure as a share of GDP, %
1	Switzerland	0.962	13.9	4.9	3.15
2	Norway	0.961	13.0	7.6	2.28
3	Iceland	0.959	13.8	7.6	2.47
4	Hong Kong	0.952	12.2	4.4	0.99
5	Australia	0.951	12.7	5.1	1.83
52	Russia	0.822	12.8	4.7	1,1
56	Kazakhstan	0.811	12.3	2.9	0.13
	The world as a whole	0.732	8.6	3.7	2.63

According to the World Bank, in 2022, the largest share of spending on education will be in small developing countries such as the Marshall Islands (15.8%), Samoa (14.7%), Cuba (12.8%), Kiribati (12.4%), etc. Among developed countries, the leaders are: Norway (7.6%), Sweden (7.6%), Iceland (7.6%), Denmark (6.8%), Finland (6.3%), Israel (6.1%). The world's

largest economies have lower rates: Great Britain (5.2%), Germany (5%), USA (4.9%), India (4.5%), China (3.6%) [9].

Already in the middle of the 18th century, researchers noted that man is the main factor in the economic prosperity of society, transforming his knowledge and skills into goods. In modern economic theory, the emphasis is shifting to the role of technology, technology and the results of intellectual activity in the process of producing a product. In our opinion, a systematic approach to this issue is necessary, in which all factors of production are of great importance.

Let's formulate the main ways to increase innovative activity:

- the formation of a legislative framework capable of stimulating the interest of the scientific elite of society in unique developments;
- creating the necessary conditions for attracting large investors to the research and development sector;
- expansion of the scope of state programs to support innovative projects and innovative research centers and individual scientists;
- organizing large-scale government support for startups;
- formation of a regulatory framework for increasing the legal protection of innovative products and the rights of their creators;
- creation of a program to improve the efficiency of state financing of innovation activities;
- increasing the participation of scientific and scientific-educational organizations in global technological and research projects, taking into account the situation on the intellectual property market;
- stimulating economic entities to active innovative activities.

Thus, when considering the trends of innovative development of states, it is important to understand that an important point in this matter is the formation of a comprehensive approach to solving the problem.

References

1. Human Development Report 2021–22. Human Development Reports. [Electronic resource]. URL:<https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>).
2. World Intellectual Property Organization 2024. Global Innovation Index. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/gii-ranking/en/kazakhstan>
3. China presents “AI+” plan: smart society and intelligent economy by 2035: [Electronic resource]. URL:<https://habr.com/ru/companies/technokratos/news/941004/>
4. E. White Backe, Labor Mobility and Economic Opportunity, 1954, p. 132
5. Gimpelson V. E., Avdeeva D. A., Akindinova D. A. Labor productivity and Russian human capital: paradoxes of the relationship / Report to the XXII April international scientific conf. on problems of economic and social development, Moscow, April 13–30, 2021 / National Research University Higher School of Economics. - M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. – 61 p.
6. Government expenditure on education. UNESCO Institute for Statistics. [Electronic resource]. URL:https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS?most_recent
7. Yurova N.V. Innovative development of the world economy in the human dimension// Economic Science Today. – 2023. – No. 17. – p. 131–140.
8. Global trends in education expenditure. [Electronic resource]. RL:https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387042_rus
9. Human Development Report 2021–22. Human Development Reports. [Electronic resource]. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22>).

Төлегенова М.С., магистрант 2 курса

ОП 7М04101 – «Экономика»

Научный руководитель: Укубасова Г.С., Ph.D, профессор,

Учреждение «Esil University», г. Астана

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье рассматриваются ключевые направления и механизмы государственной поддержки сельского хозяйства в зарубежных странах. Особое внимание уделено опыту стран Европейского союза, США и Китая, где государственная политика ориентирована на сочетание экономической эффективности и социальной стабильности в сельских территориях. На основе обобщения международного опыта сформулированы выводы, представляющие интерес для совершенствования системы государственной поддержки сельского хозяйства.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, государственная поддержка, мировой опыт, ЕАЭС, агротуризм, деурбанизация общества, аграрное производство*

Анализ международного опыта свидетельствует о важности не только государственной поддержки аграрного сектора, но и развития форм хозяйственного самоуправления, таких как отраслевые союзы, кооперативы и иные объединения. Так, в Канаде и США меры государственной поддержки охватывают ограниченный перечень продукции (зерно, молоко, хлопок и др.), тогда как в странах Евразийского экономического союза они распространяются практически на все виды сельскохозяйственной продукции, включая отдельные направления её переработки. При этом государственные и межгосударственные программы, рассчитанные на среднесрочную перспективу (от 2 до 5 лет), в основном направлены на внедрение современных технологий и методов, обеспечение роста урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, а также на прогнозирование динамики спроса и предложения на аграрном рынке.

В процессе реализации общенациональных задач на основе государственных и межгосударственных программ регулирования развитые страны формируют политику аграрного протекционизма, что сопровождается усилением региональной дифференциации в уровне бюджетной поддержки фермерских хозяйств. Так, в Канаде средняя доля федеральных расходов в стоимости сельскохозяйственной продукции составляет около 10%, тогда как по отдельным провинциям этот показатель варьируется в пределах от 5 до 37%.

Единая сельскохозяйственная политика (ЕСХП) занимается финансированием развития сельских территорий ЕС по следующим направлениям:

- устойчивое развитие сельского хозяйства в региональном аспекте;
- повышение занятости;
- поддержка предпринимательства и равномерное развитие инфраструктуры;
- развитие аграрной экономики трансграничного путем сотрудничества стран и регионов в совместных проектах.

По оценкам российских исследователей, аграрная бюджетная политика стран Европейского союза способствовала сокращению разрыва между городскими и

сельскими территориями. Показательным примером является Норвегия, где государство высоко ценит труд сельских жителей по производству экологически чистых и качественных продуктов питания, рассматривая крестьянство как «корневую систему» нации [1]. В Швеции развитие сельского хозяйства исторически тесно связано с кооперативным движением [2], тогда как французская аграрная модель основана преимущественно на семейных хозяйствах, функционирующих на принципах трудовой кооперации.

В Китае значимые преобразования произошли в 2006 году: были отменены земельный налог и сборы по договорам землевладения, что сделало пользование землёй фактически бесплатным. Эта мера охватила около 97% деревень, где неэффективная «система народных коммун» была заменена «системой ответственности домохозяйств», более отвечающей интересам фермеров [3].

С середины 1960-х гг. для развитых стран характерна тенденция деурбанизации: так, в США численность сельского населения увеличилась на 6,4 млн человек при одновременном сокращении численности жителей крупных городов [4]. В мировой практике реструктуризации аграрного сектора также используется инструмент агротуризма, который способствует переводу трудовых ресурсов в сферу услуг, стимулирует занятость и создает новые рабочие места в сельских территориях [5].

В более развитых странах мира присутствуют различные формы собственности на землю: во Франции в пользовании арендаторов находится – 53% сельскохозяйственных земель, в Бельгии – 68%, в Великобритании – 28%, в Нидерландах – 37%, в Греции – 21%, в Италии – 20%, в Дании – 18%. Подобные отличия объясняются стремлением правительств воздействовать на цены, устанавливаемые на продукты аграрного производства собственниками.

Собственник земли стремится получить не столько среднюю прибыль, сколько сверхприбыль, так как иначе ведение производства станет для него невыгодным. В итоге создаются более высокие в сравнении с общественно необходимыми затратами цены на сельхозпродукцию, и потребителю приходится расплачиваться за монопольное право собственника распоряжаться землей, принадлежащей ему. Исходя из подобного примера в некоторых государствах СНГ осторожно и неоднозначно подходят к вопросу о частной собственности на землю.

За рубежом государственное регулирование аграрного хозяйства является сложным механизмом, включающим в себя инструменты влияния на структуру аграрного производства, доходы фермеров, социальную инфраструктуру села, аграрный рынок, межхозяйственные и межотраслевые отношения с целью создания стабильных правовых, экономических и социальных условий устойчивого развития аграрного хозяйства, для удовлетворения потребностей людей в высококачественном продовольствии по приемлемой стоимости.

Основой аграрной политики экономически развитых стран в настоящее время выступает государственная поддержка сельскохозяйственного сектора путем различных видов дотаций, субсидий и льгот. Государственная поддержка аграрного хозяйства и пищевой промышленности выступила ведущим фактором в резком росте производства продуктов питания в странах, которые являются экспортерами - в странах ЕС, США и Канаде.

Наибольший удельный вес в структуре государственных субсидий зарубежных стран отводится на поддержку цен. В экономически развитых странах в концепциях ценообразования на аграрную продукцию предусмотрена возможность активного государственного вмешательства в регулирование и формирование стоимости аграрной продукции.

В странах с развитой рыночной экономикой система государственного формирования и регулирования цен одинакова и предусматривает:

- определение верхних и нижних пределов колебания цен и условной цены или индикативной, которую пытается поддерживать государство;
- продажу либо скупку нескоропортящейся продукции в целях удержания цен на определенном уровне.

В развитых странах политика фермерских доходов и аграрных цен предполагает, в первую очередь, отслеживание динамики отдельных экономических показателей:

- баланс цен на продукцию аграрного производства и промышленности;
- издержки аграрного производства по отдельным группам хозяйств в европейских странах и в США по видам производства;
- доходность сельхозтоваропроизводителей [6].

Это способствует формированию детализированной информационно-статистической системы данных, которая необходима для регулирования рыночных цен на продукцию, а также для воздействия на производство, накопление, уровни доходов, инвестиции.

Выводы: Таким образом, государственная поддержка сельского хозяйства позволяет бороться с проблемами, обусловленными недостаточной эффективностью системы государственного регулирования процессов: формирования, распределения, перераспределения и потребления конечного продукта АПК, с учетом интересов производителей, с одной стороны, а с другой, несовершенством рыночных механизмов [7].

Подводя итоги анализа зарубежного опыта развития аграрного производства в странах с рыночной экономикой, следует отметить, что государственное вмешательство в деятельность предприятий и фермерских хозяйств, как правило, осуществляется в косвенной форме. Основными инструментами регулирования выступают законодательные нормы и ограничения, налоговая система, обязательные платежи и отчисления, а также государственные инвестиции, субсидирование, льготное кредитование и реализация различных социальных и экономических программ.

Список использованных источников:

1. Ван С., Фан Г. Экономические преобразования в Китае: анализ и сопоставление с российским реформационным опытом // Российский экономический журнал. – 2009. – №9-10. – С. 38-50.
2. Крутиков В.К., Смолянский С.В. Предпринимательство и трансформации общества: анализ отечественного и зарубежного опыта. – М.: Изд-во «Ноосфера», 2005. – 286 с.
3. Крутиков В.К., Доценко Д.В. Формирование современной инвестиционной политики регионов // Омские торгово-экономические чтения «Повышение конкурентоспособности российской экономики в современных условиях: управленческие, финансовые, коммерческие аспекты». – Омск, 2008. – Ч. 1. – С. 77-87.
4. Петриков А.В. Проблемы и перспективы устойчивого развития сельских территорий // Роль и место агропромышленного комплекса в удвоении валового внутреннего продукта России (основные доклады): докл. 1-го всерос. конгресса экономистов-аграрников. – М., 2005. – С. 94.
5. Крылатых Э.Н. К разработке концепции multifunctionality агропродовольственного сектора (АПС) // 12-е Никоновские чтения: матер. междунар. науч.-практ. конф. – М.: РГАУ-МСХА, 2007. – С. 3-5.

6. Хитров А.Н. Государственное регулирование сельскохозяйственного производства в развитых капиталистических странах. – М.: ВНИИТЭИ АПК, 1990. – 54 с.

7. Молдашев А.Б., Никитина Г.А., Гусева Г.Я. Повышение роли агропромышленного производства Казахстана на общем рынке стран-участниц ЕАЭС: рекомендации. – Алматы, 2017. – 35 с.

УДК 338.2

*Замбинова Г.К., к.э.н., доцент,
Шереметова Н.В., магистр, ст.преподаватель,
Замбинова З.Б., магистр, ст.преподаватель
кафедра «Экономика и маркетинг»,
Учреждение «Esil University», г. Астана*

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ КАЗАХСТАНА

В статье рассматривается роль стратегического планирования в обеспечении устойчивого развития Казахстана. Подчеркивается важность стратегического подхода к решению экологических, экономических и социальных задач. Автор анализирует ключевые аспекты государственного планирования, включая модернизацию промышленности, инвестирование в зеленую экономику и укрепление человеческого капитала. Делается вывод о необходимости интеграции международных стандартов устойчивого развития в национальные стратегии и программы.

Ключевые слова: устойчивое развитие, стратегическое планирование, экономика Казахстана, зеленая экономика, человеческий капитал, структурные реформы, экологическая устойчивость.

Устойчивое развитие остается ключевым ориентиром мировой политики и экономики, направленным на достижение гармонии между экономическим ростом, сохранением окружающей среды и улучшением качества жизни населения [1]. Казахстан, обладая уникальными природными и экономическими ресурсами, сталкивается с необходимостью решать сложные задачи, связанные с переходом к устойчивым моделям развития. В этой связи стратегическое планирование становится важным инструментом, позволяющим определить приоритеты и механизмы реализации долгосрочных целей страны.

Ключевым элементом стратегического планирования в Казахстане выступают национальные программы и концепции, направленные на диверсификацию экономики, улучшение качества жизни населения и переход к принципам зеленой экономики. Среди наиболее значимых программ можно выделить:

1. Стратегия «Казахстан-2050»

Цель — вхождение Казахстана в число 30 наиболее развитых стран мира. Основные акценты стратегии сделаны на:

- модернизацию ключевых отраслей экономики;
- снижение зависимости от сырьевого сектора;
- развитие высокотехнологичных и наукоемких производств;

- внедрение экологически безопасных технологий [2].

Рисунок 1. Нормативные документы стратегического развития Казахстана

2. Государственная программа развития регионов на 2020-2025 годы

Программа направлена на устранение дисбалансов в развитии регионов, повышение качества инфраструктуры и обеспечение доступа населения к основным социальным и коммунальным услугам. Ключевые задачи программы:

- развитие урбанизации с акцентом на поддержку крупных городов, а также создание условий для улучшения жизни в сельских районах;
- привлечение инвестиций в развитие региональной инфраструктуры;
- усиление экологического мониторинга и переход к принципам "умных городов" (smart cities).

Программа ориентирована на улучшение качества жизни граждан за счет модернизации жилищно-коммунального хозяйства, цифровизации процессов и развития малых городов и сельских населенных пунктов [3].

Человеческий капитал — это основа успешного перехода к устойчивому развитию. В Казахстане реализуются следующие меры:

1. Образование

- Внедрение современных образовательных стандартов и программ, акцент на цифровизацию и STEM-образование.
- Поддержка научных исследований, включая государственное финансирование инновационных проектов.

2. Здравоохранение

- Улучшение доступа к качественным медицинским услугам в городах и селах.
- Увеличение инвестиций в профилактические меры и здоровый образ жизни.

3. Профессиональная подготовка

- Развитие программ переквалификации для адаптации населения к новым вызовам экономики.
- Государственные инициативы, направленные на развитие предпринимательства, особенно в сельских районах.

Инвестиции в человеческий капитал обеспечивают рост производительности труда, способствуют социальной стабильности и создают основу для инновационного развития страны. [4]

Экологическая устойчивость играет важную роль в стратегическом планировании Казахстана. Основные направления:

1. Использование возобновляемых источников энергии
 - Введение в эксплуатацию ветровых, солнечных и гидроэлектростанций.
 - Государственная поддержка и льготы для проектов в области зеленой энергетики.
2. Сокращение выбросов парниковых газов
 - Выполнение обязательств по Парижскому соглашению.
 - Модернизация промышленных предприятий для снижения уровня загрязнений.
3. Повышение энергоэффективности
 - Внедрение энергосберегающих технологий в жилищно-коммунальном секторе.
 - Популяризация энергоэффективного строительства.
4. Охрана окружающей среды
 - Рекультивация земель, пострадавших от промышленной деятельности.
 - Повышение уровня лесного покрова и борьба с опустыниванием. [5]

Стратегический план до 2025 года представляет собой среднесрочный план развития в реализацию долгосрочной стратегии «Казахстан-2050». Он разработан в соответствии с накопленным национальным опытом планирования и продолжает курс на вхождение в «тридцатку» в новейших мировых условиях, с учетом новых глобальных вызовов и новых возможностей для Казахстана.

Экономические и социальные аспекты

Стратегическое планирование Казахстана направлено на достижение следующих экономических и социальных целей:

1. Экономический рост
 - Развитие малого и среднего бизнеса как основы диверсификации экономики.
 - Привлечение иностранных инвестиций, включая проекты в сфере цифровой трансформации.
2. Улучшение инфраструктуры
 - Реализация крупных инфраструктурных проектов в регионах.
 - Модернизация транспортной сети, улучшение логистических коридоров.
3. Социальная поддержка
 - Снижение уровня бедности через программы занятости и доступное жилье.
 - Увеличение финансирования в социальные проекты, включая здравоохранение и образование.

Для успешного достижения целей устойчивого развития Казахстану необходимо:

1. Продолжение институциональных реформ.
Укрепление механизмов стратегического планирования, включая регулярный мониторинг и адаптацию программ с учетом текущих вызовов.

2. Интеграция принципов устойчивости.

Принципы устойчивого развития должны быть внедрены во все аспекты государственной политики — от экологии до экономики.

3. Инновации и цифровизация.

Увеличение инвестиций в развитие цифровых технологий, автоматизацию производства и IT-отрасли.

4. Развитие человеческого капитала.

Поддержка инициатив в образовании и здравоохранении, развитие профессиональных навыков, особенно среди молодежи.

Комплексный подход, который включает в себя эффективное стратегическое планирование, развитие инфраструктуры и поддержку инновационных решений, обеспечит Казахстану устойчивое и конкурентоспособное будущее.

Главные факторы глобальной конкурентоспособности: высокий уровень национального человеческого капитала, технологическая модернизация и цифровизация, качество экономического роста. Беспрецедентная волна инноваций в передовых экономиках мира требует от Казахстана молниеносной реакции на происходящие кардинальные изменения. Начался переход передовых стран к новому технологическому укладу Индустрии 4.0, и отставание здесь недопустимо.

В ближайшие годы будет решаться, какие государства справятся с вызовами новой реальности, а какие не справятся. Кто справится, окажется среди лидеров развития; кто не справится, окажется на обочине мирового прогресса, импортируя передовые решения, со всеми вытекающими последствиями, следовательно, грамотное стратегическое планирование играет важнейшую роль в устойчивом развитии Казахстана.

Список использованной литературы:

1. forest-save.ru/esg-blog/ustojchivoe-razvitie
2. https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs
3. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000990>
4. <https://primeminister.kz/ru/news/razvitie-chelovecheskogo-kapitala-osnova-ekonomicheskogo-rosta-strany-25223>
5. <https://gkhsp.kz/energoeffektivnost-i-ekologicheskaya-ustojchivost-perspektivy-v-zhilishhno-kommunalnom-hozyajstve-kazahstana/>

УДК 330.15

Панзабекова А.Ж., к.э.н., профессор
Институт экономики КН МНВО РК
Казахстан, г. Алматы

ИНТЕГРИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются современные инструменты интегрированного управления водными ресурсами на примере зарубежных стран и возможности их применения в Казахстане. Особое внимание уделяется нормативно-правовым, экономическим, институциональным и техническим механизмам, обеспечивающим устойчивое использование водных ресурсов. Сравнительный анализ позволяет выявить существующие пробелы в национальной системе. А также обозначить направления для совершенствования водной политики. В работе представлены примеры эффективных практик, включая систему торговых водных прав, экологические платежи и цифровизацию учета водопользования.

Информация о финансировании: Исследование выполнено в рамках грантового финансирования научных проектов Министерства науки и высшего образования

Республики Казахстан (AP19679641 «Интегрированное управление атмосферными осадками в городах: модель и механизмы реализации»).

Ключевые слова: управление водными ресурсами, интегрированное управление, водная политика, нормативно-правовые механизмы, экономические инструменты, институциональные механизмы, технические решения, экологические платежи, международный опыт.

Инструменты интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР) – это совокупность правовых, экономических, технических, институциональных и социальных механизмов, направленных на устойчивое и сбалансированное использование водных ресурсов с учётом интересов экосистем, общества и экономики. Эти инструменты обеспечивают координацию между различными секторами и уровнями управления, а также способствуют рациональному распределению и охране водных ресурсов в условиях роста нагрузки на водную среду.

Нормативно-правовые инструменты являются краеугольным камнем интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР), поскольку именно они формируют правовое пространство, в рамках которого осуществляется согласование интересов различных пользователей, отраслей и уровней власти. Эффективное правовое обеспечение ИУВР предполагает наличие устойчивой, прозрачной и адаптивной системы регулирования, которая может обеспечивать баланс между экономическим развитием, социальной справедливостью и экологической устойчивостью.

Во многих странах становление ИУВР сопровождалось радикальными изменениями в водном законодательстве, направленными на отход от секторального и административно-фрагментированного подхода к управлению в сторону бассейнового, основанного на водосборных территориях. Это потребовало создания гибкой и иерархически согласованной нормативной структуры, охватывающей международные соглашения, национальные законы и подзаконные акты, а также механизмы межведомственного и межрегионального взаимодействия.

В международной практике ключевыми ориентирами являются Водная рамочная директива ЕС [1], которая обязует государства-члены достигать экологически благоприятного состояния всех водных объектов на основе бассейнового планирования, а также Хельсинкская конвенция ЕЭК ООН [2], обеспечивающая трансграничное сотрудничество в сфере водных ресурсов. Эти документы не только формируют содержание правовых норм, но и задают институциональную логику, согласно которой управление должно строиться на принципах публичного участия, экосистемного подхода и экономической ответственности водопользователей.

На уровне национального законодательства важнейшей задачей является правовое закрепление принципов ИУВР, включая неделимость поверхностных и подземных вод, учёт экологического стока, а также обеспечение правового механизма учёта, лицензирования и контроля водопользования. В странах с высоким уровнем внедрения ИУВР, таких как США, Германия, Австралия и Великобритания, наблюдается чёткое разграничение полномочий между уровнями власти, широкое применение цифровых систем учёта водопользования, а также функционирование рынков водных прав, основанных на чёткой юридической фиксации права на доступ к ресурсу.

В США действует Закон о чистой воде (Clean Water Act), который контролирует сброс сточных вод и устанавливает экологические стандарты [3]. Управление водными ресурсами осуществляется на федеральном уровне (через Агентство по охране окружающей среды – EPA) и в рамках отдельных штатов, а финансирование водных проектов активно поддерживается частно-государственными партнерствами (ГЧП).

В Германии вопросы водопользования регулируются Водным законом (Wasserhaushaltsgesetz), а управление осуществляется в децентрализованной форме с участием местных органов власти [4]. Дополнительно в стране внедрены принципы Водной рамочной директивы ЕС, направленные на комплексное управление водными ресурсами.

В Австралии действует Водная реформа Муррей-Дарлинг (Murray-Darling Basin Plan), обеспечивающая устойчивое распределение воды в бассейне крупнейшей реки страны. Здесь также создана система рынков водных прав, позволяющая перераспределять ресурсы между секторами экономики [5]. В Великобритании управление водными ресурсами регулируется Агентством по охране окружающей среды (Environment Agency), которое разрабатывает национальные стратегии по борьбе с наводнениями и засухами [6].

Эффективность нормативно-правовых инструментов ИУВР во многом определяется не только формальной проработанностью законодательства, но и его реализацией на практике. Достижение соответствия между правовыми нормами и институциональной практикой требует неразрывной связи между правом, политикой и управленческой культурой. Именно поэтому ключевым направлением дальнейшего развития становится не только совершенствование законодательства, но и развитие правоприменительных институтов, укрепление правовой грамотности водопользователей и обеспечение доступа к правосудию по водным вопросам.

Таким образом, нормативно-правовая система ИУВР должна быть не просто формальной совокупностью норм, а гибким и адаптивным механизмом, способным обеспечивать устойчивое управление водными ресурсами в условиях экологической нестабильности, трансграничных вызовов и растущей антропогенной нагрузки.

Актуальность такого подхода особенно проявляется в контексте Казахстана, где, несмотря на наличие базового правового каркаса, ряд ключевых компонентов ИУВР остаётся не реализованным или слабо институционализированным. Для наглядной иллюстрации текущего состояния нормативной базы и выявления правовых дефицитов в сравнении с международной практикой ниже представлена сравнительная таблица 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ нормативно-правовых элементов ИУВР: международная практика и Казахстан

№	Правовой элемент	Международная практика (пример)	Статус в Казахстане	Правовой пробел/риск
1	Бассейновое управление	ЕС (WFD), Австралия, Бразилия	Закреплено в Водном кодексе, требуется реализация на практике	Недостаток межведомственной координации
2	Право на воду как право человека	ООН, ЮАР, Уганда	Декларировано, но не имплементировано в национальном праве	Отсутствие гарантий доступа для уязвимых групп
3	Лицензирование и учёт водопользования	США (EPA), ЕС, Новая Зеландия	Осуществляется частично, без	Нет прозрачности в распределении ресурсов

			цифровой интеграции	
4	Водные кадастры и цифровые реестры	Австралия, Германия	Отсутствует публичный доступ и цифровая прозрачность	Усложнён контроль и учёт в реальном времени
5	Экосистемный минимум стока	Франция, Финляндия	Не имеет нормативного закрепления	Угроза деградации экосистем при водозаборе
6	Механизмы разрешения водных споров	США, Индия (юридические трибуналы)	Недостаточная институциональная база	Рост конфликтов между секторами без правового разрешения
7	Участие общественности в управлении	ЕС (WFD), Канада, ЮАР	Формально предусмотрено, но редко применяется	Отчуждение населения от решений
8	Трансграничное водное сотрудничество	Хельсинкская конвенция, Меконг	Участие в договорах, но без механизма принуждения	Отсутствие согласованных стандартов и санкций
9	Правовой рынок водных прав	Австралия, Чили	Не предусмотрено законодательством	Отсутствие экономических стимулов к экономии воды
10	Интеграция поверхностных и подземных вод	Новая Зеландия, Франция	Разделено институционально и юридически	Фрагментированность мониторинга и отчётности
Примечание – составлена автором				

Данная таблица позволяет идентифицировать области, требующие законодательного обновления и институционального укрепления. Использование подобного сравнительного анализа не только выявляет приоритетные направления реформ, но и позволяет опираться на проверенные международные модели, адаптируя их к национальным условиям.

Дальнейшее развитие нормативно-правовых основ ИУВР в Казахстане должно быть направлено не столько на механическое заимствование зарубежных моделей, сколько на их осмысленную адаптацию с учётом природно-климатических, социально-экономических и институциональных особенностей страны. Наиболее перспективным направлением в этом контексте представляется формирование многоуровневой водной политики, где бы центральные, региональные и местные органы власти действовали согласованно в рамках единой правовой архитектуры, основанной на принципах экосистемной устойчивости, социального участия и цифровой прозрачности.

В частности, необходимо законодательное закрепление таких механизмов, как обязательный экологический минимум стока при проектировании и эксплуатации водохозяйственных объектов, внедрение электронных платформ для мониторинга и лицензирования водопользования, а также нормативное регулирование доступа к водной информации для граждан и организаций. Эти меры позволят перейти от декларативного ИУВР к его действенной реализации, когда законы работают не на бумаге, а в реальных водных экосистемах, обеспечивая баланс интересов природы, экономики и общества.

Кроме того, в условиях нарастающих трансграничных вызовов особую актуальность приобретает совершенствование договорной базы и правовых механизмов взаимодействия с соседними странами. На сегодня Казахстан является участником ряда двусторонних соглашений, однако в большинстве случаев они носят декларативный характер и не обеспечены юридически обязывающими механизмами контроля, санкций и разрешения споров. В этом аспекте целесообразно обратиться к практике международных речных комиссий и модельных соглашений, таких как Протокол о сотрудничестве по реке Меконг или Конвенция ООН о водах.

Таким образом, модернизация нормативно-правовой базы ИУВР должна рассматриваться как последовательный процесс, включающий законодательные реформы, институциональное укрепление, цифровизацию и повышение правовой культуры всех участников водных отношений. Только при такой системной трансформации можно рассчитывать на достижение устойчивого управления водными ресурсами в долгосрочной перспективе, в том числе в условиях изменения климата, демографического роста и трансформации водопотребления в экономике.

Экономические инструменты направлены на создание финансовых стимулов для рационального водопользования. В США введена система оплаты за потребление воды и ее отведение, а также предоставляются гранты и налоговые льготы для внедрения водосберегающих технологий. Существенная роль отведена частным инвестициям в инфраструктуру водоснабжения. В Германии реализуется принцип «загрязнитель платит», согласно которому взимается плата за сброс сточных вод. Также действует экологический тариф на водопотребление и субсидии для внедрения элементов зеленой инфраструктуры, таких как дождевые сады.

В Австралии разработана система торговых водных прав, которая позволяет перераспределять водные ресурсы между различными секторами экономики, а также активно инвестируются проекты по сохранению водных экосистем. В Великобритании введена тарификация ливневых стоков в зависимости от площади водонепроницаемых поверхностей, а также предоставляются финансовые стимулы для использования дождевой воды в технических целях. В результате экономические инструменты в развитых странах включают системы платежей за загрязнение, механизмы водных рынков и различные тарифные модели, способствующие снижению нагрузки на природные ресурсы.

Институциональные инструменты обеспечивают организационную структуру управления водными ресурсами. В США эта функция распределена между федеральными, региональными и местными агентствами, а также внедрены бассейновые советы, координирующие управление водными ресурсами в крупных речных системах. В Германии действует децентрализованная система управления, где значительную роль играют местные коммунальные службы, а также налажено активное сотрудничество государства с частным сектором.

В Австралии управление водными ресурсами в бассейне реки Муррей-Дарлинг осуществляется на межрегиональном уровне, при этом четко разграничены права собственности на воду. В Великобритании за координацию водопользования отвечает Национальное агентство по окружающей среде, при этом в стране функционирует система лицензирования и мониторинга водопотребления. Таким образом, во всех развитых странах применяется многослойная система управления, включающая национальные агентства, местные органы власти и частные структуры.

Технические и инфраструктурные инструменты способствуют эффективному использованию водных ресурсов и снижению негативного воздействия на окружающую среду.

В США развита система ливневой канализации и фильтрации воды, а в таких штатах, как Калифорния, активно внедряются системы повторного использования воды. В Германии большое внимание уделяется развитию зеленой инфраструктуры, например, в Берлине создаются дождевые парки, а уровень очистки сточных вод остается одним из самых высоких в мире.

Австралия, учитывая климатические условия, активно использует технологии опреснения воды, такие как Сиднейский завод по опреснению, а также внедряет системы сбора дождевой воды в городах. В Великобритании применяются интерактивные геоинформационные системы для управления водными потоками, а также биоинженерные решения для очистки воды. В целом, технические решения в развитых странах направлены на совершенствование очистных сооружений, внедрение природосберегающих технологий и эффективное управление водными потоками.

Таким образом, интегрированное управление водными ресурсами в развитых странах представляет собой комплексный подход, включающий правовые, экономические, институциональные и технические меры. Опыт таких стран, как США, Германия, Австралия и Великобритания, показывает, что успешное водопользование требует строгого регулирования, финансовых стимулов, эффективных административных структур и передовых технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Water Framework Directive. An official website of the European Union. URL: https://environment.ec.europa.eu/topics/water/water-framework-directive_en (дата обращения: 12.09.25)
2. About the Water Convention. UNECE. URL: <https://unece.org/environment-policy/water/about-the-convention/introduction> (дата обращения: 12.09.25)
3. Summary of the Clean Water Act. An official website of the United States government. URL: <https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-clean-water-act> (дата обращения: 12.09.25)
4. Das Wasserhaushaltsgesetz. Bundesministerium für Umwelt, Klimaschutz, Naturschutz und nukleare Sicherheit (BMUKN). URL: <https://www.bundesumweltministerium.de/themen/wasser-und-binnengewasser/gewaesserschutzrecht/deutschland/das-wasserhaushaltsgesetz> (дата обращения: 12.09.25)
5. Murray–Darling Basin Authority (MDBA). Basin Plan. URL: <https://www.mdba.gov.au/water-management/basin-plan> (дата обращения: 12.09.25)
6. European Environment Agency (EEA). An official website of the European Union. URL: <https://www.eea.europa.eu/en> (дата обращения: 12.09.25)

УДК 658.26(574):620.9

Раимкулова А. М.

araimkulova@gmail.com

Докторант 2-го курса кафедры «Финансы»

Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ И КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ

АННОТАЦИЯ. *Современный энергетический переход невозможен без активного участия общества. Если технические и экономические параметры возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) уже достигли высокой эффективности, то восприятие и поддержка населением во многом определяют скорость их внедрения. В Европе вопросы «социальной приемлемости» ВИЭ являются неотъемлемой частью энергетической политики, тогда как в Казахстане эта тема лишь начинает формироваться.*

Цель исследования – сопоставить европейский и казахстанский опыт восприятия ВИЭ, выявить барьеры и возможности формирования новой энергетической культуры.

Также в данной статье будет проведен сравнительный анализ общественного отношения к ВИЭ, а также предложены адаптированные меры для Казахстана на основе европейских практик.

Ключевые слова: *возобновляемых источников энергии, социальное восприятие, международный опыт, Казахстан, Европа, сравнительный анализ, зеленая культура.*

Введение: В условиях глобального климатического кризиса и исчерпания традиционных энергетических ресурсов переход к ВИЭ стал императивом устойчивого развития. Однако технологическая готовность к такому переходу не гарантирует его успешной реализации без учета социокультурных факторов [1]. Социальное восприятие и принятие ВИЭ населением играют критически важную роль в определении темпов и эффективности энергетической трансформации.

Различия в уровне экономического развития, политических системах и исторических траекториях развития создают уникальные контексты для восприятия и внедрения ВИЭ технологий. Сравнительный анализ европейского и казахстанского опыта позволяет выявить универсальные и специфические закономерности формирования социального отношения к ВИЭ.

Литературный обзор: Социальное восприятие ВИЭ представляет собой многоуровневый феномен, включающий индивидуальные установки, коллективные представления и институциональные практики. Европа стала пионером в области развития ВИЭ, что обусловлено рядом исторических и структурных факторов. Энергетические кризисы 1970-х годов, рост экологического сознания, формирование «зеленой» политической повестки и создание национальных институтов Европейского союза создали благоприятную среду для развития ВИЭ [2,3]. Ключевые этапы формирования европейской культуры ВИЭ [4]:

1970-1980 гг. — Первые альтернативные энергетические проекты как ответ на нефтяные кризисы;

1990-2000 гг. — Институционализация политики ВИЭ на уровне ЕС;

2000-2010 гг. — Массовое внедрение возобновляемых технологий;

2010-2020 гг. — Интеграция ВИЭ в культуру повседневности.

Ключевую роль сыграли образовательные и информационные кампании. Согласно исследованиям Wüstenhagen et al. (2007) и Sovacool (2014), социальное восприятие ВИЭ формируется как на уровне экономической выгоды, так и через систему ценностей, где экологическая устойчивость рассматривается как общественное благо. В странах Европы был создан механизм общественного участия — энергетические кооперативы и *energy communities*, позволившие населению инвестировать в солнечные панели и ветрогенераторы. Это способствовало формированию нового типа гражданской идентичности, основанной на сопричастности к энергетическому переходу [1,5].

Тем не менее, европейские исследования выявляют парадокс «общего энтузиазма при местном сопротивлении». Население в целом поддерживает идею развития ВИЭ, но часто выступает против конкретных проектов в своем регионе. Феномен прозвали NIMBY — "Not In My Backyard" ("Не на моем заднем дворе"). Это социальный феномен, когда люди поддерживают идею возобновляемой энергетики в целом, но выступают против конкретных проектов рядом со своим домом. Например, "Ветроэнергетика нужна для экологии, но не стройте турбины возле моего села", "Солнечные фермы важны, но пусть их размещают в другом регионе". Таким образом, NIMBY показывает, что для успеха энергоперехода нужна не только технология, но и работа с людьми [6].

Вместе с тем, европейские страны демонстрируют значительные различия в социальном восприятии ВИЭ [7]

Северные страны (Дания, Швеция, Норвегия) характеризуются высоким уровнем доверия к государственным институтам, развитой культурой общественного участия и историей использования ВИЭ.

Центральноевропейские страны (Германия, Австрия, Нидерланды) демонстрируют активную гражданскую позицию по экологическим вопросам и индивидуальную ответственности за энергопотребление.

Южноевропейские страны (Испания, Италия, Греция) называют **экономические стимулы** — снижение счетов за энергию, новые рабочие места — как главный фактор поддержки ВИЭ.

Восточноевропейские страны (Польша, Чехия, Венгрия) демонстрируют более сдержанное отношение к ВИЭ, обусловленное зависимостью от угольной энергетики и опасениями относительно энергетической безопасности.

В целом, традиционная модель, при которой население выступало исключительно потребителем электроэнергии, постепенно трансформировалась в новую систему, основанную на активном участии граждан в процессе энергетического перехода.

Одним из ключевых проявлений данной трансформации стало появление так называемых *prosumer* — домохозяйств и сообществ, которые одновременно потребляют и производят энергию [6]. Благодаря установке солнечных панелей на крышах жилых домов и участию в энергетических кооперативах, значительная часть европейцев превратилась в активных участников энергетического рынка.

Важным фактором выступает формирование энергетической осознанности. В странах Европы реализуются кампании по снижению энергопотребления, внедряются «умные счётчики» и энергосберегающие технологии, позволяющие отслеживать и регулировать потребление в режиме реального времени. В общественном сознании

закрепилась ценность бережного отношения к энергии, где экономия рассматривается как проявление заботы об экологии и будущих поколениях [1].

Декарбонизация энергетики в Европе всё чаще воспринимается как этическая обязанность. Согласно данным Eurobarometer (2023), более 80 % граждан Европейского союза считают использование ВИЭ и борьбу с изменением климата личной ответственностью каждого [6].

Значительную роль в этом процессе играет образование. Во многих странах ЕС (Германия, Франция, Нидерланды) вопросы устойчивого развития и ВИЭ включены в школьные и университетские программы. Практические инициативы — «зелёные кампусы», лаборатории ВИЭ, участие учащихся в пилотных проектах — формируют поколение с новой культурой энергопотребления, основанной на принципах экологической ответственности.

Цифровизация и технологические инновации усилили эти изменения. Распространение интеллектуальных сетей (*smart grids*), систем гибкого управления спросом (*demand response*), а также рост популярности электромобилей и инфраструктуры зарядных станций способствуют тому, что потребители всё чаще обращают внимание на объём потребляемой энергии и на её происхождение [6].

Таким образом, культура энергопотребления в Европе претерпела фундаментальные изменения: от пассивного отношения к энергии — к активному участию граждан в её производстве и сбережении. Эти изменения обеспечивают устойчивую социальную базу для дальнейшего расширения доли ВИЭ и достижения стратегических климатических целей Европейского союза.

Текущая ситуация в Казахстане: Наша страна обладает значительными запасами углеводородов, что исторически определяло структуру энергетического сектора и формировало специфическую культуру энергопотребления. Переход к ВИЭ в стране происходит в контексте модернизации энергетической инфраструктуры и выполнения международных климатических обязательств.

В Казахстане наблюдается позитивное, но в целом пассивное отношение общества к ВИЭ. Согласно исследованию ПРООН, около 70 % населения страны поддерживает дальнейшее развитие ВИЭ на государственном уровне [8]. При этом примерно 12 % респондентов уже используют те или иные технологии ВИЭ в своих домохозяйствах, включая солнечные коллекторы, панели или небольшие ветрогенераторы. Основными мотивами населения выступают стремление защитить окружающую среду и желание снизить расходы на электроэнергию [8].

Несмотря на высокий уровень декларативной поддержки, вовлечённость населения остаётся ограниченной. Массовое внедрение ВИЭ в быту сдерживается рядом факторов: высокой стоимостью оборудования, недостаточной доступностью субсидий, а также сложностями при подключении к энергетическим сетям. В результате для большинства граждан ВИЭ остаются скорее инициативой государства и международных организаций, чем возможностью для индивидуального выбора [8].

Сравнительный анализ: Несмотря на различия в социально-экономическом развитии и культурных контекстах, Европа и Казахстан демонстрируют ряд общих тенденций в социальном восприятии ВИЭ:

- **Рост экологической осведомленности** — в обоих регионах наблюдается повышение внимания к экологическим проблемам и климатическим изменениям;
- **Экономическая мотивация** — снижение стоимости ВИЭ делает их более привлекательными для потребителей;
- **Роль государственной политики** — государственная поддержка является критически важным фактором развития ВИЭ;

- **Технологический оптимизм** — положительное отношение к инновациям в энергетической сфере.

Ключевые различия: *Уровень социального капитала:* Европейские страны характеризуются более высоким уровнем социального капитала, что проявляется в активном участии граждан в энергетических проектах и развитии энергетических кооперативов. Для европейцев экологические мотивы часто преобладают над экономическими, в то время как для казахстанцев экономическая выгода остается приоритетным фактором.

Институциональная среда: Развитые европейские институты обеспечивают более благоприятную среду для развития ВИЭ, включая регулятивную базу, финансовые механизмы и технические стандарты. Таким образом, можно сформировать модели энергетического перехода в Европе и Казахстане.

Европейская модель характеризуется:

- Высоким уровнем общественного участия;
- Децентрализацией энергетических систем;
- Развитием локальных энергетических сообществ;
- Интеграцией ВИЭ в повседневные практики.

Казахстанская модель отличается:

- Более централизованным подходом к развитию ВИЭ;
- Ведущей ролью государства в энергетической политике;
- Фокусом на крупных промышленных проектах;
- Постепенным вовлечением частных потребителей.

Для выявления траекторий развития ВИЭ целесообразно провести сравнительный анализ статистических данных Европейского союза и Казахстана. Представленные ниже таблицы обобщают ключевые показатели развития ВИЭ в Казахстане и странах Европейского союза, включая долю «зелёной» энергии в структуре генерации, установленную мощность и динамику за последние годы (Таблица 1).

Таблица 1: Показатели развития ВИЭ в Казахстане

Показатель	Значение
Доля ВИЭ в производстве электроэнергии в 2024 году	6,43 %
Установленная мощность всех ВИЭ-установок (2024г.)	≈ 3 032,12 МВт
Рост доли ВИЭ с 2020 по 2024 год	с ~3 % до 6,43 %
Доля ВИЭ в электроэнергии за первую половину 2025 года	6,81 %
Установленная мощность в за первую половину 2025 года	≈ 3 122,12 МВт

Источник: разработан автором на основании данных Министерства энергетики Республики Казахстан

Таким образом, статистические данные демонстрируют прямую зависимость между долей ВИЭ и уровнем социальной осознанности общества: чем активнее граждане вовлекаются в энергетический переход, тем выше показатели внедрения ВИЭ (Таблица 2). В Казахстане рост есть, но для ускорения перехода необходимо развивать образовательные программы, локальные инициативы и механизмы вовлечения населения.

Таблица 2: Показатели развития ВИЭ в Европейских странах

Показатель	Примеры значений / страны
Доля ВИЭ в потреблении энергии по ЕС (включая отопление/охлаждение, транспорт)	~ 24,5 % (2024)
Доля ВИЭ в «бруттопотреблении электричества» в ЕС	45,3 % (2023)
Страны с самой высокой долей ВИЭ	Швеция (~87 – 88 % в некоторых сегментах), Австрия, Дания, Португалия.
Примеры стран с более скромной долей ВИЭ	Люксембург, Мальта, Чехия, Венгрия — менее 20-25 % в некоторых случаях по итогам потребления электричества.

Источник: разработан автором на основании данных Eurobarometr

Заключение: Для Казахстана, где еще сильны традиции потребления ископаемого топлива, переход к ВИЭ – это не просто смена источника энергии. Это культурная и социальная революция, которая требует системного подхода, включающего просветительскую деятельность, государственную поддержку и вовлечение граждан в реальные «зеленые» проекты. Таким образом, социум в Казахстане воспринимает ВИЭ преимущественно положительно, однако переход к её широкому бытовому использованию требует преодоления экономических и институциональных барьеров. В перспективе повышение доступности оборудования, упрощение механизмов субсидирования и расширение образовательных инициатив могут способствовать укреплению «зелёной культуры» и формированию устойчивой модели энергопотребления.

Использованная литература:

1. Wüstenhagen, R., Wolsink, M., & Bürer, M. J. (2007). Социальное принятие инноваций в области возобновляемой энергетики: введение в концепцию. *Энергетическая политика*, 35(5), 2683–2691.
2. Giddens, A. (2009). *Политика изменения климата*. Polity Press.
3. Dryzek, J. S. (2013). *Политика Земли: экологические дискурсы*. Oxford University Press.
4. Boute A. Энергетическая безопасность на новом Шёлковом пути. В кн.: Энергетическая безопасность на новом Шёлковом пути: энергетическое право и геополитика в Центральной Азии. Серия *Cambridge Studies on Environment, Energy and Natural Resources Governance*. Cambridge University Press; 2019: i–ii.
5. Sovacool, B. K. (2014). “Energy studies need social science.” *Nature*, 511, 529–530.
6. Европейская комиссия. (2021). Специальный Евробарометр 513: Изменение климата. Брюссель: Европейская комиссия.
7. Clean Energy Wire. (2023, 27 сентября). Европейский опрос показывает сильную поддержку энергетического перехода — наряду с пессимизмом и разочарованием в политическом руководстве. URL: <https://www.cleanenergywire.org/news/european-survey-finds-strong-support-energy-transition-plus-pessimism-and-frustration-political-leadership> (дата обращения: 10.09.2025)

8. Социологический опрос ПРООН в Казахстане «Проведение социологического исследования об осведомленности населения в вопросах внедрения ВИЭ». 2023 год.

УДК 330.31

Олжабаева А.М.

Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ 3-курс студенті,
білім беру бағдарламасы “Мемлекеттік аудит”,
Астана қаласы, Қазақстан

Алибекова А.Б.

Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ
“Мемлекеттік аудит” кафедрасының
PhD, доцент м.а.
Астана қаласы, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ТҰРАҚТЫ ДАМУДЫ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДЕГІ ЦИРКУЛЯРЛЫ ЭКОНОМИКАНЫҢ РӨЛІ

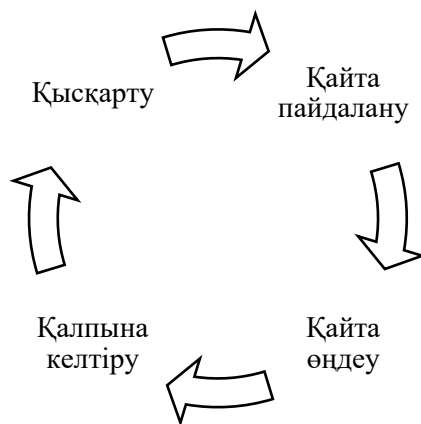
Аңдатпа. Бұл мақалада қазіргі әлемде экологиялық тұрақсыздыққа әкелген сызықтық экономика моделінің кемшіліктері талданады. Циркулярлы экономиканың мәні, негізгі қағидаттары және оның БҰҰ Тұрақты даму мақсаттарымен байланысы қарастырылады. Қазақстандағы қазіргі жағдай сипатталып, қалдықтарды басқару, энергия тиімділігі және бизнес-модельдерді енгізу салаларындағы проблемалар айқындалады. Статистикалық деректер арқылы Қазақстан мен Еуропалық Одақтың көрсеткіштері салыстырылып, айырмашылықтар көрсетіледі. ЕО тәжірибесі негізінде қалдықтарды қайта өңдеу, энергия көздерін әртараптандыру және заңнаманы жетілдіру бағыттары талданады. Циркулярлы экономика экологиялық тәуекелдерді төмендетіп қана қоймай, экономикалық өсім мен қоғам әл-ауқатын қамтамасыз ететін стратегиялық бағыт ретінде қарастырылады.

Кілт сөздер: циркулярлы экономика, тұрақты даму, қалдықтарды қайта өңдеу, энергия тиімділігі, Еуропалық Одақ тәжірибесі, экологиялық саясат, көміртегі бейтараптылығы, жасыл технологиялар.

Қазіргі әлемде экономикалық өсім мен табиғи ресурстарды пайдалану арасындағы тепе-теңдікті сақтау жаһандық күн тәртібіндегі басты мәселе болып отыр. Бірнеше онжылдықтар бойы қолданылған сызықтық экономика моделі – «өндіру – пайдалану – тастау» қағидатына негізделген жүйе – экологиялық дағдарыстың негізгі себептерінің бірі болды. Бұл модель табиғи ресурстардың сарқылуына, қалдық көлемінің өсуіне және парниктік газдар шығарындыларының артуына алып келді. Қазақстан Республикасында соңғы жылдары экологиялық проблемалардың ушығуы мен табиғи ресурстардың шектеулігі тұрақты дамудың жаңа модельдерін іздеуді талап етуде. Статистикалық деректерге сүйенсек, Қазақстанда тұрмыстық қалдықтарды қайта өңдеу үлесі 2023 жылы 24%-ды ғана құрады, ал Еуропалық Одақта бұл көрсеткіш 48%-ға [1][2]. Бұл айырмашылық елімізде циркулярлы экономиканы дамыту қажеттілігін айқындайды.

Циркулярлы экономика (Circular Economy) – бұл экономикалық даму моделі, оның басты мақсаты табиғи ресурстарды тиімді пайдалану, қалдықтарды барынша азайту және

материалдық ағындарды тұйық циклда сақтау болып табылады. Ол өндіріс пен тұтыну процестерінде материалдар мен энергияның айналымын қамтамасыз етеді, осылайша табиғатқа түсетін қысымды азайтады және экономикалық тиімділікті арттырады. Циркулярлы экономиканың негізгі қағидаттары төмендегідей:

Сурет-1. Циркулярлы цикл

- Қысқарту (reduce) – ресурстарды тұтынуды азайту және энергия тиімділігін арттыру;
- Қайта пайдалану (reuse) – өнімдер мен материалдардың өмірлік циклін ұзарту;
- Қайта өңдеу (recycle) – қалдықтарды қайта өңдеп, шикізат ретінде қайта енгізу;
- Қалпына келтіру (recovery) – пайдаланылмайтын қалдықтардан энергия алу немесе оларды басқа өндірістік процестерге қосу.

Бұл модель БҰҰ-ның Тұрақты даму мақсаттарымен тығыз байланысты. Атап айтқанда, 12-мақсат – «Жауапты тұтыну мен өндіріске көшу» және 13-мақсат – «Климаттың өзгеруіне қарсы күрес» циркулярлы экономиканың басты міндеттерімен үйлеседі [3]. Бұл қағидаттарды іске асыруда Қазақстанда алғашқы қадамдар жасалғанымен, қазіргі жағдай әлі де толыққанды талаптарға сай емес. Қазақстандағы циркулярлы экономиканың дамуы бастапқы кезеңде, ал елдің өндірістік құрылымы негізінен шикізаттық бағытқа тәуелді болып отыр. Бұл ресурстарды тиімді пайдалануға кедергі келтіреді және экологиялық тұрақсыздықты күшейтеді. Сол себепті қалдықтарды басқару мәселесі – негізгі проблемалардың бірі. 2023 жылғы деректерге сәйкес, елімізде тұрмыстық қатты қалдықтардың тек 24%-ы қайта өңделеді, қалған бөлігі полигондарға жіберіледі [1]. Бұл көрсеткіш Еуропалық Одақтағы орташа деңгейден екі есе төмен. Қазақстанда жыл сайын шамамен 120 млн тонна өндірістік қалдық және 5 млн тонна тұрмыстық қалдық пайда болады [4]. Олардың басым бөлігі қайта өңдеуге жіберілмей, экологиялық тәуекел тудыратын полигондарда жиналады.

Энергия тиімділігі саласында да жағдай күрделі. Қазақстан электр энергиясының шамамен 70%-ын көмірден өндіреді, бұл жоғары көміртекті шығарындыларға әкеледі. Ел 2060 жылға дейін көміртекті бейтараптыққа қол жеткізуді мақсат етіп отыр, бірақ оны іске асыру үшін энергия тиімділігін арттыру, жаңартылатын энергия көздерін дамыту және ресурстарды қайта пайдалану қажет [5]. Сонымен қатар, циркулярлы бизнес-модельдерді енгізу деңгейі төмен. Қайта өңдеу саласындағы кәсіпорындар саны аз, әрі олар көбінесе ірі қалаларда шоғырланған. Өндірушілердің кеңейтілген жауапкершілігі (Extended Producer Responsibility, EPR) жүйесі енгізілгенімен, себебі қадағалау механизмі әлсіз болғандықтан, тиімділігі төмен болып келеді.

Бұл жағдай Еуропалық Одақпен (ЕО) салыстырғанда Қазақстанның артта қалып отырғанын көрсетеді. ЕО 2015 жылы «Circular Economy Action Plan» стратегиясын қабылдап, қалдықтарды азайту, қайта өңдеу және ресурстарды тиімді пайдалануды басты мақсат етіп қойды. 2020 жылы бұл жоспар жаңартылып, 2030 жылға қарай пластикалық қаптаманың 100%-ын қайта өңдеуге жарамды ету, сондай-ақ қалдықтарды полигондарға жіберуді барынша қысқарту міндеті қойылды. Еуропада қалдықтардың орташа қайта өңдеу деңгейі 48%-ды құрайды, ал кейбір елдерде бұл көрсеткіш 60%-дан асады. Бұған қоса, ЕО елдері энергия тиімділігін арттыруға ерекше көңіл бөледі: жел және күн энергетикасының үлесі 2023 жылы 39%-ға жетті, ал көмірдің үлесі жыл сайын азайып келеді [2].

Кесте-1. Қазақстан мен ЕО арасындағы негізгі айырмашылықтар

Көрсеткіш	Қазақстан	Еуропалық Одақ (ЕО)
Қалдықтарды қайта өңдеу деңгейі	20–25%	Орта есеппен 48%, кей елдерде 60–67%
Энергия көздерінің құрылымы	70% – көмір, 20% – газ, 3,7% – жаңартылатын энергия	39% – жаңартылатын энергия, көмір үлесі 14%-дан төмендеген.
Циркулярлы бизнес-модельдер	Енгізілу деңгейі төмен, ынталандыру аз	Кең таралған, қаржылық ынталандыру жоғары
EPR жүйесі	Бар, бірақ бақылау әлсіз, тиімділігі төмен	Заңмен қатаң бекітілген, тиімді жұмыс істейді
Инфрақұрылым	Қалдықтарды сұрыптау дамымаған, зауыттар аз	Бөлек жинау міндетті, технологиялар жоғары деңгейде
Ескерту: Кесте автормен жасалған.		

Кестеде көрсетілгендей, Қазақстан мен Еуропалық Одақ арасындағы айырмашылықтар айқын көрінеді. Қазақстанда циркулярлы экономиканың дамуы бастапқы кезеңде ғана болса, ЕО бұл бағытта жүйелі және кешенді саясат жүргізуде. Еуропаның жетістігі қатаң экологиялық заңнамамен, қаржылық ынталандырулармен және технологиялық инфрақұрылымның дамуымен түсіндіріледі.

Қазақстанда циркулярлы экономиканы дамытудың басты мәселелері бірнеше бағытта байқалады. Біріншіден, қалдықтарды басқару жүйесі жеткілікті деңгейде дамымаған. 2023 жылғы мәлімет бойынша, елде жиналған тұрмыстық қалдықтардың тек 24,1%-ы ғана қайта өңдеуге жіберілген, ал қалған бөлігі полигондарға түседі. Бұл көрсеткіш Еуропалық Одақ елдеріндегі орташа деңгейден 2-3 есе төмен (онда қайта өңдеу үлесі 50%-дан асады) [6]. Екіншіден, қалдықтарды сұрыптау инфрақұрылымы жеткіліксіз дамыған, сұрыптау зауыттары тек ірі қалаларда шоғырланған, ауылдық аймақтарда бұл қызмет мүлдем дамымаған. Үшіншіден, Қазақстанда қайта өңдеу нарығының экономикалық тартымдылығы төмен. Қалдықтарды жинау мен сұрыптау процесі шығынды, ал қайта өңделген шикізаттың нарықтық бағасы төмен болғандықтан, кәсіпорындар үшін бұл салада жұмыс істеу тиімсіз.

Осы әлсіз тұстарды жою үшін мынадай нақты ұсыныстар беруге болады:

➤ **Құқықтық базаны жетілдіру** – Өндірушілердің кеңейтілген жауапкершілігі (EPR) тетігін күшейту, бақылау және айыппұл механизмін нақтылау қажет. ЕО тәжірибесі көрсеткендей, заңнамалық қатаң талаптар қайта өңдеу саласын дамытуда маңызды рөл атқарады.

➤ **Инфрақұрылымды дамыту** – арлық өңірлерде қалдықтарды сұрыптау орталықтарын құру және заманауи қайта өңдеу зауыттарына жеке инвестиция тартуды ынталандыру қажет. Бұл мақсатта мемлекеттік-жекеменшік әріптестік тетігін кеңінен

пайдалану, логистикалық шығындарды азайту үшін аймақтық қалдық басқару хабтарын ұйымдастыру тиімді.

➤ **Инновациялық технологияларды енгізу** – Қалдықтарды қайта өңдеу тиімділігін арттыру үшін «жасыл» технологияларды (пиролиз, биогаз, қалдықтарды энергияға айналдыру жүйелері) қолдану қажет. Сондай-ақ, Smart Waste Management жүйелерін – сенсорлы контейнерлер мен автоматтандырылған логистиканы енгізу арқылы қалдықтарды жинау процесін оңтайландыруды ұсынамын.

➤ **Энергетика саласын әртараптандыру** – Қазақстандағы көмірдің үлесі әлі де 70%-ға жуық, бұл жоғары көміртекті шығарындыларға әкеледі. Жаңартылатын энергия көздерінің үлесін арттыру стратегиялық міндет болуы тиіс: 2030 жылға қарай ЖЭК үлесін кемінде 15%-ға жеткізу елдің жыл сайынғы парниктік газ шығарындыларын 10 млн тоннаға дейін қысқартады. Сонымен қатар, энергия тиімділігін арттыру бағдарламаларын қабылдау арқылы өнеркәсіп пен тұрмыста энергия тұтынуды 20%-ға дейін төмендету мүмкін.

Бұл ұсыныстар жүзеге асырылған жағдайда Қазақстанда циркулярлы экономика тетіктері тиімді жұмыс істеп, тұрақты даму мақсаттарына қол жеткізу мүмкіндігі айтарлықтай артады.

Циркулярлы экономика – Қазақстан үшін тұрақты дамуға қол жеткізудің негізгі тетіктерінің бірі. Әлемдік тәжірибе көрсетіп отырғандай, ресурстарды тұйық цикл бойынша пайдалану тек экологиялық тәуекелдерді төмендетіп қана қоймай, экономикалық тиімділікті арттырады. Еуропалық Одақтың тәжірибесі – осы бағыттағы жүйелі саясат пен технологиялық жаңғыртудың нәтижесінде қайта өңдеу деңгейін жоғары көтеріп, қалдықтардың полигондарға жіберілуін барынша азайтқанын дәлелдейді. Қазақстанда алғашқы қадамдар жасалғанымен, бұл сала әлі де бастапқы кезеңде тұр. Алайда, ұсынылған шешімдерді жүйелі түрде іске асыру Қазақстанды 2030 жылға қарай циркулярлы экономиканың негізгі қағидаттарына жақындатуға мүмкіндік береді. Бұл шаралар еліміздің БҰҰ Тұрақты даму мақсаттарына сай дамуына, «жасыл» экономиканы қалыптастыруға және халықаралық бәсекеге қабілеттілігін арттыруға мүмкіндік береді. Циркулярлы экономика – жай экологиялық қажеттілік қана емес, экономикалық өсім мен қоғамның әл-ауқатын қамтамасыз ететін стратегиялық бағыт.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Ұлттық статистика бюросы. Қол жеткізу: <https://stat.gov.kz>
2. European Commission. (2023). *Waste recycling in Europe*. Қол жеткізу: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/indicators/waste-recycling-in-europe>
3. Қазақстан Республикасының электрондық үкіметі. Тұрақты даму мақсаттары. Қол жеткізу: <https://egov.kz/cms/kk/zur>
4. Экология, геология және табиғи ресурстар министрі Мағзұм Мырзағалиев. (2023). Полигондарда 120 млн тоннадан астам қалдық жинақталған. [Baq.kz. https://baq.kz/poligondarda-120-mln_214055](https://baq.kz/poligondarda-120-mln_214055)
5. Қазақстан Республикасының заңнамасы. (2023). Қазақстанда электр энергиясының 70%-ы көмірден өндіріледі. [Kaz.zakon.kz. https://kaz.zakon.kz/kogamtyyny/6017756-azastanda-elektrenergiyasyny-70y-kmrden-ndrled.html](https://kaz.zakon.kz/kogamtyyny/6017756-azastanda-elektrenergiyasyny-70y-kmrden-ndrled.html)
6. Inbusiness.kz. (2023). Жыл сайын елімізде 4,5–5 млн тонна тұрмыстық қатты қалдық жиналады. [Inbusiness.kz. https://inbusiness.kz/kz/last/zhyl-sajyn-elimizde-4-5-5-mln-tonna-katty-turmystyk-kaldyk-zhinalady](https://inbusiness.kz/kz/last/zhyl-sajyn-elimizde-4-5-5-mln-tonna-katty-turmystyk-kaldyk-zhinalady)
7. Geissdoerfer, M., Savaget, P., Bocken, N. M., & Hultink, E. J. (2017). *The Circular Economy – A new sustainability paradigm?* Journal of Cleaner Production, 143, 757–768. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.12.048>

UDC: 330.16

Zokirova Manzura Ilhomovna

Asia International University

1st-year PhD Student (Basic Doctoral Program)

INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR TURNING INCLUSIVE ECONOMIC DEVELOPMENT INTO A KEY FACTOR IN THE PROCESS OF POVERTY REDUCTION IN UZBEKISTAN

Annotation: This article highlights the role and importance of inclusive economic development in the process of poverty reduction in Uzbekistan. It emphasizes that inclusive development should not be limited to the growth of economic indicators alone, but must also ensure equal opportunities for all segments of society, particularly vulnerable groups in need of social protection. From this perspective, the article analyzes the reforms carried out in the country, the strengthening of the social protection system, the expansion of citizens' active participation in the labor market, and the mechanisms for supporting entrepreneurship. Special attention is given to the issues of cooperation among state policies, local government bodies, and civil society institutions in enhancing the effectiveness of inclusive economy in reducing poverty.

Keywords: *poverty, inclusive economy, social protection, sustainable development, labor market, entrepreneurship, institutional conditions, Uzbekistan.*

Introduction

In the current context of globalization, the issue of poverty reduction is regarded not only as a factor of economic progress, but also as an essential condition for social stability, national security, and long-term development strategies of the state. International experience demonstrates that ensuring economic growth alone is insufficient. If the outcomes of this growth are not equally distributed across all layers of society, existing inequalities deepen and the roots of poverty persist. Therefore, the idea of inclusive economic development is becoming increasingly relevant today.

In recent years, Uzbekistan has implemented a wide range of reforms aimed at improving the standard of living of the population, creating new jobs, strengthening the social protection system, and developing entrepreneurship. New approaches to poverty alleviation proposed by President Sh. M. Mirziyoyev — including the “Every Family is an Entrepreneur” program, the expansion of targeted social assistance mechanisms in the regions, and initiatives to modernize the labor market — are increasing the effectiveness of this process.

From this point of view, shaping inclusive economic development as a strategic priority in the process of poverty reduction is becoming an urgent task. Strengthening its institutional foundations, developing effective mechanisms, and putting them into practice represent not only an integral component of the national development model, but also of international integration processes.

In recent years, poverty alleviation has increasingly taken shape as one of the key directions of state policy in Uzbekistan. Global experience also confirms that economic growth alone cannot fully eradicate this problem. If the development process does not adhere to the principles of inclusiveness, economic resources may serve the interests of only certain groups,

thereby deepening social disparities. For this reason, inclusive economy is today recognized as one of the most crucial institutional conditions for poverty reduction.

The essence of inclusive development lies in creating equal opportunities for all segments of society, developing human capital, strengthening the social protection system, and expanding active participation in the labor market. The main goal of legal frameworks, national programs, and ongoing reforms in the Republic of Uzbekistan is also to improve the well-being of the population and establish sustainable mechanisms for combating poverty.

This study analyzes the institutional conditions that contribute to shaping inclusive economic development in Uzbekistan. In addition, it examines aspects of cooperation among state policy, civil society institutions, and local government bodies, while also considering practical mechanisms aimed at ensuring inclusiveness in the process of poverty reduction.

Main Part

In the process of reducing poverty in Uzbekistan, making inclusive economic development a key factor requires, first and foremost, investment in human capital. Sustainable results can be achieved by modernizing the education and vocational training system in line with contemporary demands, preparing young people for new professions, and expanding the participation of women and persons with disabilities in the labor market. Indeed, the higher the skills of the labor force, the greater the opportunities for overcoming poverty.

Moreover, the development of entrepreneurship and support for small business entities is one of the decisive factors in poverty reduction. Concessional loans, subsidies, grants, and tax incentives provided by the state help people secure self-employment. For example, within the framework of the initiative *“Every Family is an Entrepreneur”*, the development of manufacturing, services, and agriculture in the regions serves as an effective tool in combating poverty.

The modernization of the labor market is also among the pressing issues. It is necessary to create new jobs, reduce informal employment, and develop retraining systems to engage broader segments of the population in economic activity. Particularly for youth, supporting start-ups, fostering innovative projects, and developing technological clusters can generate highly productive employment opportunities.

Furthermore, strengthening the social protection system constitutes an important component of inclusive economic development. Targeted support for low-income families, improving the quality of social services, and introducing fair mechanisms in the pension and benefit system contribute to supporting socially vulnerable groups. The active involvement of the *mahalla* institution, non-governmental non-profit organizations, and civil society initiatives plays a vital role in ensuring social justice.

The issue of financial inclusion should not be overlooked either. Ensuring equal access for all citizens to banking services and digital financial opportunities has a significant impact on poverty reduction. Electronic payment systems, microfinance, and online lending mechanisms can serve as effective tools to expand economic participation.

Most importantly, during the implementation of economic reforms, strong cooperation mechanisms must be established between public administration, the private sector, and civil society. Development programs designed with due consideration of regional needs and opportunities remain among the most effective and targeted approaches to poverty alleviation.

Overall, addressing poverty reduction in Uzbekistan is not limited to economic growth, but is closely linked with the deep integration of inclusive development principles. Inclusive growth requires not only increasing economic resources but also ensuring equal opportunities for all segments of society, unlocking human potential, and strengthening the principles of social justice. This process holds strategic significance not only for ensuring economic but also social and political stability in the country.

From this perspective, the complexity of poverty reduction is explained by its multidimensional nature. Poverty is not only defined by low income but also by a lack of access to quality education, effective healthcare, social protection, and equal opportunities to benefit from economic resources. Therefore, effective solutions demand a comprehensive and systematic approach.

In addition, inclusive economic development is directly determined by institutional conditions. In particular, the effectiveness of state policy, the infrastructure of the labor market, access to financial services, and the active participation of civil society represent decisive factors in this process. Hence, it has become an urgent task to thoroughly study these factors from a scientific perspective, analyze existing mechanisms, and develop new approaches adapted to national conditions.

Moreover, evaluating the outcomes of large-scale reforms implemented in Uzbekistan, comparing them with international experience, and adapting them to local realities further increase the scientific and practical importance of the issue. Policies based on the principles of inclusive development make it possible to direct the fight against poverty not only towards short-term assistance measures but also towards long-term sustainable development.

Today, poverty reduction in Uzbekistan is considered one of the state's highest policy priorities. At the same time, practice shows that economic growth alone is not sufficient. What matters is that the newly created opportunities should be accessible to all segments of society, especially socially vulnerable groups. For this reason, the principle of inclusive economic development has particular importance as a sustainable and effective model in combating poverty.

First, investment in human capital forms the foundation of this process. Modernizing the education system, developing vocational training programs, and strengthening the economic participation of youth and women are among the decisive factors in reducing poverty. For this purpose, the activities of vocational schools, higher education institutions, and retraining centers must be organized more effectively.

Second, ensuring equal access to economic resources is crucial. Considering that certain population groups face restrictions in obtaining credit, using land, or accessing property, such inequalities can perpetuate poverty. Therefore, mechanisms such as support for small business and entrepreneurship, concessional loans, and subsidies constitute one of the main directions of inclusive economic development.

Third, strengthening the social protection system is an essential condition of sustainable development. Targeted assistance to low-income families, improving the quality of social services, and ensuring fairness in pension and social benefit systems provide important outcomes. In particular, creating favorable conditions for people with disabilities, the elderly living alone, and other socially vulnerable groups is of exceptional significance in ensuring inclusiveness.

Fourth, combating poverty requires not only state intervention but also the active cooperation of local authorities and civil society institutions. Since the socio-economic conditions of each region differ, it is essential to take into account local realities when addressing the problem. In this process, the *mahalla* system, non-governmental organizations, and civic initiatives play an important role.

Fifth, the use of modern technologies and the opportunities of the digital economy also contribute to poverty reduction. For instance, e-government systems, online services, and digital payments facilitate citizens' participation in economic life and enhance inclusiveness.

Achieving inclusive economic development in Uzbekistan requires establishing strong cooperation mechanisms between the state, the private sector, and civil society. Only in this way can the fight against poverty be effective, ensuring a steady improvement in the population's living standards.

Conclusion

The issue of poverty reduction in Uzbekistan is not limited to economic growth alone. For this process to be effective, it is necessary to consistently implement the principles of inclusive development. The goal of inclusive economic policy is to create equal opportunities for all segments of society and to ensure fairness in the labor market, entrepreneurship, education, and social protection systems.

In order to engage different groups of the population in economic processes, investment in human capital is of primary importance. Improving the quality of education, developing vocational training programs, and ensuring the active participation of youth and women in the labor market make a significant contribution to poverty reduction. At the same time, the development of small businesses, support for private entrepreneurship, and expansion of access to credit and financial resources are crucial factors. Strengthening the social protection system by the state, providing targeted assistance to low-income families, and promoting digital economy and financial inclusion create the necessary conditions for inclusive development. Furthermore, close cooperation with local authorities, civil society, and non-governmental organizations enhances the effectiveness of this process.

Inclusive economic development is one of the most reliable approaches to combating poverty. It provides not only short-term assistance measures but also ensures a long-term model of sustainable development. As a result, living standards improve, social inequality decreases, and the overall economic potential of the country is strengthened. Therefore, special attention should be paid to the education and vocational training system, as well as expanding programs for retraining youth and women for modern professions.

As a second recommendation, it is necessary to provide more effective support for small business and family entrepreneurship. In this regard, expanding self-employment opportunities through the fair and transparent distribution of concessional loans, subsidies, and grants can play an important role. In particular, the development of production and service sectors in rural areas significantly reduces poverty levels.

Thirdly, strengthening the social protection system is of special importance. Improving targeted assistance programs and creating additional opportunities for people with disabilities, the elderly living alone, and socially vulnerable groups serve as crucial factors in building an inclusive society.

Fourth, attention should be given to expanding financial inclusion. Ensuring access for all social groups to banking services, electronic payment systems, microfinance, and digital lending directly impacts poverty reduction.

Fifth, when designing regional development programs, local characteristics must be taken into account, since each region has its own specific needs. Therefore, active involvement of *mahalla* institutions and civil society organizations is of vital importance.

In addition, it is necessary to establish effective cooperation between public administration bodies and the private sector. Such cooperation contributes to deepening economic reforms, creating new jobs, and expanding citizens' participation in economic processes.

References

1. President of the Republic of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev. (2020). *On measures to bring state policy in the field of poverty reduction and employment to a new stage*. Decree No. PF-5975.
2. President of the Republic of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev. (2022). *The New Uzbekistan Strategy*. Tashkent: Uzbekistan.

3. Karimov, A. (2021). *Institutional foundations of poverty reduction in Uzbekistan*. Economy and Society, 3(4), 45–52.
4. Qodirov, B. (2020). *Inclusive economy: issues of theory and practice*. Tashkent: Science and Technology Publishing House.
5. Tulaganov, I. (2021). *The role of the social protection system in reducing poverty in Uzbekistan*. Journal of Economic Research, 2(1), 65–73.
6. Rasulov, M. (2019). *Inclusive approaches in supporting small business and entrepreneurship*. Bulletin of Tashkent Financial Institute, 1(2), 112–119.
7. Jurayev, H. (2022). *Strategies for combating poverty in the context of the digital economy*. Economy and Innovation, 5(1), 84–91.
8. Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. (2021). *Comprehensive program for poverty reduction and employment growth*. Tashkent.
9. Gulomova, N. (2020). *Inclusive development and issues of social justice*. Journal of Sociology and Psychology, 2(3), 39–46.
10. Khasanov, D. (2022). *Priority directions of inclusive economic policy in the context of Uzbekistan*. Economic Stability, 4(2), 55–63.

УДК 338.124.4+316.4.063

Муканов Б.О., к.т.н, ассоциированный
профессор кафедры Маркетинг
Карагандинского университета
им. Е.А.Букетова, г.Караганда

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛУДОМАНИИ

Аннотация. В статье приведены результаты исследования социальных и экономических последствий лудомании (игровой зависимости) в Республике Казахстан. Рассмотрены наиболее уязвимые социальные слои населения. Исследования проводились методом социального опроса. На основе исследования сделаны выводы о экономических и социальных последствиях лудомании в Республике Казахстан. Даны практические рекомендации по предотвращению лудомании.

Ключевые слова: лудомания, рынок азартных игр, социальный опрос, казино, спортивные ставки, лотерея, азартные игры

Мировая научная литература подчёркивает устойчивую тенденцию к росту рынка азартных игр. По данным Hilbrecht и др., за последние три десятилетия наблюдается значительный рост глобального игорного рынка. Основной причиной авторы называют повышение доступности игорных продуктов в разных странах, включая упрощение лицензирования и распространение цифровых технологий [1].

Подобную позицию разделяет McGrane и др., которые отмечают, что важнейшим фактором ускорения развития игровой индустрии стал технологический процесс проведения азартных игр. Особенно акцентируется внимание на круглосуточной

доступности онлайн-продуктов и мобильных платформ, что резко повысило частоту и масштаб вовлечения игроков [2].

Marionneau и др. , Muggleton и др. считают, что азартные игры связаны со значительным финансовым, медицинским и социальным ущербом [3],[4]. Этот вред наносится не только тем, кто участвует в азартных играх, но и большим группам заинтересованных лиц и обществу в целом [5],[6],[7].

Азартные игры для большинства – развлечение, однако у небольшой части людей они вызывают сильную зависимость с серьёзными психологическими последствиями. Эмпирические исследования подтверждают прямую связь между стрессовыми событиями и ростом проблемного гемблинга: чем больше психотравмирующих переживаний пережил человек, тем выше риск перехода к патологическому гемблингу [8].

С целью исследования социальных и экономических последствий лудомании в Республике Казахстан были проведены социологические исследования.

В рамках программно-целевого финансирования «Интегративное исследование лудомании в Казахстане и мультидисциплинарные стратегии ее минимизации» ИРН BR24992927 Комитета науки Министерства науки и высшего было проведено два этапа социологического исследования с март по май 2025 года. Цель исследования: обеспечить репрезентативное измерение масштабов вовлеченности казахстанского населения в азартные игры через количественный анализ на основе выборочного опроса.

Полевой этап (15 апреля – 15 мая 2025 года) включал стандартизированное интервьюирование 1033 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет и старше, имеющих опыт участия в азартных играх. Опрос проводился во всех 17 областях и трех городах республиканского значения Республики Казахстан.

Опрос был разделен на две части:

первая анкета - 527 респондентов;

вторая анкета - 504 респондентов.

Интервью проводились в цифровом формате с использованием мобильного программного обеспечения Simple Forms. Средняя продолжительность одного интервью составила 10–15 минут.

Респондентам был задан вопрос: Как часто вы играете в азартные игры? Полученные ответы распределились следующим образом:

Реже одного раза в месяц - 121 человек (24,0%);

1–3 раза в месяц - 174 человека (34,5%);

1–2 раза в неделю - 129 человек (25,6%);

Чаще двух раз в неделю - 80 человек (15,9%).

Большинство респондентов играют в азартные игры от 1 раза в месяц до 2 раз в неделю - в эту категорию попадают 60,1% опрошенных (1–3 раза в месяц — 34,5% и 1–2 раза в неделю - 25,6%). Это говорит о достаточно высокой регулярности участия, что может свидетельствовать о устойчивой привычке или включенности в игровую деятельность как форме досуга или попытке заработка. Около четверти (24,0%) играют редко, то есть менее одного раза в месяц — вероятно, это те, кто участвует эпизодически, под влиянием внешних стимулов (реклама, социальное окружение, бонусные предложения).

Наиболее активная категория - это 15,9% респондентов, играющих чаще двух раз в неделю, что может быть потенциальным индикатором рискованного поведения, особенно в сочетании с другими факторами (потеря контроля, долги, конфликты и т.д.).

Около трети игроков (36,3%) тратят от 10 000 до 50 000 тенге в месяц на азартные игры - это наиболее частотный уровень расходов. 36% респондентов расходуют более 50 000 тенге в месяц: 18,1% - в пределах 50–100 тыс. 17,9% - более 100 тыс. тенге, что

указывает на наличие финансово вовлечённой аудитории. Только 3,8% опрошенных заявили, что не тратят ничего. Более половины (54%) тратят от 10 000 до 100 000 тенге, что может говорить о том, что азартные игры регулярно влияют на семейный или личный бюджет.

Данные свидетельствуют о высоком уровне вовлечённости респондентов в азартные игры с существенными финансовыми затратами. Почти каждый третий тратит суммы, сопоставимые со средней зарплатой в Казахстане, что потенциально говорит о рисках зависимости и влиянии на качество жизни. Эти цифры могут служить основанием для усиления регуляторных мер и профилактических программ.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: Как вы оцениваете развитие азартной игровой индустрии в Казахстане за последние 5 лет?

		Частота	Проценты
Валидные	Быстро растёт	250	49,6
	Стабильное развитие	198	39,3
	Находится в стагнации	26	5,2
	Снижается	30	6,0
	Всего	504	100,0
Примечание: по данным социологического исследования			

Почти половина опрошенных (49,6%) считают, что индустрия азартных игр в Казахстане демонстрирует *быстрый рост*, а ещё 39,3% оценивают её развитие как *стабильное*. Таким образом, подавляющее большинство респондентов (88,9%) указывают на положительную или как минимум устойчивую динамику в сфере азартных игр. Только 11,2% видят признаки стагнации или снижения активности в отрасли. Такое распределение ответов может быть связано с расширением онлайн-гемблинга, увеличением количества букмекерских контор, ростом рекламы и общим ростом вовлечённости населения в азартные игры.

Полученные результаты подчёркивают необходимость пристального внимания к регулированию этой сферы, особенно в контексте онлайн-услуг, чтобы минимизировать возможные социальные риски.

Большинство респондентов (76,3%) считают, что доля нелегальных азартных игр в Казахстане составляет от 10% до более 50%, что свидетельствует о высоком уровне общественной настороженности в отношении «теневой» стороны игровой индустрии. Наиболее распространённая оценка — от 30% до 50% (33,3%). Почти пятая часть опрошенных полагает, что более половины рынка приходится на нелегальный сектор. Только 6,9% оценивают объём нелегальных игр как незначительный (менее 10%), и 16,7% затруднились дать ответ, что может свидетельствовать о недостатке информации или непрозрачности сектора. Это говорит о вероятной недостаточности механизмов контроля и правоприменения, а также о широкой доступности незарегистрированных или запрещённых платформ, особенно в онлайн-среде. Полученные данные подчеркивают необходимость усиления борьбы с теневым сектором, прозрачности и цифровой отслеживаемости игровой деятельности.

Таблица 2. Распределение ответов: Наиболее уязвимые к азартным играм социальные группы

Социальная группа	Кол-во упоминаний	Проценты
Молодёжь (до 25 лет)	298	59,1%

Средний возраст (25–45 лет)	271	53,8%
Люди с низким доходом	114	22,6%
Люди с высоким доходом	98	19,4%
Пенсионеры	7	1,4%
Другое (уточните)	7	1,4%
Всего	—	100,0%
Примечание: по данным социологического исследования. Участникам разрешалось выбрать до двух вариантов, поэтому сумма превышает 504		

Молодёжь (до 25 лет) признана наиболее уязвимой категорией - почти 60% респондентов считают, что именно она наиболее подвержена игровой зависимости. Это подтверждает необходимость фокусировки профилактических мер именно на молодом населении.

Средний возраст (25–45 лет) также воспринимается как сильно вовлечённая группа - её указали 53,8% опрошенных. Это может быть связано с высокой финансовой активностью и вовлечённостью в онлайн-пространство.

Интересно, что люди с низким и высоким доходом получают сопоставимое внимание - 22,6% и 19,4% соответственно, что говорит о том, что азартные игры воспринимаются как фактор, затрагивающий все экономические слои.

Пенсионеры практически не упоминаются как уязвимая группа — лишь 1,4%, что отражает либо реальное низкое вовлечение, либо стереотип об их отстранённости от современных форм азартных игр (особенно онлайн).

Таким образом, молодёжь и представители среднего возраста являются наибольшими потребителями азартных игр в Казахстане. Это указывает на необходимость активной профилактической работы с этими группами, особенно в контексте онлайн-ставок и легкодоступных игровых платформ.

Таблица 3. Распределение ответов: Частота участия в азартных играх

		Частота	Проценты
Валидные	Никогда	22	4,4
	Реже 1 раза в месяц	98	19,4
	1–3 раза в месяц	182	36,1
	1–2 раза в неделю	123	24,4
	Чаще 2 раз в неделю	79	15,7
	Всего	504	100,0
Примечание: по данным социологического исследования			

Более 75% респондентов участвуют в азартных играх не реже одного раза в месяц, при этом 40% делают это еженедельно или чаще, что указывает на высокий уровень вовлечённости. Только 4,4% заявили, что никогда не играют - что логично, поскольку респондентами выступали люди с подтверждённым опытом участия в азартных играх. Категория «1–3 раза в месяц» оказалась самой распространённой (36,1%), что может свидетельствовать о регулярной, но не чрезмерной активности, хотя с точки зрения риска привыкания даже такая частота представляет потенциальную угрозу.

Полученные данные свидетельствуют о значительном уровне вовлечённости казахстанцев в азартные игры. Особенно тревожен тот факт, что около 40% респондентов играют как минимум раз в неделю. Это может говорить о тенденции к формированию устойчивого игрового поведения и требует пристального внимания со стороны регуляторов и служб профилактики. Профилактические мероприятия должны быть ориентированы не только на предупреждение, но и на своевременное выявление рисков чрезмерной вовлечённости.

Таблица 4. Распределение ответов: Максимальная сумма проигрыша за один раз

		Частота	Проценты
Валидные	До 10 000 KZT	120	23,8
	10 000 – 50 000 KZT	159	31,5
	50 000 – 100 000 KZT	108	21,4
	100 000 – 500 000 KZT	78	15,5
	Более 500 000 KZT	39	7,7
	Всего	504	100,0
Примечание: по данным социологического исследования			

Почти 1/3 респондентов (31,5%) сообщают, что за раз теряли от 10 000 до 50 000 тенге — сумма, которая может составлять значительную часть дохода для многих граждан. 7,7% проигрывали более 500 000 тенге за один раз — это крайне тревожный индикатор возможной зависимости или недостатка самоконтроля.

Результаты исследования позволяют сделать ряд значимых выводов, указывающих на широкую распространённость негативных последствий азартных игр в различных сферах жизни респондентов. Ниже представлены ключевые наблюдения и интерпретации:

1. Финансовые последствия

Почти 60% респондентов испытывали финансовые трудности, связанные с азартными играми: 22,6% брали кредиты и микрозаймы, 30,6% — занимали деньги у знакомых, 5,4% продавали имущество. Более 37% регулярно или несколько раз занимали деньги специально для участия в играх. 64,3% участников признались, что не контролируют свои траты, что свидетельствует о низком уровне финансовой самодисциплины. Только 11,9% оценили свою финансовую грамотность как высокую, в то время как 18,5% признали её низкой.

2. Трудовая занятость и профессиональная сфера

15,6% респондентов теряли работу (один раз или несколько) из-за игры. Более 48% указали, что азартные игры никогда не приводили к конфликтам на работе, однако 32,9% — сталкивались с ними хотя бы раз в месяц или чаще. Эти данные говорят о существенном влиянии азартной зависимости на трудовую стабильность и производительность труда.

3. Влияние на семью и личные отношения

У 32% участников игры вызвали постоянные конфликты в семье, у 5,6% — привели к разрыву отношений. Более 41% сообщили о финансовых конфликтах в семье из-за игровой зависимости. Семьи в 30,8% случаев пытались ограничить доступ к

деньгам, а 22,8% — убеждали респондента обратиться за помощью. Однако 37,7% признали, что проблему игнорировали.

4. Социальная изоляция и круг общения

Почти 45% отметили, что азартные игры негативно повлияли на их круг общения — от полного разрыва с друзьями (11,9%) до снижения уровня общения. 41,4% участников указали, что их участие в общественной жизни снизилось, в том числе 9,1% — полностью прекратили участие в социальных мероприятиях.

5. Запрос на помощь и осознание проблемы

Только 8,9% обращались за профессиональной помощью (к психологу или в реабилитационный центр). Однако 26,8% выражают готовность обратиться, что свидетельствует о высоком скрытом спросе на квалифицированную помощь. Более 64% считают её ненужной, что говорит о недостаточном осознании зависимости и её последствий.

6. Предпочтительные меры регулирования

Наиболее поддерживаемые меры борьбы с игровой зависимостью: Запрет онлайн-казино (44,2%), Ограничение рекламы (35,1%), Создание бесплатных центров помощи (11,7%). Поддержка финансового образования пока остаётся низкой (7,1%), что может свидетельствовать о недостаточной информированности о его значении.

Это исследование демонстрирует, что азартные игры оказывают существенное влияние на финансовое состояние, профессиональную деятельность, социальные связи и психоэмоциональное состояние части населения Казахстана. Несмотря на это, наблюдается недостаточная осознанность проблемы и ограниченное обращение за профессиональной помощью, что требует от государственных органов: активизации просветительской и профилактической работы, расширения доступа к бесплатной помощи, усиления регулирования онлайн-игр и рекламы.

Разработка и реализация национальной стратегии по снижению последствий игромании становится актуальной задачей в области общественного здоровья и социальной стабильности.

Список литературы

1. Hilbrecht M, Baxter D, Abbott M, Binde P, Clark L, Hodgins DC, et al. The conceptual framework of harmful gambling: a revised framework for understanding gambling harm // J Behav Addict – 2020. - 9:190e205, - URL: <https://doi.org/10.1556/2006.2020.00024>.
2. McGrane E, Wardle H, Clowes M, Blank L, Pryce R, Field M, et al. (2023) What is the evidence that advertising policies could have an impact on gambling-related harms? A systematic umbrella review of the literature // Publ Health -2023. 215: 124e30. - URL: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2022.11.019>.
3. Marionneau V., Egerer M., Raisamo S., Frameworks of gambling harms: a comparative review and synthesis // Addiction Res. Theor. -2023, 31 (1), P.69–76. - URL: <https://doi.org/10.1080/16066359.2022.2113071>.
4. Muggleton N., Parpart P., Newall P., Leake D., Gathergood J., Stewart N. The association between gambling and financial, social and health outcomes in big financial data // Nat. Hum. Behav -2021. - 5 (3), P.319–326. - URL: <https://doi.org/10.1038/s41562020-01045-w>.
5. Castren S., Lind K., Hagfors H., Salonen A.H. Gambling-related harms for affected others: a Finnish population-based survey // Int. J. Environ. Res. Publ. Health - 2021. - 18 (18), 9564. - URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph18189564>.
6. Hing N., Russell A.M.T., Browne M., Rockloff M., Tulloch C., Rawat V., Greer N., Dowling N., Merkouris S., King D.L., Stevens M., Salonen A., Breen H., Woo L. . Gambling-

related harms to concerned significant others: a national Australian prevalence study // J. Behav. Addict – 2022. - 11 (2), P.361–372. - URL:<https://doi.org/10.1556/2006.2022.00045>.

7. Riley B., Harvey P., Crisp B., Battersby M., Lawn S., (2021). Gambling-related harm as reported by concerned significant others: a systematic review and meta-synthesis of empirical studies // J. Fam. - 2021. Stud. 27 (1), P.112–130. - URL:<https://doi.org/10.1080/13229400.2018.1513856>.

8. Lund I. Gambling behaviour and the prevalence of gambling problems in adult EGM gamblers when EGMs are banned. A natural experiment. // Journal of Gambling Studies, 2009. - 25(2), P.215–225.

Антонович А.Д.

студент, БГЭУ,

г. Минск, Республика Беларусь

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается развитие атомной энергетики как стратегический ответ на растущий дефицит электроэнергии в Казахстане и необходимость обеспечения энергетической безопасности. Автор анализирует геополитические и экономические аспекты выбора подрядчиков для строительства АЭС, включая риски зависимости от России и преимущества диверсификации с участием Китая. Особое внимание уделено общественным опасениям, связанным с экологическими рисками, и аргументам в пользу современных технологий безопасности. Также подчёркивается роль атомной энергетики в диверсификации экономики и поддержке высокотехнологичных отраслей, включая искусственный интеллект. В целом, статья демонстрирует прагматичный подход Казахстана к энергетической политике в контексте национальных интересов.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, дефицит электроэнергии, атомная электростанция (АЭС), возобновляемые источники энергии (ВИЭ), инвестиции, искусственный интеллект.

Одной из ключевых проблем, стоящих перед экономикой Казахстана, является обеспечение энергетической безопасности. В последние годы страна сталкивается с дефицитом электроэнергии, вызванным двумя основными причинами: ростом внутреннего потребления и изношенностью энергетической инфраструктуры. По итогам 2024 года в Казахстане было произведено 117,9 млрд кВтч электроэнергии, а потребление составило 119,9 млрд кВтч, вследствие чего дефицит электроэнергии составил 2 млрд кВтч. В 2025 году прогнозируется дефицит уже в 5,7 млрд кВтч [1].

Правительство, обеспокоенное текущим состоянием энергетической отрасли, утвердило концепцию её развития до 2035 года. В настоящее время реализуется множество проектов в сфере «зелёной» энергетики, которые, как ожидается, уже через несколько лет приведут к профициту электроэнергии. Одним из ключевых направлений стало развитие атомной энергетики: начато строительство первой АЭС. Однако само решение и условия реализации проекта были восприняты обществом неоднозначно, чему способствовал целый ряд факторов.

Во-первых, экономические и геополитические факторы связанные с выбором подрядчика, так как Казахстан не имеет собственных технологий в строительстве АЭС. В финальный список кандидатов вошли Росатом (Россия), CNNC (Китай), KHNP (Южная Корея) и EDF (Франция). Лидером консорциума для строительства первой АЭС стал Росатом с водяным реактором ВВЭР-1200. Россия занимает первое место в мире по числу проектов строительства АЭС за рубежом – 39 энергоблоков, включая такие страны как Китай, Турция, Беларусь, Египет, Иран и др.

Во Франции первая за 25 лет АЭС была введена в эксплуатацию только в декабре 2024 года – в том числе из-за давления со стороны Германии и местных экологических организаций, которые считали атомную энергетику устаревшей, дорогой и опасной. Эммануэль Макрон назвал отказ ФРГ от атомной энергетики исторической ошибкой, а учитывая COVID-19, санкции против российского энергосектора Европе пришлось столкнуться с рецессией и высокими ценами на электроэнергию. Сегодня министр экономики Франции подчеркивает важность развития атомной энергетики для экологических преобразований и конкурентоспособности отрасли. Правительство Франции 10 июня 2025 года подписало отраслевой контракт на строительство шести новых реакторов к 2038 году [2].

У России не было пауз в развитии атомной энергетики: инженерная школа продолжала подготовку специалистов, а проекты - реализовывались. Кроме того, к недостаткам французской АЭС можно отнести высокую стоимость, длительный срок строительства (16,8 года) и логистику. Росатом обещает завершить строительство АЭС в 2035-2036 году. Объем инвестиций в проект составит порядка 14-15 млрд долларов.

Китайского подрядчика оценивать не просто. Стоит отметить, что Китай, как правило, не раздаёт никому свои передовые технологии. Всё, что он строит в Азии, Африке, Южной Америке и Европе, находится под его контролем. Все инвестиции Китая в других странах направлены, прежде всего, на реализацию собственных интересов. Тем не менее, Китай предлагает самое быстрое и дешевое строительство - всего 5 млрд долларов с завершением к 2032-2033 годам. Однако такая низкая стоимость довольно сомнительна: даже отдельный энергоблок ВВЭР-1200 в типовом контракте стоит около 5-6 млрд долл. А с учётом инфраструктуры, финансирования, подключения к сети, минимальная стоимость уже достигнет 10 млрд долларов. Учитывая масштабность проекта и мировой опыт по его реализации, строительство АЭС по озвученным ценам представляется маловероятным.

Ключевой геополитической проблемой для Казахстана при строительстве АЭС стал риск попадания в стратегическую зависимость от одного партнёра – России, что усилило бы её политическое влияние через долгосрочную технологическую привязку, включая поставки топлива и обслуживание, а также потенциально ослабило бы суверенитет страны. Чтобы избежать монополии и сохранить многовекторность внешней политики, Казахстан принял решение разделить проекты: первую АЭС построит российский «Росатом», что отражает уважение к историческим связям и интересам Москвы, а вторую – китайская корпорация CNNC. Такой подход позволяет диверсифицировать риски, уравновесить влияние двух держав за счёт их конкуренции, привлечь китайские инвестиции и продемонстрировать самостоятельность в принятии стратегических решений.

В связи с проблемами бюджетного дефицита и недавними осложнениями, вызванными увеличением государственных расходов на социальные программы и инфраструктуру, становится очевидным, что финансирование должно осуществляться из внешних источников. Россия и Китай выразили готовность предоставить кредиты на наиболее выгодных условиях, что и сыграло решающую роль в выборе этих подрядчиков.

Некоторые выступают против АЭС в Казахстане по экологическим причинам, ссылаясь на травматический опыт ядерных испытаний на Семипалатинского полигоне, где радиация вызвала мутации, рак и деградацию экосистем. Люди опасаются аварий, подобных Чернобыльской, загрязнения озера Балхаша в сейсмоопасной зоне, а также проблем с утилизацией радиоактивных отходов. В качестве альтернативы они предпочитают более безопасные возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

Однако такие опасения не вполне оправданы, поскольку современные реакторы намного безопаснее и исключают подобные сценарии, также специальная конструкция дает устойчивость к землетрясениям. Хотя полностью отходы переработать пока невозможно, Китай активно разрабатывает технологии, позволяющие существенно сократить их объёмы. ВИЭ действительно являются более безопасным и дешевым источником энергии, но зависят от погодных условий и не всегда обеспечивают стабильную подачу электроэнергии, в отличие от АЭС.

По разным оценкам, нефтяные доходы составляют около 40–50 % консолидированного бюджета страны, что делает Казахстан в значительной степени зависимым от внешних колебаний. Сейчас ситуацию осложняют прогнозируемое снижение цен на нефть и обязательства Казахстана в рамках ОПЕК+ по сокращению добычи [3]. Развитие электроэнергетики станет драйвером диверсификации экономики и залогом устойчивого развития страны.

Ввод АЭС может привести к избытку электроэнергии, особенно при одновременном расширении использования ВИЭ. Это создаёт условия для роста энергоёмких отраслей. Если посмотреть на опыт Беларуси, где Росатом уже построил одну АЭС и сейчас правительство думает над строительством второй. В условиях санкционных ограничений речи об экспорте не идет, однако стремительно развивается электротранспорт. Казахстан также может обратить внимание на этот путь. Сегодня мир находится на начальной стадии развития искусственного интеллекта (ИИ), и крайне важно занять устойчивую позицию в этой отрасли, чтобы не оказаться полностью зависимым от зарубежных технологий. Учитывая, что в Казахстане недавно был запущен самый мощный суперкомпьютер в Центральной Азии, можно сделать вывод, что страна серьёзно настроена на развитие цифровой сферы. Обучение ИИ и анализ больших данных требуют значительных объёмов электроэнергии, поэтому строительство АЭС становится необходимым условием для стабильного технологического прогресса.

Таким образом, энергетическая безопасность Казахстана – не просто вопрос инфраструктуры, а стратегический выбор, определяющий будущее страны. В условиях растущего дефицита электроэнергии, геополитических вызовов и необходимости технологического прорыва, строительство АЭС становится неотъемлемой частью национальной стратегии. Несмотря на общественные опасения и сложные внешнеполитические балансы, Казахстан демонстрирует прагматичный подход: диверсификация партнёров, инвестиции в устойчивые технологии и ориентация на развитие высокотехнологичных отраслей, включая искусственный интеллект. Атомная энергетика – это не только ответ на текущий дефицит, но и фундамент для экономической трансформации, технологической независимости и устойчивого роста.

Список использованной литературы

1. В 2025 году дефицит электроэнергии в Казахстане может составить 5,7 млрд кВтч | Kazakhstan Today
2. <https://www.atomic-energy.ru/news/2025/06/16/156698>
3. Сокращение добычи нефти: где Казахстан найдет новые доходы – DW – 21.03.2025

УДК. 330.36.

Баимбетов М.К. к.э.н. доцент кафедры
«Финансы, учет и управление»

Кокшетауского университета
им. Абая Мырзахметова, г. Кокшетау

Жумагулова А.К. к.э.н. заведующая кафедрой
«Финансы, учет и управление»

Кокшетауского университета
им. Абая Мырзахметова, г. Кокшетау

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ЕВРОПЕЙСКИЙ И КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ практик устойчивого развития и формирования инновационной экономики в Европейском союзе и Республике Казахстан. Основная цель исследования - выявить эффективные подходы, способствующие ускоренному переходу Казахстана к устойчивой и инновационно ориентированной модели роста. Рассматриваются ключевые инициативы ЕС, включая Европейский зелёный курс, меры по стимулированию НИОКР и продвижению зелёных технологий. Казахский опыт представлен через анализ стратегий по декарбонизации, внедрению возобновляемых источников энергии, развитию стартап-экосистемы и человеческого капитала. Выявлены институциональные и финансовые барьеры, ограничивающие трансформацию экономики. На основе качественного анализа предложены практические рекомендации и подчеркнута важность международного сотрудничества с ЕС.

Ключевые слова: Устойчивое развитие, инновационная экономика, Европейский союз, Казахстан, зелёная энергетика, стартапы, НИОКР, ESG, цифровизация.

Цель данного исследования - провести глубокий сравнительный анализ практик устойчивого развития и формирования инновационной экономики в странах Европейского союза и в Казахстане, определить ключевые факторы успеха, существующие препятствия и выработать практические рекомендации для ускорения перехода Казахстана к инновационно-устойчивой модели развития.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: 1) Систематизировать теоретические подходы к понятиям «устойчивое развитие» и «инновационная экономика»; 2) Описать ключевые политические и институциональные инструменты, применяемые в странах ЕС для реализации «зеленого» и инновационного курса; 3) Проанализировать практики Казахстана в области «зеленой» экономики, возобновляемых источников энергии, поддержки стартапов и НИОКР; 4) Выявить пробелы и барьеры в трансформации экономики Казахстана и предложить практические меры по их преодолению; 5) Сформулировать рекомендации по укреплению сотрудничества между Казахстаном и ЕС в области инноваций и устойчивого развития [1].

Объектом исследования являются государственные политики, институты и практики трансформации экономик - в частности программы по «зеленой»

трансформации, стратегии по развитию инноваций, инициативы по цифровизации и проекты по внедрению возобновляемой энергетики в странах ЕС и Казахстане.

В работе применены методы сравнительного анализа, систематизации открытых источников, описательный анализ политик и программ, а также синтез экспертных оценок. Основной акцент сделан на качественном сопоставлении подходов к устойчивому развитию и инновациям, а не на количественном моделировании. Понятие устойчивого развития включает три взаимосвязанных измерения: экономическое, экологическое и социальное. В экономическом измерении ключевая задача - обеспечить стабильный рост и диверсификацию без истощения природных ресурсов; в экологическом - минимизировать вред окружающей среде и применять технологии с низким уровнем выбросов; в социальном - обеспечить справедливое распределение благ и доступ к базовым услугам для всех групп населения. Инновационная экономика основывается на знании как главном факторе производства. Для неё характерны высокая доля НИОКР, развитая венчурная инфраструктура, наличие экосистемы стартапов и сильных университетских кластеров, а также гибкие механизмы коммерциализации научных разработок. Инновации в этой модели являются драйвером конкурентоспособности и устойчивого роста [2].

Европейский союз системно интегрировал задачи устойчивого развития в экономическое планирование. Одной из центральных инициатив является Европейский зелёный курс, который объединяет климатическую и промышленную политику, направлен на декарбонизацию, развитие циркулярной экономики и поддержку «зелёных» инвестиций. Практические инструменты, применяемые в ЕС: - Регуляторная база и налоговые механизмы, стимулирующие снижение выбросов и переход на ВИЭ; - Финансирование через инструменты ЕС (гранты, фонды для исследований и инноваций); - Поддержка трансфера технологий и партнёрств между университетами и бизнесом; - Программы переквалификации и развития человеческого капитала для «зелёных» профессий.

Примеры стран ЕС: Германия - активно инвестирует в возобновляемую энергетику и электрификацию транспорта; сильная промышленная база адаптируется за счёт программ поддержки НИОКР и кластерных инициатив. Швеция - один из лидеров по интеграции экологической политики в промышленность и по показателям переработки отходов; высокие инвестиции в НИОКР и устойчивую инфраструктуру. Нидерланды - известны инновациями в устойчивом сельском хозяйстве, управлении водными ресурсами и активной политикой циркулярной экономики [3].

Казахстанский опыт: достижения и вызовы. Казахстан, обладая богатыми природными ресурсами, в последние годы активизировал усилия по диверсификации экономики и внедрению принципов «зелёного» роста. Среди заметных инициатив - национальные стратегии долгосрочного развития, создание технопарков и стартап-экосистем, а также участие в международных проектах по энергоэффективности и ВИЭ.

Достижения и позитивные сдвиги:- Разработка и внедрение национальных стратегий, ориентированных на модернизацию экономики; - Рост числа инновационных площадок и акселераторов; развитие Astana Hub как регионального IT-хаба; - Реализация проектов в области возобновляемой энергетики и энергоэффективности, появление частных инвестиций в ВИЭ; - Рост внимания к зелёным финансам и ESG-практикам среди крупных компаний [4].

Однако существуют и серьезные барьеры: - Высокая доля сырьевого экспорта и зависимость бюджета от нефтегазовых доходов; - Недостаточное финансирование НИОКР и слабая коммерциализация науки; - Ограниченный доступ к венчурному капиталу и международным рынкам для стартапов; - Проблемы кадрового обеспечения:

нехватка квалифицированных специалистов в новых технологиях и управлении проектами.

Ключевые области для синергии и развития. Для успешного перехода к инновационно-устойчивой модели Казахстану важно сосредоточиться на ряде взаимосвязанных приоритетов: 1) Энергетика и декарбонизация: масштабирование проектов ВИЭ, внедрение систем хранения энергии, повышение энергоэффективности в промышленности; 2) Развитие человеческого капитала: образование и переподготовка в области цифровых и «зелёных» навыков; 3) Инновационная инфраструктура: поддержка технопарков, создание механизмов коммерциализации и налоговых льгот для НИОКР; 4) Финансирование: развитие рынка зелёных облигаций, привлечение международных инвестиций и гарантий; 5) Региональное сотрудничество: обмен технологиями и опытом с ЕС и соседями по Центральной Азии.

Рекомендации политического и практического характер. На основе сравнительного анализа предлагаются следующие рекомендации: - Создать долгосрочную дорожную карту перехода к «зелёной» и инновационной экономике с чёткими этапами и индикаторами выполнения; - Усилить финансирование НИОКР через государственно-частное партнёрство, налоговые стимулы и целевые фонды; - Развивать национальную систему поддержки стартапов и масштабирования инноваций (инкубаторы, акселераторы, программы менторства); - Внедрять образовательные программы и переподготовку с упором на цифровые и экологические компетенции; - Активнее использовать международные фонды и механизмы сотрудничества с ЕС для трансфера технологий и лучших практик; - Формировать рынок зелёного финансирования и стандартизацию ESG-отчетности для увеличения прозрачности и привлечения инвестиций [5].

Данная статья опирается преимущественно на качественный анализ и обзор открытых источников. Для более детальной оценки эффективности конкретных мер требуется количественный анализ - моделирование эффектов политик, оценка финансовой отдачи и долгосрочных экономических последствий, что выходит за рамки данного исследования.

Заключение. Устойчивое развитие и инновационная экономика - взаимодополняющие направления, которые при правильной государственной политике и участии частного сектора способны обеспечить долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность страны. Европейский опыт демонстрирует важность системного подхода: сочетание регуляторных мер, финансирования, образования и поддержки инноваций.

Казахстан добился заметного прогресса, но для полного перехода к инновационной и устойчивой модели необходимы ускоренные реформы в области финансирования НИОКР, развития человеческого капитала и расширения международного сотрудничества. Реализация предложенных рекомендаций позволит Казахстану повысить устойчивость экономики, сократить экологические риски и создать условия для устойчивого роста инновационных секторов.

Түйіндеме.

Бұл мақалада Еуропалық Одақ елдері мен Қазақстан Республикасының тұрақты даму және инновациялық экономика салаларындағы саясаттары мен практикалары салыстырмалы түрде талданады. Зерттеудің басты мақсаты – Қазақстанның инновациялық және экологиялық тұрақты даму үлгісіне көшуін жеделдету үшін тиімді тәсілдер мен халықаралық тәжірибені анықтау. Еуроодақтың «Жасыл келісім» бастамасы, ғылыми зерттеулер мен технологиялық инновацияларды қолдау механизмдері кеңінен қарастырылады. Сонымен қатар, Қазақстандағы жасыл экономика,

жаңартылатын энергия көздері, стартаптарды қолдау және адами капиталды дамыту шаралары сарапталады. Мақалада институционалдық кедергілер мен экономикалық трансформациядағы негізгі проблемалар айқындалып, оларды шешуге бағытталған нақты ұсыныстар жасалған. Жұмыс сапалық әдістерге негізделген және ЕО мен Қазақстан арасындағы ынтымақтастық әлеуетін де қарастырады.

Аннотация.

В статье проводится сравнительный анализ практик устойчивого развития и формирования инновационной экономики в Европейском союзе и Республике Казахстан. Основная цель исследования — выявить эффективные подходы, способствующие ускоренному переходу Казахстана к устойчивой и инновационно ориентированной модели роста. Рассматриваются ключевые инициативы ЕС, включая Европейский зелёный курс, меры по стимулированию НИОКР и продвижению зелёных технологий. Казахстанский опыт представлен через анализ стратегий по декарбонизации, внедрению возобновляемых источников энергии, развитию стартап-экосистемы и человеческого капитала. Выявлены институциональные и финансовые барьеры, ограничивающие трансформацию экономики. На основе качественного анализа предложены практические рекомендации и подчеркнута важность международного сотрудничества с ЕС.

Annotation.

This article provides a comparative analysis of sustainable development policies and innovation-driven economic practices in the European Union and the Republic of Kazakhstan. The main objective is to identify effective strategies and international experiences that can help accelerate Kazakhstan's transition toward a sustainable and innovation-based development model. The European Green Deal and EU mechanisms supporting R&D, green finance, and technological innovation are explored in detail. At the same time, Kazakhstan's efforts in promoting renewable energy, green economy, startup support, and human capital development are analyzed. Institutional challenges and structural barriers to economic transformation in Kazakhstan are identified, with practical recommendations provided to address them. The study is based on qualitative analysis and also considers the potential for stronger EU–Kazakhstan cooperation in sustainability and innovation.

Список литературы.

1. Документы национальной стратегии и концепции устойчивого развития (официальные публикации). https://adilet.zan.kz/rus/docs/P060000981_
2. Материалы Европейского зелёного курса и сопутствующие аналитические отчёты. <https://secca.eu/ru/knowledge-hub/eu-policies-and-regulations/green-deal/>
3. Публикации по инновациям и технопаркам в Казахстане (Astana Hub и др.). <https://finance.kz/news/astana-hub-poglotit-vse-tehnoparki-kazahstana-revoljutsiya-v-sfere-innovatsiy>
4. Научные статьи по экономике инноваций и устойчивому развитию. <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-ekonomika-kak-faktor-sposobstvuyuschiy-ustoychivomu-razvitiyu>
5. Отчёты международных организаций (ООН, Мировой банк) по Целям устойчивого развития. <https://globalcompact.ru/events/otchet-oon-po-tselyam-ustoychivogo-razvitiya/>

УДК 314

Шокаманов Ю.К., д.э.н., профессор
Алматинский гуманитарно-экономический
университет, г. Алматы
Демесинова А.А., к.э.н.
Алматинский гуманитарно-экономический
университет, г. Алматы

ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К ДЕТАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЭТАПОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Рассматривается динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности, а также суммарного коэффициента рождаемости в Казахстане с 1950 года. С позиций теории демографического перехода предлагается разбить период с начала 3-го этапа и до конца 4-го на 8 подэтапов, а начало 5-го этапа считать девятым этапом детальной классификации этапов демографического перехода. С использованием математической функции синуса рассчитываются значения суммарного коэффициента рождаемости на начало каждого этапа. С учетом полученных результатов дается оценка нахождения Казахстана на этих этапах с 50-х годов до наших дней. Также с использованием полученной шкалы этапов демографического перехода по показателю суммарного коэффициента рождаемости определяется место регионов Казахстана на этой детализированной шкале демографического перехода.

Ключевые слова: демографический переход, этапы демографического перехода, общий коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, суммарный коэффициент рождаемости, Казахстан, регионы Казахстана.

Под демографическим переходом понимается «переход от относительного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» [1]. Впервые этот термин применил американский демограф Фрэнк Ноутстейн в 1945 году, хотя аналогичные идеи выдвигались и ранее другими исследователями. Сама же концепция демографического перехода сформировалась позднее, что было связано с демографическими изменениями в результате крушения мировой системы колониализма после Второй мировой войны. Значительное снижение смертности (поначалу из-за успешных противоэпидемических мероприятий) при сохранении высокого уровня рождаемости в бывших колониальных странах привело к резкому росту численности населения, который называли «демографическим взрывом».

По мнению С. Захарова, в рамках демографического перехода в развитых странах в последние десятилетия идут социально-демографические процессы, получившие название «второго демографического перехода» [2]. Он связан с фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека и в системе индивидуального брачно-семейного планирования, расширившими возможности каждого человека управлять своей индивидуальной демографической судьбой. Главным следствием этих изменений стало начало и завершение формирования итоговой рождаемости в гораздо

более зрелом возрасте. Ряд исследователей, в частности F. Willekens [3] и M. Roser [4], считают этот переход пятым этапом демографического перехода (см. рисунок 1).

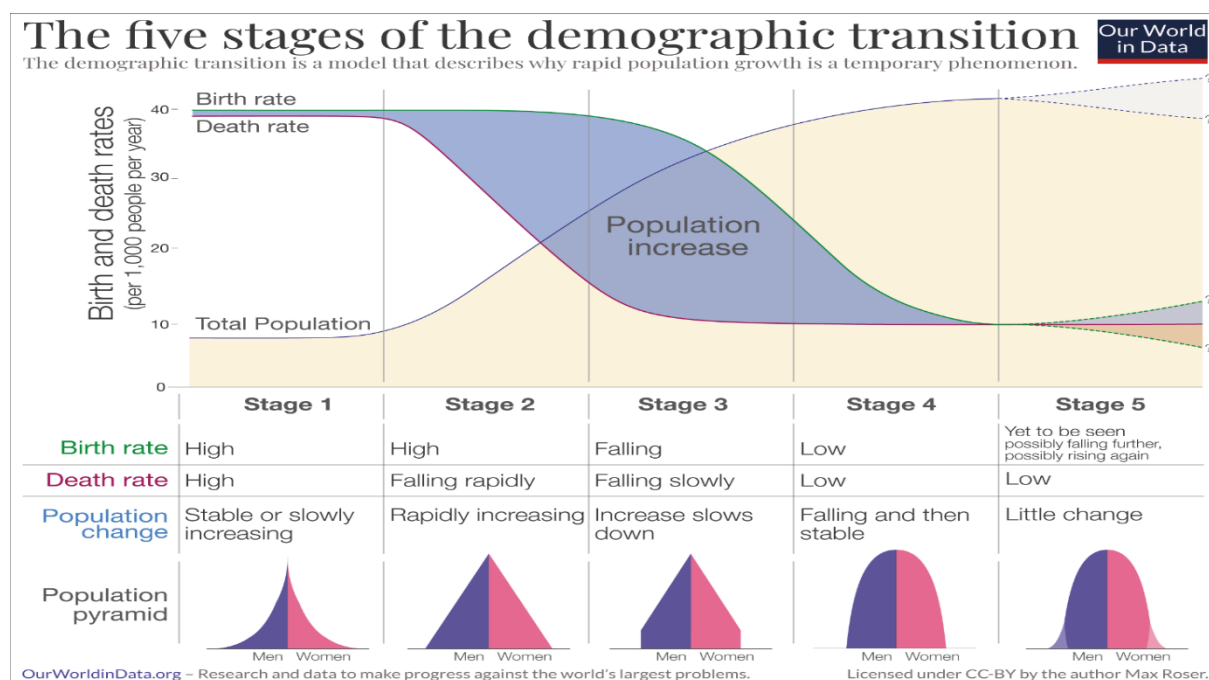

Рисунок 1 - Пять этапов демографического перехода

Источник: Roser, M. (2023). *Demographic transition: Why is rapid population growth a temporary phenomenon?* Our World in Data. <https://ourworldindata.org/demographic-transition> (дата обращения: 5.09.2025)

Сами этапы они характеризуют так:

- Этап 1 – высокие значения общих коэффициентов рождаемости и смертности.
- Этап 2 – смертность сокращается, общий коэффициент рождаемости остается высоким.
- Этап 3 – смертность низкая, а общий коэффициент рождаемости начинает снижаться.
- Этап 4 – общие коэффициенты рождаемости и смертности низкие.
- Этап 5 – изменение численности населения будет зависеть от суммарного коэффициента рождаемости. Если он будет снижаться до уровня менее 2,1, то в стране начнется депопуляция населения.

Ситуация с демографическим переходом в странах СНГ была рассмотрена в статье В.А. Безвербного и Л.И. Бардаковой [5]. По их мнению, Казахстан в настоящее время находится на третьем этапе демографического перехода и движется к четвертому этапу демографического перехода. При этом они отмечают, что теория демографического перехода не вполне полно объясняет тенденции демографического развития стран СНГ после распада СССР.

R. Lee отмечает, что современные тенденции в области народонаселения начали складываться примерно с 1800 года в Европе, и сначала они были связаны со значительным снижением смертности благодаря успешным противоэпидемическим мероприятиям при сохранении высокого уровня рождаемости, что привело к резкому увеличению численности населения [6]. Дальнейшее развитие было связано с

постепенным снижением уровня рождаемости, что привело к сокращению естественного прироста населения. По оценке ООН этот процесс во всем мире завершится к 2100 году.

По нашему мнению, при оценке этапа демографического перехода в Казахстане нельзя ограничиваться общими коэффициентами рождаемости и смертности (ОКР и ОКС), так как в половозрастной пирамиде Казахстана наблюдаются значительные «демографические волны», вызванные резким снижением рождаемости во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Эти показатели будут сильно зависеть от количества женщин в репродуктивном возрасте, а также от доли населения в пожилом возрасте. В этой связи для оценки особенностей казахстанской модели демографического перехода следует использовать суммарный коэффициент рождаемости (СКР), учитывая, что уровень фертильности является определяющим фактором, начиная с 3-го этапа демографического перехода.

Рассмотрение рисунка 1 позволяет сделать предположение, что кривая общего коэффициента рождаемости с начала 3-го этапа и до начала 5-го изменяется по синусоиде. Однако, учитывая, что общие коэффициенты рождаемости и смертности сильно зависят от «демографических волн» в структуре населения Казахстана, мы при детальной классификации этапов демографического перехода предлагаем использовать суммарный коэффициент рождаемости, который также изменяется по синусоиде.

Исторические данные за 50-е годы показывают, что общий коэффициент рождаемости в Казахстане в это время составлял 35,9 рождений на 1000 населения, а средняя величина суммарного коэффициента рождаемости составляла 4,56¹¹. Мы полагаем, что 50-е годы были началом 3-го этапа демографического перехода. А 4-й этап, как известно, заканчивается значением СКР=2,1. Примем, что от начала 3-го к концу 4-го этапа СКР меняется по синусоиде от 90 градусов ($\pi/2$ радиан, СКР=4,56) до 270 градусов ($\frac{3}{2}\pi$ радиан, СКР=2,1):

$$\text{СКР} = A + B \times \sin \alpha,$$

где $A = \frac{4,56-2,1}{2} = 3,33;$

$B = A - 2,1 = 1,23;$

α – угол от $\pi/2$ радиан до $\frac{3}{2}\pi$ радиан.

Разобьём весь интервал на 8 периодов, а также добавим период начала 5-го этапа демографического перехода. Получаем следующую детальную классификацию начала периодов с 3-го по 5-й этапы демографического перехода (ДП, см. таблицу 1):

Таблица 1 – Начальные значения суммарного коэффициента рождаемости для детализированных этапов демографического перехода в Казахстане

Период	Угол в радианах	Синус	Синусоида	Этап ДП	Характеристика этапа
1	1,57	1,00	4,56	31	начало 3-го этапа (1-й четверти);
2	1,96	0,92	4,47	32	начало 2-й четверти 3-го этапа
3	2,36	0,71	4,20	33	начало 3-й четверти 3-го этапа
4	2,75	0,38	3,80	34	начало 4-й четверти 3-го этапа

¹¹ Интернет-ресурс Statbase: 1) общий коэффициент рождаемости: <https://statbase.ru/data/kaz-death-rate/>;

2) суммарный коэффициент рождаемости: <https://statbase.ru/data/kaz-birth-rate/>

5	3,14	0,00	3,33	41	начало 4-го этапа (1-й четверти)
6	3,53	-0,38	2,86	42	начало 2-й четверти 4-го этапа
7	3,93	-0,71	2,46	43	начало 3-й четверти 4-го этапа
8	4,32	-0,92	2,19	44	начало 2-й четверти 4-го этапа
9	4,71	-1,00	2,10	50	начало 5-го этапа

Источник: расчеты авторов на основе данных интернет-ресурса Statbase: суммарный коэффициент рождаемости: <https://statbase.ru/data/kaz-birth-rate/>

Исторические данные показывают, что Казахстан после 50-х годов очень быстро перешел к началу остальных четвертей 3-го этапа демографического перехода: этап 32 – 1961 год, этап 33 – 1964 год, этап 34 – 1967 год. В 1976 году Казахстан вышел на начало 4-го этапа демографического перехода, когда СКР снизился до значения 3,33. А в 1990 году произошел переход ко второй четверти четвертого этапа (СКР стал меньше значения 2,86). После резкого снижения СКР в 90-е годы и его восстановления в 2000-е Казахстан вернулся в 2007 году ко второй четверти четвертого этапа (СКР стал больше 2,46), а в 2020 году – к первой четверти четвертого этапа (СКР стал больше 2,86).

Рассмотрим теперь с использованием полученной детализированной шкалы демографического перехода нахождение регионов Казахстана на этой шкале на начало 2025 года (см. таблицу 2 и рисунок 2).

Рисунок 2 показывает зеркальное отражение линий ОКР и ОКС относительно некоторой средней между ними линии. Одновременно мы видим, что линии этих коэффициентов не являются плавными несмотря на то, что мы ранжировали последовательность регионов по показателю СКР. Это связано с тем, что эти показатели зависят также от структуры населения.

Таблица 2 – Этапы демографического перехода в Республике Казахстан и его регионах по состоянию на 01.01.2025г.

Регионы	Рождаемость	Смертность	СКР-2024	Этап ДП
Республика Казахстан	18,15	6,59	2,80	42
Абай	15,61	8,95	2,96	41
Акмолинская	12,72	8,96	2,12	44
Актюбинская	19,00	6,21	2,95	41
Алматинская	20,33	6,13	3,38	34
Атырауская	21,25	5,14	3,26	41
Западно-Казахстанская	15,97	8,09	2,61	42
Жамбылская	19,78	6,09	3,32	41
Жетысу	17,54	7,22	3,13	41
Карагандинская	13,55	9,36	2,17	44
Костанайская	10,96	10,10	1,80	50
Кызылординская	21,92	5,28	3,68	34
Мангистауская	24,29	4,39	3,70	34
Павлодарская	12,06	9,56	2,04	50
Северо-Казахстанская	9,66	11,51	1,71	50
Туркестанская	24,88	4,70	4,25	32
Улытау	18,59	8,48	3,12	41
Восточно-Казахстанская	11,66	11,25	2,13	44
г. Астана	19,28	3,91	2,26	43

г. Алматы	15,20	5,38	1,85	50
г. Шымкент	23,58	4,12	3,23	41

Источник: составлено на основе данных Бюро национальной статистики АСПИР РК:

1) общий и суммарный коэффициенты рождаемости: Родившиеся.xlsx

2) общий коэффициент смертности: Умершие.xlsx

Большая доля населения в фертильном возрасте при фиксированном СКР дает большее значение ОКР, а меньшая доля более пожилого населения дает более низкое значение ОКС. И, наоборот, меньшая доля населения в фертильном возрасте при фиксированном СКР дает меньшее значение ОКР, а большая доля более пожилого населения дает более высокое значение ОКС. В результате, высокая доля молодежи в городах Астана, Алматы и Шымкент дает для оценки этапа демографического перехода завышенные показатели ОКР и заниженные ОКС. А в ряде регионов, наоборот, для оценки этапа демографического перехода показатели ОКР будут заниженными, а показатели ОКС завышенными.

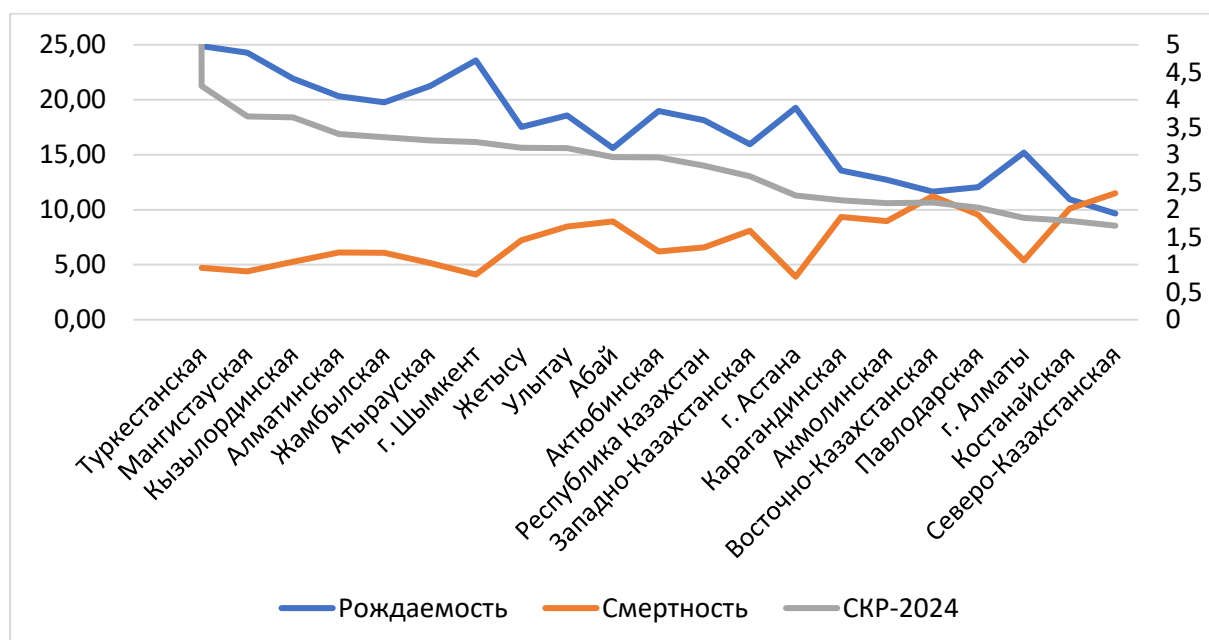

Рисунок 2 – Регионы Казахстана, ранжированные по детализированным этапам демографического перехода по состоянию на 01.01.2025г.

Источник: составлено на основе данных Бюро национальной статистики АСПИР РК:

1) общий и суммарный коэффициенты рождаемости: Родившиеся.xlsx

2) общий коэффициент смертности: Умершие.xlsx

То есть показатель СКР более объективно отражает нахождение страны или регионов на определенном этапе демографического развития.

На этапе 32 (вторая четверть третьего этапа) находится Туркестанская область с очень высоким значением СКР, высоким значением ОКР и низким значением ОКС.

На этапе 33 нет регионов.

Мангистауская, Кызылординская и Алматинская области находятся на этапе 34 с высокими значениями СКР, ОКР и низкими значениями ОКС.

Семь регионов находятся на этапе 41. Три из них – Жамбылская, Атырауская области и город Шымкент – имеют более высокие ОКР и низкие ОКС. Область Жетысу характеризуется сравнительно низкими значениями ОКР и ОКС, а Улытау – наоборот,

сравнительно высокими их значениями. У области Абай сравнительно низкий ОКР и высокий ОКС, а у Актыбинской области, наоборот, сравнительно высокий ОКР и низкий ОКС.

На этапе 42 находятся только Республика Казахстан со средними значениями всех показателей и Западно-Казахстанская область при среднем СКР со сравнительно низким ОКР и высоким ОКС.

На этапе 43 находится город Астана, у которого при сравнительно низком СКР высокое значение ОКР и низкое значение ОКС обеспечивают высокий естественный прирост населения города.

На этапе 44 находятся три региона – Карагандинская, Акмолинская и Восточно-Казахстанская области, у которых СКР пока больше 2,1, а ОКР превышает ОКС, обеспечивая небольшой естественный прирост населения регионов.

И, наконец, на этапе 50 находятся четыре региона с СКР меньше 2,1. При этом в Павлодарской и Костанайской области ОКР превышает ОКС, обеспечивая пока небольшой естественный прирост населения. В городе Алматы аналогичная ситуация, но разница между ОКР и ОКС дает пока более значительный прирост населения. И, наконец, в Северо-Казахстанской области ОКС превышает ОКР, что приводит к сокращению численности населения области.

Таким образом, если ОКР и ОКС еще скрывают начавшуюся депопуляцию населения в стране, то детализированная шкала этапов демографического перехода на основе СКР показывает, что уже в 4 регионах она фактически началась и при дальнейшем изменении структуры населения проявится в ближайшее время. А еще три региона практически завершают 4-й этап демографического перехода. Кроме того, детализированная шкала показывает, что Казахстан уже находится во второй четверти 4-го этапа демографического перехода, в то время как другие источники указывают, что он находится только на 3-м этапе. Детализированная шкала позволяет заранее оценить демографическую обстановку в каждом регионе страны и принять соответствующие меры.

Доклад подготовлен в рамках реализации грантового исследования Комитета науки МНВО Республики Казахстан AP19679152 «Казахстанская модель демографического перехода и возможности устойчивого социально-экономического развития страны».

Литература

1. Энциклопедия. (2022). Демографический переход. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/demograficheskii-perekhod-a3b9d7> (дата обращения 9.09.2025)
2. Захаров, С. (2012, January 23 – February 5). Какой будет рождаемость в России? Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости. Демоскоп Weekly, (495–496). URL: <https://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php> (дата обращения 5.09.2025)
3. Willekens, F. (2021). Demographic transitions in Europe and the world (MPIDR Working Paper WP-2014-004). Max Planck Institute for Demographic Research. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2014-004.pdf> (дата обращения 5.09.2025)
4. Roser, M. (2023). Demographic transition: Why is rapid population growth a temporary phenomenon? Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/demographic-transition> (дата обращения 5.09.2025)

5. Безвербный, В. А., & Бардакова, Л. И. (2021). Демографический переход в странах СНГ: тенденции и предварительные итоги. ДЕМИС. Демографические исследования, 1(3), 11–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskiy-perehod-v-stranah-sng-tendentsii-i-predvaritelnye-itogi/viewer> (дата обращения 5.09.2025)

6. Lee, R. D. (2008). Demographic transition. In S. N. Durlauf & L. E. Blume (Eds.), The New Palgrave Dictionary of Economics (2nd ed.). Palgrave Macmillan. URL: https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_320-2 (дата обращения 5.09.2025)

УДК 339

Баева Ю.В.

кандидат экономических наук,
Казахстанский филиал
МГУ имени М.В.Ломоносова
Астана

ИНДИКАТИВНАЯ ОЦЕНКА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Аннотация. В статье представлена оценка торгово-экономических отношений между Казахстаном и Россией на основе разработанных индикаторов, отражающих движение торгово-финансовых потоков. Данные индикаторы учитывают как количественные, так и качественные характеристики двусторонней торговли, а также показатели взаимных инвестиций. Результаты расчетов свидетельствуют о поступательном укреплении торгово-экономических связей между странами начиная с 2011 года. Вместе с тем индикаторы зафиксировали изменения в характере этих отношений в 2021–2023 годах, обусловленные усилением антироссийских санкций и изменением внешнеэкономической конъюнктуры. Предложенные индикаторы могут быть апробированы при анализе торгово-экономических взаимодействий других стран-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, торгово-экономические отношения, торгово-финансовый поток, интеграция, экспорт, импорт, валовые прямые инвестиции

Информация о финансировании. Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19676692 «Структурные изменения в экономике ЕАЭС и их влияние на устойчивое развитие экономики Казахстана»).

Со дня вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе (далее ЕАЭС, Союз) прошло 10 лет. Сегодня членами ЕАЭС являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Одной из целей создания ЕАЭС является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов [1]. За этот период Казахстан сохранил устойчивые экономические связи со странами-участницами Союза, доля товарооборота с которыми составляет пятую часть от общего объема товарооборота страны (см. рисунок 1 ниже).

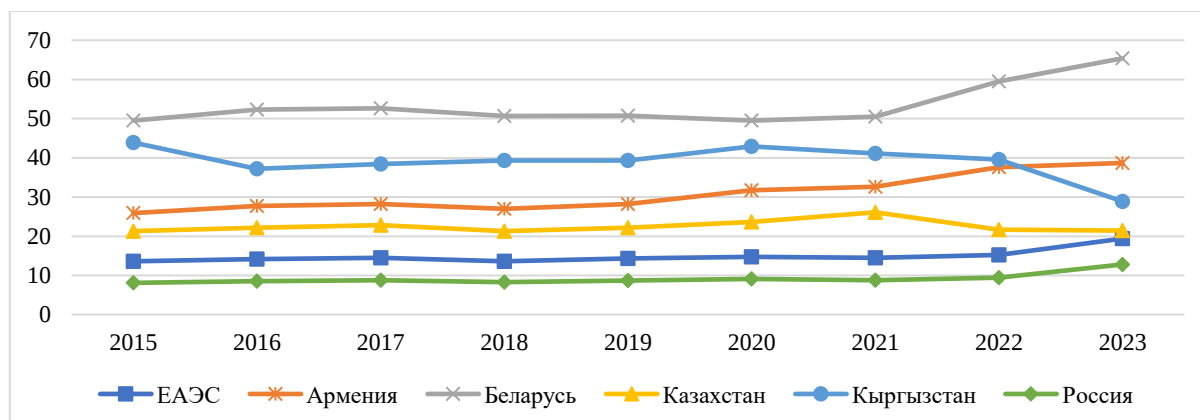

Рисунок 1. Динамика доли товарооборота ЕАЭС и его членов в общем объеме внешней торговли со странами, в процентах

Источник: рассчитано авторами на основе данных Статкомитета СНГ [2]. Показатели за 2022 и 2023 год по экспорту и импорту товаров России и Беларуси не опубликованы. Соответствующие показатели были сформированы на основе зеркальной статистики их торговых партнеров.

Наиболее тесные торговые связи наблюдаются между Казахстаном и Россией: Казахстан направляет около 12% своего экспорта в Россию, а импортирует из России треть от всего объема импортных товаров (см. таблицу 1 ниже).

Таблица 1. Удельный вес товаров стран-участниц ЕАЭС в экспортной и импортной корзине Казахстана в 2024 году

Страна	Удельный вес экспорта Казахстана в страну в общем объеме экспорта Казахстана, в %	Удельный вес импорта в Казахстан из страны в общем объеме импорта в Казахстан, в %
Армения	0,04	0,08
Беларусь	0,21	1,26
Кыргызстан	1,57	0,82
Россия	11,69	30,77

Источник: составлено автором на основе [3]

Расширение и углубление экономических взаимоотношений стран отражается не только показателями взаимной торговли товарами и услугами: между странами развивается инвестиционное сотрудничество, осуществляется перемещение рабочей силы и др.

Важное значение и высокую актуальность приобретают методы оценки глубины экономических связей между странами. Таким образом, *целью настоящего исследования является оценка торгово-экономических отношений Казахстана и России на основе разработанных индикаторов глубины торгово-экономических связей. Данные индикаторы могут быть использованы для оценки связей Казахстана с другими странами-членами ЕАЭС.*

Среди существующих подходов для подобного рода оценок можно выделить оценки, используемые Евразийской экономической комиссией (далее ЕЭК) [4], индекс интеграции рынков [5], совокупные индексы глубины интеграционных процессов в торговле [6] и др.

ЕЭК для оценки глубины интеграции между странами используют массивы данных, включающих около 20 различных статистических индикаторов, в том числе и основанных на экспертном мнении. Подобные оценки трудно воспроизводимы для измерений на материалах иных стран и чрезмерно перегружены показателями, что затрудняет интерпретацию полученных оценок. Индекс интеграции рынков [5] методологически имеет более простую конфигурацию: включает в себя 4 субиндекса на основе данных по экспорту и импорту, численности населения и данных о трудовой миграции. Совокупный индекс глубины интеграционных процессов [6] в сфере торговли сфокусирован, как следует из названия, на оценку торговых отношений.

Дополняя и развивая существующие подходы для оценки торгово-экономических отношений, предлагается использовать два индикатора, которые будут учитывать показатели, характеризующие не только объемы товарных потоков, но и их структуру (через показатель индекса концентрации товарной и импортной корзины методом Херфиндаля-Хиршмана (далее ННИ)), а также инвестиционные потоки.

Первый индикатор – индикатор движения торгово-финансового потока (далее ТФП) из России в Казахстан (формула 1 ниже). Второй индикатор – индикатор движения ТФП из Казахстана в Россию (формула 2 ниже).

Индикатор движения ТФП из России в Казахстан предлагается рассчитывать по формуле (1):

$$I_{RK_i} = a_1 \cdot I_{im_i}^g + a_2 \cdot I_{HHI_{im_i}} + a_3 \cdot I_{DI_{in_i}} \quad (1)$$

где I_{RK_i} – индикатор движения ТФП из России (R) в Казахстан (K);

$I_{im_i}^g$ – нормированный показатель доли импорта товаров в Казахстан из России в общем объеме импорта Казахстана;

$I_{HHI_{im_i}}$ – нормированный показатель степени концентрации импортной корзины России в Казахстан;

$I_{DI_{in_i}}$ – нормированный показатель валового притока прямых инвестиций из России в Казахстан (инструменты участия в капитале, реинвестированные доходы и долговые инструменты) в общем объеме валового притока прямых инвестиций в Казахстан;

$\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ – коэффициенты чувствительности индикатора при изменении обозначенных выше показателей.

Индикатор движения ТФП из Казахстана в Россию предлагается рассчитывать по аналогичной формуле (2):

$$I_{KR_i} = b_1 \cdot I_{ex_i}^g + b_2 \cdot I_{HHI_{ex_i}} + b_3 \cdot I_{DI_{out_i}} \quad (2)$$

где I_{KR_i} – индикатор движения ТФП из Казахстана (K) в Россию (R);

$I_{ex_i}^g$ – нормированный показатель доли экспорта товаров из Казахстана в Россию в общем объеме экспорта Казахстана;

$I_{HHI_{ex_i}}$ – нормированный показатель степени концентрации экспортной корзины Казахстана в Россию (на основе ННИ);

$I_{DI_{out_i}}$ – нормированный показатель валового оттока прямых инвестиций из Казахстана в Россию в общем объеме валового оттока прямых инвестиций из Казахстана;

b_1, b_2, b_3 – коэффициенты чувствительности индикатора при изменении обозначенных выше показателей.

Нормирование показателей обусловлено необходимостью обеспечения их сопоставимости. Коэффициенты чувствительности рассчитаны как среднее арифметическое и будут иметь одинаковые веса. Могут использоваться и иные подходы для определения весовых коэффициентов, например метод главных компонент, как это сделано в работе [5].

Рост данных индикаторов будет свидетельствовать об углублении торгово-экономических связей между странами, что может проявляться в увеличении торговых и инвестиционных потоков, повышении разнообразия экспортных и импортных корзин.

Для исследования использовался временной период с 2011 года по 2024 год включительно. Источниками данных выступили данные БНС АСПР РК (удельные веса экспорта в Россию в общем объеме экспорта Казахстана, удельные веса импорта из России в общем объеме импорта в Казахстан), данные Национального Банка Республики Казахстан (валовый приток / отток прямых инвестиций по странам), а также самостоятельные расчеты автора (степень концентрации экспортной и импортной корзины). Методология расчета степени концентрации, а также и сами показатели опубликованы в работе [7].

Динамика данных двух индикаторов отражена на рисунке 2 ниже. За исследуемый период оба индикатора демонстрируют восходящий тренд. При этом на рисунке отчетливо выделяется период 2022 года, когда в отношении России были ужесточены санкции. Движение ТФП из Казахстана в Россию показал высокие значения с 2022 по 2023 год преимущественно за счет реэкспортных операций, расширение экспортного ассортимента и усиления инвестиционного сотрудничества в условиях антироссийских санкций.

Товарно-финансовые потоки из России в Казахстан, напротив, ослабевает с 2021 года, преимущественно за счет сокращения импорта в Казахстан (в том числе и в связи с уходом западных компаний из России, а также изменением глобальных логистических маршрутов).

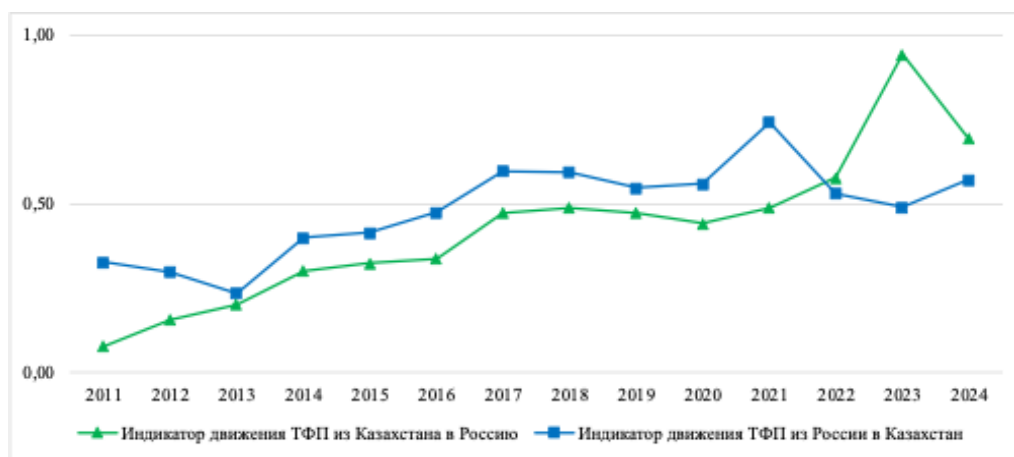

Рисунок 2. Динамика индикатора движения ТФП из Казахстана в Россию и индикатора движения ТФП из России в Казахстан с 2011 по 2024 г.

Источник: рассчитано автором

Предложенные индикаторы могут быть апробированы и на материалах других стран-членов ЕАЭС. При этом данные индикаторы могут быть модифицированы за счет включения дополнительных показателей, характеризующих торговлю услугами, перемещение рабочей силы между странами.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] / Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/>
2. Внешнеэкономическая деятельность [Электронный ресурс] / Статкомитет СНГ. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/econ-trade>
3. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам (2024 г.) [Электронный ресурс] / Бюро национальной статистики Агентства по стратегическим реформам и планированию Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/spreadsheets/?year=2024&name=19182&period=&type=>
4. Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatory-integratsii-2019.pdf>
5. Хасая Н.М., Гречко Е.А. Оценка глубины межгосударственной интеграции в рамках европейского единого рынка. ИнтерКарто. ИнтерГИС. М.: Географический факультет МГУ. 2022. Т. 28. Ч. 1. С. 240–254.
6. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023 : междунар. докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / М. К. Глазатова (рук. авт. кол.), С. С. Аветисян, Д. А. Алешин и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. Дом Высшей школы экономики. 2023. 306 с.
7. Шокаманов, Ю., Баева, Ю., & Бельгибаева, К. (2025). Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России в условиях санкций. Статистика, учет и аудит, 1(96), 5–18. <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2025.-1.01>

УДК 65.012.8

Д. А. Бушуев, д.т.н., профессор
Ф. Л. Юлдашева, магистрант
Astana IT University, г. Астана

INNOVATIVE APPROACHES TO PROJECT MANAGEMENT THROUGH MARKETING TOOLS: EUROPEAN AND KAZAKHSTANI PERSPECTIVES

Abstract. This article explores the integration of marketing tools and methods into project management, examining how these approaches can actually improve project outcomes in practice. By combining European and Kazakhstani perspectives, it shows that tools like SWOT and PEST analysis, marketing analytics, and customer-focused methods help managers plan more accurately, manage risks earlier, and keep stakeholders more engaged. The study also discusses how digitalisation, open innovation, and social media tools are reshaping both marketing and project practices. Case insights from European companies illustrate the benefits of agile marketing and client management, while Kazakhstani examples demonstrate the use of marketing tools to attract investments and support business growth. The

findings emphasize opportunities for Kazakhstan to adapt European practices to local conditions, offering both theoretical contributions and practical recommendations.

Key words: project management, marketing tools, open innovation, client management, digitalization, Kazakhstan, European experience, social media marketing, sustainable development, marketing analytics.

This study employs a comparative qualitative design to investigate how marketing tools and methods are integrated into project management within European and Kazakhstani contexts. The research combines a structured literature-based review with illustrative case comparisons drawn from recent peer-reviewed studies and industry examples.

The inclusion criteria required that articles explicitly connect marketing instruments (e.g., SWOT, PEST, customer analytics, social media, client management) with project management practices across lifecycle phases—initiation, planning, execution, and closure. Sources limited to either marketing or project management without integration were excluded. Representative works included research on open innovation and product launches, project marketing and client management, digital tools such as crowdfunding and content marketing, social media assimilation in B2B firms, and the role of AI and analytics in digital project transformation. Kazakhstan-specific contributions, such as studies on marketing tools for attracting investment in green projects, provided contextual depth and allowed meaningful contrasts with European practices.[1]

For analysis, data were extracted on project context, type of marketing tool, project phase addressed, integration mechanism, and reported outcomes. These were coded under four main themes: strategic tools, digital tools, client orientation, and innovation openness. A cross-case comparative synthesis was then conducted to identify patterns and differences between European and Kazakhstani practices. To strengthen validity and reliability, multiple sources were triangulated, coding definitions were iteratively refined, and negative case analysis was applied where integration did not lead to positive outcomes. As the research draws exclusively on published academic and industry studies, no ethical approval was required.

Strategic tools in project initiation

Across both European and Kazakhstani contexts, strategic marketing instruments such as SWOT and PEST analysis were found to play a critical role in shaping project initiation and planning. In Europe, companies like Unilever and IKEA use these tools to align projects with market trends, sustainability priorities, and consumer expectations. By contrast, in Kazakhstan, SWOT and PEST are applied more narrowly, often in the context of investment attraction or business case preparation for green and infrastructure projects. This suggests that while Kazakhstan recognizes the value of strategic marketing methods, their application could be broadened to systematically support project governance and decision-making beyond finance-related projects.

Digital tools in project planning and execution

The increasing digitalization of project management has introduced new opportunities for integrating marketing analytics, CRM systems, and AI-driven platforms. European firms such as Zara leverage agile marketing analytics to synchronize supply chain and marketing projects with fast-changing consumer trends. In Kazakhstan, Kaspi.kz illustrates how predictive analytics can reduce risk by tailoring financial products to customer needs. Yet, while leading firms adopt these advanced tools, many Kazakhstani SMEs still face barriers related to limited infrastructure and digital maturity. This indicates a significant potential for expansion, provided that digital ecosystems and data governance are further developed.[2,3]

Client management and stakeholder engagement

European literature on project marketing emphasizes client management as a structural part of project governance . By embedding customer relationships into project routines, companies achieve higher stakeholder trust and long-term value creation. For example, European B2B firms integrate social media into their client management processes to enhance collaboration and product development. In Kazakhstan, practices of integrating customer feedback are emerging, particularly in retail and technology companies such as Technodom. However, the process remains less institutionalized, suggesting the need for structured frameworks and training to fully embed client management into project management practices.[4]

Innovation openness and social media integration

Findings also highlight the role of open innovation and social media tools in driving innovation-oriented projects. In Europe, firms apply open innovation models and use social media platforms not only for marketing but also for co-creation with clients and stakeholders . In Kazakhstan, social media is primarily used for promotional activities, with limited integration into project governance. Nevertheless, its potential as a collaborative and innovative tool remains largely untapped, presenting an opportunity for Kazakhstani firms to enhance stakeholder participation and project adaptability through more sophisticated digital engagement strategies.[5]

Table 1 summarizes the comparative analysis of European and Kazakhstani practices in integrating marketing tools into project management. The results show clear differences in both scope and maturity of adoption. In Europe, strategic tools such as SWOT and PEST are systematically applied to align projects with consumer expectations and long-term market trends, whereas in Kazakhstan these instruments are primarily used for investment attraction and feasibility assessments. Similarly, European firms demonstrate advanced use of digital analytics and CRM systems, supported by Big Data and AI, while Kazakhstani firms such as Kaspi.kz illustrate selective but promising applications of predictive analytics.

Table 1 - Integration of marketing tools into project management: European vs Kazakhstani practices

Category	European practices	Kazakhstani practices	Key implications
Strategic tools (SWOT, PEST)	Widely used for aligning projects with market trends and consumer needs	Primarily used for investment attraction and feasibility analysis	Broader adoption in Kazakhstan could enhance governance beyond financing contexts
Digital analytics & CRM	Advanced use of AI, Big Data, and agile analytics in retail and services	Kaspi.kz applies predictive analytics; adoption among SMEs remains low	Infrastructure development needed to scale benefits
Client management	Institutionalized in project governance; social media supports B2B collaboration	Emerging in retail/tech sectors; practices not fully systematized	Training and structured frameworks could strengthen adoption
Social media & open innovation	Used as tools for innovation, co-creation, and	Mainly promotional, limited role in governance	Untapped potential for project adaptability and stakeholder dialogue

	stakeholder participation		
Compiled by the author based on [4-6]			

The table further highlights that client management is well institutionalized in European contexts, often supported by social media assimilation in B2B relationships, whereas in Kazakhstan it remains an emerging practice concentrated in retail and technology sectors. Finally, European firms increasingly treat social media and open innovation as tools for co-creation and stakeholder engagement, while in Kazakhstan these tools are mostly restricted to promotional purposes. Taken together, the findings suggest that Kazakhstan has significant opportunities to expand the use of marketing tools in project governance by adapting European practices to local conditions.

In addition to the comparative analysis of European and Kazakhstani practices, it is useful to examine how marketing tools can be systematically integrated into different phases of the project lifecycle. Project management is typically structured around five main stages—initiation, planning, execution, monitoring and control, and closure—and each stage requires specific instruments to ensure effectiveness. While traditional PM frameworks emphasize scheduling, budgeting, and risk management, the inclusion of marketing methods adds a customer-oriented and market-sensitive dimension. Table 2 summarizes how commonly applied marketing tools align with project phases and illustrates the outcomes they are expected to deliver in terms of improved planning accuracy, adaptability, stakeholder engagement, and overall project success.[7]

Table 2 - Marketing tools integrated into project management phases and their outcomes

Project Phase	Marketing tools	Expected outcomes
Initiation	SWOT analysis, PEST analysis, competitor analysis	Clear understanding of opportunities and threats; stronger alignment of project objectives with market needs; improved risk
Planning	CRM systems, digital analytics, forecasting models, stakeholder mapping	More accurate resource allocation; realistic timelines; customer-driven project scope; better communication plans
Execution	Agile marketing practices, social media platforms, content marketing, client management routines	Higher adaptability to market changes; enhanced collaboration with stakeholders; stronger customer engagement; reduced risk of project failure
Monitoring & control	KPI dashboards, customer feedback loops, sentiment analysis, benchmarking	Early detection of risks; ongoing project adjustments; measurement of client satisfaction and engagement
Closure	Surveys, post-project reviews, customer journey mapping, knowledge transfer practices	Increased stakeholder satisfaction; valuable lessons learned; reinforcement of client relationships for future projects
Compiled by the author based on multiple academic sources [7-8]		

The findings demonstrate that the integration of marketing tools into project management is not only supportive but also transformative, especially when considered through the lenses of market orientation and digitalization. In European contexts, the systematic use of

SWOT, PEST, digital analytics, and client management practices shows how marketing contributes directly to project governance, strategic alignment, and innovation. This confirms earlier research on open innovation and project marketing, which highlights the value of customer insight and relationship management in shaping project outcomes. In Kazakhstan, while promising cases such as Kaspi.kz and green investment initiatives illustrate the potential of marketing-driven project management, the application remains narrower, often limited to investment attraction and promotional activities. This suggests that Kazakhstan can strengthen project governance and adaptability by adopting European practices in digital analytics, client management, and innovation co-creation, tailored to local institutional and business contexts.[9]

From a practical perspective, the integration of marketing into project management provides organizations with tools to improve planning accuracy, reduce risks, and build stronger stakeholder relationships. For European firms, this integration ensures competitiveness in dynamic markets, while for Kazakhstani companies it offers a pathway to modernize governance and increase project success rates. However, challenges remain: digital infrastructure in Kazakhstan is still developing, SMEs lack access to advanced analytics, and client management practices are not yet institutionalized. Moreover, the qualitative and literature-based nature of this study means that empirical validation through surveys or interviews would further strengthen the evidence. Nevertheless, the analysis highlights a significant opportunity: by embedding marketing tools into project management processes, organizations in both regions can achieve not only operational efficiency but also greater innovation and long-term value creation.[10]

References

1. Zhou, Y., Wang, T., & Zhao, L. (2023). Timing of openness in product launches: The interplay of marketing and technological capabilities. *Industrial Marketing Management*, 108, 180–193.
2. Skaates, M. A., & Tikkanen, H. (2025). Project marketing and client management: Rethinking the role of marketing in project governance. *Project Leadership and Society*, 6(1), 12–25.
3. Ribeiro-Navarrete, S., Botella-Carrubi, D., & Palacios-Marqués, D. (2022). Crowdfunding and content marketing as digital enablers in project-based financing. *Procedia Computer Science*, 204, 460–467.
4. Mikalef, P., Krogstie, J., & Pappas, I. O. (2024). Assimilation of social media in B2B firms: The role of top management participation and absorptive capacity. *Industrial Marketing Management*, 118, 146–157.
5. Fernández, V., Ahimbisibwe, A., & Abdirahman, M. (2024). Digitalization in project management: A systematic review of methods and lifecycle stages. *International Journal of Project Management*, 42(2), 115–130.
6. Kenzhegaliyeva, A., Ilyasova, A., & Turganbayeva, L. (2023). Development of marketing tools to raise funds for green projects: Experience of the Republic of Kazakhstan. *Academy of Strategic Management Journal*, 22(6), 1–12.
7. Herzing, S. (2024). Exploring the relationship between business strategy and project management tools and techniques: A case study in the marketing industry. *International Review of Management and Marketing*, 14(2), 77–89.
8. Aladayleh, M. J., Al-Refaie, A., & Al-Okaily, M. (2020). Innovative marketing approach in project management: A market orientation perspective. *International Review of Management and Marketing*, 10(6), 45–54.

9. Yazdanifard, R. (2023). Project management and integration management in relationship with service marketing. *International Journal of Management Studies*, 10(4), 77–85.
10. Zozulya, V., Titova, N., & Ciric, D. (2021). Using the project management methods in digital marketing. In *Proceedings of the International Conference on Digital Economy* (pp. 123–135).

Ябекова С. С.

С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу
университетінің докторанты, Астана, Қазақстан
Ғылыми жетекші - **Шаукерова З.М**

АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ КӘСІПОРНЫНДА БИЗНЕС-ПРОЦЕСТЕРДІ БЮДЖЕТТЕУДІ ҚОЮ ЖҮЙЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада ауыл шаруашылығы кәсіпорындарында бизнес-процестерді бюджеттеу жүйесін енгізудің теориялық және практикалық аспектілері қарастырылады. Ауыл шаруашылығы саласының ерекшеліктерін ескере отырып, бизнес-процестерді кезең-кезеңімен жоспарлау, шығындарды нақты есептеу және жоспар-факт салыстыру тәсілдері сипатталған.

Сонымен қатар, нақты кәсіпорындарда қолдануға болатын тиімді бюджеттеу үлгілері ұсынылады. Ақпараттық жүйелерді пайдалану, автоматтандыру және қызметкерлерді оқыту сынды факторлардың бюджеттеуді жетілдірудегі рөлі айқындалады. Мақаланың мақсаты – ауыл шаруашылығы ұйымдарында басқарудың тиімді жүйесін қалыптастыру үшін бизнес-процестерге негізделген бюджеттеу әдістемесін ұсыну.

Кілт сөздер: Ауыл шаруашылығы, бюджеттеу, басқару есебі, бизнес-процестер, қаржылық тұрақтылық, қаржылық жоспарлау, шығындарды бақылау, ақпараттық жүйелер, автоматтандыру, ресурстарды тиімді пайдалану.

Ауыл шаруашылығы саласы қазіргі уақытта әлемдік экономикада маңызды орын алады. Қазіргі таңда бұл салада жүзеге асып жатқан бизнес-процестерді тиімді басқару, шығындарды оңтайландыру және өнімділікті арттыру мәселелері өзекті болып отыр. Ауыл шаруашылығы кәсіпорындарының қаржылық жағдайын тұрақтандыру үшін бюджеттеу жүйесін енгізу қажет. Бюджеттеу — шаруашылықтың барлық бизнес-процестерін жоспарлауға, қадағалауға және бағалауға мүмкіндік беретін тиімді құрал.

Қазақстан Республикасында ауыл шаруашылығын дамыту мен өндірістік процестерді басқару аясында бірнеше жүйелер мен әдістемелер қолданылып келеді. Дегенмен, өндірістік процестерді бюджеттеу мәселесі әлі де толық шешілмеген. Бұл мақалада ауыл шаруашылығы кәсіпорындарында бизнес-процестерді бюджеттеу жүйесін енгізу әдістемесі қарастырылып, оны енгізудің артықшылықтары мен қиындықтары талқыланады[1].

Бизнес-процестер мен бюджеттеу ұғымдарының өзара байланысы

Бизнес-процесс — бұл кәсіпорынның мақсаттарына жету үшін орындалатын әрекеттер мен тапсырмалардың кешені. Ауыл шаруашылығы саласында бұл

процестердің әртүрлілігі жоғары, олар кәсіпорынның әртүрлі бөлімдерінде орындалады. Әр бизнес-процесс өзіндік шығындарды және уақытты қажет етеді, сондықтан олардың тиімділігін бақылау маңызды.

Ауыл шаруашылығы кәсіпорындарында бизнес-процестердің негізгі түрлері мыналар болады:

Өсімдік шаруашылығы: егін егу, суару, тыңайтқыш қолдану, егін жинау;

Мал шаруашылығы: малды азықтандыру, сүт өндіру, малдың денсаулығын бақылау;

Өнім өңдеу және сақтау: өнімді сақтау, өңдеу, сапа бақылау;

Логистика және тарату: дайын өнімдерді тұтынушыларға жеткізу.

Әрбір бизнес-процесс шығындарды талап етеді. Сондықтан, бизнес-процестерді тиімді басқару арқылы кәсіпорынның шығындарын азайтып, жалпы пайда табуға болады.

Бюджеттеу — бұл жоспарлау, бақылау және талдау процесі, оның көмегімен ұйым өз шығындарын, табысын және қаржылық жағдайын алдын ала анықтайды. Бюджеттеу ауыл шаруашылығы кәсіпорындарында өзекті болып табылады, себебі ол нақты шығындар мен кірістерді анықтап, ресурстарды тиімді бөлуге мүмкіндік береді[3].

Бюджеттеу жүйесі кәсіпорынның әртүрлі бөлімдерінде қолданылады. Мысалы, ауыл шаруашылығында агрономиялық жұмыстар, мал азығын дайындау, техникалық қызмет көрсету және жинау процестері әрқайсысына жеке бюджеттерді талап етеді. Бұл бюджеттерді нақты жоспарлау және іске асыру арқылы шығындарды бақылауға және тиімділікті арттыруға болады.

Бюджеттеуді енгізудің кезеңдері

Ауыл шаруашылығында бизнес-процестерді бюджеттеу жүйесін енгізу үшін бірнеше кезеңнен өту қажет:

Процесстерді анықтау және жүйелеу
Бірінші кезең — кәсіпорынның барлық бизнес-процестерін анықтау және жүйелеу. Бұл кезеңде әрбір бизнес-процесс үшін негізгі шығындар мен табыс көздері белгіленеді[4].

Мысалы:

Егін егу процесі: тұқым сатып алу, жерді өңдеу, тыңайтқыш себу, суару, жұмысшылар еңбегі.

Мал шаруашылығы процесі: мал азығын дайындау, малды күтіп-бағу, жұмысшылар еңбегі.

Әр процестің жеке бюджетін құру
Әр бизнес-процеске жеке бюджет құру үшін барлық шығындар мен табыстарды нақты есептеу керек. Бұл процесс ішкі және сыртқы ресурстарды талдауды талап етеді.

Жоспар-факт салыстыруы
Бюджет жүйесін енгізгеннен кейін жоспарланған шығындар мен фактілерді салыстырып отыру қажет. Бұл жоспарлау мен іске асырудың арасындағы сәйкессіздіктерді анықтауға мүмкіндік береді.

Ақпараттық жүйелерді пайдалану
Қазіргі уақытта бизнес-процестерді бюджеттеуді тиімді түрде жүзеге асыру үшін арнайы ERP (Enterprise Resource Planning) жүйелері мен басқа да автоматтандырылған ақпараттық жүйелер қолданылады. Олар деректерді бір орталықта жинақтап, есептілікті автоматты түрде қалыптастыруға мүмкіндік береді[5].

Бюджеттеудің тиімділігін арттыру жолдары

Ақпараттық жүйелер мен автоматтандыру
Ақпараттық жүйелердің қолданылуы бюджеттеуді жеңілдетеді. Мысалы:

1С: Ауыл шаруашылығы: бұл жүйе әртүрлі процестердің шығындарын нақты есептеуге мүмкіндік береді.

AgroERP: агроөнеркәсіптік кешендер үшін арнайы жасалған бағдарламалық құрал, ол бизнес-процестерді автоматтандыруға бағытталған.

Жоспар-факт талдауы.
Шығындар мен кірістерді нақты есептеу және талдау үшін жоспар-факт салыстыруы жүргізіледі. Бұл жүйе арқылы әрбір кезеңнің тиімділігін бағалауға болады[6].

Қызметкерлердің біліктілігін арттыру.
Бюджеттеу жүйесін тиімді пайдалану үшін кәсіпорындағы барлық қызметкерлерді оқыту қажет. Оқыту бағдарламасы бухгалтерлерден бастап, бөлім басшылары мен қызметкерлеріне дейін барлық деңгейдегі мамандарға арналған болуы тиіс.

Кейс: «Жасыл дала» шаруа қожалығы

Шаруа қожалығының сипаттамасы	
Жер көлемі	2000 гектар
Мал саны	150 бас ірі қара мал
Қызметкерлер саны	25 адам

Негізгі бизнес-процестер:

- Егін егу;
- Мал азығын дайындау;
- Техника жөндеу;
- Өнімді сақтау және өткізу.

Бюджеттеу жүйесін енгізу нәтижелері:

- Шығындар 12%-ға төмендеді;
- Жанармай шығындары 18%-ға қысқарды;
- Еңбек өнімділігі 15%-ға артты.

Қиындықтар мен шешу жолдары

1. Ақпараттың жетіспеушілігі;

Бюджеттеу жүйесін тиімді енгізу үшін барлық деректер дәл болуы тиіс. Бұл үшін кәсіпорындар ақпараттық жүйелерді енгізіп, деректерді бір орталықтан басқаруды бастау керек.

2. Қызметкерлердің дайын еместігі;

Қызметкерлердің жаңа жүйеге дайын болмауы — бұл үлкен қиындық. Оны шешу үшін оқыту бағдарламаларын жүргізу және қолдау көрсету қажет[7].

Бизнес-процестерге негізделген бюджеттеу жүйесі ауыл шаруашылығы кәсіпорындарының қаржылық тұрақтылығын қамтамасыз етуге және олардың тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді. Бұл жүйе ұйымға ресурстарды тиімді басқаруға, шығындарды бақылауға және табысты арттыруға көмектеседі. Сонымен қатар, бюджеттеу жүйесін автоматтандыру мен ақпараттық жүйелерді пайдалану арқылы процестердің тиімділігін арттыруға болады. Ауыл шаруашылығы кәсіпорындарының қызметкерлерін оқыту және үнемі жоспар-факт талдау жүргізу жүйені сәтті іске асырудың негізгі шарттары болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Дюсембаев К.Ш. «Басқару есебі», Алматы, 2022.
2. Нурсеитов Е.Т. «Ауыл шаруашылығындағы қаржылық жоспарлау», 2023.
3. Kaplan R., Norton D. «The Strategy-Focused Organization», Harvard, 2021.
4. ҚР Ауыл шаруашылығы министрлігінің деректері, 2024.

5. Ibragimov S. «Agrobusiness management in Kazakhstan», 2022.
6. Назарова В.Л. «Басқару есебі» – Алматы: Экономика, 2020.
7. Дюсембаев К.Ш. «Қаржылық және басқару есебі» – Алматы: Дәуір, 2019.

ОӘЖ 338.43:659235 (045)

Ябекова С.С.

С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық
зерттеу университетінің докторанты, Астана, Қазақстан
Ғылыми жетекші- Шаукерова З.М.

БИЗНЕС-ПРОЦЕСТЕРДІ БЮДЖЕТТЕУ НЕГІЗІНДЕ АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ ҰЙЫМДАРЫНДА БАСҚАРУ ЕСЕБІНІҢ ӘДІСТЕМЕСІН ӘЗІРЛЕУ

Аннотация. Мақалада ауыл шаруашылығы кәсіпорындарында бизнес-процестерді бюджеттеу негізінде басқару есебінің әдістемесі қарастырылады. Ауыл шаруашылығы саласындағы қазіргі экономикалық жағдайлар мен тұрақсыздыққа жауап ретінде бюджеттеу жүйесін енгізу маңызды құрал болып табылады. Бюджеттеу қаржылық жоспарлауды, шығындарды бақылауды және болжамды талдауды қамтамасыз етеді, соның нәтижесінде шаруашылықты тиімді басқаруға мүмкіндік береді. Мақалада бизнес-процестерді басқару мен бюджеттеудің өзара байланысы, басқарушылық есептің рөлі, сондай-ақ бұл жүйені енгізудің артықшылықтары талданған. Әдістеме ауыл шаруашылығы кәсіпорындарының ресурстарды тиімді пайдалану және қаржылық тұрақтылықты қамтамасыз ету үшін ұсынылады.

Кілт сөздер: Ауыл шаруашылығы, бюджеттеу, басқару есебі, бизнес-процестер, қаржылық тұрақтылық, қаржылық жоспарлау, шығындарды бақылау, ақпараттық қамтамасыз ету, ресурстарды тиімді пайдалану.

Қазіргі уақытта ауыл шаруашылығы өндірісі көлемінің төмендеуі, өнім бағасының төмендеуі және жоғары сапалы өнімдерді тұтынудың артуы жағдайында бизнесті процестік тәсіл негізінде басқару ең перспективалы болып табылады. Сондықтан ауыл шаруашылығы ұйымдарының есепке алу-талдау жүйесіндегі айқындаушы орынды ағымдағы ішкі және сыртқы процестер бойынша сапалы және тиісті ақпаратты жинақтауға ықпал ететін есепке алу, бюджеттеу және бақылау жүйесін әзірлеуді және практикалық іске асыруды көздейтін және басқару буынының қызметкерлері жедел және стратегиялық шешімдер қабылдау үшін тиімді пайдаланатын бизнес-процестерді қалыптастыру және басқару алуы тиіс[1].

Экономикалық белгісіздік жағдайында болашақты болжау, алдын-ала жоспарлау және бақылау арқылы, яғни бюджеттеу жүйесінің көмегімен мүмкін болатын өзгерістерді болжау қажет. Бюджеттеу-бұл белгілі бір кезеңде кәсіпорынға қол жеткізу қажет сандық және сапалық көрсеткіштер түріндегі қызмет мақсаттарын қою[2].

Бюджеттеуді қолдану ауылшаруашылық кәсіпорнына қаржылық көрсеткіштерді жоспарлауға және ағымдағы ақпаратты қаржылық жоспарлармен салыстыру негізінде барлық құрылымдық бөлімшелердің жағдайын бақылауға мүмкіндік береді, бұл кірістер мен шығыстарды ақшалай қаражатты ұтымсыз пайдалану себептерін нақты анықтай отырып бақылауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, бюджеттеу қолайсыз

жағдайлардың нұсқаларын модельдеуге және есептеуге көмектеседі және осы негізде қажетті шараларды уақтылы қабылдауға көмектеседі. Бюджеттеуді белгілеу процесінде ұйымның құрылымы мен жүйесінің ағымдағы жай - күйін бағалау үшін алдын-ала кезеңде ұйым қызметінің бизнес-диагностикасын жүргізу қажет. Диагностика жүргізілгеннен кейін бюджеттеу жүйесін құру тұжырымдамасын әзірлеу, оны құрудың мақсаттары, міндеттері мен принциптерін, жүйенің құрамы мен құрылымын (қаржылық жауапкершілік орталықтары, нысандары, регламенттері) анықтау қажет. Бюджеттеуді ойдағыдай қою үшін басқарушылық есепке алу жүйесі қатар енгізіледі, себебі басқарушылық есепке алудың ақпараттық базасы болжамды деректерді алу мақсатында бюджеттерді жасау кезінде, "жоспар - факт" ауытқуларына салыстырмалы талдау жүргізу үшін, сондай-ақ бақылау функцияларын жүзеге асыру үшін пайдаланылады. Бюджеттеу процесі қаржылық құрылымды - қаржылық жауапкершілік орталықтарын қалыптастырудан басталады. Оларға пайда орталықтары - пайда табатын бөлімшелер, инвестициялық орталықтар және шығындар орталықтары жатады. Қаржылық жауапкершілік орталықтарының бюджеттері жоспарланған кезеңде қаржылық жауапкершілік орталықтары жүргізетін барлық операциялар бойынша кірістердің (шығыстардың) тізбесін білдіреді[3].

Бюджеттеу ауылшаруашылық өндірісінің барлық деңгейлерінде бизнесті басқару технологиясы ретінде қарастырылуы керек, бұл оның стратегиялық мақсаттарына бюджеттер арқылы қол жеткізуді қамтамасыз етеді. Теңгерімді қаржылық көрсеткіштер негізінде ауыл шаруашылығы ұйымындағы бюджеттік процесті әзірлеу реттілігі, ақша қаражаттарының қозғалысын бақылау, сондай-ақ шаруашылық жүргізуші субъектінің төлем қабілеттілігін бағалау мақсатында операциялық және қаржылық бюджеттердің негізгі нысандары айқындалады[3].

Экономиканың агроөнеркәсіптік секторының бәсекелестік күресін тұрақты дамытудың қазіргі кезеңінде, қаржылық мүмкіндіктері шектеулі жағдайларда, бюджеттеу процесін ұйымдастыру шаруашылық жүргізуші субъектінің ресурстық әлеуетін пайдалану тиімділігін арттыруға мүмкіндік беретін маңызды құрал болып табылады.

Бюджеттеу жүйесін әзірлеудің өзектілігі шаруашылық жүргізуші субъектінің қаржылық нәтижелерді қалыптастырудың ашықтығымен және қолайсыз тенденциялар анықталған жағдайда алдын алу іс әрекеттерінің мүмкіндігімен қамтамасыз етілуіне байланысты[4].

Басқару есебі жүйесінде және шаруашылық жүргізуші субъектінің жалпы қызметінде бюджеттеу осындай рөл атқарады:

- Қаржы және шығындар тиімділігін жоспарлау.

Бұл жағдайда бюджеттеу ақшалай қаражатты инвестициялаудың тиімді нұсқаларын анықтауға, рентабельді емес бағыттарды алып тастауға, сондай-ақ шығындардың ұтымды жүзеге асырылуын анықтауға мүмкіндік береді.

- Бөлімшелердің қызметін келісу және олардың жұмысын үйлестіру.

Ақпарат компания ішінде басшылар (жоспарлар белгілейді) мен жұмысшылар (нәтижелер туралы есеп береді) арасында таралады.

- Қызметкерлер мен басшыларды ынталандыру.

Қызметкерлердің еңбек қызметіне қызығушылығын арттыру үшін бюджеттеу белгілі бір жұмыс нәтижелеріне қол жеткізген кезде сыйлықақыларды қосуды қарастырады.

Басқару есебі пайдалы бөлімдерді анықтауға және олардың қызметін кеңейтуге мүмкіндік береді. Сондай — ақ, шығынды бөлімдерді анықтауға болады және қажет болмаған жағдайда оларды жабуға болады.

- Компанияның қаржылық қызметін және менеджерлердің жұмысын талдау.

Бюджеттеу ұйымның қызметіне тікелей әсер етеді. Міндеттерді іске асыруға жауапты менеджерлердің жұмыс нәтижелері бойынша әр бөлімнің жұмыс тиімділігі талданады және қызметкерлерді материалдық ынталандыру мүмкіндігі белгіленеді.

- Компанияның қызметін талдау және қаржы бойынша болжамды қалыптастыру.

Есепті кезең аяқталғаннан кейін алынған нәтижелерді бағалау жүргізіледі. Келесі бюджет анықталған "әлсіз жақтарды" ескере отырып жасалады және анықталған қателерді түзетеді[3].

Өнімді сату бюджеті маркетингтік зерттеулердің бизнес-процесінің сапалы орындалуының нәтижесі және өнімді сатудың бизнес-процесінің бақыланатын нәтижесі болып табылады. Ауыл шаруашылық өнімін өндіруге қолданыстағы салалық және табиғи-климаттық шектеулер жағдайында өнімді өткізу бюджетін қалыптастыру кезінде, ең алдымен, ауыл шаруашылығы өндірушілерін жұмсалған ресурстарды қайтаруға және тәуекелдердің жоғары деңгейі туындаған кезде шығынның алдын алуға бағдарлайтын сатудың сыни бағасын белгілеуде көрініс табатын сатудың ең төменгі мәндерін белгілеу қажет.

Өнімді өндірудің бизнес-процесінің процестері мен технологиялық кезеңдері бойынша шығындарды басқарушылық есепке алу, олардың өзіндік құнын айқындай отырып, жауапты тұлғаларды ауыл шаруашылық өндірістік қызметіне байланысты тиісті жедел шешімдер қабылдау және өнімді өткізудің бизнес-процесінің бюджетінде көрсетілген жоспарланған нәтижеге қол жеткізу үшін қажетті ақпаратпен қамтамасыз ету[4].

Ауыл шаруашылығы кәсіпорындарында қазіргі заманғы есепке алу-талдау жүйесінің тиімді жұмыс істеуі осы экономикалық кіші жүйелердің функционалдық-қағидаттық ерекшеліктерін ескеретін басқарушылық есепке алу, есептілік және бюджеттеу жүйесін құруды көздейді, бұл есепке алу ақпараттық ресурстарын тұтастай ауыл шаруашылығы кәсіпорны мен оның құрылымдық бөлімшелері қызметінің нәтижелерін талдау, бағалау және болжау, сондай-ақ оңтайлы пайдалануды қамтамасыз етуді бақылау мақсаттары үшін пайдалануға мүмкіндік беретін экономикалық субъектінің ресурстық әлеуеті.

Басқарушылық есепті ұйымдастыру процесіне қолданыстағы тәсілдер мен тұжырымдамаларға негізделген есепке алу-талдау ақпараты қазіргі экономикалық жағдайларда ішкі пайдаланушыларды өз құзыреті шеңберінде тиімді басқару шешімдерін қабылдау мақсатында қажетті есепке алу ақпаратымен жүйелі және уақтылы қамтамасыз етуге мүмкіндік бермейді. Ауылшаруашылық кәсіпорындарын басқару нысандарын өндірісті басқарудың икемді тәсілдері мен модельдерін қолдануға бағыттау қажет[5].

Ауыл шаруашылық кешенін ұйымдастырудағы бизнес-процестерді басқару есебі мен бюджеттеу жүйесі ішкі процестер мен технологиялық кезеңдерді тиімді орындау үшін әртүрлі деңгейдегі басқарушылардың ақпараттық қажеттіліктерін қанағаттандыруға бағытталуы тиіс. Бұл жүйенің рөлі бизнес-процестердің орындалуы болып табылатын тактикалық және жедел міндеттерді шешу арқылы нәтижелі көрсеткіштердің нақты деңгейіне қол жеткізу және тұтастай алғанда бизнес экономикасын бақылауға және басқаруға бағытталған стратегиялық жоспарларды іске асыру болып табылады.

Бизнес-процестерді басқарушылық есепке алу және бюджеттеу жүйесі ішкі және сыртқы ортаның тұтастай ұйымның қызметіне әсері туралы қаржылық және қаржылық емес ақпаратты жинау, өңдеу, талдау және беру жүйесі, сондай-ақ басқарушылық есептілікті растау, алынған нәтижелерді бақылау, өлшеу және бағалау үшін

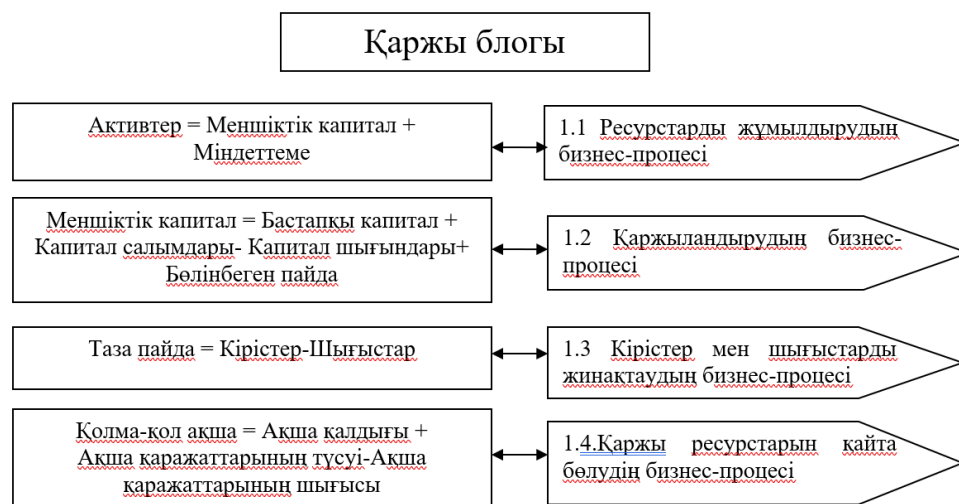
пайдаланылатын басқарушылық талдау және мониторинг әдістемелерінің жиынтығы ретінде айқындалған. Бұл жүйе есеп принциптерін жетілдірумен, жоспарлау, болжау, басқарушылық талдау және мониторинг теориясын одан әрі дамытумен байланысты[6].

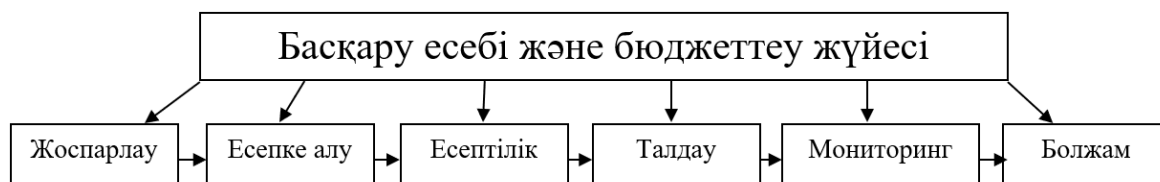
Бизнес-процестерді жіктеудің әдістемелік тәсілдері және ауыл шаруашылық өнімінің шикізатының бастапқы көздерінен бастап түпкілікті тұтынушыға корпоративтік басқару процесімен бірге жеткізілген дайын өнімді алуға дейінгі және қосылған құн шамасын қалыптастыруда көрініс табатын құндылық тудыратын қызмет түрлерінің моделі болып табылатын бизнес-процесс ұғымын нақтылауға мүмкіндік берді. Бизнес-процестер тізбегін құру әр сала мен ұйым үшін жеке болып табылады, сондықтан оларды дұрыс құру арқылы тиімді және тиімді өндіріс процесін анықтайтын факторлардың бірегей жиынтығын құру мақсатында бәсекелестік артықшылықтарды анықтауға болады[7].

Ауыл шаруашылық кешеніндегі бизнес-процестер мынадай сапалық сипаттамаларға ие болуы тиіс:

- мақсатқа бағдарлану – тиімді нәтиже беру қабілеті;
- өзара іс – қимыл – бір процестің нәтижесіне тұтынушылардың қажеттіліктерін қанағаттандыру жағдайындағыдай екіншісінің қажеттіліктеріне сәйкес көрініс табады;
- дәйектілік-қойылған мақсатқа қол жеткізуге мүмкіндік беретін бизнес – процесс құрылымын сақтаудың нақты регламенті;
- жауапкершілік-тұтынушылардың қажеттіліктерін қанағаттандыру жағдайындағыдай бір процестің бекітілген лауазымдық нұсқаулықтар және жауапкершілік орталығына тиесілілігі;
- бағалау-сандық, сапалық және құндық; жеделдік – бизнес-процестің орындалу мерзімін белгілеу мүмкіндігі.

Ауыл шаруашылық кешені ұйымдарында жүргізілген зерттеу нәтижесінде екі ішкі жүйені: қаржылық және басқарушылық бөле отырып, бизнес экономикасының моделі құрылды, олардың жиынтық ақпараты бизнес-процестерді орындау кезінде жалпы қосылған құнды құрудың есептік-талдамалық іргетасы болып табылады.

1-сурет. Басқарушылық есеп жүйесін қалыптастыру

Қорытындылай келе, есептің екі кіші жүйесінің жасырын өзара іс-қимылы шеңберінде ұсынылған бизнес-процестердің құрылымы нақты деректерді есепке алуды, алынған нәтижелерді бюджетпен салыстыруды, ауыл шаруашылық кешеніндегі бизнес-процестер, кіші процестер мен технологиялық кезеңдер үшін бақылауды жүргізуді және жауапкершілікті белгілеуді қоса алғанда, басқарудың барлық функцияларын жүзеге асыруға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Дробина, Н.С. Роль и место бюджетирования в информационном обеспечении управления / Н.С. Дробина // Сборник материалов всероссийской студенческой научной конференции по экономике «Модернизационная стратегия развития экономики России» (г. Краснодар, 16-17 марта 2011г.). – Краснодар: 2011. – 0,32 п.л.
2. Алборов Р.А., Совершенствование управленческого учета в системе внутреннего управления сельскохозяйственным производством / Р.А. Алборов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012.
3. 4. Виткалова А.П. Бюджетирование - инструмент финансового менеджмента /А.П. Виткалова //В сборнике: Проблемы и перспективы развития экономики, финансов и управления: вызовы современности Материалы Международной научно-практической конференции. Энгельс, 2015.
4. Остаев Г.Я. Современные методы исследования информации для целей управленческого учета /Г.Я. Остаев, Б.Н. Хосиев, Г.Р. Концевой// Известия Горского государственного аграрного университета. 2015.
5. Остаев, Г.Я. Управленческий учет: учебник/ Г.Я. Остаев. – Москва: изд ДИС, 2015.

6. Широбоков В.Г. Роль управленческого учета в развитии современной организации. / В.Г. Широбоков, А.Н. Иващенко// Экономический анализ: теория и практика. 2010.

7. 3. Управленческий учет под. ред. А.Д. Шеремет. 4-е изд., доп. и пер. — ИНФРА — М, 2009.

Демесинова А.А., к.э.н.

Алматинский гуманитарно-экономический
университет, г. Алматы

Шокаманов Ю.К., д.э.н., профессор

Алматинский гуманитарно-экономический
университет, г. Алматы

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ ЕАЭС

Аннотация. Рассматриваются пять интегральных показателей для оценки структурных изменений в экономике Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В частности, используемые многими исследователями интегральные индексы К. Гатева, А. Салаи и В.М. Рябцева, а также специфические интегральные показатели – коэффициент подобия или коэффициент косинус и показатель углового расстояния между векторами структур. Приводится сравнительная характеристика интегральных показателей. С их использованием делается оценка структурных изменений в экономике ЕАЭС. По результатам расчетов проводится анализ полученных результатов.

Ключевые слова: интегральные показатели структурных изменений, индекс К. Гатева, индекс А. Салаи, индекс В.М. Рябцева, коэффициент подобия, коэффициент косинус, показатель углового расстояния между векторами структур, структурные изменения в экономике ЕАЭС.

Наиболее распространенными интегральными показателями структурных изменений, приводимых многими пользователями, являются интегральные индексы К. Гатева, А. Салаи, В.М. Рябцева. Реже используются коэффициент подобия или коэффициент косинус и показатель углового расстояния между векторами структур. Рассмотрим их.

1. *Коэффициент структурных сдвигов К. Гатева* «учитывает интенсивность различий долей по отдельным группам и удельный вес сопоставляемой пары групп в двух сравниваемых структурах» [1]:

$$K_{\text{Гатева}} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{i1} - d_{i0})^2}{\sum_{i=1}^n d_{i1}^2 + \sum_{i=1}^n d_{i0}^2}}$$

где d_{i1} , d_{i0} – доля i -й группы в структурах совокупности в периодах 1 и 0, либо в структурах совокупностей 1 и 0, относящихся к разным однородным экономическим системам;

n – количество групп.

Недостатком коэффициента структурных сдвигов К. Гатева является то, что знаменатель не содержит реального содержательного смысла.

2. *Индекс А. Салаи* «учитывает структурные изменения по отдельным группам» [1]:

$$K_{\text{Салаи}} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{d_{i1} - d_{i0}}{d_{i1} + d_{i0}} \right)^2}{n}}$$

К числу недостатков индекса Салаи относится то, что он зависит от числа групп, а также завышает размеры структурных различий, что является недостатком показателя.

Нижние границы значений для коэффициентов К. Гатева и А. Салаи равны 0, что означает, что доли групп в совокупностях одинаковы, то есть структурных различий в исследуемых совокупностях нет. Максимальные значения для них не превышают 1 при равенстве количества групп в совокупностях. При разном количестве групп в двух сравниваемых совокупностях коэффициенты К. Гатева и А. Салаи принимают значения больше 1, что свидетельствует о том, что структурные различия безусловно существенны.

3. *Индекс В.М. Рябцева* «отражает отношение фактической меры расхождений между значениями компонентов двух структур к их максимально возможному значению» [1]:

$$K_{\text{Рябцева}} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{i1} - d_{i0})^2}{\sum_{i=1}^n (d_{i1} + d_{i0})^2}}$$

Полученное значение свидетельствует об интенсивности структурных сдвигов. Его возможная величина лежит в интервале $0 \leq I \leq 1$. Индекс В.М. Рябцева в отличие от индексов К. Гатева и А. Салаи не зависит от числа групп в совокупностях, что является его достоинством в сравнении с другими индексами. Кроме того, В.М. Рябцев разработал для своего индекса шкалу оценки меры существенности различий структур [2] (см. рисунок 1).

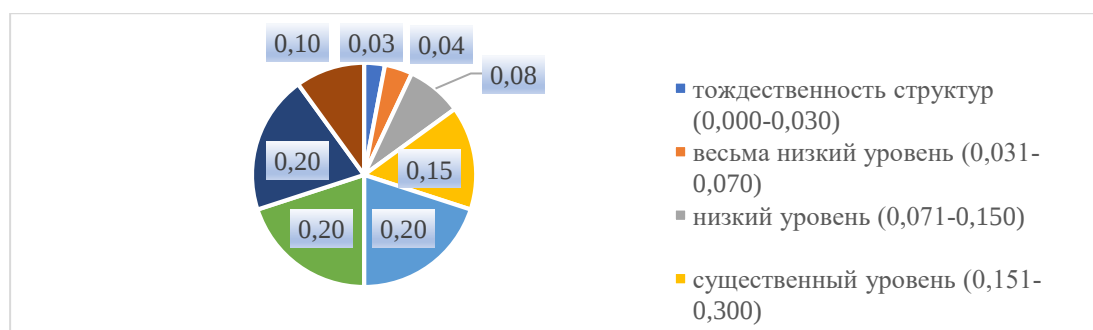

Рисунок 1 – Шкала оценки существенности различий структур В.М. Рябцева
Источник – сформировано авторами на основе источника [2].

Рядом авторов для анализа структурных сдвигов предлагается использовать «коэффициент подобия» или «коэффициент-косинус», который определяется на основе косинуса угла между векторами структур [3, 4].

4. Коэффициент подобия или коэффициент косинус.

Так, О.В. Спасская в своем исследовании структурных сдвигов в реальном секторе экономики задала для периодов времени t и $t-1$ векторы значений валовых выпусков $X_t = (x_{1t}, x_{2t}, \dots, x_{nt})$ и $X_{t-1} = (x_{1t-1}, x_{2t-1}, \dots, x_{nt-1})$, по которым был рассчитан косинус угла между ними [3]:

$$\cos \alpha = \varphi_t = \frac{\sum_{i=1}^n d_{it} * d_{it-1}}{\sqrt{\sum_{i=1}^n d_{it}^2 * \sum_{i=1}^n d_{it-1}^2}}$$

Данный показатель был назван *коэффициентом подобия* или *коэффициентом-косинусом*. Как видно из формулы, данный показатель определяется углом поворота между сравниваемыми структурами и изменяется в пределах от 1 (совпадение структур) до 0 (полная противоположность структур). Данному показателю присущ такой недостаток, как слабая его чувствительность при незначительных относительных изменениях структуры и более высокая чувствительность при больших относительных изменениях структуры, что связано с нелинейностью рассматриваемого показателя относительно изменения угла между рассматриваемыми структурами.

5. Показатель углового расстояния между векторами структур.

По величине φ_t предыдущего показателя может быть рассчитан показатель углового расстояния между векторами структур, который изменяется от 0 до $\pi/2$ (в радианах) [3]:

$$\alpha = \arccos(\varphi_t)$$

Путем деления данного показателя на $\pi/2$ можно определить *нормированный показатель*:

$$\alpha_t = \frac{\arccos \arccos (\varphi_t)}{\pi/2}$$

Нормированный показатель изменяется от 0 (при тождественности структур) до 1 (при ортогональности структур). Можно перевести этот показатель и в проценты, умножив его на 100. В этом случае максимальное значение показателя будет 100%.

Рассмотрим теперь использование этих показателей для оценки структурных изменений в экономике ЕАЭС за 2012-2022 годы.

Результаты расчетов индексов К. Гатева, А. Салаи и В.М. Рябцева приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели структурных различий К. Гатева, А. Салаи и В.М. Рябцева для экономик стран ЕАЭС и регионального объединения в целом в 2012-2022 годах, в %

Страна	Годы										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Интегральный коэффициент структурных сдвигов К. Гатева											
ЕАЭС	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,01	0,02	0,02	0,01

Страна	Годы										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Армения	0,05	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,03	0,03
Беларусь	0,02	0,04	0,01	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Казахстан	0,01	0,02	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01	0,005	0,03	0,02	0,01
Кыргызстан	0,05	0,03	0,02	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01	0,03	0,04	0,03
Россия	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,01	0,02	0,03	0,01
Интегральный коэффициент структурных различий А. Салаи											
ЕАЭС	0,02	0,03	0,02	0,04	0,03	0,02	0,03	0,02	0,06	0,05	0,02
Армения	0,13	0,05	0,05	0,08	0,07	0,06	0,05	0,05	0,10	0,09	0,09
Беларусь	0,09	0,09	0,07	0,06	0,06	0,03	0,04	0,04	0,06	0,05	0,04
Казахстан	0,03	0,09	0,02	0,04	0,04	0,02	0,03	0,02	0,08	0,04	0,03
Кыргызстан	0,08	0,08	0,05	0,06	0,05	0,06	0,06	0,11	0,13	0,19	0,22
Россия	0,02	0,03	0,02	0,04	0,03	0,02	0,04	0,02	0,06	0,06	0,03
Индекс различия двух структур – критерий В.М. Рябцева											
ЕАЭС	0,02	0,02	0,01	0,03	0,03	0,03	0,04	0,01	0,06	0,06	0,03
Армения	0,11	0,03	0,03	0,04	0,05	0,04	0,04	0,05	0,05	0,07	0,07
Беларусь	0,04	0,08	0,03	0,05	0,05	0,03	0,02	0,03	0,03	0,03	0,03
Казахстан	0,03	0,04	0,02	0,05	0,03	0,02	0,03	0,01	0,06	0,04	0,02
Кыргызстан	0,11	0,08	0,05	0,03	0,04	0,02	0,02	0,02	0,06	0,08	0,07
Россия	0,02	0,02	0,01	0,03	0,03	0,03	0,05	0,02	0,06	0,07	0,03

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Евразийской экономической комиссии: [Электронный ресурс] Статистика ЕАЭС

В целом по ЕАЭС все значения показателя структурных различий *К. Гатева* ниже 0,03 – тождественность структур по шкале В.М. Рябцева.

По Армении – значения находятся в пределах 0,01-0,05 – весьма низкий уровень различий.

По Беларуси – в пределах 0,01-0,04 – весьма низкий уровень различий.

По Казахстану – все значения ниже 0,03 – тождественность структур.

По Кыргызстану – в пределах 0,01-0,05 – весьма низкий уровень различий.

По России – все значения ниже 0,03 – тождественность структур.

Многие авторы отмечают такой недостаток индекса *К. Гатева* как отсутствие реального содержательного смысла знаменателя. *Мы согласны с другими авторами в том, что знаменатель индекса К. Гатева не содержательный, вследствие чего сам индекс не чувствителен к изменениям в структуре экономики.*

Индекс А. Салаи является наиболее чувствительным к изменениям элементов структур, занимающих меньшие удельные веса, и в этом его отличие от других индексов различий. В то же время чем больше число элементов совокупности, тем ниже значение индекса Салаи. Значение индекса также находится в пределах от 0 до 1, если количество групп, выделенных в двух сравниваемых структурах, совпадает. Если же количество групп в сравниваемых структурах изменилось, то коэффициент становится больше 1, информируя о существенном различии структур.

Индекс А. Салаи в отличие от индекса К. Гатева показал более существенные уровни различий, что говорит о более чувствительном к структурным изменениям индексе А. Салаи.

Многими исследователями отмечается недостаток индекса А. Салаи: зависимость его величины от числа выделенных градаций и завышение структурных изменений. *Мы также можем согласиться с другими авторами в части завышения структурных изменений, так как при неизменном количестве групп значения индекса А. Салаи превышают значения индекса К. Гатева в 2,2-4,4 раза.* Так, превышение максимальных значений по Кыргызстану составило 4,4 раза.

По шкале оценки различий значения индексов В.М. Рябцева характеризуются следующим образом:

По ЕАЭС в целом – все значения в пределах 0,01-0,06 – весьма низкий уровень различий;

По Армении – значения находятся в пределах 0,03-0,11 – низкий уровень различий;

По Беларуси – в пределах 0,02-0,08 – низкий уровень различий;

По Казахстану – в пределах 0,01-0,06 – весьма низкий уровень различий;

По Кыргызстану – в пределах 0,02-0,11 – низкий уровень различий;

По России – в пределах 0,01-0,07 – весьма низкий уровень различий.

Благодаря тому, что в нашем исследовании был взят временной интервал 12 лет, значения индексов Рябцева были более высокими несмотря на то, что в течение рассматриваемого периода ни в одной стране ЕАЭС не происходило радикальных преобразований экономики. Расчеты показали, что ни в одной стране ЕАЭС не было существенных изменений в структуре экономики.

В таблице 2 представлены значения коэффициента подобия и нормированного показателя углового расстояния между векторами структур за 2012-2022 годы. Коэффициенты подобия оказались менее чувствительными к структурным сдвигам и показали подобие структур экономики стран ЕАЭС в рассматриваемом периоде, так как все значения близки к 1. А нормированный показатель углового расстояния между векторами структур оказался более чувствительным к структурным изменениям, так как значения были отличные от 0.

Таблица 2 – Коэффициент подобия и нормированный показатель углового расстояния между векторами структур в экономике стран ЕАЭС и регионального объединения в целом в 2012-2022 годах

Страна	Годы										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Коэффициент подобия											
ЕАЭС	1,000	1,000	1,000	0,999	1,000	1,000	1,000	1,000	0,999	0,999	1,000
Армения	0,998	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,999	0,999
Беларусь	1,000	0,999	1,000	0,999	0,999	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000
Казахстан	1,000	1,000	1,000	0,999	1,000	1,000	1,000	1,000	0,999	1,000	1,000
Кыргызстан	0,997	0,999	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,999	0,998	0,999
Россия	1,000	1,000	1,000	0,999	1,000	1,000	1,000	1,000	0,999	0,999	1,000
Нормированный показатель углового расстояния между векторами структур											
ЕАЭС	0,018	0,021	0,011	0,053	0,023	0,023	0,042	0,015	0,052	0,054	0,023

Армения	0,105	0,029	0,024	0,040	0,049	0,040	0,035	0,046	0,045	0,058	0,062
Беларусь	0,043	0,079	0,027	0,057	0,051	0,033	0,029	0,035	0,027	0,026	0,041
Казахстан	0,033	0,041	0,024	0,065	0,025	0,018	0,028	0,012	0,063	0,040	0,029
Кыргызстан	0,114	0,078	0,047	0,049	0,046	0,019	0,030	0,029	0,073	0,094	0,077
Россия	0,020	0,024	0,013	0,060	0,027	0,025	0,045	0,018	0,055	0,059	0,026

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Евразийской экономической комиссии: [Электронный ресурс] Статистика ЕАЭС

Оценка значений нормированного показателя углового расстояния между векторами по шкале В.М. Рябцева дает следующие результаты:

ЕАЭС – 0,01-0,05 – весьма низкий уровень различий;

Армения – 0,02-0,10 – низкий уровень различий;

Беларусь – 0,03-0,08 – низкий уровень различий;

Казахстан – 0,01-0,06 – весьма низкий уровень различий;

Кыргызстан – 0,02-0,11 – низкий уровень различий;

Россия – 0,01-0,06 – весьма низкий уровень различий.

Таким образом, интегральные показатели, используемые для оценки структурных сдвигов, имеют некоторые различия, а также достоинства и недостатки. При этом среди наиболее используемых интегральных индексов наибольшими достоинствами обладает индекс В.М. Рябцева, который в отличие от индексов К. Гатева и А. Салаи не зависит от числа групп в совокупностях, а также имеет шкалу оценки меры существенности различий структур. Из реже применяемых для этих целей показателей коэффициента подобия или коэффициента косинус и показателя углового расстояния между векторами структур первый обладает весьма слабой чувствительностью, что не позволяет оценить различия при небольших структурных сдвигах. Показатель же углового расстояния между векторами позволяет оценивать структурные изменения или различия в структурах аналогично индексу В.М. Рябцева, что показывает возможность его использования в исследованиях структурных изменений в экономике стран и региональных объединений.

Список использованной литературы:

1. Атаев Д.М. Оценка структурных сдвигов в экономике промышленного сектора региона. – Журнал: Вестник Удмуртского университета, 2022, т. 32, вып. 3. С. 409-416. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-strukturnyh-sdvigov-v-ekonomike-promyshlennogo-sektora-regiona/viewer> (дата обращения 5.09.2025)

2. Перстенёва Н.П. Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов // Фундаментальные исследования. № 3, 2012. – С.478-482. Режим доступа: <https://s.fundamental-research.ru/pdf/2012/3-2/52.pdf> (дата обращения 5.09.2025)

3. Спасская О.В. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ. – Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2003, том 1. С. 20-39. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/makroekonomicheskie-metody-issledovaniya-i-izmereniya-strukturnyh-izmeneniy> (дата обращения 5.09.2025)

4. Маршова Т.Н. Структура национальной экономики и ее изменение: методические подходы к оценке и система показателей//Вестник МГПУ. Серия «Экономика». 2016. С.36-65. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-natsionalnoy-ekonomiki-i-ee-izmenenie-metodicheskie-podhody-k-otsenke-i-sistema-pokazateley/viewer> (дата обращения 5.09.2025)

Лепихова Елизавета Максимовна

Магистрант образовательной программы

7М04102 - Технологическое предпринимательство

Научный руководитель

кандидат экономических наук, профессор

Нуременова Эльвира Собетоллаевна

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАСАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются современные модели управления запасами, используемые на предприятиях в различных отраслях экономики. Особое внимание уделено анализу классических и инновационных подходов, таких как ЕОQ-модель, ABC- и XYZ-анализ, модели периодического и точечного заказа. Выявлены их сильные стороны и ограничения при применении в условиях рыночной неопределенности и цифровой трансформации. Отмечается значимость стратегической интеграции систем управления запасами с общим процессом планирования и организации производства. Обоснована необходимость адаптации традиционных методов к условиям динамично меняющейся бизнес-среды. Сделаны выводы о практической значимости современных моделей для повышения конкурентоспособности предприятия.

Ключевые слова: Управление запасами, современные модели, производственные запасы, финансовая стабильность, предприятие, оптимизация запасов, ресурсы предприятия, финансовые показатели, бизнес, эффективность управления, рыночные условия.

В условиях динамично развивающейся экономики, высокой конкуренции и усиления глобализационных процессов эффективное управление запасами выступает одним из важнейших факторов, определяющих не только финансовую устойчивость предприятия, но и его долгосрочную конкурентоспособность на рынке.

Запасы, являясь ключевым элементом операционной деятельности, требуют применения современных и инновационных подходов, которые позволяют оптимизировать процессы их формирования, хранения и рационального распределения. Особенно актуальной данная проблема становится для предприятий, функционирующих в условиях неопределенности внешней среды и нестабильности спроса, когда использование традиционных методов управления запасами оказывается недостаточно результативным и требует их модернизации [1].

Современные условия развития рыночных отношений диктуют необходимость поиска новых инструментов и моделей организации управления запасами. Инфляционные процессы, нестабильность платежей, кризисные явления и усиление колебаний на товарных рынках вынуждают предприятия корректировать политику в области закупок и хранения материальных ресурсов. Всё большее значение приобретают такие аспекты, как рациональное использование финансовых средств, диверсификация источников пополнения запасов и разработка системы контроля эффективности их использования. Одним из ключевых инструментов в данной области становится определение оптимального уровня запасов, позволяющего снизить издержки и повысить устойчивость производственной деятельности.

Значимость запасов для деятельности предприятия выражается в их способности выполнять целый комплекс стратегически важных функций. К ним относятся:

- непрерывность производственного процесса за счёт создания страхового (гарантийного) фонда ресурсов;
- повышение адаптивности предприятия к изменениям спроса, колебаниям рыночной конъюнктуры и непредвиденным сбоям в поставках;
- минимизация простоев оборудования и производства вследствие нехватки ресурсов;
- выполнение договорных обязательств в установленные сроки, что формирует доверие со стороны клиентов и партнёров [1].

Особое место управление запасами занимает в деятельности предприятий Казахстана. Уровень оптимизации складских и материальных ресурсов напрямую влияет как на финансовые показатели, так и на устойчивость всей логистической цепи поставок. Данный аспект особенно актуален с учетом специфики Казахстана: большой территории страны, развитой транспортной инфраструктуры и стремительного роста сектора электронной коммерции.

В этих условиях предприятия вынуждены искать более совершенные подходы к управлению запасами, позволяющие минимизировать издержки, повысить уровень обслуживания клиентов и оперативно адаптироваться к колебаниям спроса [2].

К наиболее популярным и эффективным можно отнести:

- Модель экономического количества заказа (EOQ);
- ABC-анализ;
- XYZ-анализ;
- Модель пересмотра периодического инвентаря (Periodic Review Inventory Model, PIM);
- Модель точки заказа Reorder Point Model (ROP);
- Just in time;
- Модель управления запасами с учетом неопределенности спроса [3].

Одной из наиболее известных и часто используемых является модель EOQ, позволяющая определить экономически обоснованный объем заказа, при котором достигается минимизация совокупных затрат на закупку, хранение и транспортировку.

Применение данной модели даёт предприятиям ряд существенных преимуществ:

- сокращение общих расходов на управление запасами;
- повышение оборачиваемости и эффективности использования ресурсов;
- снижение риска возникновения дефицита продукции;
- рост рентабельности активов.

Вместе с тем, модель EOQ имеет определённые ограничения, которые необходимо учитывать при её практическом применении:

- в расчетах не принимаются во внимание сезонные колебания спроса;
- нет возможности учёта скидок при закупке крупных партий товара.

На практике в Казахстане модель EOQ активно используется на промышленных предприятиях. Например, в металлургических производствах Павлодара и на машиностроительных заводах Усть-Каменогорска данный подход применяется для планирования закупок стандартных деталей и материалов. В транспортной логистике, особенно в железнодорожных и автомобильных перевозках, EOQ помогает формировать оптимальные партии поставок, что позволяет снизить частоту заказов, избежать избыточного накопления продукции на складах и существенно уменьшить совокупные издержки. Таким образом, данная модель выступает действенным инструментом повышения эффективности управления запасами и укрепления конкурентных позиций предприятий на внутреннем и внешнем рынках [3].

АВС-анализ представляет собой один из наиболее эффективных методов классификации ресурсов предприятия, включая товарно-материальные запасы, с целью определения степени их значимости для хозяйственной деятельности.

Но, также АВС-анализ ограничен тем, что учитывает лишь стоимость и объем потребления, игнорируя факторы сезонности, надежности поставок и стратегической значимости продукции.

Его применение позволяет выстраивать приоритеты в управлении запасами и рационально распределять усилия на наиболее значимые позиции. В основе метода лежит широко известный принцип Парето, согласно которому сравнительно небольшая доля ресурсов (около 20%) обеспечивает основную часть результата (до 80% оборота предприятия). Это положение подтверждает необходимость выделения ключевых товарных групп, требующих особого внимания со стороны менеджмента [4].

В соответствии с концепцией АВС-анализ предусматривает разделение запасов на три категории:

- Категория А - наиболее ценные ресурсы, на долю которых приходится примерно 20% ассортимента, но которые обеспечивают до 80% общего объема продаж. Данные позиции требуют постоянного мониторинга, строгого контроля и регулярного пополнения, так как именно они оказывают решающее влияние на финансовые результаты предприятия.

- Категория В - товары средней значимости, составляющие около 30% ассортимента и обеспечивающие порядка 15% оборота. Эти ресурсы контролируются менее жестко, однако также требуют системного учета и своевременного управления.

- Категория С - наиболее многочисленные, но наименее значимые товарные позиции, которые могут занимать до 50% ассортимента, при этом формируя лишь 5% продаж. Их учет носит упрощенный характер, а контроль осуществляется с меньшей регулярностью.

В условиях Казахстана АВС-анализ получил широкое распространение, особенно в крупных торговых сетях. Так, в сети супермаркетов «Magnum» он используется для формирования приоритетов контроля товарных запасов. Например, к категории А отнесены мясо, молочные продукты и хлеб - товары первой необходимости, которые требуют ежедневного учета и систематического пополнения. В категорию В включаются бакалея и напитки, для которых характерен средний уровень оборачиваемости и умеренный контроль. Категория С охватывает такие группы, как специи, соусы и слабооборачиваемые товары, учет которых ведется реже и с меньшей детализацией [5].

Суть XYZ - анализа состоит в классификации ресурсов предприятия в зависимости от характера их потребления и точности прогнозирования изменений в их потребности в течение определенного временного цикла.

- X - стабильный и прогнозируемый спрос;
- Y - умеренные колебания, например, сезонные;
- Z - крайне нерегулярный спрос.

Такая классификация помогает оптимизировать стратегию пополнения запасов: для X-группы - плановые заказы, для Y - учет сезонности, для Z - закупки под конкретный заказ.

В Казахстане XYZ-анализ используется в фармацевтической отрасли:

- X-группа - жизненно важные лекарства, спрос на которые постоянен (например, инсулин, антибиотики).
- Y-группа - сезонные препараты, спрос на которые растет зимой (противовирусные, витамины).

- Z-группа - редкие и дорогостоящие импортные препараты, спрос на которые зависит от индивидуальных заказов.

Существенным недостатком данной системы является зависимость от качества статистических данных о спросе, что делает модель менее эффективной при высокой неопределённости [6].

Модель пересмотра периодического инвентаря (Periodic Review Inventory Model, PIM) - Модель пересмотра периодического инвентаря предполагает, что компания пересматривает свои запасы через фиксированные временные интервалы и размещает заказы на пополнение склада согласно потребностям. Недостатком выступает риск возникновения дефицита между периодами пересмотра, а также необходимость значительных запасов безопасности. Важным аспектом этой модели является определение оптимального уровня заказа и времени пересмотра, чтобы минимизировать общие затраты на закупку, хранение и обслуживание клиентов [7].

Оптимальный уровень заказа и время пересмотра могут быть определены с использованием статистических методов или исходя из опыта и знаний о товарах и рынке. Важно учесть такие факторы, как сезонность, изменения в спросе и поставках, затраты на закупку, хранение и стоимость недостатка товаров. Расчет оптимального уровня заказа и времени пересмотра помогает компаниям более эффективно управлять своими запасами и снижать затраты на логистику [7].

В условиях Казахстана модель PIM находит практическое применение в деятельности логистических центров, где запасы пересматриваются, например, каждые две недели. Такой подход особенно удобен при организации железнодорожных перевозок, поскольку транспортные партии формируются в соответствии со строгим графиком движения и заранее установленными временными окнами. Использование данной модели обеспечивает синхронизацию поставок с расписанием транспортной системы и позволяет минимизировать риски дефицита товаров в промежутках между пересмотрами.

Модель точки заказа Reorder Point Model (ROP) заключается в определении момента, когда необходимо заказать товар для обеспечения непрерывности поставок и предотвращения дефицита. Уязвимость данной модели заключается в высокой зависимости от точности прогнозов спроса и времени поставки, что при их изменчивости приводит к сбоям в обеспечении.

Модель учитывает время доставки, изменения в спросе и запас безопасности. Применение модели ROP позволяет компаниям улучшить управление запасами и избегать потери продаж из-за недостатка товара [8].

В Казахстане данная модель применима в топливной отрасли: сеть АЗС «Qazaq Oil» использует систему ROP для контроля уровня бензина. Когда остаток топлива в резервуаре снижается до критического порога, автоматически формируется заказ у нефтебазы. Это позволяет избежать перебоев в снабжении и поддерживать стабильное обслуживание клиентов.

Модель управления запасами с учетом неопределенности спроса, применение таких моделей помогает компаниям адаптироваться к изменениям на рынке и минимизировать потери, связанные с неопределенностью спроса. Оценка рисков и прогнозирование спроса включает использование статистических методов, таких как прогнозирование временных рядов и экспоненциальное сглаживание, для определения будущих потребностей в товарах и планирования закупок соответственно.

Недостатком такой модели является сложность построения и необходимость использования значительных массивов данных, что ограничивает ее применение на малых и средних предприятиях.

Модель управления запасами с учетом неопределенности спроса применима в Казахстане в секторе e-commerce на таких торговых площадках как Kaspi, Wildberries, Ozon и тд. Спрос на электронику и одежду сильно колеблется в зависимости от сезонов, рекламных акций и распродаж. Склады держат дополнительные страховые запасы популярных товаров - смартфонов, бытовой техники, сезонной одежды - чтобы минимизировать риск дефицита. Особенно актуально это для праздничных периодов, когда спрос резко возрастает [9].

Just in time - способ уменьшения запасов на складе и затрат на ресурсы. При таком методе закупаются и изготавливаются только те товары, комплектующие или материалы, которые нужны сейчас. А склад не забивается в ожидании других заказов. Этот принцип удовлетворяет реальный спрос на продукцию и противоположен массовому производству.

При управлении «Точно вовремя» компания выпускает продукцию небольшими партиями и под заказ. Основные ограничения такой модели связаны с зависимостью от надежности поставщиков и логистики, а также высокой уязвимостью к внешним сбоям в цепях поставок.

Конечная цель системы JIT - сбалансированная система; то есть такая, которая обеспечивает плавный и быстрый поток материалов через систему. Основная идея состоит в том, чтобы сделать процесс как можно короче, используя ресурсы оптимальным способом [10].

В Казахстане данная модель применяется на заводах по выпуску автобусов или на автомобильных предприятиях, сотрудничающих с зарубежными партнерами. Элементы JIT используются для поставок комплектующих. Крупные торговые сети такие как «Magnum» или «Small» частично применяют JIT в отношении свежих продуктов, которые поступают в магазины ежедневно или через день, что позволяет избегать больших складских остатков и порчи товара.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что система управления запасами необходима для каждого предприятия, которое планирует длительное время успешно функционировать. Ведь она позволяет осуществлять функцию контроля и пополнения резервов. Немалую роль как структурный элемент играют средства автоматизации. Можно смело говорить о том, что они постепенно будут совершенствоваться, и в будущем мы сможем увидеть эту структурную часть предприятия в качестве автономной системы, которая нуждается только в настройке. Осуществлять деятельность она сможет самостоятельно.

В данный момент тема достаточно актуальна, так как эффективное управление запасами позволяет уменьшить текущие затраты на их хранение, высвободить из текущего хозяйственного оборота часть финансовых средств, реинвестируя их в другие активы. Обеспечение этой эффективности достигается за счет разработки и реализации специальной финансовой политики управления запасами.

Эффективное управление запасами позволяет организации удовлетворять или превышать ожидания потребителей, создавая такие запасы, которые максимизируют чистую прибыль. Основной задачей управления запасами является оптимизация их общего размера и структуры при минимизации затрат на приобретение и хранение, а также обеспечение эффективного контроля за их движением.

Подводя итоги для Казахстана, можно сказать, что, современные модели управления запасами имеют различную степень применимости в условиях Казахстана. Эффективность каждой из них зависит от отрасли, стабильности спроса, надежности логистики и уровня цифровизации предприятия.

Для предприятий Казахстана невозможно выделить единую универсальную модель. Наиболее эффективным является комбинированный подход, в котором: ABC и

XYZ-анализ служат основой для классификации запасов и определения приоритетов; ROP обеспечивает бесперебойность поставок критически важных ресурсов; модель с учетом неопределенности спроса и частично JIT применяются в отраслях с высокой динамикой, такие как e-commerce, ритейл, сборочное производство. Таким образом, наиболее эффективными моделями для Казахстана являются ABC- и XYZ-анализ в сочетании с ROP, поскольку они позволяют предприятиям:

- учитывать специфику спроса,
- концентрироваться на ключевых позициях,
- обеспечивать бесперебойность поставок при разумных издержках.

JIT и модели с учетом неопределенности спроса в Казахстане носят ограниченный, но перспективный характер, особенно в условиях цифровизации и развития транспортно-логистической инфраструктуры.

Список использованной литературы

1. Григорьев М. Н. Коммерческая логистика: теория и практика: учебник / М. Н. Григорьев, В. В. Ткач, С. А. Уваров; С.-Петерб. гос. экон. ун-т. - Москва: Юрайт, 2018. - 507 с.
2. Манукян Д. В. Автоматизация складских терминалов: быстро, точно, надежно / Д. В. Манукян // Логистика. - 2022. - № 1. - С.16-19.
3. Рыжиков, Ю. И. Управление запасами / Ю. И. Рыжиков. - М.: Главная редакция физико-математической литературы издательства «Наука», 2019. - 344 с.;
4. Янков О. Г. Конкурентоспособность предприятия: оценка уровня и направления повышения. Одесса: Атлант, 2018. 470 с.
5. Савостина С. Е. Влияние логистических издержек на формирование оптимальной системы складирования регионального оптово-торгового предприятия / С. Е. Савостина, О. Ю. Виничук, Е. Ардашева // Логистика. - 2020. - № 9. - С.22-31.
6. Толмачев К. С. Особенности организации и проектирования складов формата Dark Store / К. С. Толмачев, А. Волочков // Логистика. - 2020. - № 12. - С.12-16.
7. Ричардс Гвинн. Управление современным складом: полное руководство по повышению эффективности и снижению затрат на современном складе / Гвинн Ричардс. - Москва: Эксмо, 2018. - 495 с.
8. Повышение эффективности работы распределительного центра: case-study / И. В. Пустохина, О. Кулакова, А. Васильева, Л. Марданшина // Логистика. - 2021. - № 6. - С.20-25.
9. Матусевич В. Повышение эффективности управления запасами посредством внедрения концепции Vendor- managed inventory / В. Матусевич, Л. И. Рогавичене // Логистика. - 2020. - № 11. - С.18-21.
10. Бурьянов М. Как в современных условиях обеспечить эффективную деятельность склада / М. Бурьянов // Логистика. - 2022. - № 4. - С. 10-12.

Шапенов А.Б.
Магистрант экономики,
Курмангалиева А. К.,
кандидат экономических наук,
ассоциированный профессор (доцент)
кафедры экономики и финансов
г. Костанай
НАО «Костанайский Региональный
Университет им. Ахмет Байтұрсынұлы»

ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ КРИЗИСОВ НА ДИНАМИКУ ЦЕН НА ЗОЛОТО

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика изменения стоимости золота в условиях глобальных экономических и финансовых кризисов. Проведён сравнительный анализ исторических примеров, включая мировой финансовый кризис 2008 года, пандемию COVID-19 и рост геополитической напряжённости в 2020–2022 гг. Выявлены ключевые факторы, определяющие спрос на золото: стремление инвесторов к «активам-убежищам», политика центральных банков по формированию резервов, а также макроэкономическая нестабильность. Отдельное внимание уделено динамике золотых резервов Казахстана и США, показана схожесть их антикризисной политики в сфере золота. Результаты исследования подтверждают, что золото остаётся одним из наиболее надёжных инструментов хеджирования рисков и защиты капитала в условиях экономической турбулентности.*

***Ключевые слова.** золото, мировые кризисы, экономическая нестабильность, актив-убежище, инвестиции, финансовые рынки, резервы.*

Золото на протяжении многих веков выполняет роль универсального средства сохранения стоимости и выступает одним из ключевых элементов международной валютно-финансовой системы. В условиях мировых кризисов данный металл проявляет себя как «актив-убежище», обеспечивая защиту капитала от инфляции, валютных рисков и падения доходности традиционных финансовых инструментов. Вопрос анализа влияния глобальных кризисов на цену золота приобретает особую актуальность в связи с ростом нестабильности мировой экономики и усилением геополитических факторов.

Согласно теории портфельных инвестиций, золото характеризуется низкой корреляцией с большинством финансовых активов, что делает его инструментом диверсификации и снижения совокупного риска. В отличие от валют, подверженных инфляционным процессам и колебаниям процентных ставок, золото сохраняет относительную стабильность, что подтверждает его функцию защитного актива [1].

Рис.1 График цены на золото за последние 18 лет

Исторические примеры

1. Финансовый кризис 2008 года: Один из наиболее ярких примеров влияния кризиса на стоимость золота. В разгар кризиса золото достигло рекордных уровней, когда инвесторы искали безопасные активы. В 2008 году цена на золото выросла с примерно 800 долларов за унцию до более чем 1,200 долларов за унцию в конце 2012 года.
2. Пандемия COVID-19: В 2020 году, в условиях глобальной экономической нестабильности, цена золота снова резко возросла. В марте 2020 года золото достигло ценового уровня более 2,000 долларов за унцию, так как инвесторы искали способы защитить свои активы от экономических последствий пандемии.
3. Увеличение геополитической напряженности: В 2021 году, в условиях растущей напряженности между США и Китаем, а также военного конфликта в Украине, цена на золото снова возросла. Это демонстрирует, что политическая нестабильность также является значительным фактором, влияющим на спрос на золото.

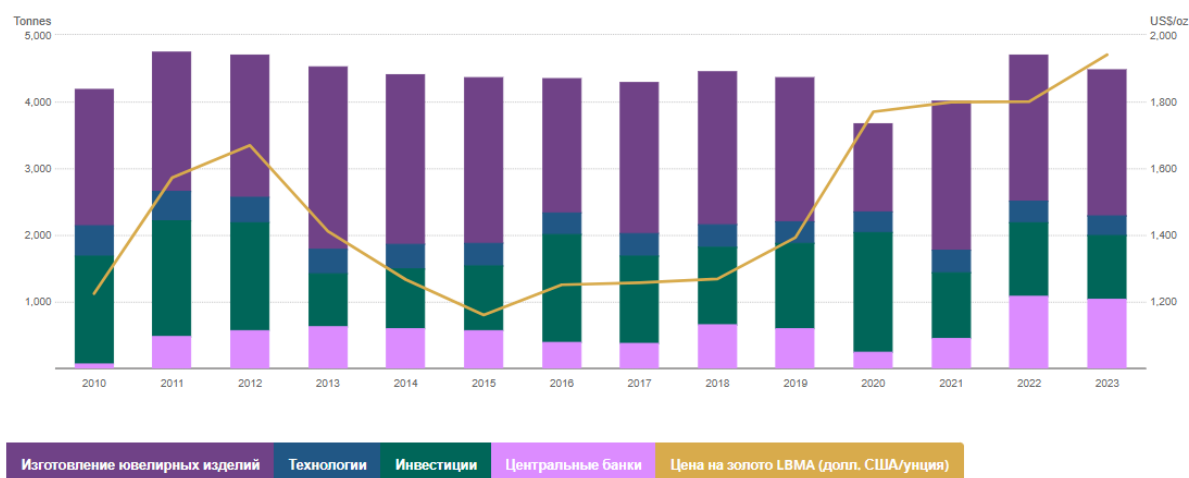

Рис 2 Статистика спроса на золото в мировом масштабе

Рассматривая рисунок 2 график спроса показывает, что центральные банки за последние 2 года увеличили свой спрос на золото. Согласно данным Всемирного совета

по золоту, в 2021–2022 гг. они значительно увеличили закупки золота, что способствовало росту цен [2]. Аналогичные тенденции наблюдались в 2011–2012 гг., когда мировая экономика испытывала последствия долгового кризиса.

Золотые резервы (% изменения)

2003 - 2023

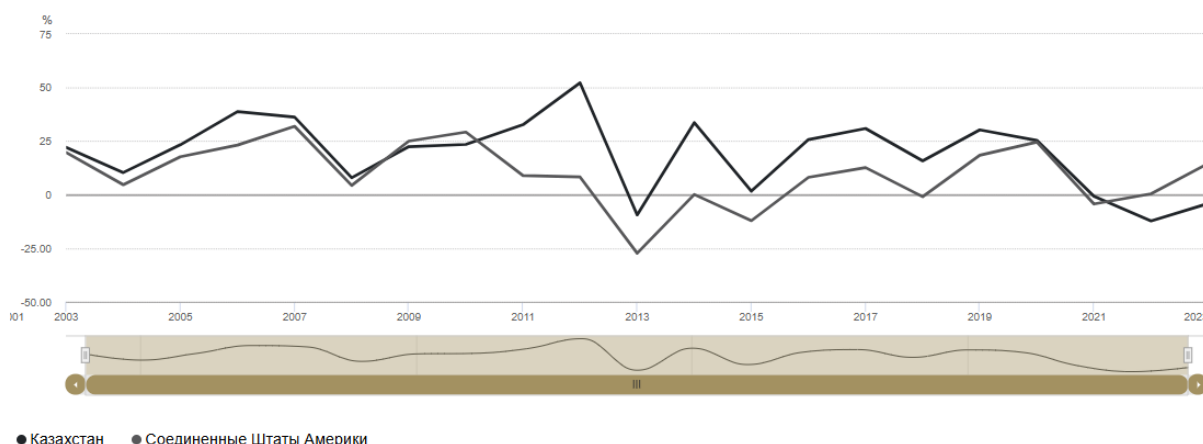

Рис.3 График изменения запасов в % для Казахстана и США

Золотые запасы (тонны)

2003 - 2023

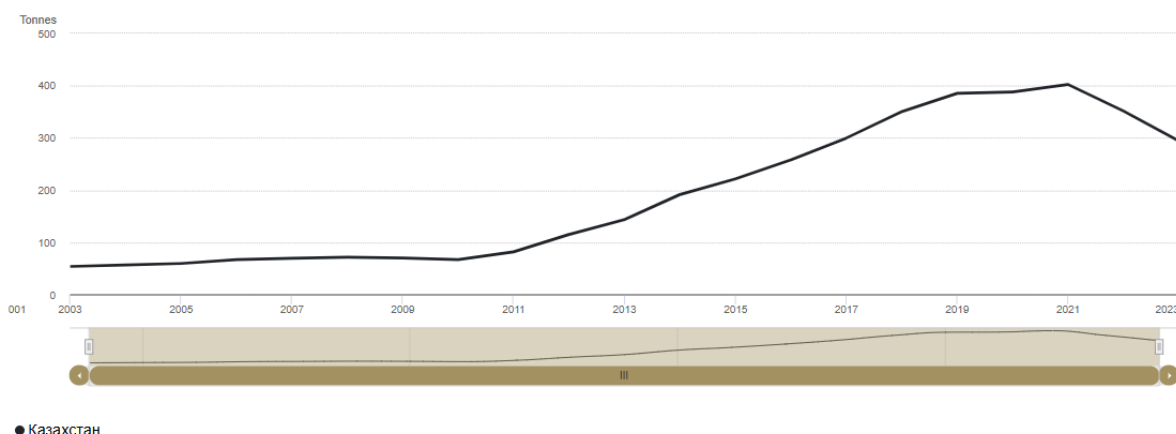

Рис.4 Запасы золота Казахстана в тоннах

Рисунок 3 показывает, что политика по отношению к золоту у США и Казахстана схожа. Увеличение запасов в 2012 году и резкий спад в 2013 году свидетельствует о подготовке стран к кризису, наставшему в 2012 году, и продажа этих запасов для стабилизации экономики в 2013 году. Рисунок 4 показывает, что несмотря на мировые потрясения и экономическую нестабильность за последние 20 лет Казахстан планомерно увеличивал золотой запас страны доведя его до 400 тонн. Как можно заметить из графика в 2021 году запасы начали снижаться, это связано с последствием COVID-19 а также политической нестабильностью в начале 2022 года. Средства для восстановления стабильности были взяты из золотого запаса страны, уменьшив его до 300 тонн. [3]

Проведённый анализ подтверждает, что мировые кризисы оказывают значительное влияние на динамику цен на золото. В условиях экономической и политической нестабильности данный металл выполняет функции защитного актива и эффективного инструмента хеджирования. Для Казахстана, как и для других государств, важным направлением остаётся формирование сбалансированной политики в области

золотых резервов, позволяющей минимизировать риски внешних шоков и обеспечивать устойчивость национальной экономики.

Список использованной литературы:

1. Baur, D.G., Lucey, B.M. (2010). Is Gold a Hedge or a Safe Haven? Journal of Banking & Finance, 34(8), 1886–1898.
2. World Gold Council. (2023). Gold Demand Trends.
3. Национальный банк Республики Казахстан. Отчёты по международным резервам и активам.

Жубанов Бауржан Жумабекович

Экономика мамандығы бойынша 2 курс докторанты
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қаласы

ҚОЛМА-ҚОЛ АҚШАСЫЗ ТӨЛЕМДЕР ЖҮЙЕСІ МЕН ЦИФРЛЫҚ ВАЛЮТАЛАРДЫҢ ДАМУЫ: ҚАЗАҚСТАН ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ЖАҒАҢДЫҚ ҮРДІСТЕР

Қаржы қызметтерін цифрландыру жағдайында қолма-қол ақшасыз төлемдер мен цифрлық валюталарды дамыту ерекше маңызға ие. Бұл мақалада Қазақстан мысалында цифрлық қаржы саласындағы қазіргі тенденциялар қарастырылып, орталық банктердің цифрлық валюталары (CBDC) саласындағы халықаралық бастамаларға салыстырмалы талдау жүргізіледі. Негізгі назар қолма-қол ақшасыз операциялардың көлемі мен құрылымын талдауға, төлем инфрақұрылымына инновациялық технологияларды енгізуге және «цифрлық теңге» жобасын іске асырудағы ілгерілеуге аударылған. Мақалада цифрлық трансформациямен байланысты болашақ мүмкіндіктер мен қиындықтар туралы қорытындылар ұсынылады.

Қолма-қол ақшасыз есеп айырысу формалары қолма-қол ақшаны тез ығыстырып, қазіргі экономиканың маңызды элементіне айналуға. Қазақстан цифрлық қаржы операцияларының жоғары өсу қарқынын көрсетуде, бұл – мемлекеттік саясаттың белсенділігімен, финтехтің дамуымен және орталық банктің цифрлық валюталарын енгізуімен байланысты. Ғаламдық үрдістер аясында ұлттық тәжірибені зерттеу және оны халықаралық тәжірибемен салыстыру өзекті мәселе болып табылады.

Цифрлық төлемдер инфрақұрылымын жетілдіру және қаржылық қызметтерге қолжетімділікті кеңейту – Қазақстанның қаржы секторын реформалаудағы басым бағыттарының бірі болып табылады. Елдегі банк жүйесі мен қаржы ұйымдары цифрлық технологияларды белсенді енгізіп, заманауи талаптарға бейімделіп келеді. Қолма-қол емес төлемдер көлемінің үдемелі өсімі, халықтың мобильді және интернет-банкінг қызметтеріне көбірек жүгінуі бұл үрдістің айқын көрсеткіші болып отыр.

Соңғы жылдары «цифрлық теңге» жобасының іске асуы ұлттық валюта архитектурасының жаңа кезеңін бастады. Бұл жоба ел ішінде төлем процестерінің тиімділігін арттырумен қатар, бюджеттік қаражаттың пайдаланылуын бақылау,

салықтық әкімшілендіруді жақсарту және мемлекеттік шығындардың ашықтығын қамтамасыз етуге бағытталған. Сонымен бірге, цифрлық теңге халықаралық трансшекаралық төлемдер жүйесінде де маңызды рөл атқара алады.

Осы тұрғыда Қазақстанның тәжірибесі басқа елдер үшін үлгі бола алады. Себебі цифрлық валюта жобаларын жүзеге асыруда мемлекет инфрақұрылымдық дайындықты, нормативтік-құқықтық базаны жетілдіруді және халықтың цифрлық сауаттылығын арттыруды бір мезгілде жүзеге асырып отыр. Бұл өз кезегінде қаржы жүйесінің тұрақтылығын сақтай отырып, инновациялық даму бағытын ұстануға мүмкіндік береді.

Сондай-ақ, Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаев өз Жолдауында цифрлық экономиканың болашағына ерекше назар аударып, "мемлекеттік цифрлық активтер қорын" құру туралы бастама көтерді. Бұл қадам ұлттық экономиканы цифрлық трансформациялауға, цифрлық қаржы құралдарын тиімді пайдалануға және елдің цифрлық егемендігін нығайтуға бағытталған. Президенттің айтуынша: "Қазақстан цифрлық технологиялар саласында өңірлік көшбасшыға айналуға тиіс. Цифрлық теңге сияқты инновациялық бастамалар тек ішкі қажеттіліктер үшін емес, халықаралық деңгейде де сұранысқа ие болуы керек."

Осыған байланысты, Қазақстанда цифрлық қаржыны дамыту үрдісін кешенді түрде талдау, оның әлеуеті мен тәуекелдерін бағалау, және халықаралық тәжірибемен салыстыру – ғылыми қауымдастық үшін өзекті әрі уақытылы міндет болып табылады.

2023 жылдың қарашасында цифрлық теңгемен алғашқы трансакция жүзеге асырылды — XI Қаржы конгрессінде НҚТ төлем картасы арқылы Төленовтің транзакциясы — Visa және Mastercard-пен қолдау табылды.

Пилоттық кезеңде 257,5 млрд ₸ цифрлық теңге айналымға енгізілген, ал толық нөлдік запуск 2025 жылдың желтоқсанына жоспарланған.

Жоба мына бағыттарды қамтиды:

бюджет қаражатын қадағалау мен мақсатты шығындау үшін цифрлық Теңге пайдалану;

smart-келісімшарттарға интеграция;

өлеңдерді офлайн режимде пайдалану мүмкіндігі;

B2B және G2B төлемдерді оңтайландыру

Қазақстанда 2024 жылы қолма-қол ақшасыз төлемдердің үлесі 85 %-дан асқан, кейбір деректер бойынша тіпті 86 %-ға жеткені хабарланып отыр.

Қазақстан мобилді банкинг пен электрондық үкімет салаларында ТМД елдері арасында алда келеді — мобилді банкинг қолданушылары ел тұрғындарының 81 %-нан асқан.

Финтех стартаптарының саны соңғы 5 жылда 4 есеге өскен, бұл Astana Hub секілді орталықтардың арқасында мүмкін болды.

Open API және Open Banking-а бизнес-интеграциялар үшін күн сайын 320 000 сұрау өңделіп, 1 920 автоматтандырылған тест жүргізілуде. Жоба 2026 жылға дейін толық енгізуге бағытталған.

2024–2025 жылдары AI, блокчейн, биометрика сияқты технологиялар кеңінен енгізілуде, осы салаға салынған венчурлық инвестициялардың 40 %-ы бөлінуде.

2025 жылдың 1-тоқсанында қолма-қол ақшасыз операциялар көлемі 40,3 трлн теңгеге жетіп, 2024 жылдың сәйкес кезеңімен салыстырғанда 22,4 %-ға артты. 2025 жылдың алғашқы жартыжылдығының қорытындысы бойынша көлем 86,6 трлн теңгені құрап, барлық төлем операцияларының 87,0 %-ын қамтыды.

2025 жылдың алғашқы жартыжылдығы бойынша 81,2 млн банктік карт тіркеліп, активті түрде 41,3 млн қолданылып жатыр.

Онлайн-банкинг жүйесіндегі қолданушылар саны 26,7 млн адамға жетіп, бұл елдің халқын артта қалдырып отыр.

2025 жылдың қаңтар–мамыр айларында 5,4 млрд қолма-қол ақшасыз транзакция жүзеге асырылып, олардың жалпы сомасы 70,8 трлн ₸-ды құрады — бұл шамамен елдің ЖІӨ-сінің 2,3 есе.

Сонымен қатар, 80 % транзакциялар интернет және мобильді қосымшалар арқылы жүзеге асырылса, қалған бөлігі — POS-терминалды және QR-кодтарды қолдану арқылы екені анықталды.

Жеке тұлғаға орташа айлық төлем көлемі — 694 900 ₸, орташа табыс (224 000 ₸) және айлық жалақы (423 000 ₸) көрсеткіштерінен әлдеқайда жоғары.

Соңғы үш жылда өңірлердегі цифрлық алшақтықтың күрт қысқаруы назар аударуға тұрарлық: қолма-қол ақшасыз төлемдердің үлесі 45 %-дан 68 %-ға дейін артты. Бұл — смартфондардың таралуымен, интернет-банкингтің дамуымен және мемлекеттік қолдаудың арқасында мүмкін болды.

Сондай-ақ шекарааралық операциялардың айтарлықтай өсуі байқалды — 1,8 трлн теңге, оның 90 %-ы қолма-қол ақшасыз нысанда жүргізілді. Бұл — Қазақстан экономикасының халықаралық төлем жүйелеріне интеграциялануын көрсетеді.

Есеп айырысудың сенімділігі мен тиімділігін қамтамасыз етуде Қазақстан Ұлттық банкінің төлем жүйесі маңызды рөл атқарады. 2022 жылы бұл жүйе арқылы 787,2 трлн теңге көлемінде операциялар өтіп, бұл барлық аударымдардың 87,7 %-ын құрады. Жүйе 99,85 % деңгейіндегі жоғары сенімділікпен жұмыс істейді. Күн сайын орта есеппен 266 400 операция, 3,2 трлн теңгеге дейін өңделеді.

Ұлттық банк халықаралық ISO 20022 стандартын енгізіп жатыр, бұл деректер сапасын және жүйелердің үйлесімділігін жақсартады.

Ең белсенді дамып жатқан сала — бесконтакт (жанаспайтын) төлемдер, олардың үлесі қолма-қол ақшасыз операциялардың 90 %-ынан асты. POS-терминалдар саны 1000 адамға шаққанда 67-ге жетіп, бұл Шығыс Еуропаның көптеген елдерінен жоғары.

QR-төлемдердің үлесі әзірге 10,2 % ғана болса да, ұлттық QR-код стандартын енгізу бұл көрсеткіштің өсуіне серпін береді. Сонымен қатар, Apple Pay, Google Pay және банктердің өз әмияндары арқылы токенизацияланған төлемдер кеңінен қолданылуда.

2021 жылдан бастап Қазақстан Ұлттық банкі цифрлық теңге жобасын (CBDC) пилоттық режимде жүзеге асыруда. 2023 жылы Altyn Bank картасы арқылы алғашқы транзакциялар жүргізіліп, олар Visa және Mastercard серіктестігімен қолдау тапты.

Жоба бірнеше кезеңде дамып келеді және келесі бағыттарды қамтиды:

смарт-келісімшарттарға арналған платформа жасау;

оффлайн-төлемдерді іске асыру;

кросс-юрисдикциялық есеп айырысу механизмдерін әзірлеу.

Жоспарға сәйкес, 2025 жылы цифрлық теңге ұлттық төлем жүйесіне толықтай интеграцияланып, халықаралық есеп айырысуларда пайдаланылатын болады.

Қазақстан CBDC дамытуда алдыңғы қатарлы 25 елдің қатарына кіреді. Халықаралық тәжірибеде жекелік (privacy), қауіпсіздік және дәстүрлі төлем жүйелерімен үйлесімділік мәселелеріне ерекше мән беріледі.

Қытай (e-CNY), Швеция (e-krona) және Бразилия (Drex) сияқты елдердің жобалары бөлшек және көтерме цифрлық валюталардың әртүрлі модельдерін көрсетеді. Сонымен қатар, Азия және Таяу Шығыс елдерінің CBDC-сін біріктіретін mBridge трансшекаралық платформасы дамып келеді.

Негізгі қиындықтар келесідей:

ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету;

цифрлық валютаны пайдалану үшін құқықтық базаның қалыптасуы;

қаржылық инклюзия мен халық сенімін сақтау;

транзакциялардың құпиялылығы мен бақылауы арасындағы тепе-теңдік.

Сонымен қатар, төлем жүйесінің цифрлануы келесі артықшылықтарды ашады:

есеп айырысуларды оңайлату;
транзакциялардың құнын төмендету;
қаржыға қолжетімділікті кеңейту;
ақша-несие саясатын тиімді басқару.

Қазақстан қолма-қол ақшасыз төлемдердің тұрақты өсу қарқынын көрсетуде және орталық банктің цифрлық валютасын белсенді түрде дамытуда. Цифрлық ақшаға көшу – әлемдік қаржы жүйесінің эволюциясының логикалық жалғасы. Цифрлық теңге жобасының сәтті іске асуы мен цифрлық инфрақұрылымның нығаюы Қазақстанды финтех пен цифрлық экономика саласындағы өңірлік көшбасшыға айналдыруы мүмкін.

Бұл процесс қаржы қызметтерін қолжетімді ету мен олардың сапасын арттыруға, сонымен қатар экономиканың барлық секторлары үшін төлем жүйелерін жеңілдетуге бағытталған. Қолма-қол ақшасыз төлемдердің артуы тұтынушылардың және кәсіпорындардың қаржылық қатынастарын жылдам әрі қауіпсіз етуге мүмкіндік береді. Сонымен бірге, цифрлық теңгені енгізу мемлекеттік қаржылық бақылауды күшейтіп, қаржы жүйесінің ашықтығын арттырады.

Қазақстанның цифрлық төлем жүйесін дамытудағы табыстары әлемдік трендтермен үндесіп, халықаралық қаржылық интеграцияға ықпал етеді. Осы орайда, цифрлық валютаның құқықтық және технологиялық аспектілерін жетілдіру, ақпараттық қауіпсіздік пен тұтынушылардың сенімін қамтамасыз ету маңызды міндеттер қатарында тұр.

Сонымен бірге, цифрлық валюталарды енгізудің экономикалық, әлеуметтік және технологиялық әсерлерін жан-жақты зерттеу қажеттігі туындайды. Бұл өз кезегінде қаржы жүйесінің тұрақтылығын сақтау және инновацияларды тиімді пайдалану үшін маңызды болып табылады.

Осы бағыттағы Қазақстанның жетістіктері мен тәжірибесін халықаралық деңгейде талдау, ең үздік тәжірибелерді интеграциялау және жаңашылдықтарды қолдану елдің қаржылық экожүйесін әрі қарай дамытуға септігін тигізеді.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасы Ұлттық Банкі. (2025). Цифрлық теңге жобасы бойынша есеп. <https://nationalbank.kz>
2. Қазақстан Республикасының Қаржы нарығын реттеу және дамыту агенттігі. (2025). Қаржы нарығының дамуы туралы шолу. <https://finreg.kz>
3. Тоқаев, Қ. К. (2025). Қазақстан халқына Жолдауы. <https://akorda.kz>
4. BIS – Bank for International Settlements. (2024). CBDC: A new era of central banking. <https://bis.org>
5. International Monetary Fund (IMF). (2024). Central Bank Digital Currencies for Financial Inclusion: Risks and Opportunities. <https://imf.org>
6. World Bank. (2023). Digital Financial Services and Inclusion Report. <https://worldbank.org>
7. ArXiv.org. (2023–2025). Research Papers on Digital Currencies and Payment Systems. <https://arxiv.org>
8. Kapital.kz. (2025). Цифрландыру мен финтех жаңалықтары. <https://kapital.kz>
9. Bizmedia.kz. (2025). Қазақстандағы цифрлық экономиканың дамуы. <https://bizmedia.kz>
10. ICTMagazine.kz. (2025). Финтех және цифрлық технологиялар бойынша сараптамалық материалдар. <https://ictmagazine.kz>

УДК 338.262

Зарубина В.Р.,

к.э.н., ассоциированный профессор

Зарубин М.Ю., к.т.н., ассоциированный профессор,

Сарсембаева Г.Б., м.э.н.

Костанайский инженерно-экономический университет им. М.Дулатова,

г. Костанай

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь развития малого и среднего предпринимательства (МСП) с достижением Целей устойчивого развития (ЦУР) в Казахстане. Показано, что МСП играет ключевую роль не только в экономическом росте, но и в обеспечении социальной инклюзии, создании рабочих мест, поддержке гендерного равенства и внедрении инноваций. Проведен анализ индикаторов МСП в стратегическом документе – Концепция развития МСП до 2030 года, направленных на достижение устойчивости. Результаты исследования показывают, что индикаторы развития МСП напрямую связаны с достижением таких целей, как ликвидация бедности, достойная работа и экономический рост, сокращение неравенства, инновации и инфраструктура, гендерное равенство, ответственное потребление и производство, укрепление эффективных институтов. Сделан вывод о том, что отдельная программа развития малого предпринимательства, интегрированная с ЦУР, может стать системным инструментом инклюзивного и климатически нейтрального роста экономики Казахстана.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, индикаторы МСП, устойчивое развитие, ЦУР, инклюзия, зеленая экономика, Казахстан.

Малое и среднее предпринимательство (МСП) является одной из ключевых сфер экономического развития Казахстана, формируя рабочие места, обеспечивая диверсификацию экономики и стимулируя инновационную активность. В условиях глобальной повестки устойчивого развития, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году, роль МСП выходит за рамки исключительно экономического измерения, становясь важным фактором достижения социальных и экологических целей. В этой связи актуальной задачей является анализ того, насколько отдельные программы по развитию МСП могут быть эффективным инструментом достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) в Казахстане.

Вектор развития казахстанского малого предпринимательства чётко отражён в стратегических документах – «Концепция развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года», Дорожная карта бизнеса-2025, в смежных инициативах («Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года», Стратегия «Казахстан-2050») [1-4]. В стратегических документах Казахстана вектор развития малого предпринимательства направлен на формирование конкурентоспособного, инновационного и социально ориентированного сектора МСП,

который вносит существенный вклад в ВВП и занятость, функционирует в условиях прозрачной и цифровой среды, участвует в несырьевом экспорте и глобальных цепочках, обеспечивает инклюзивность и устойчивое развитие регионов.

В Концепции развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года прописан ряд ключевых индикаторов развития МСП, которые задают ориентиры для оценки эффективности государственной политики.

Одним из ключевых ориентиров выступает увеличение доли МСП в валовом внутреннем продукте. Если в 2022 году вклад сектора составлял около 33 %, то к 2025 году планируется его рост до 35 %, а к 2030 году – до 40 %. Это свидетельствует о стремлении к диверсификации экономики и снижению зависимости от сырьевых отраслей.

Вектор развития предусматривает постепенное укрупнение малого бизнеса и стимулирование роста средних компаний. Целью является увеличение их доли в ВВП с 13 % в 2022 году до 20 % к 2030 году. Средний бизнес рассматривается как более устойчивый и инновационный сегмент, способный интегрироваться в глобальные цепочки поставок.

Ключевым направлением является сокращение неформального сектора, который по данным 2022 года оценивался в 20 % от ВВП. Планируется снизить этот показатель до 15 % к 2025 году и до 12 % к 2030 году. Реализация задачи возможна за счёт цифровизации администрирования, упрощения отчётности и стимулирования выхода бизнеса «в белую зону». Это предполагает автоматизацию отчётности, внедрение систем «одного окна» и переход к индивидуальным пакетам поддержки («минимальный», «стандартный», «комбинированный»). Цифровизация позволяет снизить административные барьеры и издержки, что усиливает устойчивость предпринимательской среды. Анализ пороговых индикаторов развития малого и среднего предпринимательства, представленных в Концепции развития МСП до 2030 года визуализирован в таблице.

Таблица – Индикаторы МСП, направленные на достижение устойчивости

Индикатор	Базовое значение (2021–2022гг.)	Целевое значение 2025г.	Целевое значение 2030г.	Значение для устойчивости
Доля МСП в ВВП	33 %	≥ 35 %	≥ 40 %	Диверсификация экономики, рост вклада малого бизнеса
Доля средних предприятий в ВВП	13 %	15 %	20 %	Укрепление бизнес-структуры, снижение уязвимости микробизнеса
Занятость в секторе МСП	3,4 млн чел.	3,7–3,8 млн чел.	4 млн чел.	Социальная устойчивость, снижение безработицы
Уровень теневой экономики (от ВВП)	20 %	≤ 15 %	≤ 12 %	Повышение прозрачности и налоговой дисциплины

Доля несырьевого экспорта МСП	< 10 % экспорта	постепенн ый рост	значимый рост (ориентир – двузначные показатели)	Устойчивость к сырьевой зависимости, конкурентоспособно сть
Уровень цифровизации госуслуг для МСП	фрагментарный	расширени е «единого окна»	полная автоматизац ия отчетности	Снижение транзакционных издержек, рост адаптивности
Развитие социального и женского предпринимате льства	44 % МСП управляются	расширени е программ «Одно село – один продукт», льготы	интеграция в экспортные цепочки и цифровые рынки	Инклюзия, социальное измерение устойчивости

Анализ показывает, что ключевые индикаторы развития малого предпринимательства, зафиксированные в «Концепции развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года», напрямую способствуют достижению ряда ЦУР [5]:

- ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост»,
- ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура»,
- ЦУР 5 «Гендерное равенство»,
- ЦУР 10 «Уменьшение неравенства»,
- ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты»,
- ЦУР 1 «Ликвидация нищеты»,
- ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство».

Мониторинг стратегических индикаторов Концепции развития малого и среднего предпринимательства Казахстана до 2030 года показывает, что сектор МСП имеет многоплановую взаимосвязь с глобальной Повесткой в области устойчивого развития. Экономическая составляющая выражается в росте доли МСП в ВВП, увеличении численности занятых и наращивании экспортного потенциала, что напрямую соотносится с ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» и ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост». Эти индикаторы обеспечивают снижение уровня бедности через расширение источников дохода, формирование новых рабочих мест и развитие предпринимательской инициативы в различных секторах экономики.

Социальный аспект развития МСП выражается в поддержке женского и молодежного предпринимательства, а также в стимулировании предпринимательской активности в сельских регионах. Указанные меры способствуют достижению ЦУР 5 «Гендерное равенство» и ЦУР 10 «Сокращение неравенства», так как обеспечивают инклюзию уязвимых социальных групп и создают равные возможности для участия в экономике. Кроме того, развитие регионального малого бизнеса укрепляет социальную устойчивость, сокращает диспропорции между городскими и сельскими территориями и повышает качество жизни населения, что связано с реализацией задач ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты».

Институциональный и экологический аспекты измерения также тесно связаны с индикаторами развития МСП. Цифровизация и снижение административных барьеров усиливают прозрачность государственных процедур и снижают коррупционные риски, что соответствует целям ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты». Повышение производительности труда и внедрение инноваций способствует переходу к

рациональным моделям производства и потребления (ЦУР 12), а также к климатически нейтральному развитию (ЦУР 13). Таким образом, развитие малого и среднего бизнеса в Казахстане не ограничивается задачами экономического роста, а выступает универсальным инструментом, объединяющим экономические, социальные, институциональные и экологические приоритеты, что делает МСП ключевым звеном в национальной стратегии достижения Целей устойчивого развития.

Наличие отдельной программы по развитию малого предпринимательства может рассматриваться как эффективный инструмент достижения ЦУР, но только при условии, что она будет интегрирована в национальные приоритеты устойчивого развития и учитывать межсекторные взаимосвязи.

Во-первых, малое предпринимательство обладает высоким потенциалом для снижения бедности и безработицы (ЦУР 1 и 8), так как именно в этом секторе создаётся значительная часть рабочих мест, особенно для молодежи, женщин и сельского населения. Программа, ориентированная на расширение занятости, поддержку стартапов и инклюзию уязвимых групп, будет способствовать социальной устойчивости и сокращению неравенства (ЦУР 10).

Во-вторых, при правильном стратегическом дизайне такая программа может стимулировать внедрение инноваций и «зеленых» технологий, что напрямую связано с ответственным потреблением и производством (ЦУР 12) и мерами по борьбе с изменением климата (ЦУР 13). Например, через механизмы льготного кредитования и налоговых стимулов возможно формирование экосистемы устойчивых бизнес-моделей.

В-третьих, развитие МСП требует прозрачной и эффективной институциональной среды: цифровизация госуслуг, снижение административных барьеров, борьба с коррупционными рисками. Это соответствует целям ЦУР 16, поскольку малый бизнес становится индикатором качества государственных институтов. Чем легче ему функционировать, тем выше доверие общества к государственным структурам. Таким образом, наличие отдельной программы по развитию малого предпринимательства может быть эффективным инструментом для достижения ЦУР, так как она создает системные условия для экономической инклюзии, социальной устойчивости, инновационного развития и укрепления институциональной среды.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (регистрационный номер AP26198391) в рамках проекта «Устойчивое развитие малого предпринимательства Казахстана».

Список литературы:

1. «Концепция развития малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан до 2030 года». Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 апреля 2022 года № 250. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000250>
2. Государственная программа поддержки и развития бизнеса "Дорожная карта бизнеса-2025". Постановление

Правительства Республики Казахстан от 2 февраля 2022 года № 43.
<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P19000000968>

3. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года. Указ Президента Республики Казахстан от 30.07.2024 № 611.
<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U18000000636>

4. Стратегия "Казахстан-2050": новый политический курс состоявшегося государства. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>

5. Цели в области устойчивого развития
<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

УДК 33.332.8

Мажитова Б.Б. м.э.н.,
Тажбенова Г.Д. к.т.н., профессор
Евразийский гуманитарный
институт им.А.К.Кусаинова,
г.Астана

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ РЫНКА ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: Развитие рынка жилищного строительства в условиях цифровизации Казахстана представляет собой важное направление научного анализа, обусловленное динамичными изменениями в социально-экономической среде и активным внедрением цифровых технологий в строительную отрасль. Технологии информационного моделирования зданий (BIM), искусственный интеллект, Интернет вещей (IoT) и облачные вычисления способствуют сокращению издержек, снижению строительных рисков и повышению качества возводимого жилья. Цифровизация оказывает значительное влияние на государственную политику в сфере жилищного строительства. Применение цифровых платформ и «умных» систем управления автоматизирует процессы выдачи разрешительных документов, контроля за соблюдением строительных норм и интеграции проектов в общую систему градостроительного планирования. Это особенно важно для Казахстана, где стратегические программы направлены на обеспечение доступности и качества жилья.

Ключевые слова: рынок, цифровизация, искусственный интеллект, цифровая трансформация, отрасль, платформа, государство.

В условиях современного этапа социально-экономического развития Казахстана процессы цифровизации приобретают всё большее значение для различных сфер хозяйственной деятельности, включая рынок жилищного строительства. Данная отрасль, традиционно воспринимаемая как одна из наименее гибких к технологическим нововведениям, в последние годы демонстрирует поступательное внедрение цифровых решений, оказывающих многоуровневое влияние на все звенья строительной цепочки – от проектирования и согласования до ввода в эксплуатацию и управления жилым фондом. Цифровая трансформация рассматривается сегодня не только как инструмент повышения

производительности, но и как необходимое условие устойчивого, конкурентоспособного и прозрачного функционирования строительного рынка.

Одним из наиболее заметных и эффективных направлений цифровизации в строительной отрасли Казахстана является внедрение технологии информационного моделирования зданий (BIM – Building Information Modeling). 2023 год стал переломным в части внедрения BIM-систем в РК, или ТИМСО, как принято называть информационное моделирование в Казахстане. До этого в течение 7 лет проводилась подготовительная работа, адаптация законодательства к внедрению информационного моделирования зданий. В Казахстане о переходе в строительной отрасли на BIM заговорили в 2015-м году. В 2016-2019 годах был утвержден план мероприятий, и после чего началась работа по адаптации законодательства к новым стандартам. [1] Разработана дорожная карта, единая система классификации и кодирования информации, пакет стандартов и нормативы применения BIM-технологий с учетом международных стандартов (рисунок 1).

Примечание – составлено автором на основании данных [2]

Рисунок 1 - Этапы развития BIM в РК

С января 2023 года вступили в силу требования об обязательном использовании BIM при проектировании технологически сложных объектов. Это одно из наибольших достижений в этой сфере, которого уже давно ждали многие участники рынка, перестроившие свои бизнес-процессы для использования информационных технологий. В частности, нововведения касаются 24 наименований объектов, таких как высотные multifunctional многоэтажные комплексы и жилые здания, для которых нужно разрабатывать специальные проектные решения, а также поликлиники, школы, детсады определенных параметров.

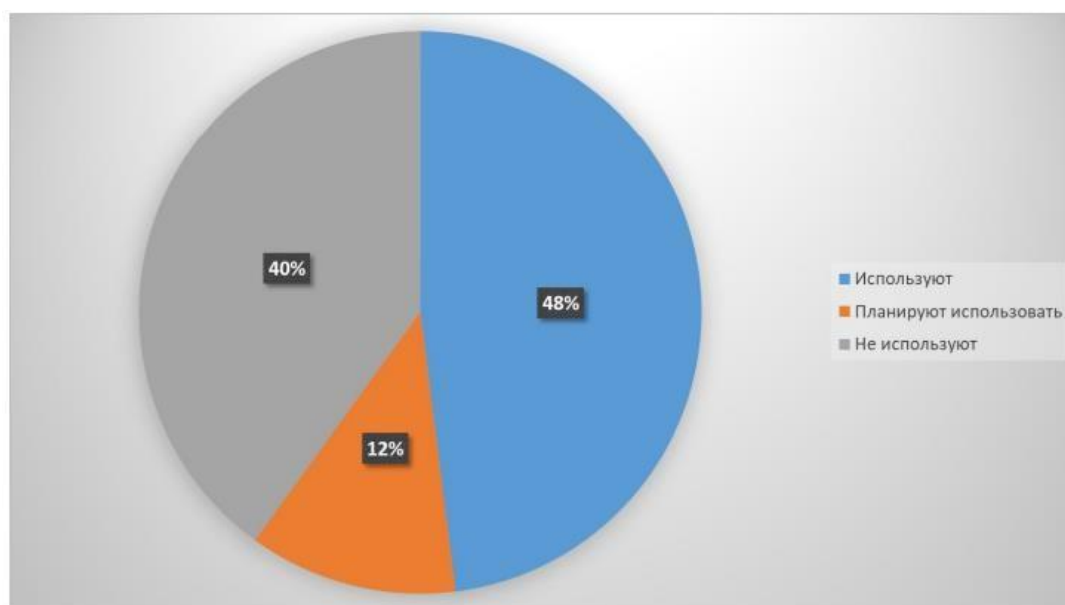
Благодаря BIM возможно создание цифровой модели объекта, содержащей все характеристики и параметры здания, а также отображающей логику взаимодействия инженерных систем. Эта модель позволяет управлять строительным объектом на

всех этапах его жизненного цикла, обеспечивая согласованность проектных решений, предотвращение дублирования и ошибок, а также сокращение сроков и стоимости строительства.

Создан «Государственный банк информационных моделей», главная цель которого сбор и хранение данных, касающихся объектов ТИМСО, что способствует принятию решений при реализации инвестиционных проектов.

Но в целом, несмотря на шаги со стороны государства, зрелость BIM-технологии в Казахстане пока что определяется как 0 уровень. Ряд крупных строительных компаний-застройщиков, архитектурных бюро уже перешли на использование информационной модели. Половина ведущих компаний РК, опрошенных касательно готовности перехода на ТИМСО, заявила о готовности перехода на информационную систему, а 70 % компаний имеют соответствующее оборудование для работы с 3D моделью.

48% компаний согласно с опросом используют 3D моделирование, 12% планирует использовать, но в тоже время 40 % компаний пока не пришли к использованию информационной модели (рисунок 2).

Примечание – составлено автором на основании данных [2]

Рисунок 2 - Строительные компании, использующие 3D моделирование

Среди основного, ПО, которым пользуются в Казахстане для создания 3D моделей, – AutoCAD, Autodesk Revit, Autodesk 3ds Max.

Для того, чтобы участники рынка могли развиваться в диджитализации, активно внедряются цифровые технологии. Такой подход помогает РК обеспечить качественное планирование застройки территории и создание инфраструктуры, работать с актуальными данными и на их основе принимать решения. Государство активно занимается оцифровкой строительной документации. Сейчас в Казахстане по инициативе государства запущены такие электронные сервисы и процессы в отрасли строительства:

– Единый геоportal инфраструктурных данных государственного

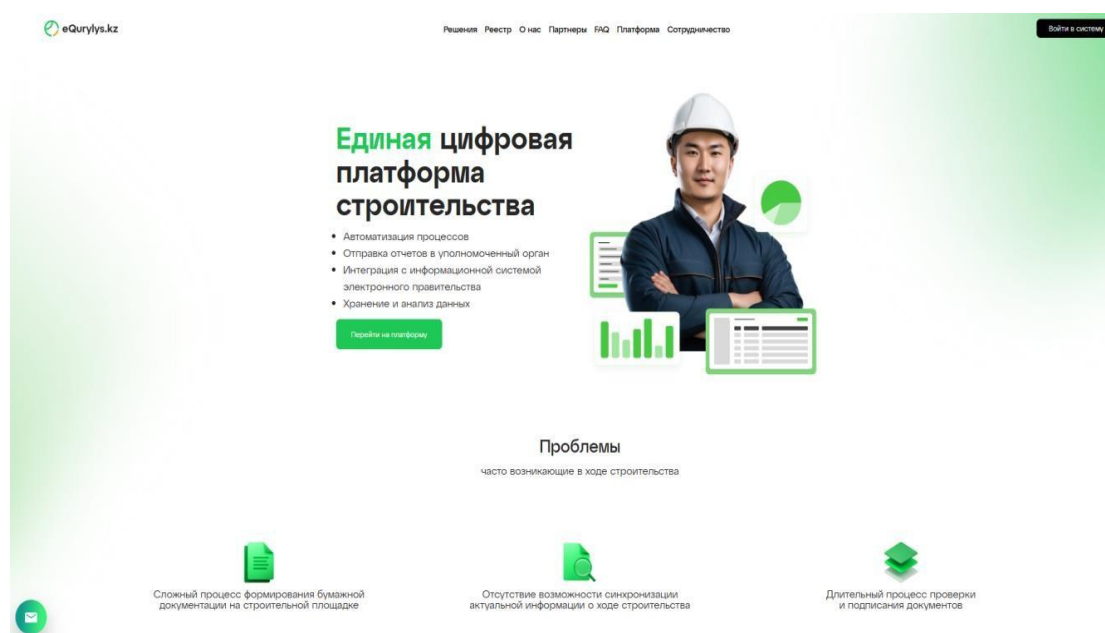
градостроительного кадастра ЕГИД. Обеспечивает единую систему сбора, обработки, регистрации, хранения и предоставления информации обо всех объектах недвижимости наземной и подземной инфраструктуры. В системе градкадастра оцифровано более 63%. Собранные данные об инженерных сетях, цифровые генпланы, ПДП, данные о улично-дорожной сети, благоустройстве, аналитика градостроительного развития и другое. В системе уже зарегистрировано более 1900 пользователей, сделано более 149 тыс записей в слой «акт ввода в эксплуатацию». ЕГИД ГГК находится в процессе постоянного обновления данных и станет цифровым двойником застроенной территории страны, то есть, будет наглядно отображать визуальную информацию. Комплексный подход к формированию градостроительного кадастра позволит вести статистику инженерных сетей, увеличить объем налоговых поступлений, даст экономию затрат на создание инфраструктуры и снизит аварийность на инженерных сетях на 20%. Через систему градкадастра предоставляются открытые сведения о подключении к объектам инженерной инфраструктуры. Также ведется работа в присвоении уникального номера объектам. Это позволит обеспечить выдачу АПЗ, согласование эскизного проекта в системе в соответствии с генпланами и ПДП с исключением человеческого фактора, проводить сквозную проверку документов на соответствие целевого назначения, обеспечивать мониторинг и отслеживание на всех этапах, начиная от разработки проекта. Все отразится на простых бытовых вещах: например, собственники жилья смогут увидеть, какие были дефекты по время строительства, смогут понимать компоненты жилья.

– E-PSD – система предназначена для взаимодействия заказчика и экспертных организаций по принципу «единого окна». В первую очередь содержит данные по укрупненным сметным, технико-экономическим показателям, заключения экспертных организаций, типовые проекты. Преимущества системы – экономия времени и доступность информации в онлайн режиме. В системе зарегистрировано более 33 тысяч пользователей, около 200 экспертных организаций. Положительный эффект – переход на прием проектно-сметной документации в электронном формате и сокращение срока проведения экспертизы до 45 рабочих дней. Уже выдано более 85 тыс экспертных заключений, 27 тыс заключений госэкспертизы и 57 тыс заключений аккредитованных организаций. Стоит задача добиться того, чтобы на 85% исключить корректировку проектно-сметной документации по всей стране.

– ИС «Казреестр» обеспечивает цикл экспертизы. Эта единая информационная система долевого участия в сфере жилищного строительства. Цель – автоматизация сбора, обработки, хранения, анализа в сфере государственной регистрации в части учета долевого жилищного строительства. Она содержит уникальные номера проектов, уведомление ГАСК, данные о помещениях, электронные договора долевого участия. В 2023 году в рамках «Казреестра» был запущен инструмент для автоматизированной проверки. ИС «Казреестр» – гарантия того, что строительный объект, на который были выделены средства, будет построен. Преимущество системы – исключение рисков незаконной реализации недвижимости и двойных продаж квартир.

– e-QURYLIS – инструмент повышения контроля качества и прозрачности строительства в стране. Разработан для автоматизации строительства на всех этапах, обеспечивает мониторинг работ. Система содержит отчеты технического и авторского надзора, фиксирует выполнение плановых и фактических работ, этапы акта приемки объекта в эксплуатацию, собирает отчеты технического надзора по

всей республике в электронном виде. На основе них делается аналитика (рисунок 3).

Примечание – составлено автором на основании данных [3]

Рисунок 3 - Платформа e-Qurylys

Главная цель портала - перевести бумажную работу в электронный формат. Сейчас все процедуры по каждому объекту строительства, от разрешительной документации до ввода в эксплуатацию, оформляются на бумаге. Ежедневно вручную заполняются журналы производства работ, технического и авторского надзора, входного контроля, акты на скрытые работы. Проектом E-Qurylys предусмотрено создание единой цифровой площадки для всех участников строительства (заказчик, подрядная организация, технический и авторский надзоры) с возможностью подключения органов государственного- архитектурно строительного контроля, социальной защиты населения, противопожарной, санитарно-эпидемиологической служб и других заинтересованных органов [3]. Система e-Qurylys позволяет фиксировать ключевые этапы строительства в режиме реального времени, интегрируя данные по ходу строительных работ с техническим надзором и подрядными организациями. Это способствует повышению прозрачности отрасли, минимизации коррупционных рисков, а также ускоряет процедуры взаимодействия между государственными органами и бизнесом.

– e-SHANYRAQ – система для повышения прозрачности и эффективности деятельности субъектов жилищного фонда и жилищно-коммунального хозяйства. Ее цель – сбор данных, увеличение прозрачности и эффективности действий в сфере жилищного фонда и ЖКХ. Пока что система находится в начальном этапе, но уже содержит технические паспорта многоквартирных жилых домов. Основная задача – осуществлять сбор данных не вручную, а автоматически и оперативно, обеспечить паспортизацию МЖД не менее чем на 90%.

– Онлайн-платформа стройматериалов material.kz .Это площадка, которая объединяет производителей стройматериалов Казахстана с их потенциальными заказчиками, стройкомпаниями и другими участниками рынка. Портал создан Казахстанской Жилищной Компанией для поддержки казахстанских

производителей строительных материалов. Платформа позволяет отечественным производителям строительных материалов создавать собственную витрину с ценами. Строительные компании могут получать прямой доступ к казахстанским стройматериалам без затрат на поиск производителей. Такой подход позволяет закрыть одну из проблемы на рынке жилищного строительства: исключить асимметрию в информационно жилищной отрасли, недостаток информации.

Особое значение приобретает цифровизация в контексте взаимодействия с конечными потребителями жилья. Развитие онлайн-платформ и сервисов значительно упростило доступ граждан к информации о предложениях на рынке недвижимости, параметрах жилья, условиях ипотечного кредитования и государственных программах поддержки. Электронные ресурсы, такие как порталы *egov.kz*, *otbasybank.kz*, а также специализированные мобильные приложения позволяют подать заявку на участие в жилищных программах, отслеживать статус заявки, рассчитывать ипотечные условия с помощью онлайн- калькуляторов и даже участвовать в электронных торгах за квартиры. Это способствует демократизации жилищной политики, а также формированию цифровой культуры в потребительской среде.

Важным элементом цифровой трансформации рынка жилья становится развитие *умной* (smart) жилой среды. Всё большее число новых жилых комплексов проектируются с учётом интеграции интеллектуальных систем управления, включая «умные» домофоны, автоматизированные системы учёта электроэнергии и воды, видеонаблюдение, системы контроля доступа и приложения для взаимодействия с управляющими компаниями. Такие инновации становятся стандартом для девелоперов в сегменте бизнес- и комфорт-класса, а также постепенно внедряются в рамках государственных

жилищных программ. В результате создаются новые стандарты качества городской среды, способствующие устойчивому развитию и формированию благоприятных условий для жизни населения.

Не менее значимым является внедрение геоинформационных систем (ГИС), которые находят применение в управлении территориальным развитием. Цифровая картография позволяет учитывать плотность застройки, транспортную доступность, инфраструктурные ограничения и демографические тенденции при планировании новых жилых массивов. Использование ГИС позволяет органам местного самоуправления принимать более обоснованные градостроительные решения, минимизировать вероятность возникновения неэффективной или хаотичной застройки и повышать уровень пространственного планирования.

Цифровизация также затрагивает сферу статистического учета и аналитики. Современные методы обработки больших данных (Big Data) и искусственный интеллект начинают применяться в целях анализа динамики цен, предпочтений покупателей, спроса на жильё по регионам, а также прогнозирования рыночных трендов. Это создаёт благоприятные условия для более гибкого и проактивного управления жилищной политикой на национальном и региональном уровнях.

Однако, несмотря на положительные сдвиги, цифровизация строительной отрасли в Казахстане сталкивается с рядом вызовов. Среди них можно выделить недостаточный уровень цифровой грамотности отдельных участников рынка, фрагментарность цифровых решений, нехватку квалифицированных IT-кадров в строительных организациях, а также необходимость дальнейшей унификации нормативно-правовой базы, обеспечивающей юридическое признание электронных процедур. Кроме того, важным условием полноценной цифровой трансформации

остаётся развитие телекоммуникационной инфраструктуры, особенно в отдалённых регионах страны.

Таким образом, цифровизация оказывает трансформирующее влияние на рынок жилищного строительства в Казахстане, способствуя модернизации как технических, так и управленческих процессов. Внедрение инновационных цифровых решений позволяет не только повысить эффективность и прозрачность отрасли, но и приблизить жилищную политику к потребностям граждан, создавая основу для устойчивого урбанистического развития. Важно отметить, что дальнейшее развитие цифровизации в сфере жилищного строительства требует комплексного подхода, включающего государственную поддержку, инвестиции в цифровую инфраструктуру, подготовку кадров и межведомственное взаимодействие.

Список литературы

- 1 Данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // <https://stat.gov.kz/ru>
- 2 Цифровизация строительства Казахстана 2023: переходим на BIM <https://cadsystems.kz/tpost/ef8hjse751-tsifrovizatsiya-stroitelstva-kazahstana>
- 3 E-Qurylys – что это и как будет применяться <https://buhta.com/kz/ru/library/article/equrylys-455>

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<i>Приветственное слово д.э.н., профессора, депутата мажилиса Парламента Республики Казахстан Б.Т. Бейсенгалиева.....</i>	<i>3</i>
---	----------

ПЛЕНАРЛЫҚ МӘЖІЛІС / ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

PLENARY SESSION

<i>1. Stanislaw Luniewski, Artur Luniewski ASPECTS OF INNOVATION AND THEIR FINANCING FROM EUROPEAN UNION FUNDS IN POLAND.....</i>	<i>4</i>
<i>2. Жамаубаев Ерулан Кенжебекович НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....</i>	<i>10</i>
<i>3. Зейнельгабдин Алтай Болтайханұлы, Мусатаева Асемгуль Амангазиевна ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ С ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ.....</i>	<i>18</i>
<i>4. Байгенжина Алия Курмановна ФИНАНСОВО-БАНКОВСКИЙ СЕКТОР КАЗАХСТАНА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ.....</i>	<i>24</i>
<i>5. HE Xiaofang THE FOUNDATION AND PROSPECTS OF HIGHER EDUCATION COOPERATION BETWEEN CHINA AND KAZAKHSTAN.....</i>	<i>28</i>
<i>6. Турбан Галина Владимировна, Го Шухунт ИННОВАЦИИ, ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ.....</i>	<i>31</i>
<i>7. Дооранов Алмазбек Пазылбекович, Кан Фэй Ph, Сансызбай Э. РОЛЬ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТАХ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....</i>	<i>36</i>

**ТҰРАҚТЫ ДАМУ ЖӘНЕ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКА:
ЕУРОПАЛЫҚ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ТӘЖІРИБЕ**

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА:
ЕВРОПЕЙСКАЯ И КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАКТИКА**

**SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND THE INNOVATION ECONOMY:
EUROPEAN AND KAZAKHSTANI PRACTICE**

1. Dr Damian Proniewski, Prof. dr hab. Marek Proniewski EUROPEAN UNION TAX POLICY IN THE DEVELOPMENT OF RENEWABLE ENERGY SOURCES.....	47
2. Чжан Юй, Го Шухун СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И КАЗАХСТАНОМ В РАМКАХ ШОС: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	53
3. Адамбекова А.А., Аманкелді Н.А. КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ В ДЕМОНСТРАНЦИИ ПРИВЕРЖЕННОСТИ БИЗНЕСА К ESG ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ.....	59
4. Болтаев Ж. Г. УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ)	66
5. Улыбышев Д.Н., Бектлеева Д.Е., Жайлауов Е.Б., Кенжебеков Н.Д. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО И БЮДЖЕТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАСХОДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ СРЕДСТВ.....	70
6. Доғалов А.Н., Нажмиденов Б.А. ВКЛАД АКАДЕМИКА Г. СЕЙТКАСИМОВА В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ КАЗАХСТАНА.....	78
7. Нышан Н.Ғ. УСЛОВИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА.....	81
8. Варавин Е.В., Суйеубаева С.Н., Байтикенов Т.Р. ИДЕНТИФИКАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ В КАЗАХСТАНЕ.....	86
9. Искакова А.Б., Аманова Г.Д. СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ РАБОТНИКАМ: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ.....	93
10. Токсанова А.Н., Ашикбаева Ж.С. МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....	97
11. Шалболова У. Ж., Салыков А. М. ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА.....	103
12. Toxanova A.N., Ashikbayeva Z.S., Bokova Y.Z. DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF THE NEW ENTREPRENEURSHIP CULTURE.....	107

13. Айткалиева А.М., Галиева А.Х. МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	110
14. Байбусинова Г.К., Токсанова А.Н., Стукач В.Ф. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	115
15. Бикенова А.С. ТУРИЗМДЕГІ МАРКЕТИНГ: ҚАЛЫПТАСУЫ ЖӘНЕ ДАМУЫ.....	121
16. Свита Е.А. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ РЫНКА МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ.....	127
17. Дарибаева А.К., Шаймерденова А.К., Молдашева А.Н. АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ.....	132
18. Казбекова Д.С., Галиева А.Х., Алданай А. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К СТИМУЛИРОВАНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ.....	138
19. Станислав Луневски, Замбинова Г.К., Замбинова З.Б. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА.....	143
20. Муканова М.А. ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ ТҰРАҚТЫ ДАМУ СТРАТЕГИЯЛАРЫН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ.....	147
21. Нұрқанов Ж.Қ., Амишева З.М. ЖАСЫЛ ЭКОНОМИКАҒА КӨШУ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ТҰРАҚТЫ ДАМУЫНЫҢ КЕПІЛІ.....	151
22. Rakhimbekova A.E., Kurmanov N.A. IMPACT OF AI AND FUTURE SKILLS ON THE LABOR MARKET.....	156
23. Toxanova A.N., Dildebayeva Zh.T., Ashikbayeva Zh.S. WORLD TRENDS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT AND KAZAKHSTAN'S PLACE IN THE GLOBAL RANKINGS.....	160
24. Төлегенова М.С., Укубасова Г.С. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.....	165
25. Замбинова Г.К., Шереметова Н.В., Замбинова З.Б. РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ КАЗАХСТАНА.....	168
26. Панзабекова А.Ж. ИНТЕГРИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.....	171
27. Раимкулова А.М. СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ И КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ.....	177
28. Олжабаева А.М., Алибекова А.Б. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ТҰРАҚТЫ ДАМУДЫ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДЕГІ ЦИРКУЛЯРЛЫ ЭКОНОМИКАНЫҢ РӨЛІ.....	182
29. Zokirova M.I. INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR TURNING INCLUSIVE ECONOMIC DEVELOPMENT INTO A KEY FACTOR IN THE PROCESS OF POVERTY REDUCTION IN UZBEKISTAN.....	186
30. Муканов Б.О. СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛУДОМАНИИ.....	190
31. Антонович А.Д. АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАЗАХСТАНА.....	196

32. Баимбетов М.К., Жумагулова А.К. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ЕВРОПЕЙСКИЙ И КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ.....	199
33. Шокаманов Ю.К., Демесинова А.А. ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К ДЕТАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЭТАПОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В КАЗАХСТАНЕ.....	203
34. Баева Ю.В. ИНДИКАТИВНАЯ ОЦЕНКА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАЗАХСТАНА И РОССИИ.....	209
35. Бушуев Д. А., Юлдашева Ф. Л. INNOVATIVE APPROACHES TO PROJECT MANAGEMENT THROUGH MARKETING TOOLS: EUROPEAN AND KAZAKHSTANI PERSPECTIVES.....	213
36. Ябекова С.С., Шаукерова З.М. АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ КӘСПОРНЫНДА БИЗНЕС-ПРОЦЕСТЕРДІ БЮДЖЕТТЕУДІ ҚОЮ ЖҮЙЕЛЕРІ.....	218
37. Ябекова С.С., Шаукерова З.М. БИЗНЕС-ПРОЦЕСТЕРДІ БЮДЖЕТТЕУ НЕГІЗІНДЕ АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ ҰЙЫМДАРЫНДА БАСҚАРУ ЕСЕБІНІҢ ӘДІСТЕМЕСІН ӘЗІРЛЕУ.....	221
38. Демесинова А.А., Шокаманов Ю.К. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ ЕАЭС.....	226
39. Лепихова Е.М., Нурекенова Э.С. СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАСАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ.....	232
40. Шапенов А.Б., Курмангалиева А.К. ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ КРИЗИСОВ НА ДИНАМИКУ ЦЕН НА ЗОЛОТО.....	238
41. Жубанов Б.Ж. ҚОЛМА-ҚОЛ АҚШАСЫЗ ТӨЛЕМДЕР ЖҮЙЕСІ МЕН ЦИФРЛЫҚ ВАЛЮТАЛАРДЫҢ ДАМУЫ: ҚАЗАҚСТАН ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ЖАҒАНДЫҚ ҮРДІСТЕР.....	241
42. Зарубина В.Р., Сарсембаева Г.Б. РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КАЗАХСТАНЕ.....	245
43. Мажитова Б.Б., Тажбенова Г.Д. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ РЫНКА ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ.....	249

2025 жылдың 26 қыркүйек күні
ҚР Ұлттық ғылым академиясының академигі, экономика ғылымдарының докторы,
профессор Ғ.С. Сейтқасымовтың 85 жылдығына арналған
«СЕЙТҚАСЫМОВ ОҚУЛАРЫ – 2025»
**«ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТҰРАҚТЫ ӘЛЕУМЕТТІК-
ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУЫ»** тақырыбы бойынша *Халықаралық ғылыми- практикалық
конференциясының материалдары*

Материалы Международной научно-практической конференции
«СЕЙТКАСИМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025»
**«УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА В
УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»**, посвященной 85 летию академика НАН РК, доктора
экономических наук, профессора Сейтқасимова Г.С.
26 сентября 2025 года

Materials of the International Scientific-Practical Conference
SEITKASSIMOV READINGS – 2025
**«SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION»**,
dedicated to the to the 85th Anniversary of academician of the National academy
of Sciences of the RK, doctor of economics,
professor Seitkassymov G.
26th of September, 2025

1 том / Volume 1

ISBN 978-601-7625-96-2

Басуға 24.09.25. қол қойылды. Пішімі 70x100^{1/10}. Көлемі 22 б.т. Таралымы 15 дана. Тапсырыс 787
Подписано в печать 24.09.25. Формат 70x100 1/10. Объем 22 уч.-изд.л. Тираж 15 экз. Заказ 787

«Esil University» мекемесінің баспа-полиграфиялық орталығы
Астана қаласы, А. Жұбанов көшесі, 7